МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АСТРАХАНСКИЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Устойчивое развитие Каспийского региона:
экологические, экономические, социальные аспекты
(к 100-летию образования
первого университета в Астрахани)»

13–14 декабря 2018 г.

Издательский дом «Астраханский университет»
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3-6
А91

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редколлегия:
Е. Г. Тимофеева, А. П. Романова, А. О. Тюрин

Астраханские Петровские чтения : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Устойчивое развитие Каспийского региона: экологические, экономические, социальные аспекты (к 100-летию образования первого университета в Астрахани)» / отв. ред. и сост.: Е. Г. Тимофеева, А. П. Романова, А. О. Тюрин. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. – 257 с.

Посвящены 100-летию образования первого университета в Астрахани. Представленные материалы рассматривают и анализируют актуальные социально-экономические, политические, культурные и экологические проблемам нашей страны и государств Каспийского региона.

Представляют интерес для исследователей, преподавателей и студентов вузов.

ISBN 978-5-9926-1134-2

© Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2019
© Тимофеева Е. Г., Романова А. П., Тюрин А. О., составление, 2019
© Ященко Ю. А., оформление обложки, 2019

Приветствие участникам
Астраханских Петровских чтений

Мне довелось участвовать в прошлых Астраханских Петровских чтениях. Это было очень интересно. Мы обсуждали политическую, культурную, экономическую роль Астрахани в петровское время и позже. Обсуждали возрождение Петровского общества изучения Астраханского края, восстановление Летнего дворца Петра Великого. В будущем году в Санкт-Петербурге выйдет в свет «Свод петровских памятников России», куда войдут и памятные места Астрахани, связанные с Петром Великим.

Фигура Петра Великого объединяет многие регионы России. И не только России. Сейчас обсуждается проведение Петровского конгресса в Германии. В Санкт-Петербурге в будущем году состоится Петровский конгресс по теме «Образ Петра Великого в русской и мировой культуре». Надеемся увидеть там и участников из Астрахани.

Желаю всем участникам Астраханских Петровских чтений интересных докладов и дискуссий!

Александр Валерьевич Кобак,
Председатель совета Института Петра Великого,
Директор Фонда имени Д. С. Лихачёва

ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО УНИВЕРСИТЕТА В АСТРАХАНИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (1918–1922 гг.)

Тимофеева Елена Георгиевна,
доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Университет всегда рассматривался как значимый социальный институт, миссия которого состояла в развитии того или иного региона. Нижнее Поволжье исторически является ключевым пунктом Евразии, выполняя важнейшую коммуникативную функцию в выстраивании отношений между Востоком и Западом. Основание университета на Юге России представлялось важной для государственного строительства задачей уже в начале XVIII в. Известный ученый Г. Лейбниц предлагал Петру Великому открыть ряд университетов в стратегически важных регионах страны: Москве, Петербурге, Киеве и Астрахани. Идея основания университета в нашем городе исходила из понимания его значения в реформаторских планах царя по выстраиванию путей международных коммуникаций со странами Востока через «главные ворота» Каспия – Астрахань.

В тот период решить задачу не удалось, однако идея открытия университета в Астрахани не раз обсуждалась на заседаниях Городской думы, на страницах местных периодических изданий в XIX – начале XX в. Ее практическая реализация была осуществлена в 1918 г., уже в советский период нашей истории.

После революции 1917 г. в России повсеместно стали создаваться университеты. Первые декреты советской власти утверждали новые правила университетской жизни. Стояла задача политического завоевания высшей школы. Российские университеты были объявлены государственными, состояли в ведении Народного комиссариата просвещения, предоставляя ежегодно отчеты о деятельности и мотивированные «сметные предложения». Декреты советской власти определили новый порядок поступления в университет: отныне в число слушателей высшего учебного заведения мог вступить каждый, достигший 16 лет независимо от гражданства, национальности, пола, вероисповедания, документа об образовании, без вступительных испытаний. Строительство высшей школы нового типа открывало дорогу молодежи, преимущественно из среды рабочих и беднейшего крестьянства. Образование становилось бесплатным, массовым (нужно было в короткие исторические сроки подготовить кадры советских специалистов, изменив социальный состав студенчества).

Менялась привычная структура университетов (последовательно упразднялись юридические факультеты – «очаги охранения прежней государственности», другие гуманитарные факультеты, например, историко-филологические переименовывали в факультеты общественных наук с целью подготовки идеологически преданных новой власти выпускников), содержание образовательных программ и учебных планов.

Прежние корпоративные скрепы и ценности с отменой ученых степеней и званий заменялись новыми. Вводились звания профессоров и преподавателей, которые избирались по конкурсу.

Астраханский университет создавали в тяжелый период гражданской войны, разрухи и голода. Практически сразу после январских боев 1918 г. и установления советской власти в Астрахани началась энергичная работа по созданию университета. Настойчивость и целеустремленность энтузиастов университетского строительства и сегодня вызывают уважение и удивление.

Основание краевого университета определялось инициативой, исходившей от губернского комиссара народного образования Константина Ивановича Бакрадзе [35, с. 12]. Ее подхватили представители интеллигенции, многие из которых состояли в Петровском обществе исследователей Астраханского края. 15 марта 1918 г. начал функционировать отдел высшей школы, его возглавил Н. Н. Подъяпольский [31]. В задачи отдела входила «…пропаганда университета среди слоев населения, собирание средств на усиление университетского фонда путем добровольных пожертвований и самообложений» [29, л. 10]. Занимались поиском соответствующих помещений, средств финансирования, оборудования, преподавательского персонала. «Телеграфно» связались с Московским университетом, командировали людей для выстраивания коммуникаций в Петроград, Саратов, Киев, Казань, Пермь, Ярославль. Агенты отдела высшей школы работали в местных библиотеках, музеях, лабораториях в целях выявления необходимых для образовательного процесса «средств демонстрации». В столичных городах осуществлялась закупка необходимой научной литературы и учебных пособий, на местных рынках их просто не было или стоили они очень дорого.

Одним из самых сложных выступал финансовый вопрос. Росло понимание, что в условиях военного времени без государственного финансирования не обойтись. На содержание Астраханского университета в 1918 г. было отпущено 1944485 руб. [29, л. 18]. В отношении профессорско-преподавательского состава было ясно, что никто без «достойного оклада» из других городов России в Астрахань не поедет. Следовало «…распропагандировать сведения о богатствах Астраханского края и о том, что материальные условия существования в Астрахани относительно сносны» Астраханский отдел народного просвещения вел переписку с Петроградским университетом, обещая профессорам платить по 1500 руб. в месяц. В определении размера окладов старались избегать крайностей, учитывали тот факт, что «…для поддержания полуголодной жизни немногочисленного семейства на месяц» в Астрахани требовалось не менее 1207 руб. [23, л. 20–20об.].

Среди стоявших у истоков организации первого университета в Астрахани – губернский энтомолог Н. Л. Сахаров, ихтиолог рыбного управления Н. Л. Чугунов, ботаник-фитопатолог С. Ю. Шембель, впоследствии ставшие преподавателями АГУ; профессора С. А. Усов, А. М. Скринников, Б. И. Станкевич, А. И. Карузин, преподаватели Н. Н. Киселев, И. И. Солосин и др.

Иван Иванович Солосин кропотливо «собирал ученые силы» в университет, закупал для вуза книги в других городах. Благодаря Солосину дали согласие приехать из Петрограда и работать в Астраханском университете известные своими научными трудами профессора Алексей Афанасьевич Дмитриевский и Константин Феодосьевич Буткевич. Работа в астраханском вузе стала в то время для них возможностью уехать из голодного Петрограда. Однако полностью удовлетворить потребность университета в профессиональных кадрах так и не удалось за весь период существования АГУ.

В составе естественного факультета планировали открытие отделов горного, рыбного, сельскохозяйственного, энтомологического и педагогического, в структуре историко-филологического – исторического, философского и филологического отделов [29, л. 9]. От первоначального замысла открыть третий (социально-экономический) факультет отказались по объективным причинам отсутствия специалистов. На первом (подготовительном этапе) речи о создании медицинского факультета не было.

Особо следует отметить тот факт, что с самого начала Астраханский университет мыслился как региональный, отвечавший потребностям края. Понимание уникальности географического, природного факторов, богатого исторического наследия региона определяли направления научной и практической деятельности будущего университета. Уже тогда в качестве направлений научной деятельности университета планировались мероприятия по открытию Астраханского заповедника, проведению археологических экспедиций, созданию станции университета на оз. Эльтон, проведению палеонтологических, геологических, гидротехнических и иных исследований [24, л. 4, 17]. В образовательных программах отражено понимание значения подготовки кадров с учетом привязанности города к пространству Прикаспия. Так, например, на историческом отделении подготовка специалистов требовала знания этнографии прикаспийских народностей, она включала такой курс, как «Ислам и исламская культура групп прикаспийских народов». Словесники придавали большое значение преподаванию восточных языков: калмыцкого, казахского, туркменского, татарского, армянского, грузинского, персидского, турецкого, греческого. У юристов планировалось изучение «основ права у татар, киргизов, калмыков и др. народов» [29, л. 12об.–13об.]. Большое внимание уделяли практике преподавания иностранных языков: «старых» (латыни, греческого) и «новых» европейских языков (немецкого, французского, английского). Если историко-филологический факультет был нацелен «…на насаждение духовной культуры, …выработку нового миросозерцания», то в задачу естественного факультета входило распространение технических знаний в крае [29, л. 12об.–13об].

Согласно правительственным решениям в годовщину Октябрьской революции 1917 г. учреждались государственные университеты в Костроме, Смоленске и Астрахани [33, с. 20]. Торжественное открытие университета состоялось 9 ноября 1918 г. в здании современного драматического театра. 11 ноября 1918 г. вуз получил статус государственного университета, вскоре стал носить имя наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского [21, л. 16].

Параллельно шел процесс организации в Астрахани высшего педагогического образования. В декабре 1918 г. декрет повышал статус учительских институтов. В начале 1919 г. на базе аст-

раханского учительского института был создан педагогический институт [26, л. 8]. В институте преподавали и профессора АГУ: А. Скринников, Д. Усов, К. Буткевич и др.

Высшая школа рассматривалась не только как образовательное и научное учреждение – важной функцией ее деятельности становилось просвещение населения. Предполагалось строить работу советских университетов на основе трех ассоциаций: научной, учебной и просветительной, коллективных начал управления вузом. Создание научной ассоциации потребовало определенного времени в силу недостаточного количества «ученых сил» в университете на стадии его формирования. Руководство деятельностью университета осуществлял Совет объединенных ассоциаций (СОА) под председательством ректора. При СОА избирался Президиум, контролировавший различные стороны университетской жизни. Решение хозяйственных вопросов возлагалось на Хозяйственный комитет (проректором по административно-хозяйственной работе в АГУ являлся А. А. Дмитриевский, он же исполнял обязанности ректора при его отсутствии). Факультеты возглавляли деканы, все важные вопросы решались на советах факультетов. Совет старост стал органом выражения интересов студенчества. В руководящих структурах университета обеспечивалось представительство профессорско-преподавательского состава, студентов, членов партийных и профсоюзных организаций университета, местных органов власти и управления. В структуре университета функционировала главная канцелярия (управление делами), бухгалтерия (финансово-расчетный отдел).

Первым ректором Астраханского университета стал известный ученый зоолог, профессор Сергей Андреевич Усов. Он исполнял обязанности ректора с 25.10.1918 г., избран ректором 31 октября 1918 г. Было решено считать выборы временными «…до окончания формирования совета университета». Сергей Андреевич после сложения с себя обязанностей ректора трудился на естественном факультете, возглавлял кафедру зоологии. Летом 1920 г. рассматривался вопрос о его командировке для научных исследований оз. Эльтон и прилегавшей к нему местности с целью сбора материала по эмбриологии позвоночных. Профессор С. А. Усов возглавил временное бюро по организации рабочего факультета в 1919 г. (рабфак открыли в 1920 г.). Он исполнял обязанности временного председателя Научной ассоциации. В марте 1922 г. был избран заведующим кафедрой зоологии и сравнительной анатомии, функционировавшей уже в структуре медицинского института. Безусловный авторитет Сергея Андреевича способствовал тому, что в октябре 1922 г. он возглавил предметную комиссию медицинского института. 11 ноября 1922 г. С. А. Усов был переведен в Москву (профессор Московского университета). Основанием стало постановление научно-технической секции ГУС от 23.10.1922 г.

Весной 1919 г. ректором АГУ стал ученый зоолог, профессор Семен Васильевич Паращук, он возглавлял университет до его закрытия в марте 1922 г. Профессиональная деятельность Паращука связана с фундаментальными исследованиями технологии и экономики молочного хозяйства. В начале XX в. он возглавлял испытательную лабораторию по молочному хозяйству в Ярославле и Петербурге. Работа С. В. Паращука в Астраханском университете началась 6 ноября 1918 г., когда он стал профессором просветительной ассоциации, развернув с присущей ему энергией и целеустремленностью организацию и проведение различных курсов для населения в сфере молочного дела, подготовки инструкторов «по культуре лекарственных растений». В декабре 1918 г. Паращук выступил с докладом на Совете объединенных ассоциаций о необходимости открытия агрономического отдела при Астраханском университете. Будучи ректором, отстаивал интересы (финансовые, кадровые) университета в Центре в период многочисленных командировок. Решение сложных задач управления, опутанного излишне бюрократическими требованиями, отсутствие четких норм регламентации деятельности ректора отнимали много сил и времени, приводили к перегруженности и усталости [16, л. 50], что послужило поводом к отказу Паращука в декабре 1920 г. исполнять обязанности ректора АГУ. Совету не без труда удалось уговорить Семена Васильевича продолжить исполнение обязанностей руководителя вуза. В марте 1922 г. Паращук возглавил ликвидационную комиссию, куда вошли профессор А. А. Дмитриевский, главный библиотекарь К. К. Мауэров, председатель военкомата медицинского института [8, л. 99]. После закрытия университета С. В. Паращук какое-то время возглавлял кафедру физиологической химии, функционировавшую в структуре медицинского института, затем уехал из Астрахани. В статусе доктора сельскохозяйственных наук трудился в Ленинградском сельскохозяйственном институте. Научные пособия автора по «молочному делу» для высшей сельскохозяйственной школы неоднократно переиздавались, не теряли актуальности на протяжении всего советского периода.

Создание системы высшего образования в Астрахани потребовало решения задачи размещения университета в городском пространстве. Отсутствие денег не стало препятствием для разработки архитекторами проекта нового здания университета, точнее – целого университетского комплекса. С этой целью был объявлен всероссийский конкурс [35, с. 15]. Специально созданная особая комиссия, возглавляемая известным архитектором В. Б. Варганек-Вальдовским, призвана была обследовать Луковскую площадь «…на предмет санитарной очистки, высаживания растений ботанического сада и университетского парка» [3]. Реализация проекта не состоялась из-за трудностей переживаемого всей страной момента – гражданской войны.

Найти свободные помещения в Астрахани, где «квартирный вопрос» во все времена стоял остро, было трудно. Комиссия по подготовке открытия университета находилась в постоянном диалоге с городским советом. Там обсуждался вопросы о предоставлении помещений для учебных занятий, размещения приезжавших в Астрахань профессоров.

Главное здание АГУ располагалось на перекрестке улиц Свердлова (бывшая Большая Демидовская) и Володарского (бывшая Индейская) в старинном купеческом особняке, построенном в 1899 г. купцом И. В. Меркульевым. Сейчас здесь располагается центр детского научно-технического творчества. Впрочем, обучение студентов велось в разных помещениях города, арендованных университетом: доме купца Шмидта, здании бывшего городского ломбарда, помещениях армянского училища и др. Архитектор университета С. В. Пиковер ежегодно предоставлял расчеты для получения кредитов на строительные и ремонтные работы в «университетских зданиях». Студенчество же, особенно в первый год существования вуза, было «угнетено отсутствием постоянных помещений для лекций» [10, л. 7]. Проблема «крайней стесненности университета в помещениях» оставалась актуальной для всего периода существования астраханского университета.

АГУ начал свою деятельность в составе естественного и историко-филологического факультетов. Фактически историко-филологический факультет стал полноценно функционировать с 10 апреля 1919 г. [14, л. 15об.].

Естественный факультет (ЕФ), по мнению технической исполнительной комиссии, легче всего поддавался открытию в Астрахани в «кратчайшие сроки» – осенью 1918 г. [23, л. 3об.]. Для этого в городе имелась материальная база, профессиональные кадры, способные начать преподавательскую деятельность. В учебные планы ЕФ были включены как общеобразовательные (высшая математика, физика, астрофизика, минерология, химия, органическая химия, неорганическая химия, анатомия, физикохимия, зоология, физиология животных, сравнительная анатомия), так и специальные курсы (ботаника, геология) [29, л. 11об.]. Факультет послужил основой для открытия в 1920 г. медицинского, аграрного факультетов и рыбоведения. Выборы первого декана естественного факультета состоялись 16 ноября 1918 г., им стал Александр Михайлович Скринников. Начало занятий на факультете должно было стать событием для Астрахани. Профессор физики Б. И. Станкевич, согласившийся вести курс по основам математики и краткий курс дифференцированного и интегрального исключения до прибытия профессора математики, просил предоставить помещение кинотеатра «Модерн» для чтения лекций по физике. Для демонстрации на первой лекции «одного – двух солидных опытов», требовались соответствующие приборы и получение разрешения горсовета «…на прокладку в театр проводов к демонстрационному столу для опытов и дополнительного освещения стола». Все предложения Станкевича были приняты Советом университета [10, л. 1–1об.; 14].

Весной 1919 г. деканом естественного факультета стал Алексей Федорович Ершов – один из организаторов факультета рыбоведения, впоследствии возглавивший данный факультет [13, л. 29]. В конце декабря 1920 г. факультет рыбоведения был реорганизован. На посту декана естественного факультета А. Ф. Ершова сменил Г. А. Шмидт, освобожденный от должности в декабре 1920 г., ставший впоследствии специальным представителем АГУ в Москве (ранее эти функции выполняли Подъяпольский и Строганов).

В марте 1920 г. было принято решение о создании комиссии для организации агрономического факультета, в начале декабря того же года факультет был открыт. Деканом стал преподаватель Клейн, заведовавший кафедрой садоводства и огородничества.

В составе естественного факультета в первом полугодии 1920 г. находилось 11 кафедр и кабинет энтомологии. Штат факультета состоял из двух профессоров, 21 преподавателя, семи научных сотрудников, десяти препараторов, помощника препаратора, чучельника, чертежни-

ка, механика, монтера, четырех лаборантов. Среди сотрудников факультета – делопроизводитель, сторожи, курьер, заведующие кабинетами – всего 85 человек [25, л. 24–25].

16 января 1920 г. на должность декана естественного факультета избран Н. Н. Киселев. Он был принят в университет в качестве преподавателя ботаники 1 октября 1918 г., исполнял обязанности декана естественного факультета до закрытия университета. В марте 1922 г. создана комиссия по ликвидации естественного факультета; 78 студентов факультета были рекомендованы для обучения на I курсе медицинского факультета.

Осенью 1919 г. создана особая комиссия по организации медицинского факультета, ее председателем был доктор Семен Рафаилович Залкинд, он же стал первым деканом медицинского факультета [8, л. 238]. 5 марта 1922 г. Залкинд возглавил временное правление медицинского института до избрания ректором института В. И. Березина.

Медицинский факультет нужен был региону не только «…как рассадник высших научных познаний среди пролетарских масс». Особенностью Астраханского края являлись многочисленные эпидемии, уносившие множество человеческих жизней.

В начале марта 1920 г. в Наркомпрос была отправлена докладная записка о необходимости открытия медицинского факультета в университете; в июле нарком просвещения А. В. Луначарский ознакомился с ее содержанием, обещая поддержку АГУ. С начала осеннего семестра 1920 г. намечено открытие первых двух курсов факультета, II курс набирался из слушателей естественного факультета. Студенты медицинского факультета делили учебное пространство со слушателями других факультетов, например, в доме Шмидта они учились вместе со студентами естественного факультета. Для расширения возможностей профессиональной подготовки на медфаке университет ходатайствовал перед губисполкомом об отводе зданий на Покровской площади (городская центральная больница и глазная лечебница) для нужд медицинского факультета [18, л. 10об.–11]. Студенты-медики в период гражданской войны были мобилизованы для выполнения миссии врачей на фронте, борьбы с эпидемиями сыпного тифа, холеры, многие из них не смогли продолжить обучение в университете, медицинский факультет в периоды мобилизации «замирал» [10, л. 25]. Первый выпуск студентов-медиков, учившихся в АГУ, закончивших обучение в стенах медицинского института, состоялся в 1923 г.

Появление историко-филологического факультета в Астраханском университете определялось не только пониманием необходимости наличия в его структуре гуманитарного образования, но и объяснялось организаторами необходимостью ведения научной работы по исследованию края, его богатого культурно-исторического наследия, этнических особенностей.

Предполагалось, что «опытные лекторы» не станут ограничивать свою деятельность стенами университета, а «…будут сеять истинное знание первоисточника в самую толщу трудового населения… в самых отдаленных уголках необъятной Астраханской губернии» [29, л. 11, 12об.–13]. Так, в августе 1919 г., на заседании хозяйственного комитета АГУ обсуждался вопрос о командировании профессоров А. А. Дмитриевского, К. Ф. Буткевича и И. И. Солосина в «Ханскую ставку» (пос. Урда) для чтения лекций по истории искусства, русской истории, истории русской литературы на курсах народных учителей. Соответствующие инстанции правление университета просило о выдачи командированным «билетов 1 класса вне очереди» и предоставлении им права занять места «в делегатском вагоне» [11, л. 37, 77, 79–80].

Такие командировки в условиях гражданской войны были крайне опасны. В начале 1919 г. Дмитриевский вместе с другими преподавателями был арестован на стации Сайхин. Ученых АГУ вскоре отпустили, выяснив, что они находились в командировке для чтения лекций на курсах преподавателей казахских школ. Весной 1922 г. Дмитриевского, трудившегося в комиссии по изъятию церковных ценностей, снова арестовали, полгода он находился в тюрьме, после оправдательного приговора профессор вышел из здания судебного заседания под овации своих студентов [2, с. 350–351]. В ноябре 1922 г. профессор А. А. Дмитриевский обратился в Правление медицинского института с заявлением о выдаче ему удостоверения «за все время службы его в АГУ», «прогонных суточных до Петрограда и за труды по исполнению секретарских обязанностей ликвидационной комиссии при Астраханском университете». Правление направило документы на рассмотрение в Главпрофобр [5, л. 29]. В 1923 г. А. А. Дмитриевский покинул Астрахань в надежде найти работу в Петрограде.

И. И. Солосин, взявший на себя «…все труды по организации факультета», стал первым деканом историко-филологического факультета. В числе деканов факультета – Б. П. Яблонко, А. И. Паремузов, Н. Н. Пальмов. Со временем становилось понятно, что представления о гуманитарном образовании студентов разнились у представителей власти и профессорско-преподавательского состава российских университетов. Становление факультета в Астрахани не поспевало за решениями сверху, требовавшими соответствия идеологическим установкам советского государства. В течение короткого времени он несколько раз менял название, перестраивал содержание и формы работы. Так, 294 студента, записавшиеся слушателями на историко-филологический факультет, завершили первый курс обучения 1 мая 1920 г. в составе уже общественно-исторического факультета [14, л. 15об.; 17, л. 13]. 16 декабря 1920 г. факультет стал называться гуманитарным, затем – факультетом общественных наук, что соответствовало официальной логике построения высшего гуманитарного образования в стране. В январе 1921 г. на гуманитарном факультете трудилось 16 человек [20, л. 3об.].

В летний период преподаватели факультета продолжали научные изыскания на месте, такая работа не требовала привлечения значительных средств, хлопотали о предоставлении научных командировок. Например, Б. М. Макаров просил о предоставлении научной командировки на два месяца в Казань для изучения в библиотеке Казанского университета литературы по вопросам социологии, в частности, «тюрьмоведения» [9, л. 16об.]. Летом 1920 г. преподавателю Д. С. Усову поручили обследовать историко-археологические ценности Чуркинского монастыря и описать их. Николай Николаевич Пальмов ратовал за проведение археологических разведок и раскопок, в том числе приглашая специалистов «из центра», однако начало археологических раскопок отложили «…до более благоприятного времени» [17, л. 10, 16, 18].

В октябре 1920 г. вернувшийся из командировки Солосин, выступая перед членами совета факультета с докладом о результатах поездки, подчеркнул, что ситуация изменилась: «…привлечь ученых в Астрахань трудно: профессоров и преподавателей в центре обеспечивает хороший академический паек и функционирующая …комиссия по улучшению быта ученых». И. И. Солосин предложил привлекать сторонних профессоров «прочтением эпизодических курсов» в Астрахани, на что дано предварительное согласие некоторых из них.

В декабре 1920 г. в структуре факультета гуманитарных наук функционировали два отделения: историко-филологический и общественно-правовой. Всем студентам предоставили «перерыв в занятиях», отправив их на «рождественские каникулы» [17, л. 21, 33об., 39]. 27 октября и 18 ноября 1921 г. на экстренных заседаниях совета факультета обсуждался вопрос о самом существовании факультета общественных наук в Астраханском государственном университете имени А. В. Луначарского. Участь факультета, несмотря на поддержку местных властей, была предрешена, как, впрочем, и самого университета. В декабре 1921 г. факультет закрыли, через два месяца прекратил свое существование АГУ.

Весной 1921 г. в структуре АГУ функционировали факультеты: естественный, общественных наук, агрономический, медицинский, рыбоведения. Продолжал свою деятельность рабфак, успешно работала просветительная ассоциация [7, л. 114].

Количественный состав обучавшихся в АГУ студентов колебался на протяжении всего периода существования вуза, он зависел от особенностей переживаемого момента (война, мобилизация, голод), системы обучения. Если осенью 1918 г. на естественный факультет был заметен «поток заявлений студентов» – 1500 человек, вследствие чего прием заявлений продлили до 1 января 1919 г., то в середине декабря 1920 г. на I курсе факультета обучалось 76 студентов, на II курсе – 8 человек. На 15 декабря 1920 г. число студентов медицинского факультета достигло 428 человек, а слушателей I курса факультета рыбоведения – 40 человек [30, л. 10–12, 16]. В октябре 1921 г. на естественном факультете обучалось 155 студентов. В ноябре 1921 г. общее число студентов естественного факультета составило 205 человек, из них первокурсников – 167 человек (142 студента имели «пролетарское состояния»). Всего на факультете училось 174 человека – «пролетарских студентов» [19, л. 15].

Стать преподавателем Астраханского университета можно было, строго следуя установленным правилам. В Астраханском государственном университете строго следовали правилу приема на работу после прочтения претендентом двух пробных (вступительных) лекций: одну по выбору автора, другую – по назначению факультета [10, л. 27об]. Право на занятие кафедры по

всероссийскому конкурсу предоставляется всем лицам, известным своими научными трудами по специальности либо своей научно-педагогической деятельностью. Так, звание профессоров до декрета 09.10.1918 г. имели А. А. Дмитриевский и Н. Н. Пальмов, после декрета его получили преподаватели И. И. Солосин и В. Б. Томашевский [15, л. 13об.–14]. В декабре 1920 г. постановили отдать вопрос о присвоении преподавателям звания профессоров на рассмотрение факультетов.

Успешное протекание учебного процесса в АГУ прочно увязывали с систематическим посещением занятий студентами и преподавателями. Проблемы дисциплины обсуждали на Совете объединенных ассоциаций, советах факультетов (вопросы «о возможных формах осуществления регистрации посещаемости студентами лекций и мерах к интенсификации занятий студентами», о нарушениях дисциплины самими преподавателями). Всем преподавателям университета вменили в обязанность неукоснительное и аккуратное чтение лекций и ведение практических занятий. Деканам разъяснили, что им предоставлено право «в целях лучшего осведомления» об организации учебного процесса посещать все без исключения лекции и практические занятия на факультете» [15, л. 7об.].

Деканам вменялось в обязанность составлять сметы с мотивированным обоснованием расходов по каждой кафедре. Общую смету «готовил» профессор А. М. Скринников, он же разработал для всех структурных подразделений образец сметы планируемых расходов [15, л. 4]. Финансирование Астраханского университета осуществлялось с перебоями, часто гораздо меньше запрашиваемых сумм. Так, 21 апреля 1920 г. для развития университета «просили кредит» в 3257320 руб., выделили 2 млн руб.; 1 сентября 1920 г. запрашивали 5 млн руб., открыли кредит в 2,5 млн руб. [28, л. 38, 103]. Рост зарплат преподавателей отставал от стремительного роста цен в Астрахани. Так, например, в 1921 г. оклад профессора составлял 6240 руб. в месяц, преподавателя – 4680 руб., лаборанта – 4550 руб., научного сотрудника – 4030 руб., библиотекаря – 4875 руб., мальчика-курьера – 1794 руб. Декан получал 5460 руб. в месяц [7, л. 119об.–120об].

Обязательной составляющей профессиональной деятельности в университете являлась научная работа. 11 ноября 1918 г. состоялись выборы ученой комиссии университета, куда вошли профессора С. А. Усов, А. М. Скринников, Б. И. Станкевич, С. В. Паращук и преподаватель Н. Л. Чугунов [10, л. 10]. В мае 1920 г. обсуждался вопрос об организации научной ассоциации на заседании Президиума совета университета. Признавалось желательным включение в ее состав членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Открытие научной ассоциации в университете признавалось необходимым, ибо «…процветание молодого АГУ» возможно было лишь при проведении большого количества интенсивных научных исследований, поддержкой который и призвана была заняться научная ассоциация [12, л. 31, 34]. В июне 1920 г. утвердили устав научной ассоциации, а временным председателем ассоциации был избран профессор С. А. Усов. В январе 1922 г. правлению Всероссийской ассоциации натуралистов сообщили «…о существовании при университете научной ассоциации» [6, л. 1].

Подготовка научных публикаций являлась важной частью работы профессорско-преподавательского состава университета. Свои статьи они размещали в различных научных журналах, в том числе, в «Ученых записках Астраханского университета». Редактирование первого выпуска «Ученых записок АГУ» осуществлял профессор С. А. Усов «в течение всего 1919 г.». Второй выпуск «Ученых записок…» редактировал профессор А. М. Скринников [15, л. 1–1об]. Закрытие университета помешало развитию вузовской науки, Астрахань покинули многие талантливые ученые.

Эффективная работа университета не мыслилась без создания фундаментальной вузовской библиотеки. В декабре 1918 г. создана библиотечная комиссия, куда вошли С. А. Усов, С. Г. Стабников, И. И. Солосин [10, л. 37об.]. В формировании библиотечного фонда помощь оказали Академия наук, столичные университеты. Учебные пособия, книги кропотливо собирали и в самой Астрахани. Большое количество книг еще в декабре 1918 г. закупил И. И. Солосин в Петрограде. Бывший заведующий комитетом библиотек И. А. Кубасов «…дал место для складирования книг» и обещал за ними приглядывать. Книги ждали отправки в Астрахань больше двух лет, часть из них, видимо, была доставлена по назначению [34, с. 121]. Когда университет был закрыт, фундаментальную вузовскую библиотеку – самую большую из библиотек г. Астрахани», передали медицинскому институту. Она насчитывала до 80000 томов. Подотдел диссертаций содержал 2500 названий. К 1 ноября 1922 г. абонентами библиотеки числились 631 человек [4, л. 4–5].

Одной из острых выступала проблема материально-бытовой обеспеченности преподавателей и студентов. Системный кризис, поразивший страну, больно ударил по учащейся молодежи.

В Астрахани царили голод и разруха, негде было купить и отремонтировать изношенную «до дыр» одежду и обувь. Студенты несли трудовую повинность (вынуждены были работать в советских учреждениях). Университет не раз обращался в Наркомпрос по вопросу улучшения экономического положения своих студентов. В 1920 г. решались новые для университета задачи социального обеспечения особо нуждавшихся студентов продовольственными пайками. В сентябре 1920 г. в Астрахани открыт подотдел при Наркомпросе, занимавшийся вопросами социального обеспечения учащихся вузов.

В АГУ составляли списки студентов, нуждавшихся в материальной поддержке. В декабре 1921 г. 97 студентов естественного факультета были записаны на получение продовольственного пайка. С 1 января 1922 г. производилась персональная выдача пайка (постановление коллегии Губпрофорба) со склада подотдела обслуживания учащихся, располагавшегося на Сапожниковской (ныне Коммунистической) улице в доме Чуркинского подворья. До недавнего времени в этом здании размещался факультет архитектуры и дизайна АГУ. В январе 1922г. студентам естественного факультета было отпущено 96 продовольственных пайков, состоявших из хлеба, мяса, рыбы, жиров, соли, сахара, табака, спичек. Список студентов-медиков состоял из 131 человека [21, л. 18–19, 22, 30–33, 34–35, 78].

В АГУ была налажена работа студенческих общежитий и столовой, где можно было получить горячий обед. В декабре 1919 г. было принято решение не выдавать больше одного обеда и шести стаканов чая на одного посетителя без платы. С 5 мая 1920 г. бесплатные обеды отменялись, для «социальников» стоимость обеда с чаем составила 15 руб. [27, л. 7, 16]. Кредит на социальное обеспечение студентов Астраханского университета 4.02.1920 г. составил 100000 руб. Трудности переживаемого момента не убивали желания у молодых людей упорно учиться. Они активно стремились получить знания, отстаивая свои интересы через Совет старост, представительство в органах управления факультетом, вузом.

В тяжелейшем положении находился и профессорско-преподавательский состав университета. Остро стоял квартирный вопрос, преподаватели голодали. Отъезжавших в командировку ученых университета снабжали хлебным пайком на 5 дней. Так, 11 ноября 1918 г. профессору Карузину и преподавателю Солосину выдали «…10 фунтов калача на дорогу». Весной 1920 г. Президиум совета объединенных ассоциаций рассматривал предложенный профессором Берлацким вопрос о необходимости ходатайствовать перед центральными и местными властями о разрешении выдавать лицам профессорско-преподавательского состава, по примеру Москвы и Петрограда, усиленного «учено-продовольственного пайка», приравненного к красноармейскому фронтовому пайку [15, л. 7об.]. «Ужасающая дороговизна» делала жизнь в Астрахани сотрудников университета невыносимой. В январе 1920 г. «дело» с академическими пайками выглядело «совсем плохо». Летом того же года каждому сотруднику университета было предоставлено право пользоваться двумя обедами, один из которых предназначался их семьям [27, л. 20]. Была создана комиссия по улучшению быта ученых. Преподавателям возмещали расходы по оплате коммунальных услуг, «…за пользование водой, баней, квартирой, освещением и проч. ». Так, за октябрь, ноябрь и декабрь 1919 г. выдали на эти цели по 140000 руб. профессору А. А. Дмитриевскому, деканам естественного, общественно-исторического, медицинского, агрономического факультетов [9, л. 3об.–6об.]. Семен Рафаилович Залкинд вспоминал: «Работа велась в тяжелые годы разрухи, голода, небывалых эпидемий и других невзгод. Занятия проводились в неотапливаемых помещениях, мерзли преподаватели, мерзли и студенты, впроголодь жили и те, и другие. Заседания Совета [медицинского факультета] очень частые и продолжительные, тянувшиеся до полуночи, проходили в холодных, пропитанных махоркой помещениях при тусклом свечении керосиновой лампы» [32, с. 43–44].

Своеобразным мостом между вузом и обществом призвано было стать справочно-информационное бюро университета. Здесь аккумулировалась информация об основных направлениях деятельности университета. Деканов обязали предоставлять ректору все материалы по текущим вопросам университетской жизни, копии докладов направлять заведующему бюро т. Золотареву. Он оказывал помощь прессе, предоставляя заметки и статьи, касающиеся жизни университета. Через газету «Коммунист» оповещали местное население об открывавшихся факультетах, их работе, читаемых курсах, открытии приема студентов на тот или иной курс, продолжительности занятий.

Тяжелое экономическое положение в стране влияло на все стороны жизни советского общества, в том числе и на высшее образование. Местный бюджет, на плечи которого легло финанси-

рование университета, с этой задачей справиться не мог. В марте 1922 г. Главпрофобром было принято решение о закрытии университета. Медицинский факультет как исключительно необходимый для нужд Астраханского края, задыхавшегося от эпидемий, голода, разрухи, был преобразован в медицинский институт. 16 марта 1922 г. Президиум Астраханского университета сложил свои полномочия. Срок действия ликвидационной комиссии заканчивался 23 марта 1922 г. [8, л. 99].

Н. Н. Пальмов в письме академику С. Ф. Ольденбургу отметил, что не считает мысль Петра об открытии университета («рассадника высшей науки») в Астрахани слишком смелой. Не будь указанных условий (финансы, распыленность научных сил), «…дело науки пошло бы в Астрахани», т. к. здесь есть над чем работать представителям и гуманитарных, и естественных наук [1, с. 10].

На данном историческом этапе первый Астраханский государственный университет прекратил свое существование, заложив основы высшего образования в нашем крае, развив образовательные направления, многие из которых успешно реализует «новый» АГУ сегодня. На современный университет возлагается миссия обеспечения механизмов устойчивого развития общества. Ясное понимание истоков образования университета, осознание исторических корней удерживает нас в пространстве инноваций и перемен.

Список источников и литературы

1. Акишин С. Ю. Деятельность профессора А. А. Дмитриевского в Астраханском государственном университете (1919–1922 гг.) // Дмитриевские чтения: мат-лы III Всерос. науч. конф. «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани). – Астрахань: Астраханский ун-т, 2018.
2. Акишин С. Ю. Деятельность профессора Киевской духовной семинарии А. А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) // Труды Киевской духовной семинарии. Киев, 2014. № 20.
3. Астраханский листок. 1918. 6 июля. № 120.
4. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1071. Оп. 1. Д. 515.
5. ГААО. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 526.
6. ГААО. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 528.
7. ГААО. Ф. 1071. Оп. 2. Д. 95.
8. ГААО. Ф. 1071. Оп. 4. Д. 1.
9. ГААО. Ф. 1071. Оп. 4. Д. 10.
10. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 1.
11. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 7.
12. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 9.
13. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 10.
14. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 14.
15. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 24.
16. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 25.
17. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 28.
18. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 37.
19. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 55.
20. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 62.
21. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 63.
22. ГААО. Ф. 1071. Оп. 8. Д. 983.
23. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 95.
24. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 254.
25. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 292.
26. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 603.
27. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 843.
28. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 866.
29. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 915.
30. ГААО. Ф. 1362. Оп. 1. Д. 1229.
31. Известия Астраханского губернского комиссариата по народному образованию. 19 (6) мая 1918 г. № 1.
32. Жизнь замечательных врачей. Астрахань: МАРТ, 2018. Кн. 8 / сост.: Т. А. Левина, Г. Л. Жильцова.
33. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 30 января 1919 г. № 2.
34. Тимофеева Е. Г., Степанов С. Ю. Историко-филологический факультет Астраханского университета: первые страницы истории // Дмитриевские чтения: мат-лы III Всерос. науч. конф. «Образование как фактор устойчивого развития общества: традиции, преемственность, перспективы (к 100-летию создания университета в Астрахани). Астрахань: Астраханский ун-т, 2018.
35. Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань, 1919. Вып. 1.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Альмухамедова Дина Салаватовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Одной из центральных проблем при анализе государственного устройства Российской империи в начале XX в. является четкое определение статуса той или иной национальной окраины. Применительно к различным территориям можно говорить об административном статусе колонии, либо имперской провинции, либо территории, имеющей признаки автономии. Подобная градация сложилась вследствие отсутствия детально проработанной окраинной политики.

Высокий удельный вес территорий с иноязычным населением, зачастую имевшим значительные культурные особенности и политико-государственные традиции, требовал постоянной модификации действующих приемов управления и создания их новых форм. С другой стороны, национальные окраины являлись частью общеимперского механизма и не могли не подвергаться воздействию всех влиявших на государство как внутриполитических, так и внешнеполитических факторов [4, с. 22].

В 50-е гг. XIX в. Россия предприняла шаги для проникновения на территорию Средней Азии. В 60-е гг. часть территории Средней Азии было присоединена к России. После занятия Ташкента российские власти были обеспокоены административно-территориальным разграничением новых владений империи. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский предлагал создать в южных районах Центральной Азии две области (Туркестанскую и Ташкентскую) в составе Оренбургского края. С целью разработки проекта административного устройства Азиатской России в мае 1865 г. создавалась особая комиссия во главе с Ф. К. Гирсом, получившая неофициальное наименование Степная. По завершении работы комиссии выводы были представлены для обсуждения в особый комитет, составленный из высших должностных лиц Военного министерства. Комитет под председательством военного министра ДА. Милютина принял решение об образовании на завоеванных центральноазиатских территориях самостоятельного генерал-губернаторства.

11 июля 1867 г. Александр II подписал именной указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе Смеречинской и Сырдарьинской областей. Первым генерал-губернатором в русском Туркестане стал Константин Петрович фон Кауфман (1867–1882 гг.), близкий соратник Милютина, имевший опыт управления Северо-Западным краем и пользовавшийся особым расположением и доверием императора [10, с. 90–91].

Геополитические особенности Туркестанского генерал-губернаторства наложили отпечаток на полномочия высшей местной администрации. Генерал-губернатор являлся одновременно не только главой высшей местной власти, но и командующим войсками Туркестанского военного округа. Наряду с этим, он наделялся и дипломатическими полномочиями для ведения переговоров с соседними государствами [5, с. 47].

Конфигурация Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Смеречинскую с центром в г. Верном, неоднократно менялась. Характерно, что на территории Туркестана в 60–80-х гг. XIX в. действовали одновременно четыре «Временных положения об управлении». Лишь в 1886 г. начала действовать единая система, утвержденная Государственным советом и императором.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман пользовался наибольшей независимостью. В его руках была сосредоточена огромная административная и военно-политическая власть, вся среднеазиатская политика. Он был уполномочен российским правительством начинать военные действия, вести мирные переговоры, руководить дипломатическими представительствами России в соседних с Ташкентом государствах. К. П. Кауфман сыграл решающую роль в разработке и подписании в 1873 г. Русско-Бухарского и Русско-Хивинского договоров [2, с. 142].

12 июня 1886 г. в связи с окончательным завоеванием Средней Азии было утверждено «Положение об управлении Туркестанского края», по которому на территории Туркестана вводились общие нормы губернского управления Российской империи, разграничив сферы интересов турке-

станского генерал-губернатора и представителей министерств. В результате, с одной стороны, генерал-губернатор был обязан обеспечивать соблюдение законности на всей территории Туркестанского края и сохранять право прямого доступа к государю. С другой стороны, между генерал-губернатором, как представителем Военного министерства, и императором выстраивалась цепочка промежуточных инстанций в виде Главного штаба и Азиатской части, что предполагало значительное понижение статуса генерал-губернатора в вопросах гражданского управления в Туркестане.

При туркестанском генерал-губернаторе действовал Совет, имеющий совещательные функции по всем законодательным вопросам. Особенность его работы заключалась в том, что по земским повинностям и по поземельному и податному устройству решение принималось простым большинством голосов, что ставило генерал-губернатора в прямую зависимость от решений членов Совета.

Серьезной проблемой функционирования аппарата генерал-губернатора стала необходимость определить статус министерских структур и генерал-губернатора в Туркестане. Широкие права и полномочия генерал-губернатора и в целом краевой администрации вызывали неудовольствие многих министерств и ведомств [11, с. 16].

В 1908 г. графом К. К. Паленом была проведена в Туркестане сенатская ревизия. К. К. Пален предложил усилить в крае русскую администрацию. Были предприняты шаги по реформированию системы управления. Должны были расширить права генерал-губернаторов. Однако новое положение об управлении Туркестаном не было составлено в окончательном виде и не поступило на рассмотрение Государственного совета и Государственной думы. К началу Первой мировой войны никаких изменений в Туркестане не произошло [7, с. 138–139].

К началу XX в. Бухарский эмират и Хивинское ханство, сохранившие полунезависимый статус, являлись протекторатами Российской империи. Сущность политических и экономических взаимоотношений определялась договорами 1868 и 1873 гг., а также последующими дипломатическими актами и оглашениями. По договорам 1868 и 1873 гг., эмир Бухары и хан Хивы осуществляли дипломатические отношения с зарубежными странами только через посредство особых российских представительств. В Бухарском эмирате роль такого представительства играло Российское политическое агентство (находившееся в Новой Бухаре, своеобразном русском «анклаве» на территории эмирата). Аналогичную роль в Хивинском ханстве играл т. н. Амударьинский отдел 10, начальник которого контролировал все внешнеполитические мероприятия хивинского правительства, сношения его с генерал-губернатором Туркестана и с зарубежными странами. В компетенции данных служб были и вопросы, связанные с пребыванием русских подданных на территории государств-протекторатов. Однако во внутриполитическом отношении оба государства, особенно Бухара, сохраняли независимость. В дореволюционных российских исследованиях отмечалось, что в Бухаре «Россия не вмешивается во внутреннее управление», а «царствующий эмир управляет своей страной вполне самостоятельно» [3, с. 24]. Бухарский эмир по своему усмотрению смещал и назначал должностных лиц, осуществлял законодательную и судебную власть без какого-либо согласования с царским правительством, имел собственную армию, казну, налоговую систему.

Схожей была ситуация и в Хивинском ханстве, хотя здесь можно отметить более строгий контроль туркестанского генерал-губернатора за деятельностью хивинского правительства, а также отсутствие у хивинского хана собственной регулярной армии: 200 нукеров получали вооружение и содержание от хана, содержание остальных являлось одной из повинностей населения. В административном отношении территории ханства и эмирата делились на бекства (беки назначались верховным правителем), которые, в свою очередь, делились на амлякдарства (в Бухаре). Чиновники не получали регулярного жалованья, фактически вся бюрократия (от бека до рядового писаря) «кормилась» за счет населения (еще существовала система кормления). Отсутствовал определенный государственный бюджет. Практиковалась уступка государственных земель и части урожая в пользование чиновничеству за службу. Система управления, при которой эмир (или хан) рассматривал государство и государственные земли как свою вотчину, была совершенно обычной для восточной феодальной деспотии. «Государственно-правовая и частноправовая области еще не разграничились ни в сознании управляемых, ни в сознании правителей» [9, с. 80]. Законодательная система в Бухаре и Хиве была организована в полном соответствии с нормами религиозных законов (шариата).

Мусульманское духовенство, эта своеобразная «феодальная интеллигенция», и в начале XX в. продолжало оставаться чрезвычайно влиятельным сословием в Бухаре и Хиве. Оно контролиро-

вало такие важные сферы общественной жизни, как суд и просвещение. В сфере образования работали выпускники высших духовных училищ – медресе. Должности казиев и муфтиев (подводивших религиозное обоснование под политическое или судебное решение) получали также выпускники медресе. Во главе с кази-каланом (верховным казием) они играли значительную роль в политической и религиозной жизни эмирата и ханства. Верховные правители могли отменить свои решения, если они не согласовывались мнением духовенства [1, с. 47].

В начале XX в. социально-экономическая и политическая ситуация в среднеазиатских российских протекторатах становится объектом пристального внимания, интереса и, часто, критики российских (в т. ч. мусульманских) либеральных мыслителей, чиновничества. В периодической печати (и собственно России, и Туркестана) появляются статьи, содержащие критику политики, применявшейся Россией к государствам-протекторатам. объектом осуждения стала политика невмешательства России в дела внутреннего управления ханств. Подвергалась критике также административная система ханств, мало отвечавшая требованиям современности. В связи с этим ставился вопрос о проведении под контролем русских властей широких реформ. Необходимость их обосновывалась также господством консервативного мусульманского духовенства в сфере обрывания и судопроизводства (особенно это касалось Бухары). Многие российские чиновники и военные, служившие в Бухаре, высказывали опасения по поводу высокой степени фанатизма бухарского духовенства его значительного влияния на население. Вопрос о реформах в ханствах особенно активно обсуждается после революции 1905 г., когда в самой России был установлен «квазиконституционный» режим. Столкновения в январе 1910 г. между суннитами и шиитами Бухары (последних представляло в основном персидское население эмирата) внешне выглядели проявлением национальной и религиозной вражды. Однако за этим стояли внутренние противоречия социально-экономического характера. После событий 1910 г. на правительственном уровне начал обсуждаться вопрос о полном присоединении Бухары и Хивы к России в качестве самостоятельных административных единиц. Так, в 1910 г. предложение туркестанского генерал-губернатора об окончательном присоединении Бухары к России дискутировалось в Совете Министров под председательством П. А. Столыпина. Предложение было, как известно, отклонено [6, с. 49–50].

Таким образом, присоединенные во второй половине XIX в. среднеазиатские области не имели точно определенного административного статуса. В основе этнической и лингвистической классификации жителей Средней Азии лежала социальная иерархия по этническому признаку. Она определяла положение различных сообществ исходя из имперских нужд и критериев, отдававших предпочтение городским жителям и оседлому населению по сравнению с кочевниками.

Если отдельные национальные районы, находившиеся в схожих с Центральной Россией социально-экономических и культурных условиях, получили подобные и довольно близкие к ней органы управления, то такие территории, как Туркестанский край и стоявшие особняком государства, находившиеся под протекторатом России, – Бухарский эмират и Хивинское ханство, демонстрировали особый пример, когда местные условия становились причиной выделения таких районов в той или иной мере в административном отношении из общегосударственной системы управления.

Список источников и литературы

1. Бороздин С. С. Пробуждение Бухары: Бухарский эмират в конце XIX – начале XX в. // Karadeniz. 2012. № 4 (14). С. 47–64.

2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков. Иркутск, 2015.

3. Зиманов С. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976.

4. Карнишина Н. Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (18). С. 22–28.

5. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997.

6. Пылев А. И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. Выбор путей развития. СПб., 2005.

7. Рагимова П. Ф. Особенности национальной политики Российской Империи в конце XIX – начале XX века // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5. С. 134–141.

8. Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи. (XIX в). Уфа, 1999. С. 73–74.

9. Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии // Ф. Ходжаев. Избранные труды. Ташкент, 1970. Т. 1, ч. 1.

10. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

11. Шушкова М. Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века. М., 2015.

ЭТНОС АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Антипова Антонина Викторовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Заселение Астраханской области началось еще с глубокой древности. Освоение территории прикаспийских степей произошло между XII и X тыс. до н. э., однако на Нижней Волге встречаются более ранние стоянки древних обитателей. Народы, заселявшие степи, занимались скотоводством, охотой, собирательством, чуть позднее рыболовством, обрабатывали медь, осваивали металлы. На территории нашей области найдены сотни стоянок мезолитического и неолитического периодов.

Первые этнокультуры на территории Нижней Волги и соседних степных пространств относились к праиндоевропейской языковой общности: ямники, срубники и катакомбники, – эти народы назывались так по способу захоронения умерших.

Ямники хоронили умерших в могильных ямах, над которыми создавали земляные курганы. Племена ямной культуры первыми перешли от придомного к кочевому скотоводству. Скот давал кочевникам мясо, молоко, шерсть, скот служил средством передвижения по степи. Переход к кочевому скотоводству был связан с увеличением его поголовья. Следствием этого стала нехватка кормов вблизи стационарных жилищ, и люди начали переходить к кочевому образу жизни. Основными видами домашних животных являлись козы и овцы [2, с. 8].

Племена катакомбной культуры хоронили своих умерших в катакомбе, вырытой в одной из стен погребальной ямы. В погребениях часто встречаются керамика различной формы. Основным богатством считался скот. Занимались охотой и рыболовством. Сами поселения располагались на берегах рек и озер. Катакомбные племена жили родовыми поселками, погребения-курганы принадлежали определенной семье [2, с. 8].

Срубные племена хоронили своих умерших в грунтовых ямах, в которых устраивали деревянные срубы. В погребениях этого племени встречают полировочные булавы, которые подчеркивают социальный статус их владельца. Занимались кочевым скотоводством, металлообработкой [2, с. 8].

В Нижнем Поволжье с VII в. до н. э. обитали савромато-сарматские племена – ираноязычные кочевники. Основным хозяйством было кочевое скотоводство. Савроматы произошли от женщин-амазонок и скифских юношей. Савроматы жили в шатрах или кибитках, сарматы не имели постоянного места жительства и жили в лагере. Сарматские племена были близкими родственниками савроматов.

На Волге в 375 г. появились гунны. Гунны представляли собой многочисленных тюркоязычных, монголоязычных, финно-угорских и ираноязычных племен. Основное население гуннов в конце III – начале IV в. начинает передвижение из Центральной Азии через Нижнее Поволжье и Северное Причерноморье в Европу, к границам Римской империи. Покоряя одни племена за другими, гунны продвинулись в Европу, где вступили в бой с Римской империей. Нашествие гуннов положило конец господству в евразийских степях ираноязычных европеоидных кочевников и знаменовало начало эпохи тюрко-монгольских кочевников.

В середине VI в. в Центральной Азии образовывается Тюркский каганат, который вскоре в ходе междоусобной борьбы распадается на Западную и Восточную части. Именно в рамках Западной части Тюркского каганата начинает формироваться Хазарский каганат [2, с. 14].

У молодого государства был противник – Великая Болгария. Хазарский каганат вместе с аланским племенем выступает против Болгарии. В результате хазары покорили Великую Болгарию, поглотив ее земли и население. После покорения Великой Болгарии влияние хазар распространилось на все Северное Причерноморье и Крым. С VIII в. центром Хазарии стал г. Итиль. Основное население было тюркоязычные хазары, булгары и ираноязычные аланы.

В IX в. на Хазарский каганат учащаются набеги печенегов. Дружина Святослава с печенегами разбила Хазарское царство и захватило города Итиль и Саркел. Печенеги под натиском тюркоязычных племен гузов, перемещаются в южнорусские степи.

Большое количество погребений печенегов находится на левом берегу Волги. При раскопках печенежских погребений часто встречается оружие, бляхи, пряжки, бусы, лепные глиняные сосуды, изделия из бронзы и серебра. Помимо оружия и предметов быта, находят захоронения с ко-

нями [2, с. 18]. Печенеги занимались кочевым скотоводством, сеяли пшеницу и просо, изготавливали оружие. Печенеги вторглись на территорию Хазарского каганата, разрушая города и поселения. Вследствие этого нашествия был перезан торговый «шелковый путь». Киевский князь Ярослав выступил против печенегов и нанес им поражение, от которого они не смогли оправиться. Из южнорусских степей обессиливших печенегов вытеснили половцы.

В первой половине XI в. в степях Нижнего Поволжья появляются кочевые племена половцев. Родиной половцев считается район Иртыша. Со второй половины XI в. половцы начинают кочевать по территории Яика до Причерноморья. Половецкие степи известны под названием Дешти-Кыпчак [2, с. 19]. Половцы занимались кочевым скотоводством, земледелием, из шкур изготавливали одежду и обувь.

В эпоху Золотой Орды значительную часть населения городов Нижнего Поволжья и степей составляли тюркоязычные кипчаки (XIII–XV вв.). Границы Золотой Орды простирались с севера на юг от Башкирии до г. Дербента, а с запада на восток – от Дуная до Иртыша. Центром нового государства стал Астраханский край. Именно здесь была основана столицы Золотой Орды Сарай-Бату. Уже с XIV в. тюркомусульманское население Золотой Орды назывались «татарами». В это время на территории современного Харабалинского района появился город Сарай, где проживало многонациональное население (монголы, кипчаки, русские, арабы, армяне и др.). После распада Золотой Орды образовалось Астраханское ханство. Оно возникло в 1459–1460 гг. и было присоединено к Российскому государству в 1556 г. Основным населением ханства, были тюркоязычные «татары» [1, с. 72].

Середина XVI – XVII в. после завоевания Астраханского ханства русские в 1558 г. основали на левобережье Волги новую Астрахань. Первым и основным населением Астраханской крепости были русские стрельцы и донские казаки. Однако по мере роста города в конце XVI – первой трети XVII в. и возникновения его новых частей – Белого и Земляного «городов», в Астрахани стало появляться многонациональное население – служилый, торговый и ремесленный люд: собственно русские, юртовские ногайские татары, армяне, персы, индийцы, бухарцы и хивинцы – выходцы из Средней Азии (Бухарского и Хивинского царств), немцы и др. В низовье региона в этот период возникают первые поселения русских крестьян-переселенцев, занимающихся в основном рыболовством (так называемые «ловцы»). Степные пространства заселяют полукочевники-юртовцы (в ближайших окрестностях Астрахани) и кочевники-калмыки (последние – с XVII в.) [1, с. 72].

В XVIII в. активно развивалась этническая колонизация Астраханского края. За это время значительно возросло русское и появилось украинское население. В дальнейшем территорию Нижней Волги заселяли другие народы из средней полосы. Также колебалось число калмыков; с ними в процесс переселения были втянуты и тюркские этносы. В это время в Астраханский край переселились с запада ногайцы-карагаши, а с востока – кыргызы-буруты, туркмены. После обратной откочевки на освободившихся землях появились новые кочевники – казахи Внутренней (Букеевской) орды. Увеличивалось также число городское русское население, средневолжских татар, гилянцев из Персии, бухарцев из Средней Азии, индийцев и др. Именно этот период важен в истории, как основной этап формирования специфических этносов Нижнего Поволжья [3]. С 1801 г. в Астраханском крае появляются казахи, татары-переселенцы, также возникает еврейская община.

В советский период (1917–1991 гг.) больших изменений в этническом составе Астраханской области не наблюдалось. Однако необходимо отметить переселение в 1947 г. русских-липован, а также мигрантов с Северного Кавказа, цыган и отдельных групп российских немцев в исследуемый регион [4].

С 1990 г. в Астраханской области появляется прирост населения с Кавказа и из Средней Азии: аварцы, даргинцы, лезгины, чеченцы, кумыки, азербайджанцы, армяне, узбеки и таджики.

Астраханский край имеет многонациональное население. На сегодняшний день население чуть превышает 1 млн человек. В нашем регионе проживает более 100 национальностей. Большинство население области составляют русские (70 %), второй по численности народ – казахи (16,3 %). Астраханская область является историческим местом проживания татар (7 %). Вследствие миграций неуклонно возрастает численность народов Кавказа. По языковой принадлежности современное население принадлежит к следующим языковым семьям: индоевропейской (русские, украинцы, белорусы, армяне, таджики, цыгане и др.), алтайской (казахи, татары, ногайцы, туркмены, азербайджанцы, узбеки, турки, кумыки, чуваши, калмыки и др.), кавказской, или северокавказской (аварцы, даргинцы, лезгины, чеченцы, грузины и др.), уральской (мордва, ма-

рийцы и др.). На территории региона проживают представители наций как дореволюционного (русские, украинцы, татары- переселенцы), так и советского (казахи) периодов формирования, народностей (ногайцы, цыгане и др.) и субэтнических групп (липоване, юртовцы и др.) [1, с. 72].

Список источников и литературы

1. Сызранов А. В. Этносы и этнические группы Астраханской области. Астрахань: ОМЦ НК, 2008. 72 с.
2. Тюрин А. О. История Астраханского края. Астрахань: Астраханский ун-т, 2007.
3. Исторический очерк об истории Астраханского края. URL: http://asthistory.narod.ru/istorocherk.htm.
4. Национально-культурные общества (1988–1995 гг.). URL: http://www.astrakhan.ru/history/read/110/.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ У КАЛМЫКОВ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА УВЕЛИЧЕНИЕ СКОТА, В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ БОРЬБЫ В XIX в.[1]

Батыров Валерий Владимирович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии,
Калмыцкий научный центр Российской академии наук,
г. Элиста

В традиционном кочевом обществе наибольшую важность имели обряды, направленные на сохранение и увеличение поголовья скота. Считалось, что магические действия и запреты, имеющие архаические истокибудут оказывать позитивную роль на хозяйство. Именно поэтому обряды магического характера занимали особое место в производственном цикле. Так, согласно поверьям, благотворное влияние на успешное течение окота и сохранности стада могло оказать нахождение в священных местах, произнесение молитв или каких-либо конкретных действий, связанных как с добуддийскими верованиями, так и позднее – с буддизмом, для достижения желаемого эффекта на скот. Также в обрядах использовался огонь, магические числа, молочные продукты и многое другое.

Борьба является частью традиционной культурыбольшинства народов Евразии. С древнейших времен борьба представляла собой важную часть образа мира и была связана с хозяйственно-культурным типом кочевников-скотоводов. Об этом свидетельствуютматериалы археологических и этнографических исследований. Так, А. Ф. Решетников, З. И. Рабецкая считают, что «следы» современной борьбы народов Прибайкалья уходят в ритуальную борьбу эпохи неолита [2, с. 90]. В петроглифах рек Ангары, Лены и озера Байкал встречаются антропоморфные изображения людей, которые борются друг с другом. Это приводит нас к тому, что истоки борьбы связаны с ритуальной борьбой. Особый интерес представляет фигурка с птичьей головой. В ритуальной борьбе фигурку с птичьей головой представляет, скорее всего, шаман [2, с. 90]. Можно предположить, что в ритуальной борьбе с потусторонними духами он олицетворял борьбу дня против ночи, добра против зла.

В дальнейшем единоборства стали приобретать и состязательный характер. Постоянное применение борьбы не только в ритуальных целях, но и военных, со временем привели к формированию специальных приемов, которые были характерны для той или иной этнической группы. Однако общий характер борьбы как ритуального действия оставался неизменным на протяжении веков среди кочевых народов Центральной Азии. У калмыков такая борьба получила название «ноолдан» («бок ноолдан»), которая устраивалась во время народных и религиозных праздников. Силачи выступали от своего рода в своем аймаке, от своего аймака в улусе [13, с. 5].

Борьба имела значение и в культурной традиции калмыков. Первые упоминания о существовании традиций борьбы среди калмыков мы встречаем в XVIII в. в работах В. М. Бакунина и И. С. Унковского [3; 12]. Сведения о борьбе указанные авторы представили достаточно обрывочно, сугубо в контексте описания нравов и быта калмыцкого народа. Они первыми указали на взаимосвязь проведения борцовских поединков с ритуальными праздниками, а также основные элементы и правилабытующие среди борцов. В записях путевого журнала российского дипломата И. С. Унковского, который посетил родственное волжским калмыкам население Джунгарского

[1]Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия» (№ гос. рег. 115060905739).

ханства в начале XVIII в., встречается одно из самых ранних упоминаний о калмыцкой борьбе, где он отмечал, что «сей калмыцкий народ из древних лет борьбу в великой похвальбе содержит, и от малых лет каждый тому учится и обвыкает» [12, с. 99]. Примерно в то же время другой российский чиновник В. М. Бакунин упоминал калмыцкую борьбу в своей рукописи «Описание калмыцких народов». Надо отметить, что о самой борьбе он оставил крайне скупые сведения, но они отличаются тем, что, будучи не эпизодическим наблюдателем, как И. С. Унковский, а настоящим знатоком калмыцкого быта, который на протяжении десятка лет активно участвовал в жизни калмыцкого общества, В. М. Бакунин был первым, кто указала взаимосвязь борьбы с праздником Урс Сар. Данный праздник у калмыков отмечался в день новолуния первого летнего месяца, т. е. примерно в мае, «а между тем определение сего праздника зависит от ханского объявления, причем наблюдается, чтоб в тех местах, где кочует калмыцкий народ, уже вышла зеленая трава, и кобылы их ожеребились, и могли их доить, и из молока их сидеть (т. е. курить, гнать) вино. И как об оном празднике от хана объявится и назначится день, то к тому времени нойоны, попы, зайсанги, также и лучшие калмыки съезжаются к хану и отправляют празднество пусканием лошадей взапуски и борьбою <...>, и стрелянием из лука стрелами в мишень с особливым награждением за все то победителям» [3, с. 147]. Примечательно, что В. М. Бакунин указал на специфичные признаки борьбы у калмыков, которые боролись нагими, обмазанными маслом или салом. Это приводит нас к неотъемлемой связи борьбы с праздником Урс Сар, смысл которого заключался в торжестве по случаю обновления природы, перехода с весенних пастбищ на летние, увеличения стад, обеспечения богатства и благополучия.

Наиболее подробные и достаточные сведения до нас донесли исследователи калмыцкого быта XIX в. П. Небольсин, В. И. Немирович-Данченко, П. Смирнов, [8; 9; 11]. Именно эти описания дают нам возможность провести комплексный анализ калмыцкой борьбы и связать ее с существованием хозяйственных обрядов у калмыков. В. И. Немирович-Данченко художественно описывал борьбу: «Это прекрасный обычай. Тут действительно искусство на переднем плане, а не зуботычины с сокрушением челюстей. Никакие удары – не допускаются» [9, с. 364]. Более того, рассматривая их работы в хронологической последовательностимы даже можем проследить основные этапы развития калмыцкой борьбы в контексте ее движения от обрядовой в светскую. Это напрямую связано с экономическим развитием Калмыцкой степи в XIX в., отменой зависимых отношений в 1892 г. и все большем распространением рыночных отношений среди калмыцкого населения. Отдельно надо упомянуть, чтоуказанные работы XIX в. на данный момент являются наиболее исчерпывающими источниками по традициям калмыцкой национальной борьбы. Эпизодическое проведение борцовских поединков в рамках калмыцких праздников стало причиной их незначительного влияния на общественно-политическую ситуацию и хозяйство в Калмыцкой степи XIX в. Это привело к тому, что калмыцкая борьба не попадала в сферу внимания российских чиновников, следовательно, упоминания о ней не могли попасть в отчеты или какие-либо другие делопроизводственные документы XIX в. В архивных фондах Национального архива Республики Калмыкия нам так и не удалось выявить каких-либо упоминаний или описаний калмыцкой борьбы. Отдельные сведения о калмыцкой борьбе встречаются только в калмыцком фольклоре и сохраняются впамяти старшего поколения.

В историографии XX в. калмыцкая борьба осталась за рамками профессионального внимания историков и этнологов. Борьба оказалась предметом исследования исключительно спортсменов, которые рассматривали ее исключительно в качестве одного из видов спорта во второй половине XX в. В пределах своих работ они рассматривали историю и происхождение правил калмыцкой борьбы только как военно-спортивное состязание. Так, в 1970 г. известный тренер и мастер спорта по самбо А. А. Жемчуев дал краткую историю и характеристику калмыцкой борьбы, а также обобщил и составил первые правила калмыцкой национальной борьбы, которые опубликовал в своей книге «Борьба», опубликованной в г. Элисте в 1975 г. [5]. В 2009 г. вышла краткая обзорная статья В. Кожухова о калмыцкой национальной борьбе в контексте самообороны [7]. В настоящее время усилиями энтузиаста и активного популяризатора калмыцкой борьбы, тренера и мастера спорта СССР по вольной борьбе В. Э. Цандыкова было опубликовано несколько работ по истории и правилам калмыцкой борьбы. Именно под его влиянием в борьбу стали возвращаться отдельные обрядовые элементы, как, например, вывод секундантами борцов на схватку закутанными в материю, исполнение борцами перед началом поединка короткого зажигательного танца и пр. [13–15].

Подробные описания борьбы, приведенные современниками XIX в., указывают на то, что борцовские поединки были строго регламентированы и «от начала до конца подчинены известным правилам» и «проникнуты торжественностью» [8, с. 144]. Следует отметить, что, исходя из полученных сведений, можно представить правила калмыцкой борьбы. Так, не было ограничений по времени поединка, но допускался отдых по договоренности друг с другом (не меняя положения). Не было ограничений по весу, часто боролись по партиям, а боролись всегда в круге, причем у каждого борца должен был быть свой секундант. Боролись в одних шароварах, штанины которых туго закатывали. Борьба начиналась с того, что борцы, сильно наклонившись, кружили, не вступая в контакт. Были запрещены подножки, можно было только уронить противника силой или через себя на голову. Победителем считался тот, кто положил своего оппонента на лопатки.

Семантика борцовских поединков всецело связана с его значимостью. Борьба всегда проходила в праздничные дни, что указывает на то, что в более ранние периоды она была связана с ритуальными целями. Круг как символ солнца напрямую связывает борьбу с солярными культами. О том, что борьба всегда проводилась в круге упоминал И. С. Унковский, который писал, что зрители образовывали круг, а «посреди круга сидели два зайсана и четыре человека знатных калмыков, которые рассуждают борцов, ежели в чем спор учиниться, и записывают с которой стороны поборят» [12, с. 98]. В XIX в. П. Смирнов писал, что «собравшиеся зрители образуют большой правильный круг, имеющий в диаметре сажен десять, а иногда и более. Они располагаются так: люди, составляющие первые три или четыре ряда круга, обыкновенно садятся на землю поджавши ноги как наши портные, для того чтобы лучше видеть все происходящее в центре круга» [11, с. 72].

Следует заметить, что среди кочевников Центральной Азии культ обожествления солнца, который был связан с обожествлением животныхвсегда игралособую роль. Так, по мнению Е. Е. Кузьминой, у индоиранских скотоводов «эпитет многих богов – “Дарующий богатство скотом”, а имя верховного бога Ахура Мазда означает “Тот, кто создал для нас скот”». Это ведет нас к тому, что происхождение духовных ценностей и их иерархические соотношения вырастают из практического бытия людей, в конечном счете – из характера их производственной деятельности. Именно поэтому обожествление животного было в культуре скотоводов-воинов-кочевников столь же закономерно, как поклонение солнцу в культуре земледельцев [6, с. 151].

У калмыков почитание солнца прослеживается во всех сферах культуры калмыков. С давних времен знаком национального отличия калмыков от других племен и народностей Востока являлась «улан зала» – красная кисточка на шапке. Отсюда и название «улан залатахальмгуд». Многие исследователи относят это к рудиментам солярного культа у калмыков, отсюда и фраза: «калмыки – дети солнца». Женщина, хозяйка семейного очага, ранним утром открывала полог дымового круга навстречу первым лучам солнца и закрывала его в конце светового дня. Все ритуальные действа у калмыков совершались по ходу солнца [1, с. 433].

По сути, борьба – это демонстрация конфликта между двумя противоборствующими сторонами. В большинстве ритуалов солярного культа неизменно восхваляется победа солнечного божества над чудовищным противником. В полном соответствии с этим исключительным положением солнечного божества в мифах о сотворении мира, солнце является главным героем целого ряда особых солярных сказаний. Борьба солнца с его вечными врагами – мраком и водной стихией, смена времен года, – вот основная тематика этих легенд. Солнце спускается в преисподнюю, бьется со своими врагами и выходит победителем, царем и богом нового рождения. Весь круговорот времен года в виде непрерывной борьбы и поочередной победы светлых и темных сил природы. Исходной точкой этого круговорота было наступление нового года – рождение нового солнца. Вмонгольской мифологии, когда солнце, погружаясь вечером в море, ночью продолжало свой путь в воде (внизу), чтобы возобновить дневной путь по небу. Восприятие «пространства в традиционной культуре калмыков ориентировано на определенное положение солнца» [10, с. 91].

Круг зрителей предполагает также, наличие магической связи с другим миром. Ни один из очевидцев не сообщал о каких-либо ритуальных танцах у калмыков, хотя известно, что у большинства тюрко-монгольских народов борьба всегда сопровождалась ритуальным танцем орла. Однако известно, что борьба у калмыков начиналась с того, что борцы, сильно наклонившись, кружили, не вступая в контакт. Так, П. Небольсин писал, что до начала поединка борцы низко наклонялись, касались пальцами обеих рук земли, отдавали «почести» владельцу улуса, затем умывали руки песком и медленно кружили по кругу, «шагая исполинскими шагами и сильно раз-

махивая руками» [8, с. 149]. Это определенно можно интерпретировать как танцевальные действия. Между тем, танец «орла» перед борьбой символизирует переход в верхний мир к предкам и богам, т. к. небо – территория предков, т. е. борьба проходит как подношение предкам. Среди кочевых народов Центральной Азии орел выступает как посредник и посланник Неба на земле, связующее звено между верхним и нижним мирами. Сакральное значение борьбы в этом контексте можно трактовать как путь к предкам и обращение к предкам и создателю.

В данном случае мы можем предположить, что сам борцовский поединок символизировал переход в потусторонний мир. Это наглядно показано тем фактом, что все борцы в круг входили не просто так, а покрытые белой материей. С практической стороны, это также преследовало своей целью, чтобы сами борцы до самого входа в круг не знали, кто их противник. Так, П. Небольсин писал, что «борец, которого вел секундант владельческой стороны, весь трясся, от избытка энергии и от страха за будущее; шаги его были неравномерны. Он, подобно своему противнику, был с головы до ног закутан в белую простыню. Вступив на арену, борцы остановились; секунданты сняли с них покрывала; воздух огласился радостными кликами, которыми народ приветствовал молодых атлетов» [8, с. 149]. Отдельно надо отметить, что П. Смирнов писал, что и окончание боя проводилось также как и начало, т. е. накрытием борцов с головой: «После продолжительной и нерешительной возни дядьки, выведшие двух молодых людей на арену единоборства, видя их усталость и изнеможение, разводят борцов в разные стороны, накрыв каждого из них халатом, который они держат в руках в продолжение всей борьбы. В последнем случае раздаются дружные аплодисменты. Все зрители, хлопая в ладоши, кричат им: «Ай залус, ай залус» – «Ай, молодцы, ай, молодцы!» [11, с. 74]. Об этом же сообщал и В. И. Немирович-Данченко: «Распорядители и вся толпа следят за ними. Покрывала в руках <…> Чуть один готов упасть, на головы обоим моментально набрасывают кафтаны, толпа кидается и борцов уводят, не дав кому-либо одержать решительную победу, чтобы честное единоборство не обратилось в драку и не вызвало вражды» [9, с. 363].

В конце XIX в. калмыцкое общество подверглось глубоким социально-экономическим преобразованиям, что привело к упрощению правил борцовских поединков. Основным было то, что борцы теперь уже могли не накрываться белой тканью, а только лишь своей одеждой. В. И. Немирович-Данченко и П. Смирнов отмечали изменения в ритуале проведения борцовских поединков. Так, В. И. Немирович-Данченко писал: «но вот стена прорвалась с двух противоположных сторон, и распорядители ввели в свободное пространство двух голых (*по пояс – В. Б.*) борцов, которым на голову были наброшены их собственные кафтаны. Глаза и лицо сплошь были закрыты ими» [9, с. 363]. Это же подтверждает и П. Смирнов, который отмечал: «когда почетные гости явятся на место турнира, приготовленных к борьбе лиц накрывают халатом с головою и в сопровождении двух калмыков, известных в былое время упражнениями в борьбе, выводят из двух противоположных кибиток» [11, с. 73].

Примечательно, что у соседних с калмыками ставропольских туркмен в XIX в. борцов также выводили завернутых сголовы до ног в белую материю. Перед тем как снимут материю с головы борца, он опускался на одно колено для получения благословения, съедал несколько кусочков баранины под белой метрией, прикладывал правую руку к груди и становился на позицию для борьбы.

Отдельно надо рассмотреть традицию калмыцких борцов выступать обнаженными. В данном случае обнаженность мы понимаем символически: обнаженным считался борец, вышедший на бой с голым торсом и в коротких штанах. Так, И. С. Унковский один из первых сообщал, что «с обеих стороны выходят борцы нагие, токмо в штанах, которыя подобраны выше гораздо колен» [12, с. 98]. В. М. Бакунин указывал на то, что в борьбе участвуют «нагие калмыки, которые мажутся маслом или салом» [3, с. 147]. В XIX в. П. И. Небольсин писал, что борцы являлись «взорам народа полунагими» на которых были надеты «одни широкие, белые, далеко недоходящими до колен шальвары» [8, с. 149]. П. Смирнов так описывал начало борьбы: «как только введут их в середину круга и поставят одного возле другого, немедленно сдергивают с них халаты, и взору собравшихся зрителей представятся два полунагие калмыка!» [11, с. 73]. В. И. Немирович-Данченко также акцентировал внимание на «двух голых борцах», указывая на то, что единственно, что было оставлено на боксерах, – «перевязка вокруг бедер» [9, с. 363]. В данном случае демонстрацию наготы борцов можно однозначно интерпретировать как продуцирующий обряд, как способ войти в контакт с землей и продуцирования ее силы, передать земле и скоту человеческую способность к воспроизводству.

Значительный вклад в изучение вопроса наготы борцов у древних кочевников внес археолог М. П. Грязнов, который на основании древнекитайских хроник и исследования трупа мужчины, сохранившемуся во Втором Пазырыкском кургане на Горном Алтае, датируемым временем около IV в. до н э., сделал некоторые замечания о бытовании борьбы на Алтае. В хрониках о древних кыргызах, писал он, сообщалось: «Храбрые из них татуируют руки себе» [4, с. 25]. Изучая татуировки погибшего воина, которые были изображены в зооморфном стиле и покрывали руки, плечи, верхнюю часть груди и спины, ноги от колена до стопы археолог сделал вывод: «Надо думать, что погребенный в кургане мужчина появлялся в обществе в некоторых случаях одетым только в короткие штаны, и это могло быть при выступлении его в публичных состязаниях в борьбе». Такая татуировка имела смысл только в том случае, если ее могли видеть другие во время состязаний в борьбе [4, с. 12]. Таким образом, традиция участия в борьбе обнаженных борцов имеет очень древнюю традицию на территории Центральной Азии. Следует только отметить, что вряд ли представитель знати боролся на потеху публике, а значит, его татуировки использовались как один из элементов в ритуальных практиках в виде борьбы.

Бывший в середине XIX в. в Калмыцкой степи П. Смирнов указывал: «при единоборстве ни женщинам, ни девицам быть не позволяется, потому что лица, имеющие участвовать в борьбе, всегда бывают полунагие» [11, с. 73]. Однако социально-экономические процессы, протекающие в Калмыцкой степи, привели к тому, что за относительно небольшой период борьба из культового и ритуального события стала постепенно переходить в разряд публичного спортивного состязания. Так, уже в конце XIX в. В. И. Немирович-Данченко, описывая калмыцкую борьбу на Калмыцком базаре, отмечал: «калмычки, глядя на голых взрослых борцов, нисколько не конфузились. Напротив – на лицах живейшее участие, восклицания так и сыплются, глаза горят, девушки рассуждают о борцах, ободряют их» [9, с. 363].

Таким образом, борьба у кочевников имеет наибольшую значимость с точки зрения прикладного применения, так и обрядовых, направленных на сохранение и увеличение поголовья скота. Развившись из ритуальных действий, борьба стала все более популяризироваться, публичные зрелища стали устраивать даже частные лица. Борьба, которая первоначально проводилась как ритуальное событие, связанное с почитанием предков, постепенно превратилась спортивное состязание. С конца XIX в. калмыцкая борьба стала приобретать массовость, и борцы уже стали соревноваться при всех значимых событиях калмыцкой жизни или по каждому удобному случаю. Во второй половине XX в. калмыцкая борьба почти полностью утеряла свои ритуальные свойства, направленные на увеличение скота, и стала полноценным видом спорта.

Бесспорно, что функции национальной борьбы напрямую связанны с обрядовыми действиями, поклонения духам предкам. Ряд характерных особенностей борьбы – ритуальные движения, круговое распределение зрителей, – указывают на наличие еще целого ряда функций, которые требуют специального исследования семантики его структурных единиц. Важно понимать, что хотя борьба не была непосредственно связана с обрядами и ритуалами праздника Урс Сар. Тем не менее, она всегда была приурочена к этому празднику, что приводит нас к выводу о существовании неразрывной связи борьбы с родовыми обрядовыми молениями и солярным культом. Солнце в данном случае выступает как создатель и покровитель животных. Учитывая характер производственной деятельности кочевников, именно этот аспект был особенно важен для калмыков.

Закутывание борцов в белую материю при выходе в круг, также позволяют нам связать борьбу с потусторонним миром. Другой элемент борьбы, демонстрация наготы борцов, можно однозначно интерпретировать как продуцирующий обряд, как способвойти в контакт с землей, передать земле и домашнему скоту человеческую способность к воспроизводству. Это дает основания предполагать, что для калмыков борьба, как явление, была связана, прежде всего, с ритуально-обрядовыми формами и функциями, а состязательность и другие бытовые формы – поздние трансформации.

Список источников и литературы

1. Бакаева Э. П. Доббудийские верования калмыков // Калмыки. М.: Наука, 2009. С. 429–465.
2. Бадманямбугийн Б.-Э., Рэгжийбуугийн Н.-Д., Сагалеев А. С. Единоборство как феномен этнокультуры монгольских народов // Вестник бурятского государственного университета. 2015. Вып. 8. С. 89–94.
3. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книж. изд-во, 1995. 153 с.

4. Грязнов М. П. Древнейшие сведения об героических эпосах Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л.: Наука, 1961. С. 7–32.
5. Жемчуев А. А. Борьба: Из истории развития спортивной борьбы в Калмыкии. Элиста: Калмыцкое книж. изд-во, 1975. 41 с.
6. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб.: Петрополис, 2003. Т. 1. 368 с.
7. Кожухов В. Калмыцкая национальная борьба // Самозащита без оружия. 2009. Вып. 5 (40).
8. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
9. Немирович-Данченко В. И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки). СПб.: Изд. Книгопродавца И. Л. Тузова, 1877. 403 с.
10. Селеева Ц. Б. Рудименты солярной мифологии в эпосе «Джангар» // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 89–92.
11. Смирнов П. Путевые записки по калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книж. изд-во, 1999. 248 с.
12. Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 276 с.
13. Цандыков В. Э. Калмыцкая национальная борьба «Бөкибарилдан»: история и современность. Элиста: Джангар, 2011. 182 с.
14. Цандыков В. Э. Основы базовой техники калмыцкой национальной борьбы «Бөкибарилдан». Элиста: Джангар, 2009. 135 с.
15. Цандыков В. Э. Учебная программа по физической культуре на основе спортивной борьбы методическое обеспечение по реализации программы на основе спортивной борьбы. Элиста: КГУ, 2014. 173 с.

АСТРАХАНСКАЯ ШКОЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1943 гг.)

Бегжанова Сандугаш Лоткызы,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань.

Ударившая по СССР фашистская машина нанесла значительный урон всем сферам жизнедеятельности советского государства. Труднейшее испытание легло на плечи советских граждан, которое выражалось в небывалом подъеме патриотических чувств. Жители Астрахани, также как и весь советский народ, с первых дней войны мобилизовали усилия на оказание помощи фронту, на создание новых резервов для действующей армии. Уже 22 июня 1941 г. в округе был рассмотрен вопрос о проведении военной мобилизации. То, что необходимо перестраивать всю систему было очевидно, и начавшаяся ее перестройка на военный лад оказала глубокое влияние на народное образование.

Прежде всего, перестройка коснулась организации образования. Почти всем образовательным учреждениям пришлось передать помещения под военные нужды, в первую очередь под госпитали, военные учебные заведения, а также под административные пункты. Подобных случаев передачи в Астраханском округе было 61 [1, с. 16]: под госпитали – 26, воинские части – 14, эвакообщежития – 3, детские дома – 9, дома инвалидов – 5, другие учебные заведения – 4. В связи с этим организация работы школ претерпевала большие трудности. Бывали случаи, когда обучение проходило в две и более смены. В Астрахани в семнадцати школах занятия проходили в три смены, в одной школе – в четыре, в северных районах округа дети учились в избах-читальнях, зданиях сельсоветов, правлениях колхозов. Организовать стабильное обучение мешала также эвакуация и перемещение по стране огромного числа детей. В отдельных школах количество выбывших и прибывших исчислялось сотнями. Так, например, в СШ № 10 им. Ленина в 1941/1942 учебном году выбыло 283, а прибыло 356 человек.

Согласно постановлению СНК «Об усилении военной и физической подготовки учащихся в 8–10-х классах средней школы» от 11 августа 1941 г., было увеличено количество учебных часов на военно-физкультурную и военно-санитарную подготовку. В соответствии с постановлением ГКО СССР от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», юноши и девушки, достигшие 16 лет, проходили обязательную военную подготовку [2, с. 20].

В связи тяжелым военным положением приходилось мириться с не менее тяжелыми условиями в школах. В докладной секретарю Астраханского окружкома ВКП(б) сообщалось, что в школах № 10 и 4 очень холодно. В 16 кабинетах школы № 10 температура достигала +6 °С, в остальных еще ниже +2 °С. Известны случаи замерзания чернил из-за холода. Дети постоянно

болели, поэтому половина класса отлеживалась дома и лечилась. Говорить о школьном питании не приходится: порой в школьном буфете ученикам выдавали только по 50 граммов хлеба.

Вышеперечисленные факты явились причинами резкого сокращения количества учащихся: в 1941–1942 гг. в школах Астрахани отсеялось 9529 учеников (30 %), в сельских – 19933 учеников (33,6 %). По отдельным районам количество выбывших доходило до 41 %, по 8–10 классам – 74 %.

Астраханский окружком ВКП(б) принимал меры для создания в школах элементарных условий для их работы. Благодаря реализации данных мер в 1942/1943 учебном году детям было выдано 12860 пар обуви, 14600 предметов одежды, 60 тыс. руб. деньгами.

Однако на втором году войны принимаемые меры никак не повлияли на сокращение учащихся. К первому звонку 1942 г. в 353 школах Астраханского округа числилось всего 38473 ученика – примерно по 109 человек на одну школу. В первую очередь, такое малое количество учащихся объясняется прифронтовым положением города и связанной с этим эвакуацией. Данная тенденция продолжалась и в последующие годы войны: на 1 января 1943 г. в округе училось всего 30704 ученика. Для сравнения: в 1941/1942 учебном году в 401 школе округа числилось 87498 школьников.

Война сказалась не только на детях, но и на преподавательском составе: в первом военном учебном году в ряды Красной армии ушли 350 учителей. В годы Великой Отечественной войны немало педагогов воевало на фронте. Только выпустившиеся студенты-педагоги, которым было едва за 20, уходили на фронт из школ вместе со своими учениками и их родителями.

Фрагмент докладной записки заведующего окружным отделом народного образования в марте 1943 г. содержал в себе информацию о материальном положении: «Материальное положение большинства учителей, работающих в школах округа и города, чрезвычайно тяжелое, основным продуктом питания является хлеб. Часто вместо хлеба выдается мука, а порой и зерно. Даже по карточкам продукты не отовариваются».

С первого и до последнего дня войны учителя Астраханского региона свято выполняли свой гражданский долг в жестокой схватке с врагом. В первом военном учебном году в ряды Красной армии ушли 350 учителей.

На фронте исполняли свой долг студенты и выпускники Астраханского педагогического училища. Так, например, Бурдина Нина Яковлевна, учитель немецкого языка, закончившая факультет иностранных языков, была военной переводчицей до самого 1945 г. Ильина Ираида Александровна, учитель начальных классов, была призвана в 1941 г. и попала в батальон связи. Зверобоев Михаил Иванович воевал еще в Финской войне; за заслуги получил звание лейтенанта, погиб в 1943 г. уже в звании капитана. Смирнов Павел Михайлович, учитель Кировской школы Камызякского района, механик-водитель, удостоенный звания Героя Советского Союза посмертно вместе с остальным экипажем [4]. Кузьмин Иван Михайлович и Малов Иван Алексеевич были выпускниками Астраханского училища им Н. К. Крупской. Иван Михайлович позже стал курсантом военного училища, войну застал в Белоруссии; погиб в 1942 г. в звании майора. Иван Алексеевич, награжденный медалью «За отвагу», в звании сержанта пропал на Северо-Западном фронте в 1942 г. Поляков Сергей Гаврилович, учитель начальных классов, служил в Прибалтийском военном округе, где был ранен; после воевал на Северо-Западном и Втором Прибалтийском фронтах; был контужен, лечился и снова в строй, и снова ранение. В 1944–1945 гг. поступил в Томское артиллерийское училище, и уже в войне против Японии он выступал в качестве офицера. Сызранов Василий Иванович, учитель математики, в звании сержанта начинает войну, в августе попадает в окружение под Уманью и продолжает в партизанском движении, в ноябре попадает в плен, затем следует лагерь для военнопленных, концлагерь. Пройдя все этапы войны, он продолжает свою педагогическую карьеру.

Так как все финансы и ресурсы шли на фронт и поддержание военной мощи страны, то все сферы жизни страдали. Переломным моментом в народном образовании стали 1943–1944 гг. Данные статистики говорят об увеличении числа школ и, соответственно, количества учащихся в них: 442 школы и 45526 школьников. Однако если считать среднее количество школьников на одну школу, то ситуация печальная: примерно по 103 школьников в каждой школе.

В связи с принятием правительством летом 1943 г. решения об организации суворовских училищ в г. Астрахани появился новый тип школ – Сталинградское суворовское военное училище. Для реализации данного решения под Суворовское училище было отдано здание средней школы № 8 имени Р. Люксембург. Данное училище существовало в Астрахани до 1946 г., а позже переехало в Оренбург.

Стала выполнять образовательные функции и Школа рабочей молодежи, открывшаяся в октябре 1943 г. Также стоит отметить наличие национальных школ. В 1945 г. в области работало 142 национальные школы: татарских – 42, казахских – 77, смешанных – 23.

В годы войны происходили перемены и в содержании, и в методах обучения. Взрослое население, ушедшее на войну, оставило много рабочих мест, и стране были необходимы квалифицированные специалисты. Так, на школу была возложена задача осуществления начальной профессиональной подготовки по основам сельского хозяйства и оборонным специальностям. Трудовое воспитание школьников во внеучебное время приобрела широкий размах. Особое внимание уделялось работе по военно-патриотическому воспитанию, в школах организовывали сбор денег на помощь фронту.

Таким образом, тяжелое бремя войны легло не только на солдат и воевавших на передовой. Войну прочувствовали абсолютно все, значительный урон был нанесен каждой сфере жизнедеятельности. Согласно лозунгу «Все для фронта, все для победы!» содержание школ, как и всего другого, осуществлялось по остаточному принципу. Однако школы продолжали выполнять свои воспитательную и обучающую функции, несмотря на ужасные условия в школах, постоянное перемещение школьников по территории страны (в связи с эвакуацией), потери в педагогическом составе – учителей, которые ушли на войну.

Список источников и литературы

1. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства по народному образованию. 1917–1947 гг. М.: АПН РСФСР, 1947.

2. Красноженова Е. Е. Ррешение проблем общеобразовательной школы в период Великой Отечественной войны (на примере Нижнего Поволжья) // Известия ВГПУ. 2012. № 4. С. 19–22.

3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917–1973. М., 1974.

4. Общеобразовательная школа Астраханской области в годы Великой Отечественной войны. URL: https://vuzlit.ru/663429/obscheobrazovatelnaya_shkola_astrahanskoy_oblasti_v_gody_velikoy_otechestvennoy_voyny.

ВЛИЯНИЕ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА» НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН В 1917 г. (НА МАТЕРИАЛАХ г. АСТРАХАНИ)

Безбородова Юлия Николаевна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
научный руководитель: ***Рослякова Ольга Борисовна****,*
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Интерес к проблематике повседневности в исторической науке с каждым годом нарастает, что свидетельствует о своеобразном социальном заказе и является ответом на стремление общества признать обыкновенного человека творцом истории. В период революции и Гражданской войны произошла радикальная трансформация всего образа жизни населения России и Астрахани, в частности. Одной из важнейших структур повседневности является питание людей. В отличие от других форм социально-экономического кризиса, продовольственная проблема не стала порождением 1917 г. Политика советского правительства в значительной степени унаследовала основные направления деятельности царского и Временного правительств. Продовольственный кризис из вопроса социально-экономического быстро перерос в политический вопрос сохранения советской власти как таковой. Безусловно, факторы влияния на социально-экономическую, культурную жизнь провинции в рассматриваемый период можно охарактеризовать как единые для всей страны, но также можно говорить и о региональных особенностях, проявлявшихся в сложной национальной ситуации и своеобразии субъекта исследования.

В рассматриваемый период в г. Астрахани можно выделить несколько главных составляющих продовольственного вопроса: нехватка муки, хлеба, сахара, мяса среди городского населения, дороговизна и отсутствие товаров первой необходимости. Также отдельной проблемой можно вынести и топливный кризис, который стал тяжким бременем для обычного городского жителя.

В 1917 г. во многих астраханских газетах: «Астраханский листок», «Астраханские губернские ведомости», «Астраханский вестник», – на первых страницах пишется о том, что состояние продовольствия страны принимает формы национального бедствия. В первую очередь, самым обсуждаемым вопросом в периодической печати являлся недостаток хлеба среди городского населения. Если в довоенный период в 1914 г. Россия вывозила до 600 млн пудов хлеба, то, по данным переписи, в 1917 г. площадь посева хлебов на крестьянских землях сократилась на 16 %. Урожай хлебов за истекшие четыре года был на 14–15 % ниже урожая предыдущего пятилетия. Так, в газете «Астраханский листок» от 24 мая 1918 г. четко показано понижение показателей урожая за 1917 г.: «Если взять средний валовый сбор ржи и пшеницы то в 1909–1913 гг. составлял 2219, 7 млн пудов, а в 1914–1917 гг. эта цифра значительно снизилась, а сбор ржи и пшеницы уже составлял 1963,9 млн пудов [7, с. 3].

Недостаток урожая зерна сказался на то, что запас муки к 1917 г. в г. Астрахани был скудным. Так, в декабре 1917 г. Городской продовольственный комитет Народной власти в Астрахани сообщал: «город живет изо дня в день тою мукою, которая случайно прибывает в Астрахань» [1, л. 20]. На заседании Исполнительной комиссии по борьбе с дороговизной предметов первой необходимости выяснилось, что муки в Астрахани нет, а везти ее фирмы не соглашались: «здесь установлена такса и цены её ниже саратовских». Цены в Саратове при этом были выше астраханских на 50 коп., а если прибавить к этому фрахт до Астрахани, то получилось бы ещё 50 коп., итого 1 руб. Для сравнения: в Астрахани в это время 1 пуд муки с голубым клеймом I сорта стоил 3 руб. 10 коп., а II сорта с голубым клеймом – 2 руб. 90 коп. [4, л. 50]. Дальнейшие неурожаи и нехватка рабочих рук привели к повышению цен на муку, для того, чтобы мука просто поступала в город из других ближайших районов.

Проблему роста цен местные власти пытались урегулировать, установив таксу. Максимальная цена продукта, установленная таксировкой, в период 1914 – начала 1918 г. увеличивалась при пересмотре таксы, что позволяло торговцам не продавать товар в убыток себе, но автоматически вызывало рост цен и удорожание жизни. В Астрахани предельные цены по постановлениям от 11 апреля 1915 г. и 3 февраля 1917 г. Составляли, соответственно: за фунт говядины 1-го сорта – 21 коп. и 57 коп., говядины 3-го сорта – 17 коп. и 54 коп., сала бараньего – 28 коп. и 1 руб. [8, с. 5].

В период революционных потрясений в 1917 г. по всей стране обострился вопрос ограниченности ресурсов, в особенности таких, как сахар и мука. В связи с этим в г. Астрахани местные власти директивно устанавливали запрет на распространение и производство отдельных видов продовольствия. Так, 22 июля 1917 г. в Астрахани были запрещены многие сладости, которые пользовались большой популярностью среди горожан: «выпечка печения, французских булок, бисквитов… иных сдобных кондитерских изделий: производство мороженого, пирожков, пряников, вафель, конфет, рафинадного варенья, всех напитков, в состав которых входит сахар» [8, с. 3]. Реакция городских жителей на данную директиву была изначально предсказуема, что породило массу народных волнений.

Вопрос нехватки сахара среди населения г. Астрахани к концу 1917 г. достиг грандиозных масштабов. Вечером 15 декабря 1917 г. на рынке Большие Исады при переносе мешков в палатку один из них разорвался, и сахар оказался прямо на земле. Дети и беднота мгновенно накинулись на сахар, в результате чего большая его часть была утеряна [2, с. 25].

Сокращение по разым причинам продовольственного ресурса, доступного горожанину, повлекло введение нормированного потребления ряда продуктов. С 1 мая 1917 г. в Астрахани введены хлебные карточки. Нормы были довольно высокими – ¾ фунта белого и ¾ фунта черного хлеба, т. е. 700 г на человека [4, с. 45]. С августа 1917 г. Астраханская городская управа установила нормы снабжения населения сахаром в 93 золотника в месяц. Однако сложности с продовольствием сохранялись и дальше. В середине июля Продовольственным комитетом была создана торгово-контрольная комиссия, которая осуществляла реквизицию продовольствия, выплачивая торговцам компенсацию по твердым правительственным ценам. Так, в одной из реквизиций на пристани общества «”Волга” в заводской лавке было обнаружено несколько центнеров сгнивших продуктов: белых грибов, мяса, солонины, сливочного масла. Заведующий лавкой Постнов, нагло ухмыляясь, заявил: «это дело наше, а вам до этого нет дела, за товар платите не вы, а контора» [9, с. 2]. Для голодных горожан такие ответы звучали как издевательство.

Нерешенный продовольственный вопрос, появившийся в период Первой мировой войны и обострившийся в период Великой русской революции 1917 г., отразился на мировоззрении астраханцев, что повлекло изменение оценки окружающей действительности. Продовольственный вопрос стал постоянным раздражителем для обывателя, содействовал формированию тревожного настроения. Всеобщее недовольство вылилось в идею «потрепать лавки богачей, которые на все поднимают цены». Нехватка самых элементарных продуктов: хлеба, муки, сахара повлекло к тому, что эта тема стала неотъемлемой частью сознания горожанина. Даже стоя в очередях и разговаривая на совершенно другие темы, люди обсуждали тему нехватки продуктов. Кто-то возмущался, кто-то шутил, кто-то утешал себя и окружающих. Так, газета «Астраханский листок» (1917 г.) ярко описывала случай, когда один из жителей города высказался на жалобу о том, что в городе слишком много мух: «Мух много, значит еды достаточно. В голодные годы совсем мух не было. С хлебом еще живем, слава тебе Господи» [6, с. 3].

Осложнила все и проблема так называемых «хвостов»-очередей. Так, в январе 1917 г. в отчете Губернского совета продовольственных комиссаров говорилось, что населению «с большим трудом удается добыть самое необходимое, простаивая по целым часам в очередях на морозе». Людям приходилось ожидать очереди в 7 ч, но так и не получив сахара по карточкам, женщины оставляли детей без присмотра, приходили к лавке 2–3 ч ночи, что бы просто занять очередь и могли так стоять по несколько дней, чтобы получить 2–3 фунта сахара [5, с. 2]. Отсутствие необходимого количества продуктов вынуждало горожанина при возможности заниматься промыслами.

Таким образом, разрешение продовольственного вопроса находилось в целом в русле общегосударственной политики, но в данном случае проявлялась определенная закономерность «близости – удаленности»: близости или принадлежности к власти и удаленности от столиц. Модели выживания горожан выражались в различных способах самообеспечения. Для астраханцев в 1917 г. «продовольственный вопрос был связан не только с обеспечением человека питанием, но и определял его взгляд на окружающую действительность, влиял на социально-политическую активность общества.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
2. ГААО. Ф. 94. Оп. 8. Д. 586. Л. 46.
3. ГААО. Ф. 94. Оп. 13. Д. 77. Л. 56.
4. ГААО Ф. 94. Оп. 13. Д. 430. Л. 50
5. Астраханский листок. 1917. 20 января.
6. Астраханский листок. 1917. 10 февраля
7. Астраханский листок. 1918. 24 мая
8. Астраханский листок. 1917. 22 июля.
9. Астраханский листок. 1917. 18 июля.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСГРАНИЧЬЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Великая Сабина Азеровна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В современной науке понятия «трансграничье», «трансграничный регион» и «трансграничное сотрудничество» встречаются в немногочисленных специальных и междисциплинарных исследованиях.

Феномен трансграничья в условиях динамического развития социума является новым уровнем эволюции международных отношений. Его можно представить как целостную саморазвивающуюся систему, которая включает в себя самопроизвольные изменения, развитие приграничных и трансграничных пространств («импульс к движению»), противоречивость и другие диалектические свойства.

Трансграничность изучается в новой институциональной теории, транснационализме, глобализме, функционализме, неофункционализме, школе «мирных исследований», реализме, структурализме, постструктурализме и др. При этом наиболее популярные подходы к изучению феномена – традиционный и постмодернистский.

Традиционный подход акцентирует внимание на развитии приграничного и интеграционной зон тяготения, а также на вызовах для безопасности стран. Он позволяет изучить главенствующее положение государства в определении необходимости стратегии развития трансграничного сотрудничества, раскрыть характер взаимоотношений соседних государств, степень влияния их на восприятие границы элитами и обществом, особенности формирования стимулов для поисков баланса между обеспечением пограничной безопасности и развитием трансграничного сотрудничества [4].

Постмодернистский подход уделяет внимание эволюции структур глобальной социально-политической системы, а также последствиям развития трансграничного сотрудничества, в том числе изменению самовосприятия населения. С помощью второго подхода возможно переосмыслить структуру государственных отношений. Государство при этом оказывается в одном ряду с транснациональными акторами и обществом. Становятся важными процессы, которые происходят на окраинных территориях.

История развития трансграничья начинается с момента появления первых прото-границ. В это время протополитические акторы начали осваивать знакомое пространство собственной Ойкумены («познанного мира») и столкнулись с необходимостью оборонной защиты от «Другого мира» – противопоставляемой Ойкумене территории. Эволюция представлений о пространстве и границе человека прошла путь от восприятия территории проживания как центра всего мироздания до осознания ее как части соседствующих с ней территорий [6, с. 9].

Прото- и квазитрансграничные образования, которые принадлежат в прошлом к единому имперскому пространству (колониализм), или страны, которые испытали влияние другой цивилизации, также имеют признаки трансграничности, но за-за отсутствия необходимых физико-географических и функциональных характеристик их невозможно отнести к данному феномену в полной мере.

Трансграничье возникло благодаря появлению глобальных тенденций: смены субъектов международных отношений; уплотнения международной среды, которое характеризуется постоянным нарастанием взаимной обусловленности поведения государств, ограничением свободы действий; углубления взаимозависимости внешней и внутренней политики [1, с. 199].

Основой феномена трансграничья являются, в первую очередь, государства, индивиды, которые каким-либо образом имеют дело с границей, а также различные негосударственные организации и приграничные административно-территориальные единицы.

С. В. Годунов отмечает, что граница представляет собой формальную разделительную линию и не имеет самостоятельного онтологического значения. При этом она является проекцией институтов и политик пограничных стран, восприятия и практики взаимодействующих с ней людей [3, с. 5]. Трансграничность начала формироваться по причине разграниченности единой территориальной системы.

Развитие трансграничного сотрудничества в Астраханской области, в так называемой «Каспийской столице» – наиболее актуальный вопрос на современном этапе реализации стратегии международного сотрудничества региона. Проблема формирования трансграничья в Астраханской области связана с тем, что данный феномен сложно структурирован и имеет взаимозависимые, но различные по своей природе основания. Можно выделить следующие основания:

1) физико-географическое – это территориально-экологическая структура, которая является единой геосистемой. Геосистему делит государственная граница или несколько границ;

2) историческое – мифологические общие корни, принадлежность к одной цивилизации двух и более государств и др. К данному основанию можно отнести такое понятие, как «историческая память», котор и способности в случаях необходимости мобилизовать различные ресурсы.

С учетом перечисленных оснований, трансграничность можно рассматривать пространственно (ключевыми понятиями становятся «граница» и «регион»), исторически (через изучение «протограниц», концепта «свой-чужой»), функционально (через социальные связи, социально-экономические процессы, культурные аспекты пограничных социумов) и т. д.

Из понятия «трансграничность» вытекают понятия «трансграничный регион» и «трансграничное сотрудничество». Трансграничные регионы – это сопредельные пограничные территории стран, которые имеют природные, экономические, социокультурные, этнические связи. В трансграничном взаимодействии возникают внешнеполитические, экономические, гуманитарные и другие проблемы, которые в дальнейшем можно будет решить совместными усилиями приграничных регионов.

Трансграничное сотрудничество – сложный процесс интеграции сопредельных территорий, способствующий модернизации периферийных государственных образований. В современном мире подобное сотрудничество стало важны элементом мировой политики. А. Д. Богатуров относит трансграничное сотрудничество к предмету изучения «общей компетенции» мировой политики и международных отношений [1, с. 204].

Астраханская область стоит на пути расширения трансграничного сотрудничества, которое требует наличие определенных ресурсов. Изучение границ имеет свою динамику, зависящую от логики постструктуралистского мировосприятия. Так, по мнению О. Бредниковой, имеет место «смена действующих лиц» трансграничного сотрудничества, граница перестает быть целью, интерес смещается в сторону причинно-следственных связей происходящего по обе стороны границы [2].

Этническую и политическую идентичность определяют географические границы и наоборот: стабильные политическая и этническая идентичность являются элементом устойчивых границ, стабильных территории и государства в целом. Границы формируются в рамках социальных представлений, впоследствии подвергаются делимитации на карте [5, с. 48].

Одной из проблем разработки концептуальных и теоретических конструкций трансграничности является идеализация данного понятия. Различные науки разрабатывают собственные решения данной проблемы, исходя из своего видения феномена. Неоднозначность трансграничного феномена и постепенная трансформация глобальной сети хозяйственных, социальных, политических и других контактов требует соответствующего политического управления, которое способно ответить на все возможные вызовы постмодернистской парадигмы современного миропорядка.

Представленные теоретические аспекты свидетельствуют о том, что организация трансграничного сотрудничества в Прикаспийском регионе, в частности, в Астраханской области, возможна, но сложность феномена трансграничья обусловливает медленное формирование трансграничного пространства.

Список источников и литературы

1. Богатуров А. Д. Мировая политика в теоретическом дискурсе // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. М.: КомКнига, 2005.
2. Бредникова О. Последний рубеж? // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
3. Годунов С. В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Н. Новгород, 2008.
4. Голунов С. В. Безопасность пограничных пространств // Международные процессы. 2007. № 2.
5. Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3.
6. Шинковский М. Ю., Шведов В. Г., Волынчук А. Б. Геополитическое развитие северной Пацифики (опыт системного анализа). Владивосток: Дальнаука, 2007.

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РПЦ В 1920–1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА)

Волкова Екатерина Владимировна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Актуальность темы данной статьи заключается в том, что изучение специфики региональной политики в отношении РПЦ в 20–30-е гг. XX в. позволит ликвидировать пробелы в истории церковно-государственных отношений.

Большевики, придя к власти, начали масштабную антицерковную деятельность, которая не обошла и провинциальные города России. 25 марта 1922 г. в Астрахани начала работать губернская комиссия по изъятию церковных ценностей. Опасаясь выражения недовольства со стороны верующих и того, что «притаившаяся контрреволюция, несомненно, постарается раздуть религиозный фанатизм в своих интересах», Губкомиссия через местную газету «Коммунист», обращаясь «к темным верующим людям», заявила, что «неделя церковных ценностей – не глумление и

не гонение на Церковь со стороны большевиков». Тогда ценности еще сдавались «добровольно» [17, с. 6]. К этому времени были закрыты «Астраханские Епархиальные Ведомости» – единственный печатный орган, пытавшийся протестовать против действий властей. 23 мая 1920 г. военные власти официально запретили совершать богослужения в Успенском соборе и полностью закрыли доступ верующих в Кремль [9, с. 5].

В период 1920-х гг. продолжается на всей территории советской России активное закрытие монастырей. Основанием для этого послужил Декрет от 23 января 1918 г., согласно которому все монастырское имущество подлежало безусловной национализации [2, л. 19]. В Астрахани было принято решение о передаче монастырских помещений в ведение местных органов власти. Был упразднен мужской Покрово-Болдинский монастырь. Недолго просуществовали и уездные монастыри Астраханской епархии – Чуркинская Высокогорская Успенско-Николаевская мужская пустынь и Воскресенско-Мироносицкий женский монастырь.

В указанный период началось массовое изъятие недвижимого имущества и финансовых средств у сельских церквей Астраханской губернии. Губернская комиссия по проведению в жизнь декрета разослала местным волостным исполкомам «немедленно принять меры, во-первых, к изъятию из владения Церкви недвижимого имущества, ей принадлежавшего, во-вторых, к отобранию капиталов, также принадлежавших Церкви, банковские и сберегательные книжки, а также процентные бумаги – немедленно предоставлять в комиссию» [6, л. 2]. В связи с этим в особо трудном положении оказались церковные советы тех сел губернии, где деньги собирались на строительство новых храмов.

Громкие процессы над священниками прокатились по всей стране. В ходе кампании по изъятию церковных ценностей во многих губерниях страны только до июля 1922 г. было организовано 55 трибуналов, к ответственности привлекли 732 человека. Представители духовенства были арестованы и в Астраханской губернии, они по несколько месяцев содержались в местной тюрьме. 12 июля 1928 г. в Астраханский горсовет поступил доклад о состоянии церквей и культимущества города Астрахани, где говорилось: «В результате обследования изъято от религиозных общин помимо других предметов культимущества около 50 пудов меди, в т. ч. медной монеты царской чеканки – 1 пуд, 34 золотника, лома серебра и передано в Госфонд» [4, л. 5].

В отчетах местной комиссии по изъятию церковных ценностей отмечалось, что в двух городских храмах – Покровском и Введенском – ее члены были встречены с открытым недоброжелательством со стороны прихожан. Тем не менее, в ходе изъятия ценностей в Астраханской епархии были возбуждены уголовные дела против причтов и церковных Советов церквей: Петропавловской, Знаменской, Рождество-Архангельской, Введенской, Тихвинской, Иоанно-Златоустинской, Князь-Владимирской, Никольской при бывшем приюте прокаженных, Спасо-Преображенской и Никольской на Форпосте, Павловской и Иоанно-Предтеченского монастыря [15, с. 23]. Все ответчики обвинялись лишь в несоответствии поданных старых церковных описей с новыми, составленными в 1918 г.

Архивы Астраханской области хранят документы 1922–1924 гг. о делах в отношении епархиальных священников и мирян, которые обвинялись или привлекались к ответственности по политическим вопросам. Так, протоирей Василий Наследышев в 1922 г. и священник Иоанн Болтинский в 1923 г. были под следствием за «созыв нелегального собрания», а протоирей Василий Смирнов в 1923 г. арестовывался по подозрению в так называемой «антисоветской деятельности» [3, л. 23].

Весьма интересны обвинения священников по делу «обновления икон», которые чудесным образом начинали преображаться и светлеть в храмах, в крестьянских избах, в домах и квартирах горожан. Случаев обновления икон в Астраханской губернии известно по документально зафиксированным источникам несколько. В Астрахани уже в 1923 г. произошел случай обновления иконы в Трусовском поселке, вызвавший широкий резонанс городской общественности. В связи с обновлением иконы в Трусовском поселке к суду привлекался священник Никольской церкви отец Сергий Добронравов.

В феврале 1929 г. секретарем ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановичем было разослано по стране Директивное письмо «О мерах по усилению антирелигиозной работы», которое вызвало не только усиление антирелигиозной деятельности местных партийных органов, но и советских органов власти. По всей стране началась новое противостояние верующих и атеистов. Неистовые атеистические агитаторы доходили подчас в своих требованиях до абсурда, требуя, например, «усек-

новения главы» для подсудимых. С этого момента начинаются постоянные гонения на духовенство (и не только православное) со стороны местных органов власти.

В 1929 г. Астраханская кафедра лишилась своего архипастыря, возглавил кафедру временно управляющий Астраханской епархии епископ Вольский Андрей (Комаров). Однако и в отношении нового правящего архиерея в Астраханском ОГПУ появляются следующие сводки: «С целью политической борьбы с советской властью епископ Андрей сгруппировал вокруг себя городское и сельское духовенство и под видом официальных вопросов (приглашение на церковную службу) у себя на квартире в определенные часы принялся планово проводить инструкции священников. Епископ Андрей обвинялся в антисоветской агитации, в поминовении ссыльных архиепископа Филиппа (Ставицкого) и других священнослужителей, в оказании материальной помощи членам семей сосланных священнослужителей и семьям сосланных кулаков, в поминовении имен расстрелянных в 1919 г архиепископа Митрофана (Краснопольского) и епископа Леонтия (фон Вимпфен) [1, л. 7].

В 1930 г. были приговорены к расстрелу священник Рудненской церкви с. Началово о. Григорий Хлебунов и староста этой церкви Матвей Терентьевич Селезнев. Причиной приговора послужили волнения в с. Началово из-за жестокого обращения местных коммунистов с раскулаченными жителями села. Хотя о. Григорий Хлебунов и Матвей Селезнев были арестованы раньше случившихся волнений, следователи причислили их к числу «заговорщиков и организаторов «началовского бунта».

10 ноября 1930 г. была приговорена к расстрелу группа черноярского духовенства: черноярский священник о. Петр Горшков, священник с. Каменный Яр о. Семен Бохолдин, священник с. Ступино о. Николай Голубятников, священник с. Вязовки о. Александр Ельцов [7, л. 14]. Таких свидетельств мученической кончины было немало. Почти в каждом селе остались свидетельства об убиенных за веру священнослужителях и мирянах.

В период с 1932 по 1936 г. массовых гонений на православное духовенство не было, хотя это время и нельзя назвать вполне спокойным. Так, в Астрахани в 1932 г. было создано так называемое «церковно-певческое» дело. К этому делу были привлечены: бывший регент архиерейского дома, а затем псаломщик Спасо-Преображенской церкви п. Трусово Олимпий Кириллович Зверев, бывший регент Максим Ефимович Лысов; бывший преподаватель Астраханской духовной семинарии и два бывших священника, вынужденные из-за непосильных налогов оставить службу в церкви и перейти на работу в государственные организации: о. Василий Алайцев и о. Григорий Шторе. Они, как «городская церковная контрреволюция», обвинялись в том, что «будучи чуждыми советской власти и непримиримыми врагами трудящихся, организовались в контрреволюционную группировку, систематически устраивали сборища на квартирах Алайцева, Кочергина, Зверева и в церковной сторожке церкви поселка Трусова, на которых фабриковались различные контрреволюционные слухи, велись антисоветские разговоры, намечались планы проведения таковой агитации в массах и давались задания отдельным членам контрреволюционной группы, что последние и проделывали в широкой массе трудящихся и учащейся молодежи, вели систематическую контрреволюционную агитацию, согласно полученным во время сборищ заданиям» [15, с. 23].

1937–1938 гг. принесли в Астрахань новую волну гонений на церковь и репрессий против священнослужителей. В 1938 г. была закрыта Никольская церковь Рождества Пресвятой Богородицы, служить разрешали только в подвальном помещении. При этом, несмотря на гонения, службы проходили при большом стечении народа.

Еще более массовыми, чем в городе, были репрессии в астраханских селах, что было связано с началом колхозного строительства. Большинство репрессированных священнослужителей (за 2 года было заведено 38 дел) по решению суда получили различные сроки ссылки, а в некоторых случаях применялась высшая мера наказания.

В архиве Астраханского УФСБ хранится около 30 сельских «церковных» дел, относящихся к этому времени. По данным этого архива, 15 священнослужителей были приговорены к расстрелу, а 7 человек – к 10 годам лагерных работ. В слободе Капустин Яр, по архивным свидетельствам, 8 марта 1938 г. были расстреляны пять священников из близлежащих сел: о. Александр Сиротин, о. Тимофей Ионов, о. Вячеслав Листов, о. Стефан Попов и о. Александр Генерозов. Рассказы же местных жителей раскрывают все ужасные подробности этой расправы. Так, о. Александр Генерозов, связанный по рукам и ногам и привязанный веревкой к повозке, был протащен по всему селу на глазах у местных жителей. Тело его было почти все изодрано камнями. Когда его мучители

остановили повозку, то священник был еще жив: «Что напился своей крови? – язвительно спросил его чекист. Да, крови Христовой, – спокойно произнес батюшка и скончался» [15, с. 12].

В период гонений 1937–1939 гг. на сельских священнослужителей Астраханской епархии заведено 24 дела, 14 священнослужителей были приговорены к расстрелу, 6 – к 10 годам заключения. Репрессии сопровождались закрытием действующих сельских храмов, большинство из которых тут же и разрушались.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1020. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
2. ГААО. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 61. Л. 19.
3. ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.
4. ГААО. Ф. 1245. Оп. 1. Д. 119. Л. 5.
5. ГААО. Ф. 1247. Оп. 1. Д. 200. Л. 45.
6. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
7. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 14.
8. ГААО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 261. Л. 14.
9. Известия Отдела Внутреннего Управления Астраханского Губисполкома. 1919. № 32.
10. Коммунист. 1922. 17 октября.
11. Коммунист. 1922. 21 октября.
12. Коммунист. 1922. 27 октября.
13. Астраханские Епархиальные Ведомости. 1917. №24. 1918. № 2-3; 1918. № 12.
14. Астраханские Епархиальные Ведомости. 1918. №2-3; № 12.
15. Свет Православия. 2005. №10; 2006. №4; 2006. №8; 2006. №13; 2006. №2; 2007. №8; 2007. №8; 2008. №10, 2008. №2; 2008. №4; 2018. №2.
16. История Русской Православной Церкви. СПб., 1997. Т. 1. 1917–1990 гг.
17. Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет её существования: в 2 т. / под общ. ред. Высокопреосвященнейшего Ионы, Архиепископа Астраханского и Енотаевского. Ростов н/Д, 2002.
18. Сколота Р. Власть и Церковь в 1919–1925 гг. в Нижнем Поволжье (по материалам архивов Астраханской области). 15 июля 2009 г.

УСЛОВИЯ БЫТА РАБОЧИХ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ И СУДОРЕМОНТНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Воронова Анна Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Под бытом понимается обусловленный социально-экономическими отношениями уклад повседневной, обыденной жизни людей, совокупность способов и форм удовлетворения их материальных и духовных потребностей за пределами производства и общественно-политической деятельности.

Бюджеты многих семейных городских рабочих были хронически дефицитными. Нехватка денег пополнялась сверхурочными приработками, заработками членов семьи. Зачастую приходилось отрывать от учебы детей для получения их трудом дополнительного дохода семье. Описывая быт горнозаводских рабочих Пермской губернии в 60-х гг. XIX в., известный исследователь В. В. Берви (Н. Флеровский) писал, что заработка главы семьи не хватало, чтобы кормить всех домочадцев ржаным хлебом. В хлеб добавляли различные примеси, употребляли кислый квас и пустые щи. Большинство же низкооплачиваемых рабочих России просто не могли сводить концы с концами [9, с. 351–353].

Нерабочее время в принципе предполагало восстановление потраченных сил, отдых. Но оно также было необходимо для интеллектуального и физического развития, общения, решения личных, бытовых и иных социальных проблем, заботы о близких и т.д. Общая продолжительность времени, проводимого рабочим на производстве, включая обед, затрату времени на дорогу в середине 80-х гг. XIX в. составляла 15 ч и более, в начале XX в. – примерно 14. Соответственно, на досуг времени оставалось гораздо меньше. Рабочим-женщинам, проживавшим семейно недалеко от работы, несшим обязанности еще и по хозяйству дома, приходилось еще тяжелее. По опросам рабочих, у них не хватало времени на образование, чтение, посещение клуба, театра и других досуговых учреждений. Из всех грамотных рабочих на одном из предприятий в 1886 г. в библиотеку обратились не более 5 %. Известно, что среди рабочих постепенно росла популярность библиотек,

где самыми востребованными были труды отечественных писателей. Наиболее упорные посещали вечерние классы. Большой интерес у рабочих вызывал театр [9, с. 351–353].

Условия труда и быта рабочих в пореформенной России не раз в литературе характеризовались как тяжелые при почти полном отсутствии досуга, с жалким и неудовлетворительным состоянием жилищ. Справедливо также все это связывалось с уровнем развития производительных сил и производственных отношений раннего капитализма. Особенно усугублялись эти тяготы в условиях кризисов и роста безработицы, когда эксплуатация работников достигала пика.

Относительное сокращение рабочего дня в начале XX в. сопровождалось ростом интенсивности труда. Все более втягивались в общественное производство женщины. Соответственно росла их трудовая нагрузка из-за «двух» работ: на предприятии и дома. Патриархальные традиции отношений в семье оставались очень живучими, и о распределении домашних обязанностей между супругами поровну в большинстве случаев не могло быть и речи. Все обязанности по содержанию в порядке жилища, личных вещей и приготовлению пищи, а также уходу за детьми, больными домочадцами и многое другое ложилось по обычаю на женщин.

Следует учитывать, что для предприятий судостроения и судоремонта в значительной степени была характерна сезонность. В период наибольшей загруженности предприятий заказами, т. е. с окончанием навигации и до ее начала, концентрация рабочих становилась максимальной. Многие предприятия нанимали рабочих на несколько месяцев. Находясь за чертой и часто на значительном удалении от крупных населенных пунктов, такие мастерские или заводы не могли, либо не стремились эффективно решать жилищные вопросы сезонных рабочих. Тем более, что многие из таких рабочих не отличались высокой квалификацией и не были взыскательны. Главным для них было закрепиться на рабочем месте и заработать в короткий сезон денег.

Нередко, отработав смену в мастерских, часть рабочих там же отдыхала ночью в короткие перерывы между сверхурочными, которые практиковались не только в часы после работы, но и с утра пораньше, до начала рабочего дня. Продолжительность рабочего дня росла за счет постоянных сверхурочных часов в зимнее время. Очевидно, что не только вопросы жилищных условий и быта, но и досуга, образования, соблюдения законных ограничений использования труда детей и женщин, соответствия условий труда правилам техники безопасности были для таких предприятий особенно трудно решаемыми. Непривлекательными были жилищные условия рабочих. Обычно они жили на окраинных и в неблагоустроенных частях города: «Название самих улиц – Грязная, Кузнечная, Собачий переулок и им подобные с непролазной грязью в осенне-зимнее время, тучами пыли, мух и комаров в летнюю жару, смрадом и лязгом убогих кузниц, лудильных мастерских, кучами всякого хлама – говорят о том, что представляли собою эти окраины, где жил простой люд» [10, с. 11].

Многие рабочие не имели в местах своей работы постоянного жилья ввиду разных обстоятельств. Это были либо пришлые из сел или других регионов, либо выделившиеся из отеческих семей, либо по разным причинам вконец обнищавшие и лишившиеся собственного жилья. Часть рабочих пользовалась предоставляемыми работодателем квартирами на территории предприятия. В комнатах или отдельных жилищах не было таких элементарных удобств, как место хранения хозяйственных принадлежностей и личных вещей, система вентиляции, участок во дворе для игры и досуга детей, тем более для личного подсобного хозяйства. Часть наемных трудящихся снимала жилье в населенном пункте неподалеку от работы. Но значительная часть пролетариев была не в состоянии снимать обычную комнату, отвечающую принятым тогда представлениям о достаточном комфорте, оплачивая не только снимаемую площадь, но также затраты на отопление и освещение. Скажем, во время забастовки в декабре 1905 г. рабочие-судоремонтники, жившие в квартирах на пристани Дюрт-Алтын, поведали Биржевому комитету в Астрахани об антисанитарном состоянии казарм и жилищ: земляные полы, крайняя скученность жильцов, «крайне безобразное» сожительство холостых и женатых людей в одном помещении и так далее [1, л. 79].

В Астрахани в 1899 г. работал городской ночлежный дом, услугами которого пользовались самые несостоятельные рабочие, совершившие 186484 посещения. В 1900 г. действовало уже три ночлежных дома, где переночевал в общей сложности 229491 человек. Пик посещений таких домов приходился на холодное время года и составлял в месяц 20–27 тыс., тогда как летом число посетителей сокращалась в 1,5–2,0 раза. Именно посещение этих домов в холодное время считалось показателем постоянного числа рабочих в городе, поскольку в такие периоды пришлых рабочих не было совсем [6, л. 85].

Ранее рассматривался пример стихийно сложившегося поселения барачного типа под Царицыным, где в приспособленных помещениях в осенне-зимний период перебивались в стесненных условиях тысячи рабочих. Поскольку само это фабричное образование до определенного времени не числилось в списках инспекции, случайно было обнаружено, работодателям не было нужды создавать хотя бы для видимости и соблюдения формальностей по закону мало-мальски сносные условия существования здесь мастеровых и рабочих. Как говорилось ранее, некоторые предприятия предоставляли рабочим квартиры на территории завода, взимая соответственно плату за их содержание, отопление и ремонт, как например, Восточное общество товарных складов [1, л. 46].

Также поступала и Астраханская контора Товарищества бр. Нобель: рабочим предоставлялись квартиры на пристани, они за них платили до октября 1905 г., после чего плата была отменена. Те из них, кто желал селиться на частных квартирах, т. е. снимать жилье, ежемесячно получали квартирные деньги: 3 руб. одинокие и 6 руб. семейные [1, л. 21–23].

Рабочие судоремонтных и судостроительных предприятий в разгар революции в конце 1905 г. требовали оплачивать семейным квартирные деньги в размере 17 руб. в месяц, а холостым – 8 руб. Эти требования вытекали из того расчета, что семейным людям с детьми требовались, как правило, две чистые комнаты, а холостому человеку – одна. Таким образом, косвенно можно определить, что стоимость аренды одной комнаты в г. Астрахани составляла в то время около 100 руб. в год, двухкомнатного жилища – до 200 руб. В Петербурге такие расценки на съемное жилье сложились еще в 1890 г. [3, с. 190].

Предприниматели – судостроители и судовладельцы прикладывали некоторые усилия для просвещения и материальной поддержки детей, как занятых на производстве, так и являвшихся членами семей рабочих и служащих. Начальное образование дети, как правило, получали в начальных школах, располагавшихся поблизости от мастерских – земских и церковно-приходских. Так, по данным на 1906 г., в Астраханском уезде Астраханской губернии церковно-приходская школа была основана на пристани «Дюрт-Алтын» Восточного общества товарных складов. Заведовал ею уездный наблюдатель священник В. Я. Лебединский. Попечителем являлся А. В. Петров. В школе был штатный учитель М. П. Жукова, а также учитель пения Д. М. Мамонов. Также была Заячье-Островская церковно-приходская школа, в этом районе располагалось немало заводских предприятий и мастерских. Здесь также заведовал священник И. П. Нигровский. Была штатная учительница – Н. С. Харькина. Помощником учителя служила Е. И. Широкова, а попечителем был Г. М. Лбов [7, с. 139–140]. На пристани Товарищества бр. Нобель также была основана церковно-приходская школа, где заведовал священник и были штатный учитель и его помощник [8, с. 148].

В Астраханской губернии в 1882 г. имелся комитет мореходного класса. В состав комитета входили астраханские мещане во главе с Л. И. Михайловым. Старшим преподавателем и заведующим классом состоял отставной капитан-лейтенант В. Н. Розенберг [5, с. 93].

В Астраханском отделе Товарищества бр. Нобель было учреждено Общество вспомоществования учащимся детям служащих, располагавшееся на Заячьем острове. В 1906 г. его председателем был Л. Н. Тарханов. В обществе также состояли один его член, казначей и секретарь [7, с. 140]. На собственной пристани в Астраханском порту Общество «Кавказ и Меркурий» учредило для рабочих и служащих библиотеку, также поступило и Товарищество бр. Нобель [7, с. 219].

В состав Комитета заведования Астраханской речной полицией в 1879 г. входили от судовладельцев и судопромышленников А. Ф Игнатьев и И. В. Мачалов [4, с. 86].

Проверки, проводимые фабричными инспекторами, нередко сопровождались выявлениями различных нарушений норм законов. 17 мая 1901 г. при посещении завода Чирихиной в г. Саратове было повторно выявлено, что книги учета сверхурочных работ не велись. Также на предприятии не были составлены табели сдельных работ. В расчетных книжках рабочих не сообщались точные даты выдачи заработной платы, проверка также выявила факты систематической задержки выплаты заработной палаты сроком до 6 дней. На заводе практиковалось отступление от Правил внутреннего распорядка без уведомления о том инспекции. Управляющему письменно пригрозили привлечением к ответственности [2, л. 29].

В ноябре того же 1901 г. завод Чирихиной посетил инспектор по жалобе одного из рабочих, уволенного до окончания срока договора. Было установлено, что администрацией жалобы рабочих должным образом не фиксировались. Несвоевременно составлялись документы о несчаст-

ных случаях. Вскрылись и те недостатки, которые уже неоднократно ранее обнаруживались. Вновь управляющему инспектор пригрозил возможной ответственностью, о других мерах по результатам проверки не сообщалось [2, л. 29].

При обследовании в феврале 1898 г. завода Гильденбрандта в г. Вольске Саратовской губернии выявлено произвольное начисление материального взыскания на рабочих в случае утери ими инструмента. Кроме того, не велся учет сверхурочных работ в отдельных книгах и личных счетах рабочих, а в расчетных книжках приписывались денежные суммы, которые в действительности рабочим не выдавались. Бригадиров отдельных участков хозяин пытался выставить подрядчиками и перевести на них ответственность за нарушение фабричного законодательства [2, л. 20].

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 746. Оп. 1. Д. 238. Л. 21–23.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 20. Оп. 1. Д. 323. Л. 29.
3. Бакланова, И. А. Рабочие судостроители России в XIX веке. М. – Л., 1959. С. 190.
4. Памятная книжка Астраханской губернии за 1879 г. С. 86.
5. Памятная книжка Астраханской губернии за 1882 г. С. 93.
6. Памятная книжка Астраханской губернии за 1902 г. С. 3–4.
7. Памятная книжка Астраханской губернии за 1906 г. С. 219.
8. Памятная книжка Астраханской губернии за 1912 г. С. 148.
9. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М.: Наука, 1989. С. 351–353.
10. Сысоев П. С. Возникновение Астраханской социал-демократической организации и первые шаги её деятельности. – Астрахань: Волга, 1962. С. 11.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЛОВЕЦКОЙ КООПЕРАЦИИ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ В 1923–1929 гг.

Гиматдинова Альфия Рашидовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Опыт кооперации как экономического механизма накапливается в мире уже около 200 лет. Её возникновение в России в 60-х гг. XIX в. было продиктовано, как и в Европе, вынужденным поиском способов улучшения условий жизни. Вот только период независимого существования кооперативного движения в России был недолог. Оборванный революцией 1917 г. он перетёк в период огосударствления кооперации, и в дальнейшем даже в рамках НЭПа кооперация всегда находилась на государственном регулирующем поводке. С этого времени кооперация стала восприниматься как «нечто сугубо временное, преходящее… незрелое, необобществленное…» [12, с. 62], кооперативная собственность – как менее развитая, «низшая» по сравнению с «общенародной» её формой [18, с. 114].

Однако в современной России представляется возможным функционирование кооперации как самодостаточной экономической формы наравне с государственным и частным сектором экономики в русле «Концепции развития кооперации на селе на период до 2020 года», принятой I Всероссийским съездом сельских кооперативов 21–22 марта 2013 г. Альтернативные хозяйственные формы, возрастающие количественно и по своему значению в современном мире, требуют изучения исторического опыта их развития. Нами будет рассмотрено развитие одной из форм производственной кооперации традиционной отрасли промышленности Астраханского края – рыболовецкой, в годы, предшествующие массовой коллективизации. Выбор обозначенного периода объясняется тем, что именно в годы НЭПа произошло становление производственной кооперации в результате отделения промысловой и кредитной кооперации от потребительской.

Начало ловецкой рыбопромысловой кооперации в Астраханском крае было положено в 1923 г. Явление кооперации было известно астраханскому ловецкому населению и ранее, но только по линии кредитов. Первые кредитные товарищества возникли в конце XIX – начале XX в., планомерно развиваться начали после революции 1905 г. С 1911 г. кредитные кооперативы помимо снабжения своих членов кредитом приступили к организации посредничества в снабженческих операциях. Кредитные товарищества продолжали наращивать свои функциональные возможности и далее, проводя различные операции по обслуживанию хозяйственных нужд своих членов:

организация сбыта продуктов промысла своих членов, содействие им в переработке рыбных продуктов, аренда водных угодьев для лова членов товариществ.

С 1911 г. начинаются первые попытки объединения кредитных кооперативов в Союз. В октябре 1915 г. состоялся первый съезд представителей кооперативов Астраханского уезда, а в июне 1916 г. Астраханский союз кредитных кооперативов обрёл свой Устав и приступил к действиям. К концу 1917 г. в Астраханском, Красноярском и Енотаевском уездах действовало 65 кредитных кооперативов, включавших 24112 домохозяев [16, с. 69]. И представляли они собой по большому счёту уже не кредитные товарищества, а кооперативы универсального типа. На этом этапе начинает появляться необходимость изменения существующей структуры товариществ: универсализм становится неудобен, и следующим витком в их развитии видится образование самостоятельных товариществ по лову, переработке и сбыту рыбы. С 1915 по 1922 г. предпринимались попытки организовать производственную ловецкую кооперацию и создать Союз. На деле же объединения ловцов развивались в русле профессиональном, а не кооперативном: Астраханский союз городских речных ловцов. Астраханский губернский комитет ловецких трудовых объединений. ГУБКОМЛОВ доживал свой век в статусе Профсоюза государственных ловцов.

На 5-ой конференции ловцов, состоявшейся 16 февраля 1923 г., было принято решение Профессиональный союз ловцов ликвидировать и образовать Производственный союз ловецких артелей и рыбопромысловых товариществ Волго-Каспийского района на основе принципов производственной кооперации. Избранное Оргбюро провело работу по образованию первичной сети: в апреле 1923 г. в составе Производсоюза состояло 22 объединения с 510 членами (в 15 сёлах) [16, с. 73]. Далее последовало принятие Устава Производсоюзом ловцов, и с 1 марта 1923 г. он перешёл к практической деятельности.

Первый этап НЭПа, довольно суровый для астраханского ловца и промыслового рабочего, подходил к концу. На горизонте маячил 1924 г., который принёс глоток свежего воздуха всему рыболовецкому хозяйству ВК района в целом. Внедрение различных экономических укладов в рыболовецкую отрасль края стало действительным настоящим веянием новой экономической политики, закреплённой в официальных документах с 1921 г., но в силу ряда причин обходившей астраханского ловца. XIII съезд РКП (б), проходивший с 23 по 31 мая 1924 г., берёт на вооружение ленинские идеи о кооперировании крестьянства и резолюциями «О кооперации» и «О работе в деревне» обозначает основную линию партии в вопросе кооперирования в деревне: содействовать кооперированию крестьянских масс по линиям потребительской, сельскохозяйственной и кредитной кооперации – «даже самым простейшим формам объединения как в области закупок предметов городской промышленности, так и в области сбыта продуктов сельского хозяйства и, в особенности, в области объединения тех или иных элементов крестьянского производства» [7, с. 635]. Советское государство уделяет внимание развитию и укреплению в числе других рыболовецкой кооперации. В январе 1924 г. был утверждён Устав Всероссийского кооперативного союза рыбаков, и рыбацкая кооперация сложилась как единая кооперативная система.

С образованием Производсоюза ловцов рыболовецкая кооперация становится основной формой организации рыболовецких хозяйств, своего рода посредником между государством и ловцами: через неё проходят кредиты, займы рыболовное снаряжение, выделяемые рыбакам государством. Именно с 1924 г. начинает оказываться государственная материальная помощь ловцам, своеобразным «стимулом» в этом деле послужило несчастье, обрушившееся на ловца в ноябре 1924 г. (шторм на Каспии) и лишившее его орудий производства [20, с. 27]. Кредиты распределялись через кооперативы (Производсоюз и Сельсоюз) и по линии Губкресткома. Установленная система распределения кредитов и оснащения говорит, во-первых, о содействии местных органов власти в деле претворения в жизнь кооперативного плана, а во-вторых, «о недоверии местных властей к ловецкому населению», воспринимавшемуся как пережиток буржуазного прошлого [11, с. 109]. Выдачей кредитов и распределением промснаряжения на местах занимались ловецкие товарищества. Государственное кредитование кулацкой категории ловцов было запрещено, в то время как для бедняцких ловецких хозяйств были созданы льготные формы кредитования. Так, в 1925 г. государством было отпущено 380 тыс. руб. безвозмездной ссуды и 1 млн руб. долгосрочных кредитов для приобретения рыболовецких судов и орудий лова беднейшим ловецким населением [10, с. 12]. Наиболее маломощные хозяйства получали мелкие рыболовецкие суда и орудия лова по ценам, намного сниженным, а некоторые из них даже бесплатно.

Помимо вышеназванных функций кредитного и снабженческого характера ловецкие товарищества занимались вопросами организации добычи рыбы, её частичной переработки и сбыта уловов членов кооперации.

Ловецкая кооперация развивалась и укреплялась. В 1925 г. кооперированных в составе Производсоюза ловцов насчитывалось 3000 чел.: объединено было 20 ловецких товариществ и артелей при 185 ловецких хозяйствах [14, с. 5; 17, с. 47]. Во второй половине 1925 г. количество кооперированных ловцов выросло до 7000 чел. Немало способствовала этому финансовая и материально-производственная помощь государства: кредиты, получаемые ловецкими товариществами, с 1923 по 1926 г. увеличились в 5 раз [5, с. 228].

Именно кооперированные ловцы были представлены на различных совещаниях в Астрахани и в Центре, в русле государственной кооперативной политики отстаивались интересы этой незначительной на тот момент части ловецкого населения. Так, при обсуждении вопроса об оказании помощи ловецкому населению в ЭКОСО РСФСР в сентябре 1924 г. (по ходатайству Астраханского губисполкома) было постановлено, в первую очередь, принять меры по кооперированию ловецкого населения, а помощь ловецкому населению оказывать через кредитование образовавшихся ловецких кооперативов [13, с. 5], т. е. все ловецкие кредиты направлялись исключительно по кооперативному руслу. От того у основной части ловцов создалось восприятие кооперации как посредника между ними и государством при получении ссуд и субсидий [17, с. 48].

В сентябре – октябре 1926 г. Астраханской ихтиологической лабораторией проводилось подворное обследование ловецких хозяйств, в т. ч. и по вопросу отношения к ловецкой кооперации. Было выявлено, что среди речных практически отсутствуют кооперированные. Среди морских же прослеживалась следующая тенденция: вовлечёнными в кооперацию были преимущественно более крупные категории хозяйств. Доля кооперированных реюшечных и бударочных морских хозяйств в общем составляла 34,6 %, или примерно 1/3 от всех ловецких хозяйств. При принятии в расчёт и речных кооперированных хозяйств суммарная доля сокращалась до 1/5 от всех рыболовецких хозяйств. Кроме того, К. А. Киселевич отмечает другую тенденцию, характеризующую рыболовецкое хозяйство Астраханского края этого периода: укрупнение мелких ловецких хозяйств и измельчание прежних крупных. Таким образом, можно говорить об усреднении ловецкого хозяйства, по замечанию Киселевича являющегося наиболее удобным объектом для производственной кооперации [15, с. 8–9].

Помощь некооперированным ловцам допускалась с целью стимула их к кооперированию. Например, в связи с последствиями шторма 21–22 ноября 1927 г. были намечены меры по оказанию помощи ловецкому населению и рыбной промышленности Астраханской губернии: списание за счёт государства долгов по ссудам, полученным через ловецкую кооперацию в 1924–1925 гг. в размере 580857 руб.; предоставление долгосрочных (на постройку ловецких судов) и краткосрочных (на восстановление орудий лова) кредитов. Так по второму пункту выдача кредитов предполагалась только кооперированным ловцам. При этом Астраханский Губисполком наказывал своему Уполномоченному в Москве тов. Кирошникову представлять интересы и некооперированных ловцов тоже, поскольку постройка судов для них и передача им орудий лова могли бы стимулировать быстрый рост их кооперирования [1, л. 39–40].

Несмотря на проведение политики постепенного вытеснения частника из рыбной промышленности, начатое в 1926 г., кооперативный и государственный сектор рыбной промышленности развивался недостаточно быстрым темпом. Поэтому в конце 1926 г. в Астрахань посылается Комиссия ЭКОСО под председательством тов. Халатова для обследования рыбного хозяйства ВК района и выработки основных положений дальнейшего развития рыбного хозяйства [3, л. 2]. Рекомендации Халатовской комиссии в части укрепления и развития ловецкого хозяйства ВК района также сводились к оказанию помощи и поддержки астраханскому ловцу через производственно-промысловую кооперацию. ЭКОСО РСФСР своим постановлением от 19 апреля 1927 г. допустил ловецкую кооперацию к обработке рыбной продукции наряду с госрыбпромышленностью [4, л. 31а]. Так, если кооперативными обрабатывающими организациями было принято в 1924 г. 14,7 % уловленной рыбы, то в 1926 г. – 25,2 %, а на 1927 г. запланировано – 26,6 % [13, с. 13]. Фактически же процент заготовленных и переработанных рыбопродуктов кооперацией превысил планируемые результаты: в 1927 г. было переработано 28,4 %, в 1928 г. – 35,156 % всех рыботоваров ВК района [3, л. 82]. Рыбопромысловые заведения передавались рыболовецкой кооперации в аренду на льготных условиях: в течение первых 6 лет арендная плата не взималась (в

1928 г. часть промыслов была передана из госфонда в собственность кооперации). Кроме того ловецкая кооперация имела право в дальнейшем это арендное пользование возобновить. Рыболовецкой кооперации предоставлялись долгосрочные кредиты в оборотные средства до размеров, необходимых для охвата всей продукции-сырца кооперированных ловцов, «могущей быть переработанной на промыслах ловецкой кооперации» [3, л. 13–14].

Увеличивались площади рыболовных угодий ловецкой кооперации за счёт освободившихся от Госрыбтреста промыслов [21, с. 3]. Так, количество промыслов возросло с 2012000 пуд.-ёмкости в 1925 г. до 3260064 пуд.-ёмкости в 1926 г. [19, с. 5]. Выше было отмечено возрастание доли кооперативных организаций в обрабатывающей рыбной промышленности с 1924 по 1927 г. Также повышался удельный вес кооперации и в добывающем промысле. Так, в 1922 г. кооперацией было добыто 327 тыс. ц рыбы, в 1925 г. – 7466 тыс. ц, в 1926 г. – 1115,4 тыс. ц, в 1927 г. – 982 тыс. ц [3, л. 105]. Снижение улова в 1927 г. являлось следствием стихийного бедствия (шторма ноября 1927 г.).

В связи с постановлениями XV съезда ВКП (б), проходившего в Москве со 2 по 12 декабря 1927 г., подтвердившего курс на дальнейшее кооперирование и переход «на рельсы крупного производства» [8, с. 1282], Астраханская партийная организация активно приступила к переводу единоличных рыболовецких хозяйств на путь колхозов. Организационная перестройка партийной работы, расширение материально-производственной базы рыболовецкой кооперации вкупе с активной партийно-массовой и агитационно-разъяснительной работой приносили свои плоды, и ловецкая кооперация с каждым годом охватывала всё более широкие массы ловцов. Так, если в 1927 г. на 1 октября в кооперации было 10519 членов, то на 1 октября 1928 г. – 18894 члена. Число хозяйств в районе деятельности 44 товариществ, объединяющих это количество ловцов, составляло 33852, из них кооперированными хозяйствами являлись 16662, т. е. 49,2 % ловецких хозяйств в округе [3, л. 131]. На 1 октября 1929 г. в составе кооперации было уже 29762 члена, что составляло 82 % ловецких хозяйств в округе [9, с. 23]. Работа по кооперированию морских ловцов с 1926 по 1928 г. дала увеличение последних с 3268 до 5412, т. е. на 66 % [1, л. 303]. При таком активном росте кооперированной членской массы темп паевого накопления отставал от темпа кооперирования ловецких хозяйств вследствие значительного притока новых членов, не могущих внести полностью пая.

Рыбопромысловая кооперация в условиях активного вытеснения частника из рыбной промышленности, а с осени 1929 г. и полного его отстранения от рыбного промысла, с обязанностью, возложенной на её плечи, в целом справлялась, а ответственность была довольно серьёзной. В условиях недостатка пищевых продуктов добыче рыбы было придано огромное значение, Советским правительством была сигнализирована особо острая нужда населения в продукции рыболовства. Серьёзные ставки в программе расширения добычи рыбы делались на Волго-Каспийский район, который в 1930 г. должен был дать 1/3 общесоюзного улова.

В целях обеспечения быстрого роста добычи рыбы ловецкой кооперации Астраханского округа ассигновались государственные и кооперативные средства. План задания на весеннюю путину 1929 г. был выполнен на 111,1 % (добыто 1886 тыс. ц) [4, л. 49в]. С осени 1929 г. ловецкая кооперация была освобождена от необходимости организации переработки рыбы, которая теперь сконцентрировалась на заводах госрыбопромышленности. Таким образом, кооперация сосредоточилась на организации добычи рыбы. Президиумом Окрисполкома на осеннюю путину кооперативному сектору выделялось 40 % от общего плана [2, л. 92]. В осеннюю путину по ВК району было выловлено 2144,4 тыс. ц, что составило 143 % от плана [6, с. 14]. В Постановлении Наркомторга от 8 декабря 1929 г. отмечалось, что осенняя путина в Астрахани, проведённая впервые при условии полного снятия частника и при исключительно большом выходе рыбы, показала полную возможность государственных и кооперативных организаций справиться со всем уловом без частника [2, с. 193].

Таким образом, рыболовецкая кооперация показала свою жизнеспособность, и в дальнейшем планировалось в рамках коллективного рыболовецкого хозяйства увеличивать объёмы рыбодобычи. Ловецкая кооперация 1923–1929 гг. стала материально-производственной и психологической базой для грядущей массовой коллективизации рыболовецкого хозяйства Астраханского края.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Фонд Астраханского губернского союза производственных рыбопромыслово-кооперативных товариществ и артелей ловцов. Р. 1431. Оп. 1. Д. 793.
2. ГААО. Р. 1431. Оп. 1. Д. 794.

3. Государственный архив современной документации (ГАСД АО). Фонд Астраханского окружного комитета ВКП (б). Ф. 6. Оп. 1. Д. 25.
4. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 66.
5. Материалы к отчету Астраханского губернского исполнительного комитета XIII созыва за 1924–25 год. Астрахань, 1926. 363 с.
6. Отчёт Астраханского окружного исполнительного комитета с октября 1928 г. по февраль 1930 г. Астрахань: Окрисполком, 1930. 141 с.
7. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчёт. М., 1963. 883 с.
8. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчёт. М. – Л.,1928. 1416 с.
9. Бабин Б. Н. Из истории коллективизации рыболовецких хозяйств Астраханского края. Астрахань, 1958. 76 с.
10. Бережницкий А. М. Мероприятия Советской власти по восстановлению ловца Астраханского края и их результаты. Астрахань, 1926. 31 с.
11. Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996. 124 с.
12. Елютин О. Кооперация в России – невостребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. С. 58–64.
13. Зенченко Т. Контрольные цифры хозяйства Астраханской губернии // Наш край. 1927. № 1. С. 3–25.
14. Киселевич К. А. К вопросу о форме кредитования ловцов для восстановления ловецкого хозяйства // Наш край. 1925. № 1. С. 3–17.
15. Киселевич К. А. К современному состоянию ловецкого хозяйства в Астраханском крае // Наш край. 1926. № 12. С. 3–35.
16. Крюков В. История возникновения ловецкой кооперации в Астраханском крае // Наш край. 1927. № 1. С. 64–73.
17. Крюков В. Ловецкая кооперация Астраханской губернии // Наш край. 1925. № 3. С. 46–49.
18. Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 114–122.
19. Порох В. Итоги работ первой сессии Астраханского Губернского исполнительного комитета XIV созыва (20–24 июля 1926 г.) // Наш край. 1926. № 6–7. С. 3–13.
20. Порох В. Шторм на Каспии 9–11 ноября 1924 г. и его последствия // Наш край. 1925. № 1. С. 17–29.
21. Собгайда В. Производственные программы рыбной промышленности Астраханского края на весну 1926 г. // Наш край. 1926. № 3. С. 3–15.

РЫБНАЯ ОТРАСЛЬ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

Девяткина Оксана Алексеевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В 1914 г. на долю Волго-Каспийского рыбного бассейна приходилось 6 % мировой рыбодобычи и безоговорочное лидерство в рыбодобыче страны в целом. Астраханский регион производил 35 % общероссийской рыбной продукции. К началу Первой мировой войны на территории Астраханской губернии функционировало 900 рыбодобывающих предприятий и работало 1250 рыбных промыслов, которые обеспечивали рабочими местами 120000 жителей региона. Именно в 1914 г. удалось достичь рекордного улова рыбы, который составлял 290322 т. Эти показатели оставались максимальными в истории рыбодобычи вплоть до 1927 г. [7, с. 112].

Однако с 1914 г. наметилась тенденция к снижению улова. Мобилизация мужского населения на фронты Первой мировой войны, несомненно, отрицательно повлияла на показатели улова. В 1916 г. удалось добыть лишь 178000 т. После Октябрьской революции советская власть в первое время особо не вмешивалась в дела рыбной отрасли. В Астраханском регионе местные советы являлись советами рабочих, солдатских и ловецких депутатов. То есть в самом названии было отражено, что роль этой социальной группы в жизни Астрахани была крайне важна, и это соответствовало действительности. С претворением в жизнь политики военного коммунизма, отношения советской власти и ловцов стали резко портиться. Основа конфликта была в том, что ловцы тяготели к тому, чтобы максимально сохранить привычный образ жизни, власть же взяла жесткий курс, направленный на полный контроль государством за рыбодобывающей отраслью. Эта проблема осложнялась еще и тем, что статус работников рыбной отрасли был весьма специфичен, и в Астраханской губернии была настоящая дилемма – к кому следует относить ловецкое население – к рабочим или к крестьянам [6, с. 624]. В 1919 г. Волго-Каспийская рыбная промышленность была национализирована и сконцентрирована под управлением единого Главка –

Областного Волго-Каспийского управления («Областьрыба»). С размахом прошел процесс ликвидации большого количества рыбопромышленных предприятий. Свободная торговля рыбой законодательно оказалась под запретом [7, с. 126–130]. К 1919 г. партийными властями региона было решено отнести ловцов все-таки к крестьянам, что неминуемо, в условиях политики военного коммунизма, означало для ловцов, что и их коснется продразверстка. Ловцов, словно крепостных, стали прикреплять к определенным рыбным промыслам [6, с. 623]. Эти мероприятия должны были затормозить долговременное падение объемов добычи рыбы и, соответственно, наладить снабжение центральных промышленных районов страны и Советской Армии рыбопродуктами. Но меры эти оказались неэффективными: на практике стагнация в отрасли лишь усиливалась. Объемы добычи составляли в 1919 г. 155000 т, а в 1920 г. эта цифра упала до 110000 т. Такой уровень улова соответствовал 60-м гг. XIX в. [10, с. 44].

Такой резкий откат в рыбной отрасли был подвергнут тщательному анализу ученых. Уже в начале двадцатого столетия в Астрахани начались процессы формирования ихтиологической школы [4, с. 91–92]. Основная работа проводилась в Ихтиологической лаборатории, которую возглавлял известный ученый, профессор Константин Александрович Кисилевич. По результатам работы лаборатории, которая выезжала на территорию различных ловецких хозяйств и в исконно рыбацкие села были сделаны неутешительные выводы. Обнищание ловцов носило повсеместный характер, и одним из ярких примеров этому была некогда зажиточная Лагань – село на каспийском взморье. Сравнительный анализ положения дел в Лагани свидетельствовал о том, что в 1914 г. в этом селе было 397 дворов и 2300 жителей, а к 1922 г. насчитывалось 314 дворов и 1500 жителей. Если говорить, о занятости населения Лагани, то можно констатировать, что в начале Первой мировой войны большая часть жителей села 80,7 % (320 дворов из 397) была занята в ловецком промысле, а уже в 1922 г. всего 38,3 % (122 двора из 314). Некоторая часть сельчан «ушла» в сельское хозяйство, что в довоенное время «представить себе было невозможно» [9, с. 31]. Все это свидетельствовало об упадке в ловецком хозяйстве региона. Приведенные данные по Лагани не являются единичным случаем. По результатам того же исследования, такое же плачевное положение дел и в других ловецких поселениях на побережье Каспия. По статистике, в селах общее число ловцов уменьшилось в 3 раза, а морских ловцов – в 10 раз [9, с. 32]. Ситуация осложнялась также тем, что ловцы не имели финансовой возможности для того, чтобы приобрести необходимое снаряжение для выхода в море. Снаряжение это, необходимо отметить, было недешевым. В этой связи, рыбакам приходилось сконцентрироваться на менее производительном, но более доступном и не требовавшим такой серьезной оснастки, речном лове. Все это, конечно же, сказывалось на показателях улова в 1918–1921 гг. [2, с. 33–36].

Не вникая в специфику организации и функционирования рыбной промышленности в Астраханской губернии, партийное руководство региона и «Областьрыба» в 1918 г. больше акцентировали свое внимание на классовой борьбе. Губернский комитет РКП (б), не мешкая, поделил ловцов на кулаков, середняков и бедняков. Под особо пристальным вниманием партийных властей оказались те рыбаки, которые занимались морским ловом, т. к. им для этой работы необходимо было иметь дорогостоящее оборудование (сбрую), а также надо было нанимать работников. Именно поэтому данная категория рыбаков попала под определение «кулаки», по отношению к которым советская власть в годы «военного коммунизма» проводила очень жесткую политику. Все это, несомненно, способствовало лишь стагнации в сфере морского лова.

Власти проводили ряд мероприятий по поддержке рыбаков, занимавшихся речным ловом, т. к. они относили последних к «беднякам» [6, с. 624]. Политика большевиков в рыбной отрасли Волго-Каспийского бассейна привела ее на грань краха. Для того чтобы продолжить работу, не потерять последних тружеников, которые в условиях тотального огосударствления промыслов все чаще разбегались, в 1919 г. власти губернии начали насильственно прикреплять к промыслам ловецкое население окрестных деревень. На практике это означало, что негосударственный лов, по сути, оказывался вне закона. Прикрепление рыбаков к государственным промыслам напоминало времена крепостного права.

Также наметилась тенденция создания совхозов из прикрепленного ловецкого населения на подконтрольных Главку «Областьрыба» речных рыбных промыслах. Партийная региональная пресса освещала этот процесс и всячески подчеркивала, что инициатива объединения в совхозы исходит от самих ловцов [5, с. 99–101]. Но уже через год, летом 1920 г. руководство «Об-

ластьрыбы» констатировало, что «опыт прошлой деятельности Областного управления показал, что, то внимание, которое оно уделяло ловцу, далеко недостаточно, благодаря чему создалось положение, при котором морской лов, дававший в нормальное время до 50 % общей добычи рыбы, упал до того, что дает сейчас, несмотря на сокращение общих уловов, до 2–3 %, речной лов тоже сократился до минимума. В путину 1919 г. ловило чуть более 10000 чел., что по сравнению с довоенным временем составляет около 10 %» [1, с. 14].

Действительность показала, что метод закрепления ловцов за определенным промыслом был весьма неэффективный. Чтобы далее обеспечить работу на промыслах началась принудительная мобилизация крестьян из других районов Астраханской губернии и из соседних губерний [7, с. 128–132]. Принудительная мобилизация крестьян также имела место на территории нашего региона и в сфере соляной промышленности и на водном транспорте [7, с. 145–147; 8, с. 29]. Производительность труда в таких условиях оставляла желать лучшего, но для местных властей это был сомнительный аргумент. Перед властями стояла задача не допустить бегства мобилизованного населения. Несмотря на усилия властей, трудовое дезертирство лишь набирало обороты [3, с. 10].

Тем не менее, военно-коммунистические методы руководства рыбной промышленности, которые отражались, прежде всего, в принуждении к труду, игнорировании материальных стимулов даже вкупе с поддержкой из столицы, не дали желаемых результатов. Прежде всего, можно констатировать, что не удалось добиться значительного повышения показателей улова, и, что еще важнее, не удалось обеспечить сохранения выловленной рыбы.

Список источников и литературы

1. Виноградов С. В. Голод 1921 года в Поволжье: причины, масштабы, последствия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 3 (28). – С. 12–21.
2. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг. М., 1992.
3. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1992.
4. Виноградов С. В. Экономическое развитие Поволжья и рыбная промышленность Волго-Каспийского бассейна в 1950-е годы: негативные последствия модернизации // Современная научная мысль. 2013. № 6. С. 91–100.
5. Виноградов С. В., Волосухина Н. И., Ещенко Ю. Г., Черник М. В. О некоторых проблемах фальсификаций в провинциальной экономической прессе 1920-х гг. // Материалы Всероссийской конференции «Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории». Астрахань, 2012. С. 99–103.
6. История Астраханского края. Астрахань, 2000.
7. Ишин В. В. Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленностью Российской Федерации, 1918–1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна). Астрахань, 2002.
8. На южном форпосте России. Документы. Материалы. Воспоминания. Астрахань – Волгоград, 2000.
9. Наш Край. 1924. № 1.
10. Нижнее Поволжье. 1927. № 10.

КАВКАЗСКИЕ / КУБАНСКИЕ И АСТРАХАНСКИЕ МОЛОКАНЕ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

Канатьева Наталья Сергеевна,
кандидат биологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

По справедливому замечанию А. В. Крюкова, «природные и социокультурные особенности каждого региона накладывают отпечаток своеобразия на любое явление его общественной и культурной жизни. Не являются исключением в этом смысле и вопросы религиозной догматики и культа. В наибольшей степени данное положение применимо к религиозным сектам, идеология и обрядность которых в той или иной мере почти постоянно изменялись, не будучи стесненными многовековой традицией» [4, с. 5]. Нам кажется интересным и полезным рассмотреть особенности молоканской секты, широко распространённой в XIX в. по всему Югу России, в зависимости от того, где именно жили молокане: в предгорьях Кавказа, на Кубани и в Астраханской губернии.

Молокан часто называют представителями стихийного русского народного протестантизма. Костомаров, как известно, считал, что молоканство появилось в результате «развития в русском

народе рациональных умствований» [3, с. 59–61]. Однако считать молоканство разновидностью рационального (в отличие от мистического, духоборства и хлыстовства) сектантства было бы, на наш взгляд, ошибочным. Всё же определение «конфессиональная группа» более соответствует и сущности, и масштабам молоканства как в России, так и за рубежом.

Молоканские колонии и поселения существуют в Америке, Азербайджане, Армении, Казахстане, Мексике, Украине и Грузии. Возможно, молоканство сохранилось в Турции, несмотря на репатриацию на Ставропольщину в середине XX в. Что же касается российской территории, то молоканские поселения сохранились практически по всему Югу России – в Ростовской, Ставропольской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Кроме того, в Воронежской и Тамбовской областях и поныне существуют молоканские кладбища (данные о существующих общинах недостоверны).

Молоканские общины на Кавказе появились в результате официальной переселенческой политики XIX в. Начиная с 1830–1840-х гг. русские переселенцы стали появляться на Северном Кавказе, и к 1880-м гг., по данным Исмаил-Заде, русское население составляло более 100 тыс. человек, что соответствовало примерно 2,5 % от общей численности. Причём в основном это были так называемые раскольники и сектанты, в т. ч. молокане. Но всего лишь за десятилетие, с 1886 по 1897 г., количество русского населения на Кавказе увеличилось вдвое, до 220 тыс. человек, или 4,5 %.

По Сан-Стефанскому договору 1878 г., к России отошла в т. ч. Карсская область, и к 1877 г. безземельные сектанты или те, кто не желал служить в армии, переселяются именно туда. Как пишет П. Ф. Степанов, было создано 18 русских селений, в которых жили сектанты, молокане и духоборы, – 1088 домов и 7072 человек общей численностью. Они поселились на землях, которые покинули турки, эмигрировавшие в Турцию после присоединения Карса к России.

Как пишет известный краснодарский исследователь сектантства А. В. Крюков, «на Кубани молокане впервые появляются в 1865–1866 гг. в станицах Хадыженской и Кабардинской [4, с. 58]. Источник проникновения молоканства в данные населенные пункты установить не удалось, хотя известно, что местные молокане были «совращены» в секту [4, с. 59], поэтому здесь не исключено влияние религиозной агитации. Вторая, более крупная партия молокан переселилась на Кубань из Таврической губернии в конце 70-х гг. XIX в. и обосновалась близ станиц Калниболотской и Незамаевской [1, с. 133]. Лидером переселенцев был Д. Мазаев, богатый землевладелец, впоследствии перешедший в баптизм» [4, с. 62–63].

Сведения об идеологии молокан и ее специфике на Кубани чрезвычайно скудны. Известно лишь, что сектанты станицы Екатериновской отрицали церковные таинства, такие как священство и водное крещение; проповедовали всеобщее священство и духовное крещение. Местный священник подчеркивал, что они «отрицают также иконопочитание и нетление мощей и вообще всю обрядовую сторону Православной церкви» [6, с. 473]. На основании таких скудных сведений трудно судить о характере вероучения кубанских молокан, однако можно сделать вывод о близости учения молоканства на Кубани в некоторых положениях к доктрине баптизма (в части догмата о «всеобщем священстве). Во многом это и послужило непосредственным основанием к переходу некоторых молокан в баптизм.

Информация об обрядности секты молокан на Кубани в источниках отсутствует [4, с. 127]. Кубанские молокане на первых порах проводили религиозную агитацию, которая, впрочем, не носила организованного характера [1, с. 135]. Сами же молокане с 80-х гг. XIX в. стали объектом устремлений прозелитствующих баптистов Кубани [4, с. 192].

Итак, идеология и обрядность религиозных сект на Кубани в течение описываемого периода претерпевали некоторые изменения, и, безусловно, отличались определенной спецификой. На примере более изученной секты иудействующих автор заключает, что, в целом, сектанты изначально имели общую религиозную доктрину и обрядовый комплекс, однако, в дальнейшем, после разделения на фракции, каждая из них, очевидно, приобрела собственные особенности в сфере догматики и культа [4, с. 141].

Подводя итог своему исследованию, А. В. Крюков пишет, что «развитие молоканства на Кубани происходило в сторону регресса, свидетельством чему явился переход многих молокан в баптизм» [4, с. 122].

В Астраханской губернии молокане поселились в XIX в., хотя православные миссионеры Астраханско-Енотаевской епархии утверждают, что уже в конце XVIII в. в губернии были молокане, да и вообще они явились первыми сектантами на астраханской земле. Появление молокан было благословлено самим Уклеиным, основателем молоканства, который предпринял в конце

XVIII в. путешествие по югу России, с целью присмотреть безопасные места для сектантских поселений. Астраханская губерния, особенно северные её части, очень понравились Уклеину, он описал их в своих посланиях как землю обетованную, куда следует переселиться всем молоканам. Неудивительно, что к концу XIX в. количество молокан в Астраханской губернии, по миссионерским данным, составляло почти 10 % от общего числа русского населения.

Летописец Астраханско-Енотаевской епархии о. Иоанн Саввинский считал центром молоканства с. Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии, население его в XVIII в. составляли «казаки и беглые люди разных губерний» [7, с. 253], среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна. К концу XVIII в. молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноярском уезде губернии и в самой Астрахани.

Как писал в своих воспоминаниях бывший евангелический и субботнический начётчик, а впоследствии православный священник Егор Васильевич Шалаев, причины быстрого распространения молоканства неизвестны, но сам он считал, что успех сектантского учения во многом зависел от некоего Семёна Слободина, уроженца с. Пришиб, отставного рядового, торговца шерстью и молоканского наставника. Будучи, по словам Шалаева, весьма богатым человеком и часто разъезжая по делам торговли и принимая других торговцев, он «при всякой свободной минуте навязывал каждому своё лжеучение. И есть основание думать, что на слушателей Слободин производил большое впечатление» [9, с. 100–101]. Шалаев считал астраханское молоканство вариантом уклеинского толка [9, с. 100] и определял дату появления сектантства в губернии между 1776 и 1779 гг., утверждая, что оно было занесено тамбовскими переселенцами. «Уклеинский толк» – это традиционное, если так можно выразиться, молоканство; регламент повседневной жизни и богослужений в нём был определён самим основателем.

К 1886 г., спустя столетие после появления сектантов, число молокан в губернии, по миссионерским (скорее всего, заниженным) данным, составляло около 6 тыс. человек обоего пола [5, с. 38]. Как изменялось учение молокан в новых условиях? По словам протоиерея М. Гусакова, «много сохранилось воззрений Уклеина и много вводилось нового учения» [2, с. 195], т. е. образовались разные толки. Гусаков делит их на четыре группы: субботников караимов, субботников талмудистов, воскресенников (уклеинцев) и евангеликов. Другой священник-миссионер, печатавшийся под инициалами Св. Г. В., вообще не проводит различия между молоканами и жидовствующими в своём обозрении «К истории молоканской (жидовствующей) секты в Астраханской губернии» [8, с. 157].

Итак, подводя итог нашему краткому обзору, можно отметить, что, во-первых, ни на Кубани / Кавказе, ни в Астраханской губернии молоканство не осталось неизменной доктриной. Изменяясь и приспосабливаясь к окружению, молокане зачастую переставали быть молоканами и становились либо протестантами, как это произошло даже с таким известным сектантом, как Мазаев, либо иудействующими.

Список источников и литературы

1. Валькевич В. А. Записка о пропаганде протестантских сект в России и, в особенности, на Кавказе: в 2 т. Тифлис, 1900. Т. 1.

2. Гусаков М., прот. Религиозное учение молокан Царёвского уезда Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 5.

3. Костомаров Н. И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. 1869. № 3.

4. Крюков А. В. Религиозные секты на Кубани: становление, внутреннее развитие, взаимоотношения с государственными и общественными институтами (30-е гг. XIX в. – 1917 г.). Краснодар, 2004.

5. Отчет Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства за 1876 г. // Астраханские епархиальные ведомости. 1878.

6. Отчет о деятельности епархиального противосектантского миссионера свящ. С. Никольского за 1897 г. // СЕВ. 1901. № 9.

7. Саввинский И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг. Ростов н/Д: Фолиант, 2002.

8. Св. Г. В. К истории молоканской (жидовствующей) секты в Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 4.

9. Шалаев Е. В. Автобиография. Мои наблюдения за разными сектантами // Астраханские епархиальные ведомости. 1889. № 3.

О СТАНОВЛЕНИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ: АСТРАХАНСКИЕ ВУЗЫ В 1930-е гг.

Коляганов Вячеслав Анатольевич,
студент исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Начиная с 1991 г. и по настоящее время в России идет глубокий и очень противоречивый процесс социальных, экономических и политических преобразований. Эти преобразования настолько глубоки и носят такой системный характер, что не могли не затронуть такую, на первый взгляд, очень инерционную и консервативную систему среднего специального и высшего образования. Современный трудовые отношения стали рыночными и в соответствии с этой концепцией, произошёл отказ от планирования образовательной деятельности, что немедленно привело к перекосу в подготовке кадров. Подавляющее большинство выпускников школ, хотели быть «успешными адвокатами», «неповторимыми экономистами» и рынок, как и положено, отреагировал мгновенно. Появилось необычайное разнообразие учебных заведений и легальных и нелегальных наперебой предлагавших обучение таковым профессиям. Но как выяснилось, столь большого количества юристов или экономистов не нужно вовсе, более того гораздо более востребованы люди инженерных специальностей, однако и этот сегмент быстро пошёл на убыль оставив лишь небольшое количество специальностей на которые есть спрос, связано это прежде всего с разрушением производственной модели экономики.

Вследствие того, что экономика сейчас у нас постиндустриальная, чем мы не можем не гордится, ведь это позволяет нам участвовать в международных форумах, решать задачи глобального характера, ну на худой конец принимать участие в их решении. Востребованность специалистов такого рода просто бьёт все рекорды. Нужны высококлассные менеджеры, высочайшего класса арт-дизайнеры, руководители всех уровней, специалисты по маркетингу, веб-дизайну и прочим специальностям. Однако так было не всегда. Были суровые времена тоталитарного прошлого, когда стране нужны были специалисты совсем другого рода и нужность этих специальностей определял не свободный рыночный выбор граждан, а жёсткий план, спускаемый с вышестоящих структур, вот об этих суровых временах и пойдёт речь в нашей статье.

Как это ни парадоксально, но только тоталитарной советской власти понадобились в Астраханском крае специалисты с высшим образованием. Много об этом говорил ещё Пётр I, устраивая здесь верфи и формируя здесь войско для персидских походов. Наверное, последующие за Петром I цари тоже возжелали видеть в Астрахани цветущий край с высокообразованными людьми, райские кущи и производство самых дорогих и лучших для всей Европы товаров. Однако статистика говорила о другом. Здесь мы приведём особо интересные статистические таблицы из книги А. Г. Рашина «Население России за 100 лет (1813–1913 гг.) статистические очерки». Нам думается, эти таблицы смогут остро и наглядно показать положение дел с образованием как в Астраханской губернии, так и во всей России. Начнём с того, что покажем неоднородность регионов в показателях грамотности, что сразу обезоруживает всех утверждающих о колоссальной работе проделываемой имперским правительством в направлении развития народного образования.

Таблица 1

Данные по губерниям о количестве грамотного населения

Губернии	Грамотных, %	Губернии	Грамотных, %
Эстляндская	77,9	Владимирская	27,0
Лифляндская	77,7	Херсонская	25,9
Курляндская	70,9	Олонецкая	25,3
Петербургская	55,1	Витебская	24,6
Ковенская	41,9	Тверская	24,5
Московская	40,2	Костромская	24,0
Ярославская	36,2	Саратовская	23,8
Гродненская	29,2	Архангельская.	23,3
Виленская	28,8	Новгородская	23,0
Таврическая	27,9	Область Войска Донского	22,4
Самарская	22,1	Волынская	17,2
Нижегородская	22,0	Могилевская	16,9

Екатеринославская	21,5	Полтавская	16,9
Тульская	20,7	Харьковская	16,8
Оренбургская	20,4	Уфимская	16,7
Рязанская	20,3	Тамбовская	16,6
Калужская	19,4	Воронежская	16,3
Пермская	19,2	Курская	16,3
Вологодская	19,1	Вятская	16,0
Черниговская	18,4	Бессарабская	15,6
Киевская	18,1	Симбирская	15,6
Казанская	17,9	Астраханская.	15,5
Минская	17,8	Подольская	15,5
Орловская	17,6	Пензенская	14,7
Смоленская	17,3	Псковская	14,6

Так, мы отчётливо наблюдаем, что грамотных в лидирующих губерниях (70–78 %) почти в пять раз больше, чем грамотных в отстающих губерниях (14,6–15,5 %). Из губерний со сравнительно высокими показателями, помимо трех прибалтийских был, в пределах 14,6–15,6 %.

Однако был совершён прорыв: за 15 лет (1900–1914 гг.) численность учащихся начальных школ Министерства народного просвещения увеличилась с 2592,6 тыс. до 5942,1 тыс. Позволим себе заметить, что это более чем в два раза. Однако абсолютные цифры удручают в современной России, которая меньше России имперской только первоклассников ежегодно идёт в школу почти 2 млн человек. Даже В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» писал: «Пятый год, год великого пробуждения народных масс в России, год великой народной борьбы за свободу под руководством пролетариата, этот год заставил даже наше казенное ведомство сдвинуться с мертвой точки» [6]. Как всегда большевики пытаются все заслуги императорского кабинета присвоить себе.

Значительное место в начальном образовании занимали церковно-приходские школы, получившие развитие в конце 80-х гг. XIX столетия, годов правления императора всемилостивейшего Николая II. В них в 1905–1914 гг. обучалось около 2 млн детей. На увеличение церковно-приходских школ по особым мотивам настаивал обер-прокурор синода К. П. Победоносцев. Он говорил: «Церковно-приходские школы, по самым условиям существующего в них обучения и надзора, представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и поэтому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения» [8]. Рост числа церковных начальных школ за 30 лет (1884–1914 гг.) и учащихся в них был весьма значительным. Если в 1884 г. в них насчитывалось около 100 тыс., а в 1885 г. – 181 тыс. учащихся, то в 1913 г., отмечал Н. В. Чехов, к числу школ духовного ведомства были причислены одним взмахом пера крестьянские школы грамоты, число которых тогда определялось несколькими тысячами» [9].

Таблица 2

Распределение учащихся в начальных школах России в 1911 г. по продолжительности учения [10]

Учащиеся		Учившихся в школе, %		
		1 год	от 1 года до 3 лет	более 3 лет
В городах	Мальчики	41,0	48,1	10,9
	Девочки	43,2	47,0	9,8
В деревнях	Мальчики	38,2	49,3	12,5
	Девочки	48,6	44,7	6,7

С 1900 по 1906 г. численность учащихся в церковно-приходских школах увеличилась с 1634,5 тыс. до 2021,6 тыс., или на 27 %. В последующие годы число учащихся в народного просвещения с 1906 по 1914 г. численность учащихся увеличилась с 3596,4 тыс. до 5942,0 тыс., или на 65,2 %. Таким образом, после революции 1905–1907 гг. понизился удельный вес учащихся в церковно-приходских школах в массе учащихся начальных школ. Но в этой группе количество школ, в общем, оставалось стабильным. В начальных же школах Министерства же годы реакционная политика правительства, в частности чистка учителей в министерских школах, приводила к тому, что отличия между церковно-приходскими и министерскими школами нередко стирались. В 1914 г. учащихся было более 2 млн [7, гл. 11]. Однако если обратиться к материалам о продолжительности обучения

в начальных школах, то получится печальная картина. Всего в городах и деревнях лишь 12 % мальчиков и 8 % девочек учились в школе более 3 лет. Как отмечал А. В. Захаров, «трехлетняя по курсу школа, призванная дать законченное первоначальное образование, т. е. сообщить некоторую сумму знаний, большинству учащихся дает только грамотность, умение читать и не всегда писать» [11]. Существенным представляются следующие показатели распределение учащихся начальных школ в 1916 г. по возрасту, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Возраст, лет	В процентах к итогу			Возраст, лет	В процентах к итогу		
	мальчики	девочки	обоего пола		мальчики	девочки	обоего пола
Менее 8	1,0	2,4	2,0	12	15,8	11,6	14,4
8	10,0	13,1	11,0	13	7,6	4,6	6,7
9	17,3	21,4	18,6	14	3,2	1,8	2,8
10 11	23,2	25,9	24,0	15 и старше	1,6	0,8	1,3
11	19,5	18,4	19,2	Всего	100,0	100,0	100,0

Приведенные данные свидетельствуют, что в дореволюционной России преобладающая масса детей в возрасте старше 12 лет вовсе не училась в школах [7, гл. 11]. О необеспеченности детского населения России школами в период, непосредственно предшествующий октябрьскому перевороту, можно судить по официальным данным Министерства народного просвещения, опубликованным под заглавием «К вопросу о введении всеобщего обучения» [7, гл. 11]. По официальным подсчетам, правда, весьма приблизительным (поскольку число детей школьного возраста – 8–11 лет – было исчислено по среднему проценту переписи 1897 г.), на 1 января 1915 г. из 15259,8 тыс. детей школьного возраста училось только 51 %. В ряде районов страны процент учившихся детей был еще ниже: в Сибири – 39 %, на Кавказе – 37,2 %, в степных и среднеазиатских областях – 14,2 %, в Эрнванской губернии – 12,3 %, в Якутской области – 10,7 %, в Самаркандской – 1,9 % [7, гл. 11].

Теперь перейдём к разбору того, что эта тоталитарная машина начала предпринимать, придя к власти в 1917 г., а точнее провозгласив советскую власть в Астрахани. Для лучшего понимания приведем перечень учебных заведений, существовавших на тот момент в Астрахани и губернии:

1. 1-я Астраханская мужская гимназия (здание сгорело во время октябрьских боев).
2. 2-я мужская гимназия.
3. Частная мужская гимназия Туляницкого.
4. Частная Астраханская смешанная гимназия Агабабова.
5. Астраханское реальное училище.
6. Частное реальное училище Соболева.
7. Коммерческое училище.
8. Дух. Семинария.
9. 1-я Астраханская Мариинская женская гимназия.
10. 2-я Астраханская Мариинская
13. тоже Бенземан.
14. тоже Пальцевой.
15. тоже Никифоровой.
16. тоже Булановой.
17. Красноярская мужская гимназия.
18. Царевская мужская гимназия.
19. Слободо-Николаевская мужская гимназия.
20. Черноярское реальное училище
21. Енотаевское реальное училище.
22. Капустиноярская смешанная гимназия.
23. Слободо-Николаевская женская гимназия.

Общее количество учащихся – 8645, учителей – 350. Для сравнения и лучшего понимания, сейчас только в одном АГУ учится 13494 студента.

Вот на этой самой основе и предполагалось строить систему высшего профессионального образования в Астраханском крае. Итак, в феврале 1918 г. окончательно установилась советская

власть в Астраханской области, а уже 15 марта было принято решение об образовании первого Астраханского университета. К сожалению, он долго не просуществовал, т. к. большевики были заняты на тот момент гражданской войной, и выстраивать систему народного образования возможностей у них не было. В 1922 г. из-за недостаточного финансирования университет закрыли, оставив только медицинский факультет, преобразованный позднее в медицинский институт. Нужно отметить, что большевики всё же задумались о подготовке медицинских кадров и изыскали средства на создание медицинского института.

Развитие производства во всей стране, индустриализация с её громадными темпами требовали развития соответствующего образования. В Астраханском крае в те времена профилирующей была рыбная отрасль, что требовало создания базы для подготовки специалистов именно в ней. Одним словом приказом № 695 от 09.05.1930 г. Народного комиссариата внутренней и внешней торговли учреждается в Астрахани институт рыбного хозяйства и промышленности, он рассматривался как вуз всесоюзного значения. В нем предполагалась подготовка специалистов не только для Астрахани и конкретно дельты Волги, но и для Дагестана, Азербайджана и прочих республик Каспийского региона, а также регионов Аральского моря. В 1935 г. состоялся первый выпуск 90 инженеров. Надо отметить, что к тому времени институт перенесли в специально построенное для него новое здание, и заложили студенческий городок, в котором вуз размещается и по сей день.

Необходимо отметить, что репрессии не обошли мимо руководство вуза: по различным данным до 70 человек [1] было арестовано по нелепому обвинению в террористической и антисоветской деятельности. Из них 9 человек во главе с ректором А. З. Шубой приговорены к высшей мере наказания – расстрелу [3]. Однако в 1956 г. все были реабилитированы, в их числе был и ректор института А. В. Шуба [4]. История эта очень нетривиальная и закрытая. Имел ли место там заговор или это внутренние неурядицы в коллективе, которые привели к трагическому исходу, покажут дальнейшие исторические исследования.

Нуждались дорвавшиеся до власти большевики и в педагогических кадрах. Как выше указывалось, по статистическим данным императору всероссийскому в начале XX в. вполне хватало 15,5 % грамотных людей, и Россия процветала, большевикам же понадобилась 100 % грамотность, а в последствии и 100 % среднее образование [5], чтобы люди могли не только читать, но и понимать большевистских вождей и то огромное количество беллетристики ими написанной, в отличии от простых и понятных дневников императора Николая II. Для этого требовались соответствующие кадры. Старые кадры были малоподходящими ввиду своего консервативного уклада, и донести «остроту революционных веяний» до сознательного пролетариата не могли в принципе. И вот постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР № 298 от 25 марта 1932 г. был учреждён Астраханский государственный педагогический институт.

В 1934 г. институту было присвоено имя С. М. Кирова. В 1935 г. при пединституте был открыт учительский институт с отделениями русского языка и литературы, естествознания, физики и математики. В 1937 г. происходит разделение кафедры математики на две самостоятельные кафедры: математического анализа и геометрии. Разделилась и кафедра литературы и языка на две кафедры: кафедру литературы и кафедру русского языка. Образованы были кафедры зоологии, ботаники и химии. В 1940/1941 учебном году институт имел 13 кафедр: истории, основ марксизма-ленинизма, педагогики, литературы, русского языка, математического анализа, геометрии, физики, ботаники, зоологии, химии, иностранных языков. Однако жесточайшие репрессии не прошли мимо и педагогического вуза. С декабря 1936 г. руководство АГПИ и его директор В. М. Даманк подверглись необоснованному преследованию за «потворство троцкистам» и «классово чуждым элементам». Вслед за критикой в газетах и журналах последовала очень предвзятая проверка Кулагин, ряд заведующих кафедрами, преподаватели сняты с работы и исключены из партии. В том же 1937 г. В. М. Даманк был арестован органами НКВД как «враг народа» и осужден на 10 лет. [1, с. 90–91].

Таким образом, мы видим, что становление образования, несмотря на заложенную правительством Николая II реформу, привела к двукратному увеличению количества учеников в школах. Особенно затруднено становление высшей школы. Однако именно большевики, придя к власти, создали в Астрахани сеть вузов. Конечно, они устроили репрессии против профессорско-преподавательского состава, они коснулись всех напрямую. Тем не менее, высшая школа в Астрахани была создана, а основой её создания послужили десятки новых созданных производств не только в Астраханском регионе, но и других регионах. Мы не пытаемся оправдывать репрес-

сии, но надо понимать , что без всяких репрессий во время правления царской династии образование находилось в зачаточном состоянии, а высшей школы не существовало вовсе, большевики же шли может и трудным и даже ошибочным путём, но добились куда больших результатов в деле народного образования и подготовки кадров для народного хозяйства.

Список источников и литературы

1. На южном форпосте России. Из истории Управления Федеральной службы безопасности РФ по Астраханской области. 1918–2000 гг.: Документы. Материалы. Воспоминания. Астрахань: Астраханский пед. ун-т; Волгоград: Страница-2, 2000. 344 с.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2181. Оп. 1. Д. 249.
3. Книга Памяти. Астрахань, 2000. Т. 1. С. 330.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986. Т. 9. 1956–1960.
5. Так, в 16-м выпуске издания Министерства народного просвещения «Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 года» были опубликованы следующие итоговые данные переписи об изменении процента учащихся в сельских начальных школах к детскому населению в возрасте 7–14 лет за 1880–1911 гг.
6. Ленин В. И. Соч. Т. 19. С. 114.
7. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913): статистические очерки. Гл. 11.
8. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного образования, 1802–1902 гг., СПБ., 1902. С. 649.
9. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. с. 101.
10. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С. 115.
11. Захаров А. В. Доступность школы и грамотность населения в Костромской губернии. Кострома, 1913. С. 37.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА[2]

Кудряшова Екатерина Викторова,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Дрягалов Вячеслав Сергеевич,
научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Черничкин Дмитрий Алексеевич,
младший научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Рогов Александр Владимирович,
ассистент кафедры социологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Распространение коммуникативно-информационных технологий привело к радикальным изменениям в социальной активности молодежи. Обратившись к традиционному пониманию термина социальной активности, можно увидеть вполне конкретные понятия «политической активности», «активности в культурной сфере» и т. д. В современных условиях распространения информационного пространства наблюдается процесс поглощения общества виртуальностью. В таких условиях соци-

[2] Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования постранграссионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

альная активность молодежи в большей степени проходит в новой информационной среде. К примеру, в выдвинутой концепции виртуализации общества Иванова Д. В. прослеживается отождествление данного процесса с социальными изменениями общества в целом, но указанные изменения никоим образом не отождествляются с созданием «параллельного виртуального общества» [4, с. 28].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось быстрым распространением интернет-технологий. Число пользователей возросло в несколько раз и достигло нескольких миллиардов. Столь скорое и массовое наступление мировой глобальной сети привлекает общественно внимание и достаточно быстро превращает интернет в инструмент. Теперь это уже не просто информационная площадка. Все чаще в умелых руках интернет превращается в координатора тех или иных массовых действий. Отныне, благодаря развитию телекоммуникаций, общество имеет возможность использовать огромный массив информации, предпринимать совместные действия и выражать свое мнение, благодаря чему происходит увеличение в системе социальных связей количества виртуальных социальных контактов, в том числе и в молодёжной среде.

В условиях, когда информационные технологии получают господствующее положение, религия вынуждена приспосабливаться в столь сложных для нее современных обстоятельствах. Выступая в качестве консервативного начала и обеспечивая преемственность в обществе, религия подвергает себя опасности растерять свое аутентичное содержание [3, с. 344]. В то же время, если ею будут проигнорированы современные новации, то она обрекает себя на приговор. Религия не только может превратиться в маргинальное явление, но и в перспективе оказаться полностью исключенной из жизни молодежи. И религия демонстрирует способность адаптироваться, быть причастной к актуальным направлениям социальной динамики и активно осваивать открывающиеся социальные ниши [3, с. 344].

На сегодняшний день можно говорить о том, что начинает формироваться особое научное направление, которое появилось вследствие проникновения религиозных организаций в Сеть. Учеными разрабатываются новые подходы и методы, позволяющие изучить разные аспекты религии в Интернет-пространстве. Так, например, К. Хэлландом было предложено разделить религию на «религию онлайн» (religion online) и «онлайн-религию» (online religion) [1]. Под «религией онлайн» подразумевалось в первую очередь осуществление процесса информирования в вопросах религии, а также освещение отдельных религиозных мероприятий и т. п. Можно говорить о связи religion online с реальной «оффлайновой» деятельностью религиозных сообществ. Онлайн-религия в большей степени показывает свою ориентацию на религиозные действия, осуществляемые в виртуальном пространстве, в Сети. Позднее автор неоднократно высказывался о смешении и расплывчатости подобного деления, но пока оно все еще дает возможность описания различий существующих стратегий виртуальной религиозной активности групп и индивидов.

Формы представления религии в интернете разнообразны. Например, это сайты, отражающие информацию различных религиозных верований, активистов, отдельных религиозных направлений, а также организаций. Сегодня интернет превратился в поле, где осуществляется активное религиозное конструирование и деконструкция, межрелигиозный диалог и миссионерский натиск. Люди ищут и обмениваются религиозной информацией. Подобная специфическая социально-информационная среда способствует развитию новых форм религиозной деятельности, превращая религиозные образы в значимых участников процесса конструирования социальной виртуальной идентичности [2, с. 87].

Развитие технологий “Web 2.0” позволяет организовывать массовое обсуждение, в том числе религиозных вопросов в режиме реального времени независимых и территориально удаленный друг от друга людей. Они осуществляются на специализированных интернет-ресурсах, таких как: форум, интернет-конференция, вебинар, скайп-сессия, а также в социальных сетях и блогах.

Социальные сети стали мощным орудием, в том числе и религиозной борьбы, а виртуальная активность на сегодняшний день может перерасти в самую реальную. В свете все более возрастающего влияния сети интернет на жизнь людей, появилась потребность в изучении столь актуальных и разнообразных аспектов проявления данных процессов.

Во второй половине 2018 г. на базе Астраханского государственного университета в рамках работ по гранту Российского научного фонда «Трансформация механизмов формирования постранс-грессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве» было проведено социологическое исследование. В ходе данного исследования были опрошены студенты Астраханского государственного университета очной, очно-заочной и заочных форм бакалавриата. Объем выборочной совокупности составил 350 человек, из них 39,1 % – юноши, 60,9 % – девушки. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей. Метод получения первичной социологической информации: раздаточное анкетирование. Погрешность выборки – 3 %. Матрица исследования разработана авторами. Обработка и анализ данных проведены с использованием статистического пакета “IBM SPSS Statistics 21”. Анализ данных включал анализ линейных распределений ответов респондентов на вопросы анкеты, осмысление параметров таблиц сопряженности.

На вопрос: «Пользуясь какими источниками информации, Вы чаще сталкиваетесь с новостями на религиозные темы?» ответы респондентов распределились следующим образом: 1) социальные сети в интернете (22,1 %), 2) телевидение (22,0 %), 3) родители, родственники (16,2 %), 4) друзья, знакомые (10,6 %). Стоит отметить тот факт, что представители религиозных организаций (8,7 %), печатные СМИ (7,3 %), специализированные сайты (4,9 %), а также радиостанции (2,9 %) не являются в современном обществе актуальными источниками информации на религиозные темы.

Анализируя данные таблиц сопряженности между показателями «Придерживаемая религия (мировоззрение)» и «Источник информации, в котором наиболее часто люди сталкиваются с новостями на религиозные темы», стоит обратить внимание на то, что у респондентов, исповедующих христианство имеется перевес у индикатора «телевидение» (25,9 % от общего числа ответивших, исповедующих христианство), что не наблюдается у представителей других конфессий, которые, в свою очередь, отдают первое место относительно основного источника информации на религиозные темы социальным сетям в интернете. Это может объясняться наличием большого числа сюжетов на религиозные темы на национальном телевидении и ввиду того, что большинство населения страны исповедуют христианство.

Так как социальные сети уже давно занимают в современном обществе лидирующие позиции относительно информирования населения о происходящих событиях в различных сферах жизни имеет смысл проанализировать популярность различных современных социальных сетей. Наиболее популярной социальной сетью на данный момент является Instagram (4,5 балла из 5 возможных), на втором месте социальная сеть «ВКонтакте» (4,4 балла), на третьем месте Twitter (3,2 балла), на четвертом месте Facebook (3,0 балла), замыкают список «Одноклассники» (2,5 балла) и «Мой мир» (1,8 балла). Таким образом, в результате проведенного анализа данных социологического исследования нми были выделены наиболее популярные источники информации для студенческой молодежи региона в сети интернет и определены основные каналы получения информации религиозного содержания, что в свою очередь, формирует поле для дальнейшего углубленного исследования данного аспекта темы.

Список источников и литературы

1. Helland C. Online religion as lived religion methodological issues in the study of religious participation on the Internet // Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet. Vol. 01. 1 Special issue on theory and methodology (2005). URL: http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf.

2. Актамов И. Г., Баймацыренов Т. Б., Доржиева И. Ц. Буддизм в Интернете: методология изучения виртуальных религиозных сообществ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 86–91.

3. Гаврилов Е. О. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3. С. 344–346.

4. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. С. 28.

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Кудряшова Юлия Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Правительство Казахстана большое внимание уделяет вопросам образования. Еще с советских времен школа считалась основой в формировании общественного и национального сознания; ей придавалось важное символическое значение. После обретения независимости реформа образования в Казахстане опиралась главным образом на три закона, принятых в 1992, 1993 и 1999 гг. и дополненных рядом подзаконных актов. Казахизация школьного обучения оказалась сложной задачей для властей; ситуация осложнялась неопределенностью статуса школ и университетов в ходе развивающейся приватизации. Принятые законы с трудом удавалось применять на практике. При этом нужно отметить, что казахстанское законодательство остается одним из самых либеральных в СНГ, потому что позволяет выбирать язык обучения. Положение с преподаванием русского языка во многих республиках, кроме Белоруссии и, естественно, России, резко ухудшилось. Выделяется Киргизия, где сохранилось положительное отношение к русскому языку, изучение которого обязательно во всех средних общеобразовательных и высших учебных заведениях. В других регионах положение гораздо сложнее. За последние десять лет во всех странах закрылось много русских школ, и получить высшее образование на ином языке, кроме титульного, становится все труднее [7].

На сегодняшний день система дошкольного воспитания и обучения в Казахстане практически не функционирует. Она представлена сетью дошкольных организаций: комплексы «Детский сад – школа», дошкольные центры, авторские детские сады, в которых в 2005 г. воспитывалось 185,4 тыс. детей. По состоянию на начало 2005 г. охват дошкольным образованием составил 22 %, в то время как в России эта цифра составляет 87 % [1]. Отсутствие детских дошкольных учреждений, недостаточное государственное финансирование, возросшая стоимость содержания детей в имеющихся детских садах стали причиной недоступности услуг детских учреждений для отдельных слоев населения. С начала 1990-х гг. было закрыто более 80 % детских дошкольных учреждений, в основном, это были учреждения с русским языком общения. Массовое закрытие детских учреждений в 1990-х гг. привело к тому, что абсолютное большинство детей, поступающих в школы с русским языком обучения, не имеют необходимого уровня общего развития, не получили должной психологической, языковой и общекультурной подготовки к учебной деятельности [10].

Средняя общеобразовательная школа является фундаментом, обеспечивающим доступность образования. От качества и доступности среднего образования зависит, сможет ли государство обеспечить равные стартовые возможности для всех детей, независимо от этнического происхождения. После распада СССР власти пытались сделать школу символом казахской идентичности нового государства. Задачи правительства ясны: школа должна формировать «национальный характер». Такой посыл не всегда разделяется населением, которое видит школу средством не столько национального, сколько социального продвижения; символом личного, а не коллективного успеха. По данным одного из исследований, опубликованным в 2003 г., только 3,5 % опрошенных считали, что образование должно быть ориентировано на развитие казахских культурных ценностей [7].

Уже с 1989 г. власти начали предпринимать меры, направленные на изучение титульного языка. По «Закону о языках в Казахской ССР» было увеличено число часов на казахский язык, изучение которого той или иной форме становится обязательным [3]. В русских школах вынуждали делить все классы на «русские» и «казахские», в зависимости от языка обучения; многие из таких школ, особенно на юге страны, были превращены в полностью казахские без согласования с населением. Ст. 5 «Закона об образовании» № 389-1 от 7 июня 1999 г. предусматривала, что все образовательные учреждения даже частные, должны «обеспечивать преподавание и развитие казахского языка как государственного языка, а также преподавание русского языка как иностранного языка» [4]. Начавшееся в 1993/1994 учебном году сокращение сети дневных общеобразовательных школ связано с миграцией населения, демографическим спадом и объявленной реформой образования. С 1993/1994 по 1999/2000 учебный год количество школ уменьшилось на 450, 3/4 из них – школы с русским языком обучения, которые были закрыты в основном в областях с преобладанием славянского населения – Северо-Казахстанской, Костанайской, Карагандинской, Алматин-

ской областях. Следствием закрытия школ явились проблемы высокой комплектации школ с русским языком обучения и организация учебного процесса в две, три и даже четыре смены [1].

Русские объединения осуждают развитие школ с преподаванием на казахском языке в ущерб русским и выступают против общего курса на поощрение языков всех национальных меньшинств с целью «утопить» русскую проблему. Русские активисты жалуются также на изменение программ даже в школах с преподаванием на русском языке. В 1994/1995 учебном году было сокращено количество часов, отводимых на изучение русского языка и литературы: в 5-х классах – с 11 до 6 ч в неделю; в 6-х классах – с 9 до 6; в 7-х – с 7 до 5 ч, а освободившееся время предлагалось «перекинуть» на изучение казахского языка. По учебному плану, предложенному в 1997 г. Министерством образования, с 1-го класса вводилось 5 ч казахского языка и только 3 ч – русского. В 10-м и 11-м классах русский язык как предмет вообще отсутствует. В классах с 8-го по 11-й курс истории России был заменен на изучение всемирной истории, на что отводился всего 1 ч в неделю. Та же участь постигла и русскую литературу, которую «слили» с курсом всемирной литературы (1 ч в неделю) [7].

В некоторых казахских школах русский язык преподается только как иностранный, на него отводится всего 2 ч в неделю, что предвещает резкое снижение уровня владения русским как средством общения, особенно в сельской местности. Как полагают русские лидеры, ситуация будет только усугубляться, потому что в «Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 гг.» преподавание на казахском языке в школах отмечено как один из пяти приоритетов. Там поставлена задача расширить его использование в детских садах, предусмотрено, что этот язык станет одной из главных дисциплин во всех учебных заведениях, в частности в вузах, независимо от того, какой язык обучения выбирают студенты [2]. В соответствии с Постановлением № 213 Правительства РК от 13 марта 2004 г., казахстанские школы перешли на проведение единого национального тестирования (ЕНТ) [8]. Единое национальное тестирование проводилось по четырем предметам: трем обязательным – для школ с русским языком обучения (русский язык, математика, история Казахстана) и одному предмету по выбору, в соответствии с Типовыми правилами приема в вузы и колледжи. С 2007/2008 учебного года обязательным предметом для школ с русским языком обучения стал казахский язык, а для школ с казахским языком обучения – русский язык, т. е. единое национальное тестирование проводится по пяти предметам [1].

Русские при поддержке многих казахов осуждают насильственный и слишком быстрый переход к обучению на казахском языке, который неизбежно приводит к снижению уровня образования. Стремление быстро выпустить нужные преподавательские кадры наносит ущерб качеству их подготовки. По данным, опубликованным в 1995 г. в газете «Лад», в Акмолинской области из 567 учителей казахского языка только 21 имел диплом по казаховедению. Большинство получили место учителя не благодаря своей педагогической компетенции, а просто потому, что владели казахским языком. Количество учебников на русском языке совершенно недостаточно, потому что государство старается выпускать их как можно меньше; не хватает и пособий на казахском языке, которые должны были бы их заменить, хотя после распада СССР прошло уже немало лет [6]. Судя по имеющимся данным, власти намеренно ограничивают преподавание на русском языке, сокращая число преподавателей. Так, педагогический институт в Кокчетаве выпускает лишь 25 % учителей для русских школ, в то время как они составляют 75 % от числа всех школ области. Русские активисты отмечают также дискриминацию на уровне оплаты труда: учителя в казахских школах получают зарплату на 15–20 % больше, в то время как в русских школах работать труднее из-за перегрузок [7]. Дело в том, что закрытие многих школ и классов с преподаванием на русском языке приводит к переполнению оставшихся. Часть русского сообщества попыталась противостоять этим потрясениям, основав в 1995 г. Ассоциацию учителей русских школ Казахстана, призванную защитить их право на обучение детей на русском языке и привлечь общественное внимание к множеству существующих в этой сфере проблем.

В критических выступлениях русских по поводу состояния школьной системы обычно используется весьма убедительный аргумент: сами казахи, как в советском прошлом, так и сегодня, считают уровень образования в русских школах выше, чем в казахских. Действительно, проживающие в городах казахи – представители среднего класса – прилагают большие усилия к тому, чтобы устроить своих детей в учебные заведения с преподаванием на русском языке.

Русские активисты считают, что школа и университет вступили на путь быстрой этнизации, а потому нельзя говорить о формировании в стране многонационального гражданского общества. Кроме вопроса о программах и языке обучения, их очень беспокоит активно протекающая этническая казахизация образовательной системы, которая дополняет языковую. Возрастающее неравенство между двумя основными национальностями в возможностях продолжать учебу в вузах представляет, по мнению более 50 % русских, одну из основных причин напряженности между ними и казахами [7]. Казахизация образования, как и государственной службы, началась еще до распада СССР – в 1980-х гг. Процент казахов среди студентов вузов уже тогда был выше, чем соответствующий показатель в других республиках региона. Во многих публикациях выражалось возмущение тем, что казахам отдавался приоритет при поступлении в высшие учебные заведения, например, в 1988 г. среди студентов их было 55 % (русских – 40 %) [9].

В период независимости были предприняты меры по увеличению доли казахов в университетской среде: квоты, благоприятствующие сельским жителям (в основной массе казахам); проведение вступительных экзаменов на казахском языке. В 1996/1997 учебном году 65 % студентов страны были казахами и 24 % – русскими. В конце 1990-х гг. на юридическом факультете Казахского национального университета им. аль-Фараби в Алма-Ате было всего около двадцати русских из общего числа 200–300 студентов на каждом курсе; на факультете международного права из 2666 студентов доля русских составляла лишь 11 % (307 человек). Если в 1970-е гг. на историческом факультете того же вуза училось около 50 % русских студентов, в 1980-е гг. их число сократилось до 20 %, а сегодня оно практически равно нулю. Аналогичная ситуация существует и на уровне научного и административного руководства вузами. Например, в университете им. аль-Фараби почти все деканы являются казахами (92 %). Чем выше статус, тем более явно проявляется национальная диспропорция. Так, в 1999 г. среди кандидатов наук в стране было 757 казахов, 96 русских и по семь украинцев, корейцев и татар, в общем числе научных работников, профессоров и докторов наук доля казахов достигала 80 % (русских – 11 %) [7].

Перед лицом языковой и этнической казахизации русские объединения требуют, в свою очередь, этнизации образования. Поэтому ставится вопрос о праве русских на самоорганизацию на основе программ, составленных в России, в том государстве, откуда они пришли и с которым неразрывно связаны. Речь идет уже не только о языке обучения и сохранении русских школ, а о работе последних по принятым в России стандартам. Таким образом, проблема ставится не на языковом, а на государственном уровне. В Казахстане же меньшинствам разрешено обучаться на родном языке, но по национальным (государственным) программам, причем граждане Казахстана не имеют права получать образование по школьным стандартам другой страны. Русские объединения, напротив, считают, что имеют такое право, поскольку им нужно поддерживать знание своего языка, а также культуры и истории, чтобы сохранить «национальный характер». Поэтому русские активисты призывают не ограничиваться «русской» школой, отвечающей казахстанским нормам, но требуют права на «русскую национальную школу» [11].

Полемика в основном развертывалась вокруг проблемы школьных учебников. Действительно, власти запретили использование учебников истории, изданных в России, и заменили их учебниками на русском языке по истории Казахстана. Русские ассоциации протестуют, утверждая, что они формируют негативное отношение к русским и отражают в стране казахский национализм; тем самым русских детей вынуждают учить историю, которую они не считают своей и с которой они не могут себя идентифицировать. Россия же не протестует, а лишь оказывает материальную помощь: в 1997 г. например, «Лад» получил от Комитета по образованию г. Москвы более 100 тыс. учебников по русскому языку и литературе, для распределения по русским школам республики.

Чтобы противостоять официальному курсу при недостаточной поддержке со стороны России, русские объединения пытаются создать сеть частных школ, где преподавание ведется по российским программам, но их финансовые возможности ограничены. Договор, подписанный между Казахстаном и Россией 25 декабря 1998 г., разрешает создание «двусторонних» школьных учреждений. Было открыто несколько таких лицеев, но их слишком мало по сравнению с возросшей потребностью. В 1999 г. в стране насчитывалось только пять лицеев, работающих по школьным программам, признанным обоими государствами, да и те находились на полулегальном положении, которое обе стороны не торопились узаконить [5]. В то же время русские объединения жалуются на большее число работающих в Казахстане турецких лицеев и подчеркивают различия в

статусе двух языков: численность русских и историческая роль русского языка в стране не поддаются никакому сравнению с масштабами турецкого присутствия, но турецким лицеям предоставляется режим наибольшего благоприятствования. Аналогичные требования выдвигаются и в отношении высшего образования. Местные дипломы больше не признаются в России, что затрудняет для казахстанских граждан русской национальности перспективы трудоустройства за рубежом. Вот уже более десяти лет «Русская община» и «Лад» обращаются к властям с просьбой создать Казахско-Российский университет, приводя в пример Киргизско-Российский (Славянский) университет в Бишкеке и аналогичные вузы в Армении и Таджикистане, но Министерство национального образования отказывается это делать. Министр даже пытался наложить вето на создание филиалов российских вузов на территории Казахстана. Несколько таких филиалов все же открылись по техническим дисциплинам (например, Энергетический институт в Павлодаре, филиал одноименного московского вуза) и, в меньшем объеме, по гуманитарным (при престижном Евразийском университете им. Л. Н. Гумилева в Астане с 2001 г. действует филиал МГУ им. М. В. Ломоносова).

В последние несколько лет законодательство стало жестче по отношению к таким учебным заведениям: например, в «Законе об образовании» от 16 июня 1999 г. содержатся многочисленные противоречия, которые позволяют оправдать закрытие учреждений, не соответствующих нормам [4]. Закон предусматривает выдачу лицензии иностранным учебным заведениям только при условии, что они представят учебные программы, соответствующие казахстанским стандартам. Российское же законодательство требует, чтобы в создаваемых филиалах преподавание велось по программам, принятым в России. Это двойственность усугубляется тем, что филиалы имеют юридический статус, подобный статусу иностранных граждан, которые, согласно международному праву, должны, прежде всего, подчиняться законам страны происхождения.

Таким образом, следует отметить, что в Казахстане взят курс на то, чтобы со временем национальная система образования функционировала только на титульном языке, дальнейшая перспектива прорисовывается достаточно четко: русский язык и культура будут вытесняться, а русскоязычное население, если захочет остаться, будет вынуждено перейти к двуязычию и смириться с частичной культурной ассимиляцией.

Список источников и литературы

1. Вдовина Н. Русский язык в Казахстане. Обзор ситуации. URL: http://www.eurasianhome.org/xml/t/analysis.xml?lang=ru&nic=analysis&pid=98&qyear=2008&s=-1 (Дата обращения: 05.10.2018).

2. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 гг. URL: http://www.pavlodar.com/zakon/index.html?dok=00004&oraz=00&noraz=0 (Дата обращения: 01.11.2018).

3. Закон «О языках в Казахской ССР». URL: http://online. zakon. kz/Document/?doc_id=1005765 (Дата обращения: 01.11.2018).

4. Закон «Об образовании в Республике Казахстан». URL: http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00117&ogl=all (Дата обращения: 01.11.2018).

5. Информационно-аналитический бюллетень № 14, 15 сентября 2000. URL: http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/014/03.shtml (Дата обращения: 01.11.2018).

6. Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.constcouncil.kz/rus/norpb/constrk (Дата обращения: 01.11.2018).

7. Кусаинов А. Реформа образования: курс на высшие ценности // Казахстанская правда. URL: http://www.kazpravda.kz/rus/nauka/reforma_obrazovanija_kurs_na_visshie_cennosti.html (Дата обращения: 01.11.2018).

8. Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. М.: НАТАЛИС, 2007. 360 с.

9. Постановление Правительства Республики Казахстан «О введении единого национального тестирования. URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsq/dok_ieqgaz.htm (Дата обращения: 01.11.2018).

10. Скороходов С. Квоты действуют, но только для своих // Российская газета. 1993. № 168. С. 3.

11. Tengrinews.kz. В Казахстане предложили перевести все детские сады на казахский язык обучения. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/196362/ (Дата обращения: 05.10.2018).

12. Хлюпин В. Н. Геноцид. Русские в Казахстане: трагическая судьба. М.: Ассоциации переселенцев из Казахстана в России, 2001. 436 с.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В АСТРАХАНСКОМ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОМ ИНСТИТУТЕ (1990-е – НАЧАЛО 2000-х гг.)

Кузьмина Ирина Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

«В связи с нехваткой в области строителей широкого профиля различного уровня подготовки... » – такими словами начинается постановление главы администрации Астраханской области № 230, которое было подписано 16 сентября 1992 г. Именно оно и утвердило открытие Астраханского инженерно-строительного института (АИСИ) на базе учебного комплекса «Астраханское высшее инженерно-строительное училище» (АВИСУ). На основании постановления было открыто направление «Строительство» по следующим специальностям: «Теплогазоснабжение и вентиляция»; «Водоснабжение и водоотведение»; «Промышленное и гражданское строительство». В 1992 г. в институте были образованы 5 кафедр: социально-гуманитарных дисциплин; естественнонаучных и общетехнических дисциплин; строительного производства; геотехники изысканий и земельного кадастра.

Астраханский инженерно-строительный институт – вуз, образованный при активной поддержке губернатора А. П. Гужвина, Министерства образования и Госстроя России. Многое сделали для становления АИСИ Ассоциация строительных вузов и УМО при МАРХИ.

Большую роль в создании и становлении вуза сыграл его основатель и первый ректор Адольф Иосифович Сапожников (1937–2015) – изобретатель, кандидат технических наук, профессор. В 1992 г. А. И. Сапожников возглавил Астраханский инженерно-строительный институт, выступив организатором высшего строительного образования в регионе. А. И. Сапожников с самого начала существования института стремился ориентировать учебное заведение на развитие перспективных отраслей науки, в т. ч. отраслей, актуальных именно для Астраханского края [1, с. 4].

Необходимость подготовки специалистов в области архитектуры в Астрахани была продиктована условиями современных социально-экономических преобразований. С открытием нового учебного заведения появилась возможность серьезной подготовки высококлассных специалистов-архитекторов, которые в состоянии выявить и способствовать сохранению памятников архитектуры, а также осуществить грамотную в архитектурном и градостроительном отношении реконструкцию города. При этом учитывалось, что Астраханская область – территория с быстроразвивающимся газовым комплексом и транспортным коридором «Север – Юг». В связи с этим повышались требования к градостроительному, архитектурному упорядочению, грамотному, научно обоснованному решению проблем реконструкции города, созданию красивой и удобной среды для горожан, привлекательной для гостей и туристов [2, с. 1].

В 2005 г. в Астраханском инженерно-строительном институте состоялась первая защита дипломных проектов первых специалистов-архитекторов [6, с. 4]. На высоком профессиональном уровне они подвели своеобразный итог работы кафедры архитектуры и дизайна, открытой в 1999 г.

По отзывам тех лет, «в каждом проекте чувствуется неравнодушное отношение авторов к своей теме, тщательное изучение исходных и проработка архивных материалов, большая подготовка. И это неудивительно, ведь по этим темам в течение шести лет обучения в рамках сквозного проектирования студентами велась масштабная научно-исследовательская работа под руководством профессора, кандидата архитектуры, почетного архитектора России Льва Кузьмича Илюхина.

В представленных работах традиционная архитектурная отмывка органично соседствует с применением компьютерной графики в виде фрагментов интерьеров. Такой подход к выполнению дипломного проекта выбрали девушки – Ольга Кузнецова, Евгения Прокофьева, Анна Янькова. Работы юношей: Константина Шарамо, Абая Искакова, Рашида Цурова, – отмечены яркостью и эффектностью, они выполнены полностью в компьютерной графике.

Радует то, что половина студентов-дипломников выбрали темой своей выпускной квалификационной работы реставрацию памятников архитектуры, возрождение духовного наследия – это и диплом К. Шарамо «Проект регенерации застройки «Белого города» с разработкой реставрации православного храма в г. Астрахани», и проект А. Искакова «Реконструкция курортно-оздоровительного

комплекса “Тинаки”». Проект Р. Цурова посвящен духовному объединению жителей Ингушетии и называется «Исламский духовный комплекс в с. Джейрах Республики Ингушетия» [7, с. 8].

Астраханский инженерно-строительный институт много лет вел научно-исследовательские разработки по различным темам, охватывающим наиболее перспективные направления в строительстве. Важной задачей всегда оставалось дальнейшее развитие инженерных методов проектирования и изготовления инженерных сооружений, в первую очередь связанных с повышением их прочности и способности сопротивляться действию окружающей среды [4, с. 8].

Преподаватели, аспиранты, студенты исследовали темы, близкие городу: новые методы строительства гидротехнических сооружений для портов и предприятий аквакультуры, устройство свай с уплотнением грунта под ними, разработка сейсмоустойчивых зданий и сооружений.

Ученые Астраханского инженерно-строительного института участвовали в технических обследованиях зданий и сооружений, в т. ч. морских причалов в Баку, Махачкале, Риге, Мурманске, по просьбе руководства города не раз давали рекомендации по устранению повреждений в зданиях театров, кинотеатров, магазинов; способствовали сохранению памятников архитектуры, например кинотеатра «Октябрь» [5, с. 2].

Весь инженерно-педагогический состав гордится своими выпускниками, которые принимали участие в ремонтно-реставрационных работах в Астраханском кремле совместно с фирмой «Юпитер-5». Студенты Астраханского инженерно-строительного института приняли участие в конкурсе на проект памятника Петру I в г. Астрахани. Жюри конкурса особо отметило работы, авторами которых были: Н. Федорин, И. Галкин (руководитель – доц. Е. Н. Ахмедова), К. Шарамо, И. Галкин (руководитель – проф. Л. К. Илюхин), С. Джубанов, А. Буряков (руководитель – доц. Е. Н. Ахмедова).

Практику студенты проходили в таких ведущих предприятиях города, как ООО «Астраханьгазстрой», ОАО «Каспий-газавтосервис», ОАО «Астраханский киномеханический завод», ОАО ПСК «Строитель Астрахани», строительная фирма «Зодчий» [3, с. 2].

Молодые специалисты Астраханского инженерно-строительного института не раз получали положительные отзывы от производственных организаций и учреждений города. Управление архитектуры приняло на работу сразу семерых выпускников института, некоторое время спустя дав им следующую характеристику: «Грамотные, трудолюбивые и очень приличные».

Положительные отзывы получили выпускники инженерно-строительного института от директора института «Астраханьагропромпроект» Н. Г. Марченко: «Все они пришли к нам на работу с хорошей технической подготовкой, с широким кругозором специальных и общеобразовательных знаний, чувствуется качественная подготовка специалистов вашими преподавателями. Работают они добросовестно, с большой ответственностью подходят к каждой порученной работе… Все они имеют перспективу роста на продвижение по работе. Благодарим вас за подготовку специалистов» [8, с. 6].

В 2005 г. ректором ОГОУ ВПО АИСИ стал кандидат технических наук, профессор Д. П. Ануфриев. Вуз продолжает расти и развиваться – открываются новые направления подготовки, преобразуются и развиваются кафедры и факультеты.

Список источников и литературы

1. Астраханские известия. № 18 (174). 3 мая.
2. Астраханские известия № 15 (638). 10 апреля 2003.
3. Астраханский инженерно-строительный институт. Спецвыпуск. 2009. Октябрь.
4. Вузовские вести. 2000. № 18 (сентябрь).
5. Пульс Аксарайска. 20 августа 2004. № 33.
6. Пульс Аксарайска. 2005. № 25 (июнь).
7. Пульс Аксарайска. 2005. № 26 (июль).
8. Строительная Астрахань. 2004. №16 (август).

ПЕТРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ – РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР XIX – НАЧАЛА XX в.

Курапов Андрей Алексеевич,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора по науке и экспозициям,
ГБУК АО «Астраханский музей-заповедник»,
г. Астрахань

Петровское общество исследователей Астраханского края (ПОИАК) было образовано 10 ноября 1872 г. по инициативе преподавателя местной духовной семинарии Н. Ф. Леонтьева в год 200-летия Петра I и 150-летия визита императора в Астрахань.

Разработка и утверждение устава заняли почти два года (30 июля 1874 г.). В связи с этим обстоятельством Петровское общество исследователей Астраханского края торжественно было открыто 4 октября 1874 г. Учредителями общества выступило 54 человека. По Уставу общества, его главной задачей было «Собирать сведения, относящиеся к делу всестороннего изучения края».

В 1870-х гг. ПОИАК было проведено четыре собрания. В 1886 г. деятельность Петровского общества была возобновлена стараниями губернатора Н. М. Цеймерна. Новый Устав общества предписывал изучение губернии «посредством этнографических, археологических, естественнонаучных и других экскурсий (экспедиций), распространять собранные сведения путем печати, публичных чтений, устройства музея и библиотеки». Во главе общества стоял Совет, имевший председателя: Михаил Иванович Рубцов – статский советник, директор Астраханской мужской гимназии; Владимир Николаевич Виноградский – статский советник, директор Астраханского реального училища; Николай Филиппович Леонтьев – статский советник, преподаватель Астраханской духовной семинарии; Владимир Матвеевич Гаркема – статский советник, чиновник Астраханского управления государственными имуществами; Герасим Семенович Соболев – смотритель Армянского Агабабовского училища; Владимир Алексеевич Хлебников – ботаник, орнитолог кандидат естественных наук (1914–1923 гг.), в 1923–1927 гг. – член совета общества); а также членов, секретаря и казначея.

В рамках Общества существовали две секции (отделения): историко-этнографическая и естественноисторическая. Направлениями работы членов первой секции стали археология, этнография, история, топонимика. В 1899 г. обществом была разработана «Программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю». В 1903 г. члены ПОИАК Н. Ф. Леонтьев и С. А. Богатырев разработали новую программу этнографического исследования Астраханского края. Направления работы второй секции – зоология, биология, климатология. В результате экспедиций членов секции была сформирована коллекция птиц, пресмыкающихся и насекомых, гербарий растений дельты Волги.

Несмотря на то, что многие из членов общества были чиновниками, они обладали возможностью иметь собственное мнение по наиболее злободневным вопросам, связанным с сохранением историко-культурного наследия и биоразнообразия губернии.

При содействии Петровского общества исследователей Астраханского края была создана особая Комиссия по организации общественных работ в Астраханской губернии.

Члены общества делились на почетных, действительных, членов-корреспондентов (всего 132 чел. в 1900 г.). Среди почетных членов общества были: *астраханские губернаторы* Н. Н. Биппен, Н. Н. Тевяшов, А. П. Дегай, Л. Д. Вяземский, Н. М. Цеймерн, М. А. Газенкампф; *епископы* Астраханские и Енотаевские Афанасий, Феогност, Евгений, Сергий; *академики* К. М. Бэр, Ф. В. Овсянников, А. А. Кунин; *профессора* И. И. Мечников, И. В. Мушкетов, А. П. Богданов, В. О. Ключевский, Д. Н. Анучин.

Среди действительных членов общества были такие известные в регионе люди, как И. А. Бирюков, П. А. Власов, С. И. Климашевская, Н. С. Шавердова, А. Н. Штылько.

Одним из важных видов деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края было создание музея. В 1889 г. ПОИАК было предложено принять участие в Казанской научно-промышленной выставке. Инициатором выступил губернатор Л. Д. Вяземский. Коллекции были достойно представлены на выставке, за участие в которой ПОИАК наградили двумя почетными дипломами. По возвращении коллекций с Казанской выставки Общество поставило вопрос о выделении помещения для музея. Для него были предоставлены комнаты в доме Сергеева у Татарско-

го моста. Со 2 декабря 1890 г. музей был открыт для населения. В дом Сергеева на Александровском бульваре музей и библиотека Общества переехали в июне 1892 г. С 1891 по 1905 г. музей посетило около 170 тыс. человек.

В конце XIX – начале XX в. вышли в свет такие работы ПОИАК, как:

1. Программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю. Астрахань, 1888.
2. Мюллер А. Ф. О времени замерзания и вскрытия р. Волги у Астрахани и максимуме полой воды. Астрахань, 1888.
3. Сборник трудов членов Петровского общества. Астрахань, 1892.
4. Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге. Астрахань, 1899.
5. Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896.
6. Известия Петровского общества. Материалы к познанию природы Астраханского края. Астрахань, 1909.

В 1917 г. в Совет Петровского общества входили: председатель – Владимир Алексеевич Хлебников; члены совета: И. А. Богомолов, С. П. Калашников, К. Н. Малиновский, Н. Л. Сахаров, Н. Л. Чугунов. Члены Петровского общества приняли активное участие в организации и работе Астраханского государственного университета.

Владимир Алексеевич Хлебников (1857–1934 гг.) – российский ботаник, орнитолог, лесовод, кандидат естественных наук, действительный член Общества с 1887 г., почетный член Общества с 1892 г. С 1914 г. В. А. Хлебников являлся председателем Петровского общества исследователей Астраханского края. В 1918 г. он составлял коллекцию птиц и зверей для университета, на заседании научной комиссии университета по его представлению была создана комиссия по организации заповедника в дельте Волги.

Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929 гг.) – выдающийся русский историк, богослов и литургист, секретарь Императорского Православного Палестинского Общества. Действительный член ПОИАК с 1900 г.

В 1919 г. А. А. Дмитриевский становится профессором Астраханского государственного университета, возглавив кафедру истории, позднее он становится проректором и ректором университета.

Николай Лазаревич Чугунов (1889–1939 гг.) – ученый-ихтиолог, заведующий ихтиологической лабораторией, участник научных экспедиций на Каспий, член совета Общества.

В 1915–1919 гг. – Н. Л. Чугунов заведующий Астраханской ихтиологической лаборатории, преподаватель кафедры зоологии, член Просветительской ассоциации университета

Николай Львович Сахаров (1879–1945 гг.) – доктор биологических наук, профессор учёный-энтомолог, основоположник дела защиты растений на Нижней Волге и школы агрономов-энтомологов, член совета ПОИАК. В начале XX в. являлся заведующим Астраханской энтомологической станцией, в 1912–1917 гг. был преподавателем в школе садоводства, в 1916–1918 гг. являлся губернским энтомологом, был одним из организаторов Астраханского государственного университета, заведующим кафедрой энтомологии, членом правления университета и Просветительской ассоциации.

Исследовательская и издательская деятельность общества продолжалась и после революции. В 1917 г. был выпущен первый том «Известий ПОИАК» с работой В. А. Ломана «Об осадках в г. Астрахани за 25 лет», в 1926 г. в Ленинграде вышел второй том с исследованием М. И. Турпаева «Теория и практика посола сельди в Астрахани»: «Выпуская в свет работу М. И. Турпаева, ПОИАК возобновляет печатание трудов членов общества, прерванное с 1917 г. за отсутствием средств». В 1928 г. в «Известиях…» общества выходит работа В. А. Хлебникова «Список птиц Астраханского края».

Список источников и литературы

1. Волков В. А. Музейно-археологическая деятельность Петровского общества исследователей Астраханского края // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 200. Вып. 5. С. 247–261.
2. Левина Т. А., Чуйков Ю. С. К истории первого Астраханского университета (первый выпуск Медицинского института имени А. В. Луначарского) // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4 (42). С. 108–120.
3. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1900 г. Астрахань, 1909.

4. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1901 г. Астрахань, 1909.
5. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1902 г. Астрахань, 1909.
6. Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 г. Астрахань, 1909.
7. Список изданий Астраханского петровского общества: с указанием их содержания. Астрахань, 1903.
8. Турпаев М. И. Теория и практика посола сельди в Астрахани. Л., 1926.
9. Чуйков Ю. С. «Птицы Астраханского края» – неосуществлённые мечты В. А. Хлебникова // Русский орнитологический журнал. 2011. Т. 20. С. 1851–1865.
10. Чуйков Ю. С. Материалы к истории народного образования в Астраханском крае // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 1 (19). С. 155–198.

«РАСПЯТИЕ» В. ХЛЕБНИКОВА В ИЛЛЮСТРАТИВНО-ГРАФИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ ХУДОЖНИКА КАЛМЫКИИ С. БОТИЕВА (МИРОВИДЕНИЕ ХУДОЖНИКОВ КРАЯ РЕКИ И СТЕПИ)

Марисова Наталия Дмитриевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Иллюстрирование поэтического текста – это всегда не только сложная задача для художника-иллюстратора, но и ответственность за полифонию, которая непременно должна присутствовать в диалоге мастера слова и мастера кисти (каранадша). В случае графического иллюстрирования литературных произведений поэта-футуриста В. Хлебникова – полифония слова и штриха должна быть доведена до степени унисонного звучания. Такое мало кому удается, однако в случае с калмыцким художником Степаном Кимовичем Ботиевым (род. в 1957 г.) – это всегда созидаемое им образно-смысловое поле, точно определяющее семантику и эмоционально-духовное содержание слова Поэта.

Обращение к опыту анализа ботиевских иллюстраций, которые прорастают в поэтическое «тело» слова В. Хлебникова, не раз доказало органичность союза штрихочерт художника и неологизмов, образных находок поэта. Художник передает в своих опусах, «читаемых» в линиях, штрихах, точках, цветовых пятнах, состояние внутренне глубинного диалога с Поэтом тому Читателю, Зрителю, который обладает «ключом» к прочтению: жизненным опытом или жадным его обретением, определенной степенью образованности или активным потенциалом наращивания ее повседневным чтением, наблюдениями, погружением в художественно-пространственную среду библиотеки, музея, театра, собственного мыслительного или художественного творчества…

Только такой Читатель может достичь постижения глубинности слова Хлебникова, такой Зритель может «прочесть» многозначность штрихочерт Ботиева; такой Мыслитель вслед за авторитетным утверждением О. Мандельштама и неутомимым исследователем жизни и творчества В. Хлебникова, верным хранителем единственного в мире государственного музея Поэта в Астрахани Александром Александровичем Мамаевым придет к умозаключению: «В Хлебникове есть всё!» [1].

Последнее уже не единожды было доказано и в многочисленных исследованиях творчества поэта-футуриста, являющегося одним из основоположников русского футуризма, мастера словотворчества, и в наших публикациях [2–6].

Особым случаем является обращение художника-калмыка (читай: воспитанного на буддийском мировосприятии) к философии и глубинному содержанию редко публикуемого стихотворения «Распятие» В. Хлебникова (взращенного в обстановке домашнего уклада христианской – со стороны матери – и естественнонаучной – со стороны отца – философии мировидения; создавшего свой над-язык и космо-поэтический мир).

Термин «иллюстратор» в нашем случае трансформируется по сути своей в содержательный контент «художник-исследователь», поскольку автор графических листов, отражающих поэтический мир В. Хлебникова, приглашает читателя-зрителя к диалогу не столь оценочно-созерцательному, сколь аналитически-творческому. Блуждая по пространству графического листа, который вбирает авторское видение литературного образа и графическое начертание хлебниковского слова в традициях рукописной книги, читатель-зритель входит в диалог и с писателем, и с художником, сам приобретая роль творца: «считывание» смыслов погружает его в обстановку собственной творческой лаборатории, вбирающей жизненный опыт, окружающий ландшафт, образование, интересы и неодолимое желание продолжить дальнейшее постижение такой удивительной области человеческой жизни, как искусство.

Безусловно, направление размышлений, умозаключений, открытий в этом случае задается прежде всего автором поэтического слова. Вторым по значимости в таком духовном треугольнике становится художник, предлагающий визуальную трактовку печатного текста. В нашем случае – это авторитетный, опытный, оригинальный в своих художественных проявлениях мастер.

Заслуженный художник Республики Калмыкия (2012 г.), обладатель серебряной медали Академии художеств России (1990 г.), член Союза художников России, лауреат Серебряной медали за памятник Велимиру Хлебникову в Малых Дербетах (1995 г.), участник отечественных и зарубежных выставок в Токио, Москве, Волгограде, Элисте и др., Лауреат Серебряной медали Академии художеств С. К. Ботиев родился а Алтайском селе с названием, вероятно, определившим фокус его художественного зрения – Ясное Солнце. Детство провел, как и один из главных объектов его художественного внимания, В. Хлебников, «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников…, в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря» [2–5]. Эта самая степь, бескрайняя, безмолвная, свистящая суховеями-ветрами зимой и палящая жаром южного солнца летом, даровала художнику, как и любому другому своему обитателю, внемлющему ее бескрайним плоскостным перспективам, шелестящему камышу в пересохших полоях, запаху ковыля, шороху разверстых крыльев пролетающего над головой орлана… – планетарность мышления и метаморфозность вИдения.

По окончании образовательной восьмилетки и детской художественной школы им. Г. О. Рокчинского в Элисте, в 1980 г. С. К. Ботиев получил диплом (класс «Скульптура») Саратовского художественного училища, а вместе с ним – возможность свободно, своеобразно, неповторимо обратиться к тому образному миру, в который был погружен годами ученичества.

Юношеский интерес к итальянской школе живописи в творчестве уже состоявшегося художника выразится в манере работы с материалом (а именно: в технике исполнения образов и сюжетов – достаточно взглянуть на Шагающего человека Альберто Джакометти или Camprieri Ренато Гуттузо, графические листы с тонкой неотрывной линией или штриховым усилением объема Амедео Модильяни и обнаружить следы творческого ученичества в подобных *технологических приемах*, характеризующих графику С. Ботиева).

Еще одно ученическое открытие, которое художник с годами утвердил как индивидуальную черту своего творчества, – сохранение *традиции рукописной книги*, пришедшей в культуру еще из Древней Руси. Как известно, в начале 1910-х гг. поэты и художники, именовавшие себя футуристами, трансформировали ранее существовавшую в рукописании книг традицию, выпуская литографические сборники. Одним из таких мастеров был Павел Филонов, обратившийся к иллюстрированию стихов Велимира Хлебникова. Разрабатывая отпечатанный способом литографии тип рукописной книги начала XX в., он привнес в диалоговое поле поэта и иллюстратора ту образную выразительность, которая отражает индивидуальность почерка, формирует графику строк, гармонизирует Поэзию пера и кисти, слова и линии. Для П. Филонова это было первым шагом к созданию Аналитического искусства, методу, разработанному им теоретически [8] и подхваченному его учениками школы Мастеров аналитического искусства (МАИ), официально утвержденную в 1927 г. Изданный художником-идеологом Манифест аналитического искусства «Сделанные картины» (1914 г.) провозглашал реабилитацию живописи «сделанных картин и сделанных рисунков»: «Цель наша – работать картины и рисунки, сделанные со всей прелестью упорной работы, т. к. мы знаем, что самое ценное в картине и рисунке – это могучая работа человека над вещью, в которой он выявляет себя и свою бессмертную душу. …Относительно живописи мы говорим, что боготворим её, введённую и въевшуюся в картину, и это мы первые открываем новую эру искусства – век сделанных картин и сделанных рисунков, и на нашу родину переносим центр тяжести искусства, на нашу родину, создавшую незабываемо дивные храмы, искусство кустарей и иконы» [9].

С. Ботиев в начале XXI в. возрождает принципы древнерусской рукописной книги и «сделанных картин» художников-кубистов, к которым относили себя П. Филонов и его школа в начале XX в. Обратимся к титульном листу, иллюстрированному им в названной технике стихотворения В. Хлебникова «Распятие».

Художник предлагает два варианта переплетной крышки: на первом (вертикальном) листе рубленым шрифтом обозначена фамилия автора и название произведения в верхней части страницы. Страничный подвал заполнен графическим антопоморфным изображением с дополненной рефлексией коричневого, алого, оранжевого, синего цветов.

Второй вариант решен в горизонтальной плоскости. В графике слова «Распятие» заглавная буква обретает символический образ виселицы-креста. Буквы, которыми начертана фамилия автора, получают бóльшую упорядоченность, «гармонизируются» с названием публикуемого стихотворения. Подвал страницы занят прописью обозначенными инициалами и фамилией автора иллюстрация – «Ст. К. Ботиев». Оба названных листа дополнены эскизно обозначенными акварельными линиями разбеленных цветов – «смуглый и желтый, как краска заката» [10, с. 62].

На листе колонтитула слово «Распятие» с висельно-крестовой «Р» уже входит в условно обозначенный пейзаж: абрис горы (Голгофа?) с солнечным диском солнца у ее склона. В основании изображения ее и в отступе, словно в испуге, от слова «Распятие» помещены рукописные первые строки стихотворения:

Над грёзой громадною глаз
Он весь, как костер.
К востоку и западу он руки простер,
Смуглый и желтый, как краска заката.
Его полотнище – пятно облаков,
А глаза – синий просвет в синеву.
Раз, еще раз!
Та ладонь, которой
Ласкал он голову младенца,
Силою молота
Грубо проколота.
Воин был хладен и ловок.
Спаситель так бледен.
Казалось, сквозит,
Как облако около месяца,
Его выпрямленное тело.

Следующий лист, с графическим изображением парящего креста с распятым на нем (однако не прикасающимся, также парящим над…) телом, несет на себе печатными буквами исполненный рефрен, «припечатывающий» главное в страшном описании:

Та ладонь, которой
Ласкал он голову младенца,
Силою молота
Грубо проколота.
Воин был хладен и ловок.

Затем следует повтор еще одного фрагмента текста, начинающегося с последней строки предыдущего листа:

Воин был хладен и ловок.
Спаситель так бледен.
Казалось, сквозит,
Как облако около месяца,
Его выпрямленное тело.

Строки помещены между изображением солнца, словно отгородившегося от происходящего черными тучами, и вертикалью креста с приколоченным к нему телом Христа. Воин с молотом в одной руке и покоящейся на тулове креста другой взирает на крест взглядом созидателя-демиурга. На следующем листе с цитатой от «А воин взял руку другую…» до «…и что ты Сын Божий» воин изображен в эстетике кубофутуристов с атлетическим полуобнаженным торсом, подчеркивающим физическую силу и созидательную устремленность к выполнению своей кровавой задачи. Но уже следующее изображение иллюстратора, как и строки поэта-автора, обращают читателя-зрителя к внутренним размышлениям воина (читай: к внутренним сомнениям-объяснениям ставшего советским рядового дореволюционного труженика, в безысходности «с энтузиазмом» исполняющего волю Вождя, который громко провозгласил «царствие» Свободы, Равенства, Братства:

Угрюмый сын труда я.
За все расплачиваюсь своей кожей.
И с ней порой знакомы плети,
А это худшее на свете.

Лаконизм изображенного (верхняя часть лежащего на земле креста с вонзенным в него гвоздем) подчеркивает убедительность немногословия.

Следующие строки хлебниковского повествования сопровождаются условным, схематичным, исполненным штрихами-мазками распятым телом Христа. Безусловно, эти штрихочерты, как никакие другие приемы изображения, передают мученические страдания.

Лист, сопровождаемый рукописными строками:

Эй, стража! Дайте гвоздь!
Еще удар один, и ногу,
Руки размахом изловчась,
Прибью к столбу людскому Богу, –

страшен своей лаконичностью: лежащий тяжелый молот рядом с камнем, в тело которого впились вонзенные острия гвоздей. Гвозди и внутри исполина.

Эскизно исполненный в тяжелых размышлениях стражник, который, понурив голову, обращается («А красных слез я раньше не видал») к распятому, одновременно и успокаивая, и припугивая, и поучая его, сменяется абрисом профиля Христа, смотрящего прямо перед собой страдающим, но уверенным взглядом. А далее, будто кинокамера отъезжает от лица: «Опять трепещет грудь, Как крылья у пойманной птицы В ладонях человека, пленницы темницы». Однако размышления воина устремляются к плакатному воспеванию качества исполнения «труда»: «И гвозди хороши. И столб дубовый гроз удар, Наверное, не раз изведал, И прочно встал, как камень крепок». И графическое изображение воина под стать: он будто гордый античный воин, укрощающий гордого, вольного коня. А далее, как у всех: лишь внимательность взгляда и мысли может угадать в изображенном (Ты шепчешь: «Боже, Боже») присутствие Владыки вселенной. Вероятно, осененное присутствием Отца небесного тело на распятии вдруг напрягается в полете, окружающее обретает краски в философских вопросах, обращенных и к Иисусу, и к воину, распявшему его, и к каждому читателю строк: «Зачем ты жил? Зачем ты жив?».

Потрясает своей космогоничностью следующий графический лист, который авангардно-футуристически ярко изображает вселенную как субстанцию «призрака пустоты, товарища в судьбе».

Следующий сюжет обращает читателя к стенаниям Героя, за плечами которого такая жизнь, которой наделен каждый человек – с соловьиным свистом, трепетом и «праздным бредом», с одной стороны, и суровым законом Суда, с другой. Воистину, лучшего графического решения, нежели найденная С. Ботиевым форма расположения поэтического текста в виде креста не могла бы быть найдена!

Тишиной и земным покоем, философским раздумьем над бренностью жизни и вечностью памяти дышит следующий лист – с парящей в синем просторе птицей над землей (телом еще не воскресшего Бога):

И из вечерней темноты
Такой же смотрит, точно ты,
В венке колючего шиповника.
Ты только лучше их.

Пожалуй, самым пронзительным по трагичности из всех иллюстративных листов является изображение прибитой к дереву руки, где «красный воск течет по ранам», и самым подходящим для триумфального финала с провозглашенным «Он царства небесного воин» – становится финальный лист с венчающим рассказанную историю венцом - пусть терновым, с шипами, однако с дарящими надежду на новую жизнь зеленеющими молодостью листьями в сполохах лучезарности жизни того, кого поэт называет «Он, Господа витязь единый».

Образно-диалоговая стилистика пластического языка калмыцкого художника С. Ботиева в иллюстрировании художественных произведений русского мастера слова В. Хлебникова является, на наш взгляд, выразительным примером органичного арт-диалога, являющего собой синтез Слова и Графики, глубинной смысловой эмоциональности поэтического Звука и экспрессивной убедительности избранного палитрой Цвета.

Список источников и литературы

1. Мамаев А. А. «В Хлебникове есть всё». Исследования. Статьи. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2010. 257 с.

2. Марисова Н. Д. Диалог художников: Велимир Хлебников – Степан Ботиев // Астрахань. Сер. «Астраханская губернская библиотека». Астрахань, 2008. Вып. 2. С. 32–35.

3. Марисова Н. Д. В мастерской художника-иллюстратора // Хлебников В. Хаджи-Тархан. Поэма. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2013. С. 23–30.

4. Марисова Н. Д. «Есир» В. Хлебникова в иллюстрациях С. Ботиева: один взгляд двух художников // Хлебников В. Есир. Повесть / Вступ. ст. Н. Д. Марисовой. Элиста: Джангар, 2015. С. 1–8.

5. Марисова Н. Д. Каменная баба // В. Хлебников. Каменная баба. Элиста, 2017. С. 23–28.
6. Диалог художественных идей и образов в пространстве творчества В. Хлебникова и С. Ботиева // Велимир Хлебников и мировая художественная культура / под ред. Г. Г. Исаева. Астрахань: Астраханский ун-т, 2015. С. 126–129.
7. Хлебников Велимир. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 641.
8. Филонов П. Канон и закон, 1912 // Шубина Н. Творческий метод. Идеология аналитического искусства. Собственная теория. URL: http://www. fine-art-collection. com/library/filonov-life-creativity.
9. Филонов П. Сделанные картины, 1914 // Теория П. Филонова. URL: http://www. palitra. co/post/209.
10. Велимир Хлебников. Полное собрание сочинений. 2007. Т. 5. Проза, рассказы, сверхповести. С. 62. URL: https://www. litmir. me/br/?b=554100&p=62.

ПРИГОРОДНЫЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА ЖАЛПАКТАЛ

Марыксин Денис Валерьевич,
археолог,
ТОО «Археологическая экспертиза»,
Республика Казахстан, г. Алматы

Одним из исследованных пригородных мусульманских некрополей Золотой Орды является могильник Караозен (Мокринский III). Он расположен в 0,5 км восточнее городища Жалпактал. Могильное поле расположено на надпойменной террасе правого берега старицы р. Большой Узень и вытянуто с северо-запада на юго-восток на 200 м, и с юго-запада на северо-восток на 100 м. В комплексе насчитывается 36 насыпей диаметром от 6–-8 до 30–35 м, высотой от 0,5 до 1,5 м. В 1974 г. экспедицией УПИ им. А.С. Пушкина раскопано 2 сырцовые оградки в юго-восточной части. В 2011 г. экспедицией Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии были продолжены раскопки данного комплекса. Были раскопаны курганы 3 и 4, которые представляли собой сырцовые ограды с безынвентарными погребениями, соответствующими мусульманской погребальной обрядности.

Раскопанная в 2013 г. насыпь 5 данного комплекса выявила сырцовый портальный мавзолей. Курган 5 расположен в западной части комплекса. Является одной из самых больших насыпей памятника: диаметр – 19 м, высота – 1,15 м. Внешняя поверхность кургана была покрыта белополынными ассоциациями. В северо-западном секторе обнаружена яма диаметром 1 м и глубиной до 0,2 м, в которой обнаружено золистое заполнение с фрагментами костей, керамики в т.ч. лепной и двумя бусинами плохой сохранности. Вблизи западной стенки мавзолея обнаружен череп животного. В насыпи кургана был обнаружен чигирь. Общая высота чигиря – 34 см, максимальный диаметр тулова – 15,8 см, диаметр дна – 2,6 (рис. 1, *3*). По типологии Г.А. Федорова-Давыдова данный чигирь относится к Отделу А. Чигирь с эллипсоидным туловом, с расширяющимся кверху раструбом горлом, с прямым без утолщения венчиком, с вытянутой ножкой, с плоским дном.

После снятия дернового слоя была обнаружена постройка из сырцовых кирпичей. После зачистки была обнаружена монументальная сырцовая постройка – портальный мавзолей. Размеры 5,2×7,15 м (рис. 1, *1*). Мавзолей ориентирован по линии ЮЮЗ – ССВ – 30–35°. Стены мавзолея сложены из сырцового кирпича размером 0,4×0,19×0,08 м. Высота стен до 5–6 слоев кирпича, расположенных на материковом суглинистом слое (рис. 1, *2*). Внутри мавзолея было обнаружено четыре погребения.

Могильный холм сверху перекрыт ступенчатым закладом-мастабой (рис. 2, *1*). Размеры кирпичей в мастабе – 0,42×0,26–0,27×0,06–0,07 м. Погребение 1 было расположено в 1,65 м южнее северной стены и 0,4 м западнее восточной стены мавзолея. Погребение имеет перекрытие из 29 сырцовых кирпичей размером 0,37–0,38×0,2–0,21×0,07–0,08 м (рис. 2, *2*). Могильная яма размером 2,45×0,7 м. Глубина 0,8 м. На глубине 0,9 м вдоль северной стены устроена ступенька – уступ шириной 0,4 м, вдоль южной границы которой уложен ряд сырцовых кирпичей размером 0,35×0,21×0,07 м. Глубина ямы южнее уступа 1,3 м. В южной стене устроен подбой на глубине 0,9 м. Глубина подбоя – до 0,2 м. В подбое расположен костяк человека, расположенный вытянуто на спине (рис. 2, *3*). Головой ориентирован на северо-запад (300°). Череп расположен на правом виске, нижняя челюсть расположена в 0,1 м южнее черепа, на уровне глазниц. Лицевая часть ориентирована на юг. Шейные позвонки сильно искривлены. Костяк имеет небольшой доворот на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука согнута в локте таким образом, что кисть расположена на правой половине таза. Правая нога согнута в колене. Левая нога вытянута. Стопа левой ноги расположена над правой. На черепе расположено 4–5 мелких угольков.

Погребение 2 отделено от погребения 1 кирпичной стеной шириной 0,2 м. Расположено в могильной яме размером 2,45×1,0 м. Глубина ямы с мастабой – 1,35 м. Восточная стена склепа состоит в высоту из 16 рядов кирпича. Размеры кирпичей 0,37×0,2×0,08 м. Размеры кирпичей мастабы – 0,36–0,37×0,2–0,21×0,07–0,08 м. Конструкция погребения представляет собой склеп. По конструкции он представляет собой конструкция с плоской внешней поверхностью и ложным внутренним сводом (рис. 3, *1*). Северная стена склепа выполнена из кирпича размером 0,4×0,2×0,08 м. Погребенный расположен в могильной яме размером 1,95×0,5 м. Высота ложного свода – до 0,7 м. Погребенный ориентирован головой на северо-запад (300°). Череп расположен на правой височной кости. Лицевой частью расположен на юг – юго-запад. Костяк имеет небольшой доворот на правый бок, о чём говорит расположение ребер и локтевых костей. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука слегка согнута в локте таким образом, что кисть расположена на левой половине таза. Нижние конечности вытянуты. Стопы вывернуты "пятка к пятке". Стопы вытянуты.

Погребение 3 расположено в юго-западном углу мавзолея под мастабой. Могильная яма размером 1,65×0,55–0,6 м. Размер мастабы 1,7×0,7 м. Мастаба не имеет заполнения кирпичом внутри, а расположена по периметру ямы. Вдоль северной и восточной сторон ямы нижний ряд кирпичей расположен тычком к яме, верхний ложком. Южная и западная стены являются стенами мавзолея. На глубине 0,5 м вдоль северной стены устроена ступенька высотой 0,25 м и шириной 0,2 м. В яме обнаружено перекрытие из 15–16 сырцовых кирпичей, поставленных вертикально. На кирпичах, расположенных над берцовыми костями, наблюдаются следы нагара. По всей видимости, на них возводился огонь (тризна?). В могильной яме расположен погребенный, ориентированный головой на северо-запад (315°; рис. 3, *2*). Череп расположен на основании, лицевой частью ориентирован на юг. Погребенный расположен вытянуто на спине с очень слабым поворотом на правый бок, который выдает расположение локтевых костей. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть покоится на левой половине таза. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть расположена под правой половиной таза. Ноги вытянуты, в коленных суставах почти соприкасаются. Стопа правой ноги расположена на внешней стороне. Стопа левой ноги вытянута, таким образом, что подошвой слегка накрывает стопу правой ноги.

Погребение 4 расположено в юго-восточном углу мавзолея, который восточной стеной на 0,4 м перекрывает погребение (рис. 3, *3*). Погребение имело надмогильное сооружение в виде мастабы плохой сохранности. Точные размеры и конфигурацию установить не удалось (1,3×0,65×0,2 м). Могильная яма размером 1,65×0,45 м. Вдоль северной стенки устроена ступенька на глубине 0,5 м, ее ширина 0,2 м. Глубина ямы 0,7 м. Яма имело перекрытие из 13 сырцовых кирпичей, поставленных вертикально. На перекрытии обнаружено два ребра животного. В засыпи могильной ямы под сырцовыми кирпичами обнаружена бусина. На глубине 0,4 м вдоль южной стенки устроен подбой высотой 0,3 м и глубиной 0,1 м. Погребенный расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-запад (300°). Череп располагается на правой височной кости, лицевая часть направлена на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть расположена под левой половиной таза. Правая рука вытянута вдоль туловища, лучевые кости in situ отсутствуют. Ноги вытянуты вдоль туловища. Берцовые кости и стопа правой ноги in situ отсутствуют. Большая берцовая кость расположена в подбое на уровне тазовых костей. Левая нога вытянута, стопа также вытянута вдоль туловища.

Особый интерес представляет наличие 12 грунтовых погребений, расположенных восточнее данного мавзолея, которые характерны для могильников, расположенных вблизи крупных поселений или городищ.

Погребение 1 обнаружено в 1,2 м восточнее мавзолея на материковой почве. Кости младенца расположены вытянуто на спине, головой ориентирован на запад. Кости черепа расположены выше костей туловища. Размеры могильной ямы установить не удалось. Погребальный инвентарь не обнаружен. В 0,9 м севернее погребения 1 обнаружен красноглиняный чигирь. Общая высота чигиря – 29,4 см, максимальный диаметр тулова – 15,5 см, диаметр дна – 5,4 см (рис. 1, *4*). По типологии Г.А. Федорова-Давыдова данный чигирь относится к Отделу А. Чигирь с эллипсоидным туловом, с расширяющимся кверху раструбом горлом, с прямым без утолщения венчиком, с вытянутой ножкой, с плоским дном.

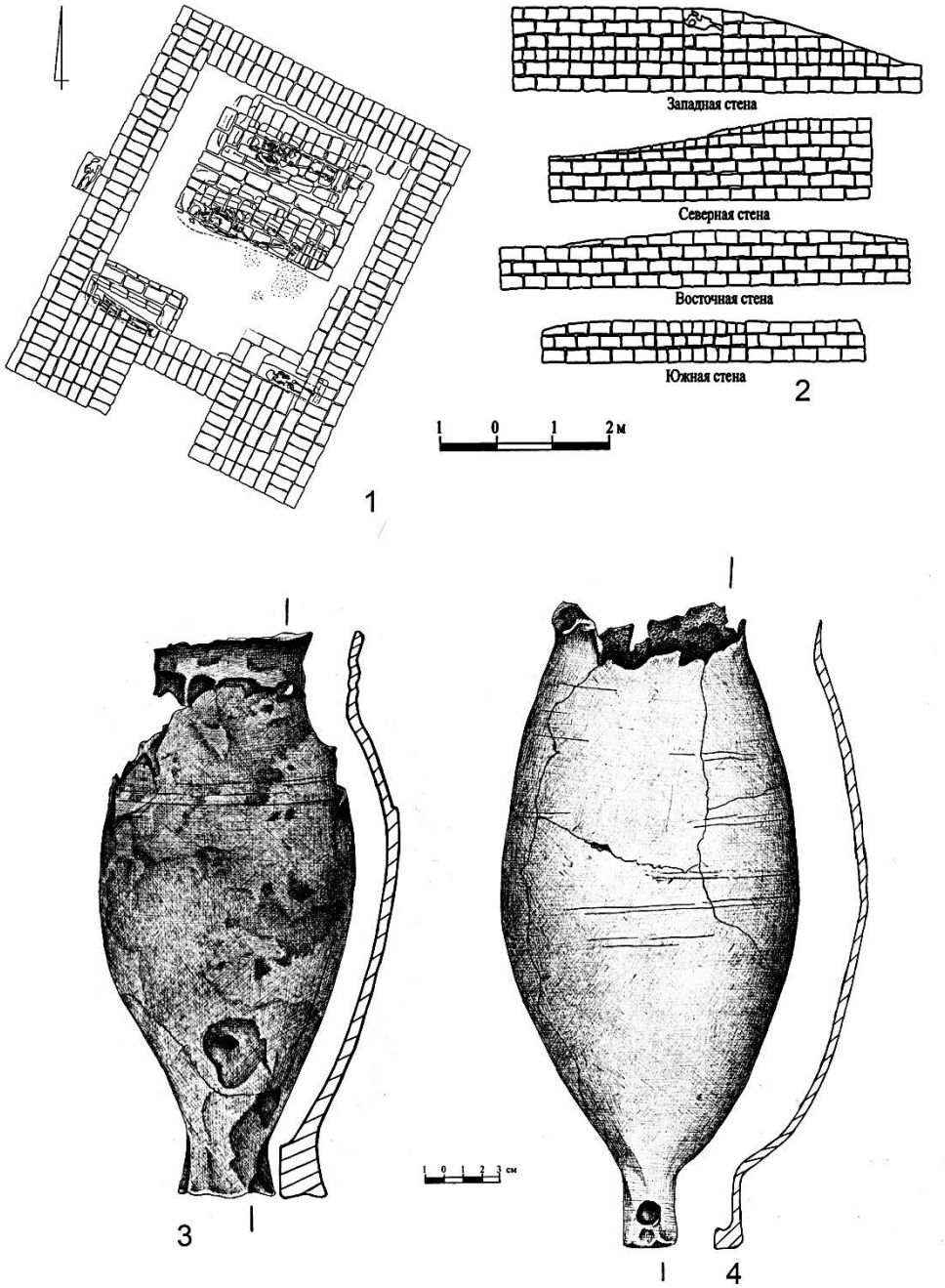

Рис. 1. Могильник Караозен (Мокринский III). Курган 5: 1 – общий план портального мавзолея; 2 – стены мавзолея; 3, 4 – чигирные сосуды из насыпи

Погребение 2 расположено в 1,7 м севернее северной стенки мавзолея, параллельно ей. Яма ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ (300°). Размеры могильной ямы – 2,1×0,6 м (рис. 4, *1*). Яма имеет следующую конструкцию. На глубине 0,6 м вдоль северной стенки ямы устроен уступ шириной 0,3–0,35 м. Южная стенка на глубине 0,45 м имеет небольшой подбой шириной до 0,2 м. Общая глубина ямы – 0,95–1,00 м. Погребальная камера имеет размеры – 1,95×0,3–0,35 м. В ней расположен погребенный. Погребенный расположен с большим поворотом на правый бок. Для фиксации данного положения он опирается в северную стенку погребальной камеры левым плечом и тазовыми костями. Для этой же цели под левую бедренную кость и тазовые кости уложен сырцовый кирпич. Череп расположен на правом виске таким образом, что глазницы направлены на юг. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука согнута в локте таким образом, что кости кисти расположены на лучевых костях правой руки. Нижние конечности сомкнуты в коленных суставах. Левая нога вывернута на 90°. Берцовые кости левой ноги находятся над правой. Стопа левой ноги также находится над правой. Кости стоп завалены в правую сторону. Заклад-перекрытие погребения состоит из сырцовых кирпичей размером 0,38×0,19×0,09 м, поставлен-

ных следующим образом. Ряд кирпичей уложен вдоль южного края ступеньки. На них углом (45–60°) уложено 20 кирпичей, упирающихся верхним углом в южную стенку могильной ямы. Для придания большей устойчивости между «вертикальными» кирпичами и северной стенкой могильной ямы, вдоль её, уложен один ряд сырцовых кирпичей.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

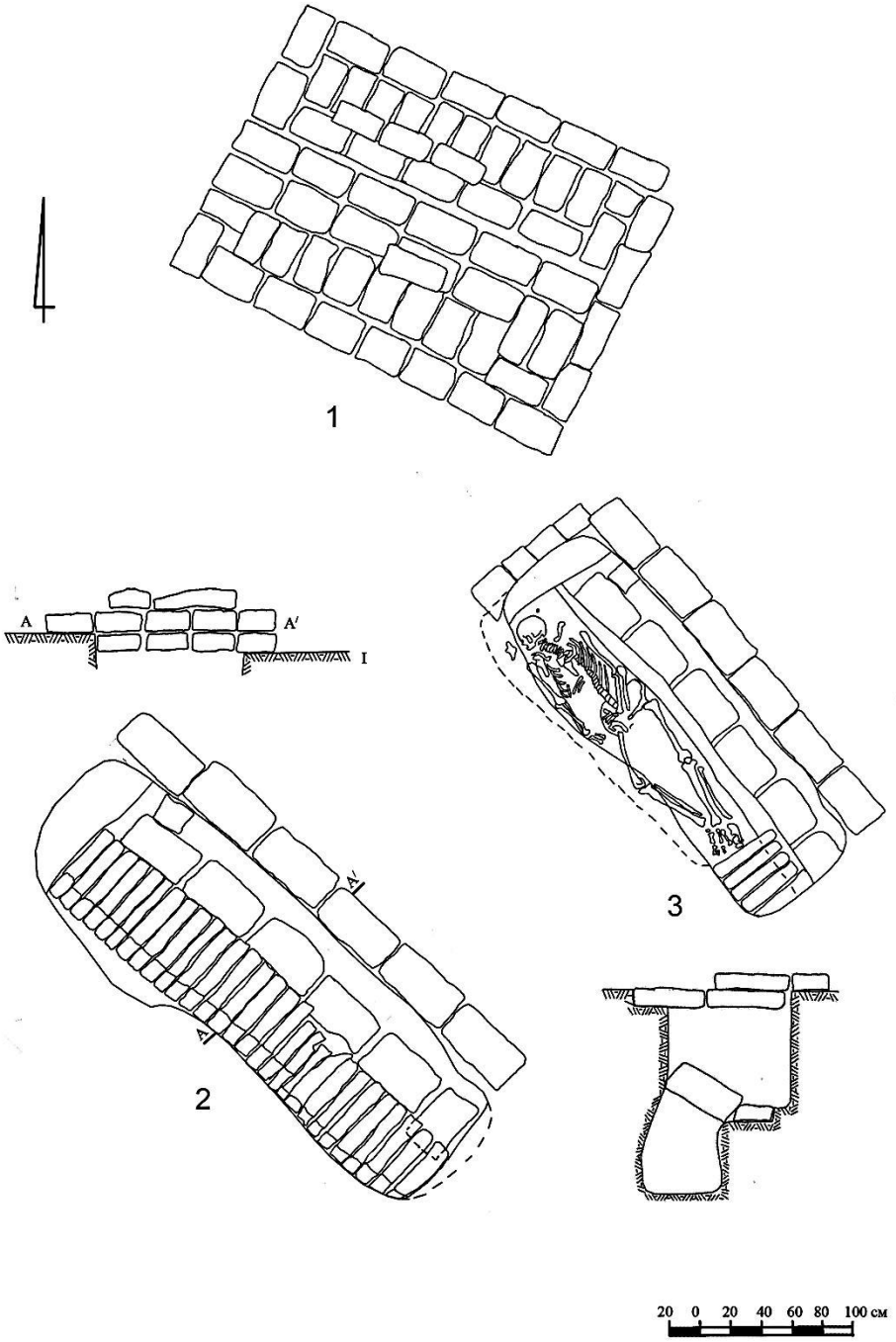

Рис. 2. Могильник Караозен (Мокринский III). Курган 5: 1 – мастаба на погребении 1 и 2 внутри мавзолея; 2 – сырцовое перекрытие над погребением 1 внутри мавзолея; 3 – план погребения 1 внутри мавзолея

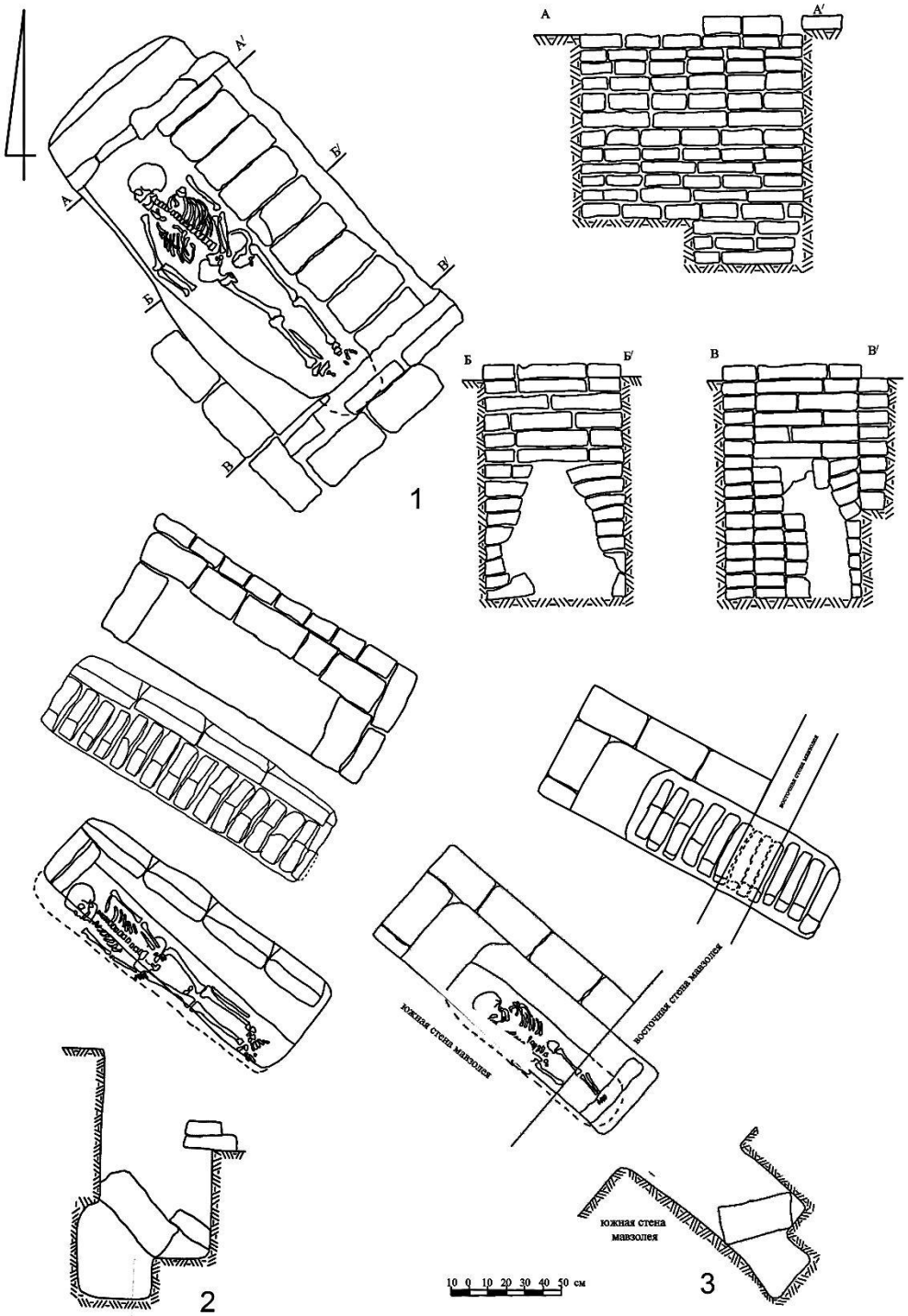

Рис. 3. Могильник Караозен (Мокринский III). Курган 5: 1 – план и стены склепа погребения 2 внутри мавзолея; 2 – сырцовое перекрытие и план погребения 3 внутри мавзолея; 3 – сырцовое перекрытие и план погребения 4 внутри мавзолея

Погребение 3 расположено в 0,8–0,9 м севернее погребения 2, параллельно ему.

Яма ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ (300^0). Размеры могильной ямы – 2,00×0,65 м (рис. 4, 2). Яма имеет следующую структуру. На глубине 0,4 м вдоль северной стенки ямы устроен уступ шириной 0,3 м. Ниже него на глубине 0,14 м от уступа устроен нижний уступ шириной 0,11 м. Южная стенка ямы не имеет подбоя, но она расширяется, внизу достигая ширину 0,92 м. Погребенный расположен с большим поворотом на правый бок. Для придания данного положения он опирается левым плечом и тазовыми костями с северную стенку нижнего уступа. Череп расположен на правом виске таким образом, что глазницы направлены на юг. Шейные позвонки сильно изогнуты. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть расположена на верхней части

бедренной кости. Левая рука слегка согнута в локте, кисть расположена на тазу. Нижние конечности вытянуты. Левая стопа вытянута, правая повернута на правую сторону. Перекрытие могильной ямы выполнено из сырцовых кирпичей размером 0,42×0,2×0,07 м. 23 сырцовых кирпича расположены вертикально таким образом, что упираются в нижний уступ и южную стенку. На верхнем уступе вдоль северной стенки уложен ряд сырцовых кирпичей, служащий опорой для вертикально поставленных кирпичей.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 4 расположено в 0,4 м восточнее восточной стенки мавзолея (южная стенка на уровне северной стенки мавзолея). Погребенный расположен в могильной яме размером 0,9×0,5 м (рис. 4, *3*). С северной стороны на глубине 0,2 м расположена ступенька шириной 0,2 м. В яме расположены останки ребенка, ориентированного головой на северо-запад (300°). Лицевая часть ориентирована на юг. Нижние конечности и тазовые кости не сохранились. Сохранность остальных костей очень плохая. Погребение имело перекрытие. С северной стороны на глубине 0,15–0,2 м яма имеет ступеньку шириной 0,1–0,15 м. Как и предыдущие, оно состоит из вертикально поставленного заклада ямы из 8–10 сырцовых кирпичей. Перекрытие-заклад плохой сохранности.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 5 расположено в 0,2 м южнее погребения 4. С северной стороны в погребении устроена ступенька шириной 0,2–0,25 м на глубине 0,25 м. Погребенный расположен в могильной яме размером 1,5×0,2×0,3 м (рис. 4, *4*). Погребенный ориентирован на северо-восток (300°). Череп слегка повернут на левый висок, лицевая часть ориентирована на север. Руки вытянуты. Кисть левой руки лежит на левой половине таза. Правая рука расположена параллельно туловищу. Нижние конечности вытянуты по ширине плеч. Погребение имело перекрытие-заклад. Для его устройства с северной стороны на глубине 0,2 м устроена ступенька шириной 0,1–0,15 м. На которую вдоль ямы поставлено 15 сырцовых кирпичей, упирающихся одной стороной на ступеньку, а второй – на южную ступеньку.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 6 расположено в 0,3 м южнее погребения 5 и 0,5 м восточнее восточной стенки мавзолея. Могильная яма размером 1,2×0,3–0,4 м. Глубина ямы – 0,3 м. На глубине 0,2 м яма имеет подбой-катакомбу размером 1,2×0,3 м и высотой 0,25–0,3 м. Подбой глубже могильной ямы на 0,2 м. В подбое расположен погребенный ребенок (рис. 4, *5*). Погребенный ориентирован головой на северо-запад (300–315°). Лицевой частью ориентирован на юго-восток. Погребенный расположен вытянуто на спине. Верхние конечности вытянуты вдоль туловища. Лучевые кости, левая половина таза in situ отсутствуют. Нижние конечности вытянуты. Погребение имело заклад-перекрытие, конструкцию которого полностью установить не удается. Оно представляло собой аналогичную предыдущим конструкцию из 7–8 сырцовых кирпичей, поставленных вертикально.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 7 расположено в 1,3 м южнее погребения 6 и в 0,2 м восточнее мавзолея. Могильная яма размером 1,2×0,5 м. Глубина – 0,35 м. На глубине 0,1 м яма имеет ступеньку вдоль северной стенки шириной 0,2–0,25 м. В яме обнаружены поврежденные кости ребенка (рис. 5, *1*). In situ сохранился череп, расположенный по центру ямы. Погребение имело заклад-перекрытие из сырцовых кирпичей, один из которых упал в могилу с восточной стороны. В отличие от предыдущих погребений в данном кирпичи были поставлены горизонтально на ступеньку с северной стороны, упираясь тычком в южную стенку могильной ямы.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 8 расположено в 0,5 м южнее погребения 7 и в 0,55 м восточнее мавзолея. Яма размером 0,75×0,55 м. Глубина 0,3 м. Вдоль северной стенки расположена ступенька шириной 0,2 м и глубиной 0,1 м. В яме обнаружены разрозненные кости младенца (рис. 5, *2*). Заклад-перекрытие в погребении не выявлен.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 9 расположено в 0,25 м южнее погребения 8 и 0,7 м восточнее мавзолея. Погребение расположено в могильной яме размером 1,35×0,45×0,6 м. С северной стороны яма имеет ступеньку на глубине 0,3 м шириной 0,25 м. С южной стороны на глубине 0,3 м камера имеет подбой глубиной 0,2 м. В погребальной камере расположены кости ребенка плохой сохранности (рис. 5, *3*).

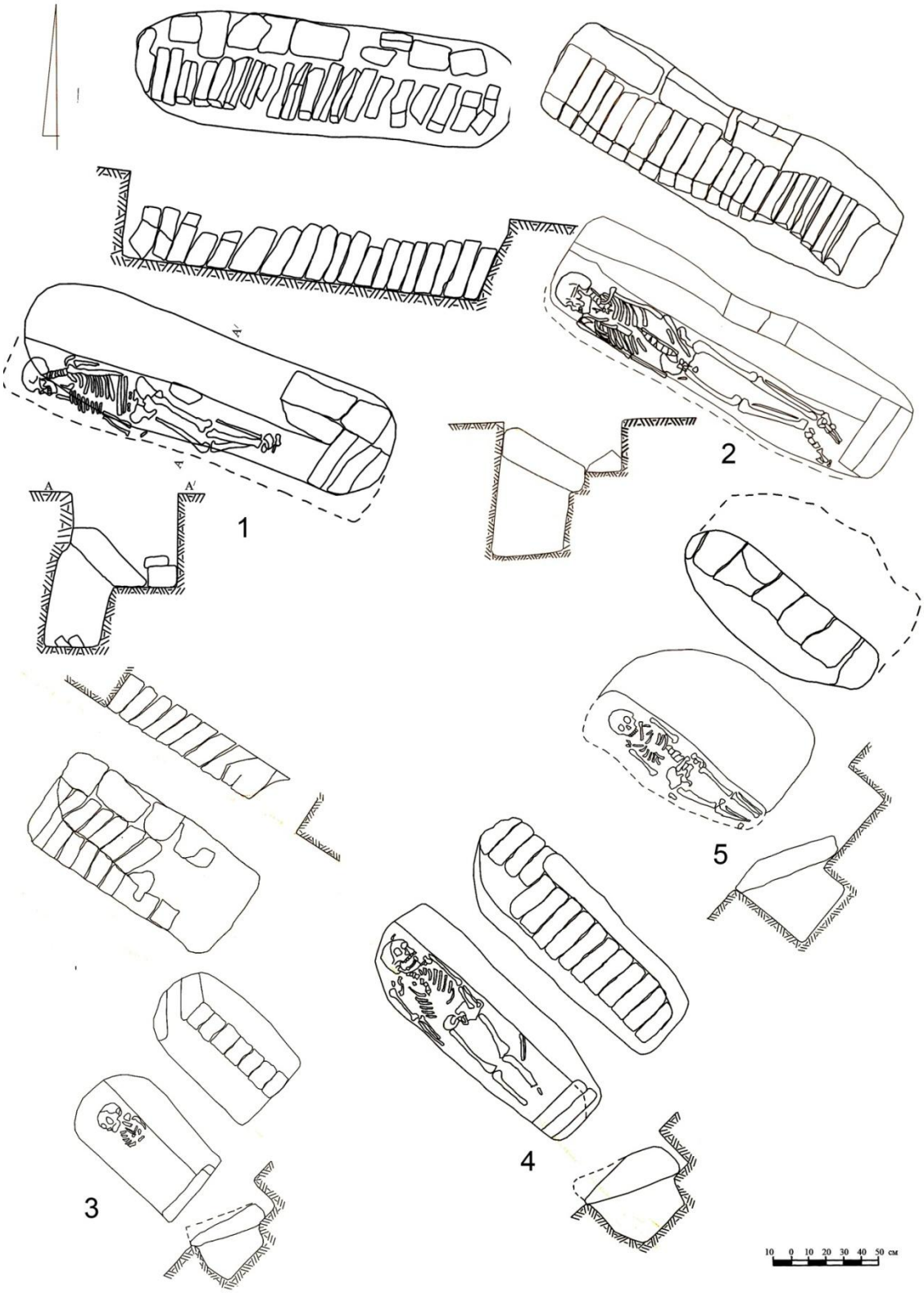

Рис. 4. Могильник Караозен (Мокринский III). Курган 5: 1 – сырцовое перекрытие и план погребения 2 у восточной стены мавзолея; 2 – сырцовое перекрытие и план погребения 3 у восточной стены мавзолея; 3 – сырцовое перекрытие и план погребения 4 у восточной стены мавзолея; 4 – сырцовое перекрытие и план погребения 5 у восточной стены мавзолея; 5 – сырцовое перекрытие и план погребения 6 у восточной стены мавзолея

Часть костей истлела. Погребенный ориентирован головой на северо-запад (300°). Лицевая часть направлена на юг. Кисть левой руки расположена на левой половине таза. Судя по расположению костей, погребенный имел небольшой доворот на правый бок. Заклад-перекрытие погребения состоит из сырцовых кирпичей размером 0,38×0,19×0,09 м, поставленных следующим образом.

На ступеньку углом (45–60°) уложено 15 кирпичей, упирающихся верхним углом в южную стенку могильной ямы. Для придания большей устойчивости между «вертикальными» кирпичами и северной стенкой могильной ямы, вдоль её, уложен один ряд сырцовых кирпичей.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 10 расположено в 0,2 м южнее погребения 9 и в 0,65 м восточнее мавзолея. Погребение расположено в могильной яме размером 1,65×0,42 м (в головах и ногах яма сужается до 0,3 м). Яма имеет ступеньку с северной стороны шириной 0,2 м и глубиной 0,1–0,15 м, на которую уложены сырцовые кирпичи. Погребенный расположен на правом боку, ориентирован головой на северо-запад (300°; рис. 5, *4*). Череп расположен на правом виске, лицевой частью ориентирован на юг. Левая рука согнута в локте, который расположен за спиной. Кисть расположена на внутренней стороне левой половины таза. Правая рука согнута в локте. Кисть расположена выше тазовых костей, на пояснице. Ноги согнуты в коленях. Левая нога расположена севернее правой, заходя за неё. Ступни сомкнуты. Правая расположена сверху левой.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 11 расположено в 0,3 м южнее погребения 10 и 0,8 м восточнее мавзолея. Могильная яма размером 1,25×0,55 м. С северной стороны на глубине 0,15 м расположена ступенька шириной 0,3 м. С южной стороны яма имеет подбой глубиной до 0,15 м. Глубина ямы – 0,55 м. В яме расположен погребенный ребенок, ориентированный головой на северо-запад (300°; рис. 5, *5*). Погребенный расположен вытянуто на спине. Кости плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль туловища, лучевые кости in situ отсутствуют. Лучевая кость левой руки расположена на бедренной кости. Ноги вытянуты. Кости стоп отсутствуют. Череп расположен на своём основании. Лицевая часть направлена на юг. Погребение имело перекрытие из вертикально поставленных сырцовых кирпичей, аналогичное предыдущим. Конструкцию перекрытия полностью выявить не удалось.

Погребальный инвентарь не обнаружен.

Погребение 12 расположено в 1,5 м севернее погребения 2. Могильная яма размером 1,15×0,5 м. С северной стороны яма на глубине 0,15 м имеет ступеньку шириной 0,4 м. На глубине 0,15–0,2 м с южной стороны яма имеет подбой глубиной до 0,2 м. Глубина ямы – 0,4 м. В яме расположен погребенный ребенок, ориентированный головой на северо-запад (300°; рис. 5, *6*). Череп расположен на правой височной кости. Лицевая часть направлена на юг. Костяк расположен на спине, с доворотом на правый бок. Это положение придано из-за упора костяка в северную стенку спиной и тазовыми костями. Руки погребенного вытянуты вдоль туловища. Левая рука расположена под левой половиной таза. Правая рука вытянута ладонью вниз. Ноги согнуты в коленях. Правая нога южнее северной. Левая ступня расположена над правой. Между лучевыми костями левой руки и позвоночником расположены 2 пастовые бусины. Размер одной: 0,5×0,5 см. Бусина биконической формы. Размеры второй биконической бусины – 0,48×0,52 см. Вместе с бусинами обнаружено два подовальных предмета размером 1×0,8×0,7 см и 0,84×0,75 см, которые, по всей видимости, выполнены из цветного металла (свинец?).

Погребальный обряд похороненных подтверждает мнение, что данный комплекс является пригородным некрополем городища Жалпактал. В данном некрополе похоронено мусульманское городское население, которое преобладало в золотоордынских городах. Недостаточная информативность мусульманского погребального обряда привела к тому, что вплоть до последнего времени данные захоронения не получали широкого освещения у специалистов.

По типологии Г. А. Федорова-Давыдова все погребения, расположенные за пределами мавзолея относятся к типу VI Отдела А [3, с. 124]. В значительно дополненной типологии Д. В. Васильева данные погребения относятся к типу Б 1-1 [1, с. 164]. На территории Нижнего Поволжья данные погребения составляют порядка 34,2 %, что соответствует примерно 277 погребениям. Погребение 2 в мавзолее относится к типу А 2-7, который характеризуется перекрытием с плоской внешней поверхностью и ложным внутренним сводом. Данный вид погребений достаточно редкий.

На форму и профиль внутримогильной конструкции влияют следующие факторы: а) канонические требования ислама; б) конструкция ямы; в) строительный материал – ясно, например, что невозможно возвести прочный полусферический свод из сырцового кирпича; г) возраст или, скорее, размеры погребённого; д) предположительно – социальное положение и этническая принадлежность погребённых. Так, например, Л. Т. Яблонский связывал подбойную конструкцию

могильной ямы и соответствующий тип перекрытия с монголоидностью погребённых, которая, по результатам его исследований, была ярче выражена у костяков в подбойных могилах, чем у погребённых в простых ямах [6].

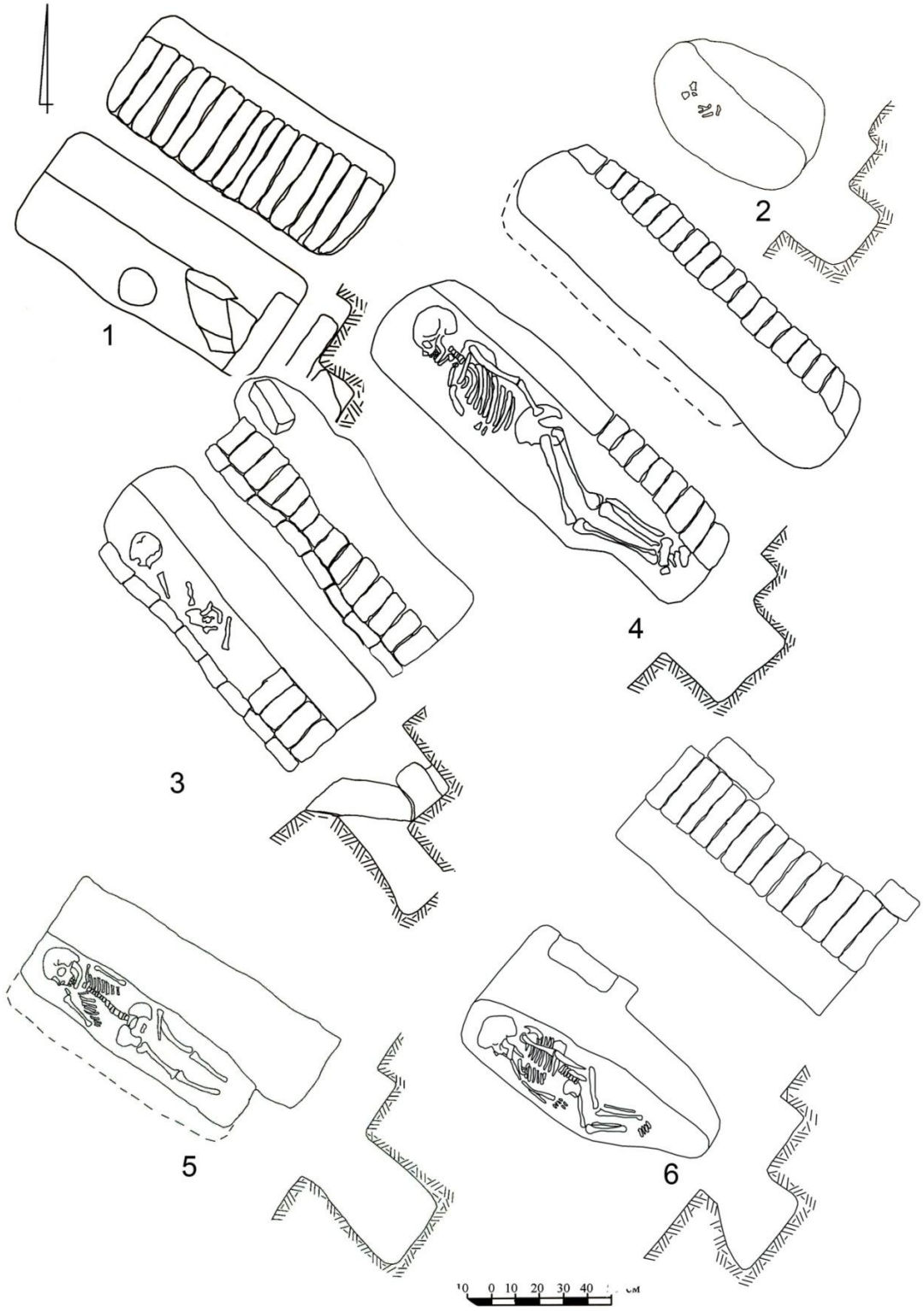

Рис. 5. Могильник Караозен (Мокринский III). Курган 5: 1 – сырцовое перекрытие и план погребения 7 у восточной стены мавзолея; 2 – сырцовое перекрытие и план погребения 8 у восточной стены мавзолея; 3 – сырцовое перекрытие и план погребения 9 у восточной стены мавзолея; 4 – сырцовое перекрытие и план погребения 10 у восточной стены мавзолея; 5 – сырцовое перекрытие и план погребения 11 у восточной стены мавзолея; 6 – сырцовое перекрытие и план погребения 12 у восточной стены мавзолея

Внутримогильная конструкция существовала во многих культурах и в доисламские времена. Как пишет Ю. А. Смирнов, в основе похоронных обрядов лежат три разнящиеся системы взглядов, которые в самом общем виде можно сформулировать следующим образом: 1) как концепцию продолжения телесного или духовно-телесного существования как в потустороннем, так и в посюстороннем мире; 2) как концепцию перехода к иным, бестелесным, (специфическим, неземным) формам существования; 3) как концепцию прекращения и духовного, и телесного существования умершего [2, с. 36]. Появление третьей концепции можно объяснить тем, что тело покойного в культурах многих народов, воспринявших ислам, является ритуально нечистым и внутримогильные конструкции (а также саван и гроб) должны предотвратить контакт с «чистой» землёй. В то же самое время Ю. А. Смирнов указывает, что у погребального сооружения в целом и у внутримогильной конструкции как его части имеется основная функция – размещение, обособление и сохранение тела умершего и посмертного инвентаря с целью их наиболее полной изоляции от окружающей среды и неприкосновенности в течение определённого времени [2, с. 40]. Таким образом, мы можем последнюю функцию, выполняемую внутримогильными конструкциями, считать основной, а остальные – вспомогательными.

Список источников и литературы

1. Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань, 2009.

2. Смирнов Ю. А. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М., 1997

3. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

5. Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

6. Яблонский Л. Т. Монголы в городах Золотой Орды // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ, ГЕРОИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И СТИЛИСТИКА АСТРАХАНСКИХ МИФОВ И ЛЕГЕНД

Меретина Дарья Валерьевна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ АО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Понятие «стереотип» с точки зрения культурологии формирует облик национальных культур, что, по сути, делает тот или иной народ уникальным в восприятии других. Этнокультурный стереотип и фольклорно-мифологическое сознание неразрывны. Мифологическое сознание является частью традиционной культуры, на которой строится и основывается этнический стереотип.

Само понятие этнокультурный стереотип подразумевает обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Стереотипами являются характеристики народа в целом и распространяются они на любого представителя этого народа, определяют в сознании других часть образа его личности. Стереотипы тесно связаны с традиционной культурой, поведением, бытом, манерами, присущими этнокультурным общностям.

Ныне в условиях глобализационных процессов особую актуальность имеет сохранение и развитие народной культуры. Народная культура – это обширный спектр различных форм культурного творчества, формировавшийся на протяжении многих веков этнического развития. К сожалению, на данный момент многие элементы традиционной культуры бесследно исчезают. Для предотвращения такого пагубного для народного творчества процесса возникает необходимость научного исследования и сохранения культурного этнического наследия.

Своеобразие астраханского фольклора привлекало внимание исследователей в XVIII–XIX вв. Фольклорные экспедиции на территории области проводились и во второй половине XX в. В экспеди-

ции принимали участие преподаватели и студенты Астраханского государственного педагогического института (Астраханский государственный университет) и Астраханской государственной консерватории. По итогам экспедиций были созданы сборники «Русские народные песни Астраханской области» и «Народные сказки Нижней Волги». Ныне подобные исследования проводятся в индивидуальном порядке, а собранный материал обрабатывается самими специалистами-исследователями [6, с. 4].

Астраханский фольклор был объектом исследования не только специалистов местного уровня. Им заинтересовался известный советский и российский литературовед доктор филологических наук А. А. Горелов. В 1970-х гг. в Пушкинском доме Института русской литературы АН СССР (ныне Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН) в Ленинграде были представлены фольклорные материалы, доставленные из колхозных сел Астраханской области, где побывала экспедиция под руководством заведующим сектором фольклора А. А. Гореловым. Изучением астраханского фольклора занимались доценты А. А. Любимов и И. С. Коновалов, писатель К. Ерымовский, кандидат филологических наук В. П. Самаренко. Они являлись участниками фольклорных экспедиций, благодаря которым в течение двадцати лет был собран богатейший материал фольклорного творчества. Данный материал также был представлен в Пушкинском доме.

На территории Астраханского края фольклорное творчество появилось задолго до образования Астрахани как культурного и хозяйственного центра юга. Для астраханского фольклора характерна историческая связь с восстанием Степана Разина, защитника астраханских крестьян, бурлаков и всех подневольных. Он предстает в исторических эпосах как герой, способный решить все беды простых, честных людей. Есть песни, наполненные горечью поражения восстания, в которых надежда на спасение погибает вместе со Стенькой Разиным [3, с. 14].

Писатель-краевед А. С. Марков, углубившись в исторические события времён разинского бунта в Астрахани, упоминает о погибших воеводе Прозоровском и митрополите Иосифе. Согласно Ключаревской летописи воевода и митрополит были сброшены бунтовщиками с Раската: «На зимний восток» был сброшен воевода Прозоровский, «на зимний запад» голова астраханских стрельцов Матвей Лопатин, «на полночь, против Троицкого собора» сын Прозоровского Борис и митрополит Иосиф «упал перед раскатными дверями к Успенскому собору…» [3, с. 100–101]. По приказу Степана Разина было велено убитых бояр, приказных людей, воеводу, а его прислужников отдать в Троицкий монастырь и похоронить их в братской могиле.

Степан Разин – это один из любимых героев легенд рыбаков. В легендах Разин выступает другом рыбаков. Для богатого улова Стенька дарит рыбакам чудесный невод, сохраняет специально для них свои клады, он обладает необъяснимой силой, перед которой поклоняются звери, птицы и рыба [4, с. 11].

На Нижней Волге, что не бугор или селение, то легенда или предание. В свое время волжские и каспийские рыбаки помогали разинским отрядам в морском походе. Каждое селение, так или иначе, будет связано со Степаном Разиным. Здесь Стенька Разин разбил свой походный лагерь, там был его наблюдательный пост, а в том селе он золото свое спрятал. Многие из сел получили свое название, связанное с именем Разина: Житное, Караульное, Разино и т. д.

Например, с. Басы, расположенное на территории Лиманского района, имеет несколько легенд, одна из которых посвящена возвращению из Персии Степана Разина. Легенда гласит, что слово «басы» произошло от татарского «башсыс», что означает «человек без головы». Некогда на берегу Волги жил человек, обладающий большой физической силой, и звали его Эцеге. В один прекрасный день он узнает о живущем в степи, таком же сильном, как и он, человеке по имени Алан-Гасар. И вот Эцеге пришел к нему помериться силой, однако Алан-Гасар понял, что с Эцеге ему не сладить. Хитростью Алан-Гасар завел его в озеро, где отрубил силачу голову и взял ее с собой. Жена Эцеге нашла только тело своего мужа (башсыс), в результате чего озеро получила название – Башсыс. Потом это название перешло на село, которое возникло неподалеку.

В сказаниях народов Астраханского края бытовали богатыри, умельцы, герои, которые боролись за благополучие и процветание народа. Самобытность каспийских легенд проявлялась в сюжетах, где не только исторические личности или люди были защитниками народа, но и водяные или подводные существа выступали в роли главных героев. Они являлись защитниками

бедных и мстителей за обиды простого люда. Например, сказка «Как водяной кулака разорил» является ярким свидетельством существования подобных сюжетов [4, с. 11].

Астраханские мифы складываются о символах края, среди них есть географические объекты. Одним из символов Астраханской области является г. Богдо. До сегодняшнего дня калмыки считают, что на горе обитает хозяин земли и неба Цаган Ава – Белый Старец, покровитель зверей, птиц и трав. По весне ему приносят молоко и сладости. Было поверие, что на том месте, где стоит гора, ничего не было, и буддийский монах с Востока принес гору на своих плечах, дабы создать тень в знойной степи. Кроме этого считается, что гора является обиталищем самого Будды.

Другой символ – соленое озеро Баскунчак. Само название озера переводится как «Собачья голова», которая по одной из легенд то и дело появляется при периодическом обмелении озера. Существует миф о появлении озера, связанного с возникновением горы. При помощи того же Джалайламы, который пообедав жидкой похлебкой, вылил ее остатки на землю, где в последствии образовалось огромное соленое озеро. Легенда о том, как стало озеро соленым, гласит, что главным «виновником» соления озера стал сам Степан Разин. Он отобрал у персидского хана волшебную ступку, самостоятельно молотившую соль, да и закинул ее подальше в степь для всеобщего пользования [5].

После того, как распалась Золотая Орда, начали образовываться татарские государства и Ногайская орда. Происходила смена государств, этносов, стоящих у власти, менялись языки, однако в результате таких потрясений сохранялись культуры народов и передавались из поколения в поколение, взаимодействуя между собой. В мифах бытовал образ Волги – реки-кормилицы. В одном из сказаний говорится, что слепой отец рек Волги, Сож и Днепра решил наградить своих дочерей землей, при этом ничего не сказав о своем решении сыну – Днепру. Однако, Днепр подслушал разговор отца и дочерей, где Сож – отец обещал лучшие места, Волге – красивые поселения, а ему оставались одни болота да мхи. Так, в одно утро, когда проснулась Волга, отец благословил ее и пустил течь. Днепр же пошел на хитрость. Его главным отличием от сестер было его гладкое тело. Для того, чтобы отец принял его за Сож, он обернул свои руки паклей, в результате чего вместо своей сестры пустился течь по ее маршруту. Сож была последней из проснувшихся и, поэтому, ей достались болотистые места [2, с. 19].

Астраханские экскурсоводы используют легенды для создания у туристов яркого впечатления об Астрахани, ее историко-культурных объектах и богатой истории края. И одна из любимых легенд кладоискателей – о двух золотых конях хана Батыя. Кони были отлиты по приказу хана, вместо глаз у коней были вставлены рубины. Они были поставлены у входа в г. Сарай-Бату, встречали, провожали путешественников и гостей. После исчезновения города следы золотых коней потерялись. Легенда гласит, что кони закопаны в разных местах, один из них предположительно находится на Кавказе, второй в районе с. Пришиб, в одном из курганов вблизи населенных пунктов Харабали, Сасыколи, Черный Яр, Селитренное [1, с. 380].

В Астрахани распространены легенды о домах с призраками. Темные истории связаны с «Башней астронома», что находится на берегу Варвациевского канала, в них также замешаны особняки Шелихова, Будагова и домом-усадьбой Лалаевой. Ходит легенда о духе Маши Шелиховой, который «живет» в ее скульптуре. Легенды о призраках не обошли стороной и знаменитую астраханскую галерею им. П. М. Догадина, Краеведческий музей, Покрово-Болдинский монастырь и римско-католический костел Успения Пресвятой Богородицы, где периодически появляется фантом отца Ромульда де Пондо.

В мистический фольклор Астрахани включены аномальные и геопатогенные зоны города. Одним из таких мест является, так называемая, «Долина кентавра» – это недостроенное здание пожарной части на ул. Н. Островского, где в результате закладки здания нашли массовое захоронение астраханцев времен революции 1917 г. Еще несколько аномальных зон находится на улице Зеленгинской неподалеку от Старого городского кладбища. Подобные места есть в микрорайоне Бабаевского, в городах Нариманов и Знаменск, в районах оз. Баскунчак и г. Богдо, с. Селитренное, «Чертово городище», расположенного на территории Икрянинского района и т. д. Каждое из этих мест окутано и овеяно мистической старой и относительно недавней мифологией [1, с. 380–381].

Таким образом, понимание этнокультурного стереотипа заключается в уникальности народа, его культуры, в данном случае, уникальность представлена мифотворчеством народов Астраханской области, в мифах и легендах которых осуществилась интеграция множества культур.

Список источников и литературы

1. Леухин А. Н. Легенды и мифы Астраханского края как средство формирования туристской привлекательности региона // Астраханские краеведческие чтения. 180 лет Астраханскому музею-заповеднику (1837-2017). 300 лет Астраханской губернии / отв. ред. А. А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2017. Вып. 9. С. 379–381.
2. Лосева Н. Река Волга в мифах // МК в Астрахани. 2015. 14–21 января.
3. Марков А. С. По следам Разина. Астраханское отделение, Нижне-Волжское книж. изд-во, 1980. 144 с.
4. Самаренко В. П., Ерымовский К. И. Каспийские легенды и сказки. Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1969. 26 с.
5. Таркова Р. А. Озеро, гора, река. Географические символы края // Комсомолец Каспия. 2017. 22 марта.
6. Усманова А. Р., Сызранов А. В., Водовозова И. В. Фольклор и этнография Приволжского района. Астрахань: ОМЦ НК, 2008. 127 с.

«ОБ УКРЕПЛЕНИИ СВЯЗИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ С ЖИЗНЬЮ»: АСТРАХАНСКИЕ ВУЗЫ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Михнова Татьяна Владимировна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В настоящее время в России идет глубокий противоречивый процесс социальных, экономических и политических преобразований. Эти преобразования затронули систему среднего и высшего образования. В соответствии с особенностями современного этапа развития экономики и социальной сферы происходит увеличение потребности в специалистах технических специальностей. Современный рынок труда перенасыщен экономистами, менеджерами, юристами, в то время, когда стране нужны техники, механики, геологи, дорожники, т. е. высококвалифицированные рабочие кадры.

Аналогичная ситуация реформирования системы образования происходила и в хрущевскую «оттепель». Это период кардинальных изменений, которые затронули не только политическую, социально-экономическую, культурную жизнь страны, но и образовательную сферу. Новое руководство уделяло особое внимание системе высшего образования, т. к. стремилось приспособить ее к своей экономической и социальной политике, в соответствии с потребностями в рабочей силе на производстве и в сельском хозяйстве. В этих областях страна столкнулась с нехваткой квалифицированных технических кадров, поэтому требовалось повысить престиж профессионального образования и количество учащихся по тем специальностям, которые были необходимы для развития экономики страны. Главная задача, стоявшая перед властями этого периода – ограничить поток абитуриентов в высшие учебные заведения и направить их на работу, не связанную с интеллектуальным трудом. В отчетном докладе центрального комитета КПСС говорится о главных задачах в области высшего образования: 1) всемерное улучшение качества подготовки специалистов на основе тесной связи учебы с производством; 2) правильное размещение высших учебных заведений в стране, приближение их к производству; 3) постановка учебной работы в соответствии с современным уровнем техники [14, с. 22].

Первый шаг по приближению обучения к производству в вузах г. Астрахани выразился в трансформации системы набора в высшие учебные заведения. С 1957 г. вводится преимущество при поступлении для лиц с 2-летним производственным стажем. Эта мера была нацелена на повышение удельного веса рабочих и крестьян, усиление стимула к работе выпускников школ на заводах, колхозах, фабриках и совхозах.

Абитуриенты с 2-летним производственным стажем и стипендиаты предприятий и колхозов попадали в высшую школу без предварительных испытаний. Уровень образования снижался, т. к. изменялся социальный состав студентов. Первый опыт приема студентов по направлениям колхозов и совхозов показал, что ни хозяйства, ни учебные заведения должным образом не пе-

рестроились для проведения этого курса в жизнь. В вузах повышался удельный вес рабочих и крестьян, а предприятия и колхозы едва ли не силой отправляли своих сотрудников учиться для выполнения нормы [13]. Требовалась новая система довузовской подготовки молодежи, в связи с отсутствием достаточных знаний.

Дальнейшие изменения в становлении новой системы образования стали постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О частичном изменении порядка приема в вузы СССР». Помимо абитуриентов с производственным стажем, предпочтение отдавалось и демобилизованным из Советской Армии. Решением приемной комиссии на I курс Астраханского медицинского института в 1957 г. было принято 200 человек, в т. ч. награжденных золотой медалью – 8, серебряной медалью – 32. Включенных в 5 % бронь выпуска медучилищ – 15 человек, пользующихся правами внеконкурсного зачисления – 5, имеющих трудовой стаж не менее 2 лет – 19, демобилизованных из Советской армии – 3 человека [10, л. 55].

Количество производственников и демобилизованных в Астрыбвтузе в 1957 г. все еще было невелико: всего 23 % от числа принятых на первый курс, и 29 % в 1958 г. Большинство из поступающих производственников имела двухгодичный стаж работы, который был необходим для льготного поступления. Но, в большинстве случаев, выбираемая специальность не совпадала с производственным опытом работы. Так, в 1958 г. в институт было принято 58 человек, в т. ч. имеющих стаж работы 2 года – 41, от 2 до 5 лет – 18. Принято работавших на предприятиях рыбной промышленности – 20 человек, на других промышленных предприятиях – 14, колхозах – 1, учреждениях – 23 [3, л. 23].

Таблица

Общая характеристика уровня подготовки абитуриентов, зачисленных в 1957 и 1958 учебных годах

Специальность	1957 г.		1958 г.	
	План приема	Проходной балл	План приема	Проходной балл
Промышленное рыболовство	125	18	50	19
Холодильные машины	50	20	50	21
Технология рыбных продуктов	75	20	70	19
Оборудование пищевых производств	–	–	25	21
Автоматический контроль и регулирование	–	–	25	23

Результаты вступительных экзаменов демонстрировали невысокий уровень подготовки студентов, в т. ч. производственников и демобилизованных. Из числа принятых на первый курс 1958 г., ни один человек не имел отличной оценки по русскому языку [3, л. 24].

Министерство высшего образования начало развивать сеть подготовительных курсов в высших учебных заведениях страны. С 1960 г. создавались как краткосрочные интенсивные курсы сроком обучения 3–5 мес., так и долгосрочные, продолжительностью 10 мес., нацеленные на углубленную подготовку работающей городской молодежи. Итоговые экзамены после десятимесячных курсов, как правило, одновременно являлись и вступительными в высшие учебные заведения. Занятия на курсах проводились по вечерней и заочной системам. Для сельской молодежи, доля которой среди абитуриентов достигала в различных вузах региона от 75 до 82 %, организовывались выездные консультации преподавателей.

В Астраханском педагогическом институте работали курсы подготовки к вступительным экзаменам для лиц, имевших стаж практической работы. Отделение заочного обучения обслуживало учителей Астраханской области и Денгизского района Гурьевской области. На июль 1957 г. на ОЗО обучались 980 человек. В межсессионный период беспрерывно работали два консультативных пункта: один при институте, другой – в с. Владимировка [6, л. 12].

Вводились новые сроки начала и окончания учебного года, каникул и семестров. Производственная практика студентов в условиях политехнического обучения имела большое значение и увеличивалась по продолжительности на 10–40 %. В Астраханском педагогическом институте, на кафедре математики, широко практиковалась работа студентов на местности, их приучали к работе с логарифмической линейкой и арифмометром, обучали самостоятельно изготавливать наглядные пособия. Во время педагогической практики студентами изучалась работа ученических технических кружков, проводились экскурсии на предприятия города, в темы курсовых работ обязательно включалось экспериментирование. На физмате читался факультативный курс «Приборы и инструменты

построения фигур и измерения геометрических величин и их использование в преподавании и в практической жизни» [9, л. 8]. В Астрыбвтузе 1957/1958 учебный год начался первого октября, в связи с участием студентов первого, второго и третьего курса всех факультетов на сельскохозяйственных работах. Соответственно был изменен весь учебный график [12, л. 10]. Помимо установленных программой сроков учебной практики, студенты младших курсов по решению областных организаций регулярно задерживались на полевых работах в колхозах и учхозах для завершения уборки урожая в сентябре месяце, что способствовало приобретению ими профессиональных навыков.

2 июля 1959 г. Совет министров СССР принял постановление о расширении льгот для лиц, обучавшихся без отрыва от производства. Дополнительно к ежегодному отпуску студенты-заочники младших курсов получали отпуск в 1 мес., а студенты старших курсов – от 30 до 40 дней с сохранением заработной платы по месту работы [15, с. 316]. Стали создаваться межвузовские консультационные пункты, проводиться установочные сессии, учебно-методические конференции для преподавателей для повышения научно-теоретического уровня.

Для студентов-заочников Астрыбвтуза одна неделя была учебной, другая – отводилась для самостоятельной работы. Нововведения, позволяющие совмещать производственный труд и учебу, должны были улучшить успеваемость студентов. В 1958 г. были открыты новые специальности как дневного, так и вечернего обучения, ранее не существовавшего. В институте были открыты 3 формы обучения: с отрывом от производства, без отрыва от производства, вечернее и заочное. Новые для коллектива института формы обучения потребовали серьезной перестройки работы всех кафедр, направленной на улучшение работы студентов-заочников [4, л. 2]. С конца 1950-х гг. наблюдался стремительный рост контингента вечерних и заочных отделений вузов Астрыбвтуза: в 1958 г. составлял – 775 человек, а в 1962 г. – 1263 [2, л. 21].

Таким образом, в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов вузовские преподаватели смогли значительно увеличить их количество за исследуемый период. Новые направления и задачи, поставленные государством перед производством, послужили стимулом для активизации молодежного трудового ресурса. Но нужно отметить, что реформы Н. С. Хрущева не принесли ожидаемых результатов. Вечернее и заочное обучение способствовало выпуску недостаточно подготовленных специалистов. Высшие учебные заведения, отдавая предпочтение производственникам при зачислении, не давали шанса в поступлении талантливым школьникам, в результате чего снижался общий уровень подготовки абитуриентов. Реформы Н. С. Хрущева в сфере высшего образования не принесли ожидаемых результатов и поэтому к 1976 г. были ликвидированы.

Список источников и литературы

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 17.
3. ГААО. Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 17.
4. ГААО. Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 18.
5. ГААО. Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 91.
6. ГААО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 583.
7. ГААО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 583.
8. ГААО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 422.
9. ГААО. Ф. Р. 2364. Оп. 1. Д. 422.
10. ГААО. Ф. Р. 1071. Оп. 5. Д. 48.
11. ГААО. Ф. Р. 2181. Оп. 1. Д. 577.
12. ГААО. Ф. Р. 2181. Оп. 2. Д. 5.
13. Коммунист. 1958. 30 июля.
14. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1986. Т. 9. 1956–1960.
15. О льготах для студентов вечерних и заочных средних специальных учебных заведений: постановление Совета Министров СССР, 2 июля 1959 г. // Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций. М., 1978. Ч. 1.
16. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-Пресс, 2002.

ДУХОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИЙСКОЙ КОЛОНИИ В АСТРАХАНИ В XVII–XVIII вв.

Мухина Инна Игоревна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Как уже известно, индийцы по приезде в Астрахань придерживались своих религиозных традиций. Изначально индийцы поклонялись силам природы: Богу Огня-Аши, Богу Грома-Индре, Солнцу-Сурье. Индийцы в Астрахани исповедовали языческую Браминскую религию. Религиями индийцев были буддизм и индуизм. Основателем индийской религии спасения считается принц Сиддхартха Гаутама (Будда) [9, с. 256]. Верили в переселение душ [5, с. 182]. Считали жизнь тюремным заключением. Смерть и переселение душ подобны состоянию зародыша и порогу истинной и необходимой человеческой жизни. Не привязывались к жизненным удовольствиям, соблюдали строгую уверенность в еде и питье.

Индусы имели собственные цели и мировоззренческие ценности, а именно:

- любовь – вера к божеству ведет к мудрости и истинному знанию;
- умение воспринимать явления и предметы таковыми, каковы они есть на самом деле – высшее благо по отношению, к которому все люди равны и царь ничем не лучше нищего;
- совет мудрости вечен и неуничтожим, он проникает всюду, пронизывает все сущие живые существа, предметы, явления природы, запредельные миры;
- свет – благодать Шивы, которым все упорядочивает и располагает, и который Шива являет лишь любящим его.

Спецификой вероисповедания индийцев является иррациональная любовь – вера, эмоциональная приверженность к Богу [1, с. 78–101].

В Астрахани был большой молитвенный храм (Такур Даура), похожий на их лавки только без скамьи. В нем стоял небольшой алтарь Бурхамы Рамани и Балемуконда в мужском виде Латие Мандии и Ситаманта у женщин. Перед идолами стояли жертвенные чашки с сарацинским пшеном, фруктами, сахаром и специями. Возле алтаря висели два маленьких колокольчика. Пол богини был покрыт коврами. Священнослужителем был Браминов по имени Гузанди, который отличался от них турецкой повязкой на голове в своем облачении и вел жизнь набожную, строгую, ограниченную и очень сложную.

Утро они проводили в святилище. Перед молитвой все мылись в бане, которая находилась рядом с божницей. Священник стоял босиком перед алтарем напротив него. Пономарь били колотушками в колокола, а Гузандий гремел в ручные колокольчики. Миряне у входа в храм, поклонилась алтарю, целовали ноги, садились с покрытыми головами перед алтарем, обращая внимание на идолов.

Гузандий тихо читал много молитв с благословением, которые тихо повторялись за ним и мирянами. В конце молитвы священник окроплял мирян святой водой, которая состояла из леденца, растворенного в воде, но некоторые утверждали, что это было из мочи красной коровы, каковых они уважали. Они верили, что краснорогий скот, прежде всего живописный, создан Богом, а потому в основном должен быть принесен в жертву Бурханам.

С большой торжественной молитвой Гузандий освятил немного воды и сахарцов, в которую он окунал одного из Бурханов, едущего верхом на осле с лампадами в руках. Затем он садился на пол и брал из моря сахар и воду, освящал со вздохом и молитвами, сопровождаемыми великим благоговением. В чем последовали за ним все мирян [3, с. 45].

Ритуальные песнопения основаны на традиционных шаблонных стереотипах, уходящих корнями в глубокую архаику. Они полностью или частично воспроизводят инвариантную схему культового поведения, но изначальная схема частично или полностью разрушена. Она входит в другую идеологическую систему.

К числу наиболее устойчивых структурных особенностей религии относится понятие любви-веры в почитаемое божество, украшенное различными ритуальными парадигмами, локальные версии которых изменялись в разные исторические периоды [1, с. 84–96].

Каждый год 4 октября отмечали праздник аскетичный Рандиил в честь благосостояния своего народа. К празднику индийцы убирали лавку, зажигали в ней восковые свечи и лампы, ничем

не торговали и целый день посвящали молитвам и угощениям добрых друзей. Хозяин сидел в своей лавке в лучшей одежде, рядом выкладывали его лучшие товары, а все его наличные высыпали перед ним, раскладывали торговые книжки ради просмотра всего остального его имущества. Показал благословение, дарованное им от богов, и с радостной благодарностью за это ответил. Их друзей и всех посетителей угощали кофе, чаем, напитками, приготовленной едой, фруктами и прочими вещами, а заодно и опрыскивали ароматными водами. В тот же день раздавали богатое подаяние [3, с. 154–186].

Давали обеты всякого рода весьма тяжелые: не жениться, быть затворником, странствовать в отдаленные места, много молиться, жить в нищете и прочее [3, с. 164].

Основные ритуалы (свадебные, похоронные и т. д.), несомненно, более древние, чем соответствующие соображения ведийских гимнов и формул [6, с. 96].

Значение церемонии наречения имени определялось хорошо известным у многих народов представлением об имени, как существующей части личности, его носителя и о влиянии племени на поведение и судьбу человека [4, с. 58].

Домашний ритуал – первая стрижка мальчика, первое бритье юноши и посвящение. Этот ритуал содержит стихи, относящиеся к браку и любви. Бритье головы в домашнем ритуале возникло под влиянием процедур шрауты – жертвоприношений. Я. Гонда отмечал, что домашние ритуалы могут иметь более древнее происхождение, чем шраута [12, с. 43].

Обряды посвящения и свадьбы в вероучениях индусов не только открывают новую стадию жизни человека в данной акираме. Особенно ясно это видно в ритуале посвящения (упанаяны). День посвящения и утро следующего дня содержат в обрядовой форме все элементы жизни ученика в доме учителя: облачение в одежду, подобающую ученику; собирание милостыни; омовение и прихлебывание воды; приветствие учителю-гуру; поддержание священного огня в доме гуру и т. д. Изложение в дхармасутрах обязанностей ученика является интерпретацией обрядовых действий, совершаемых вовремя упанаяны в последовательности, которая требуется ритуалом.

Находясь в доме, индийцы ежедневно совершали пять обязательных жертвоприношений: хома – жертвоприношение на огне для богов; тарпана – приношение пищи и воды предкам; бали – приношение духам остатков утренней и вечерней пищи у дверей дома; гостеприимство – жертвоприношение людям; чтение ведийских текстов – жертвоприношение Брахме.

Грех рассматривался как нечто материальное, род невидимой нечистоты. Грех считался опасным, поэтому с грешником опасно общаться, грех может быть стерт или смыт с тела водой.

Северную и восточную стороны света индийцы считали священными и счастливыми: южную (сторона, посвященная предкам, царство смерти) и западную (сторона заката) – предвещающими смерть и несчастье.

Светлая половина месяца, так же как утро и северный путь солнца, ассоциировалась прежде всего с рождением, началом; так же как вечер, темная половина месяца и южный путь долины солнца – с концом, смертью, миром, предков [8, с. 96–100].

Связь между жертвоприношением богам и относительными церемониями (санскарами) была чрезвычайно тесной и многосторонней. Жертвоприношения не только сопровождали основные действия санскар, были включены в санскары или напоминали их отдельными элементами. Само очищение личности в литературе смрити рассчитывается как жертвоприношение, оно имеет этнический и ритуальный смысл.

Санскары представляли последовательное очищение человека как жертвенного сосуда перед принесением последней жертвы (антьенити – похоронами). Там, где сожжение покойника рассматривалось как жертвоприношение, а тело в качестве материала жертвенной пищи – хавис. Неизбежно известные домашние обряды выделялись в качестве подготовительных процедур – санскар тела, подобных тем, которые совершались перед любым жертвоприношением – подметание земли, алтаря, подготовка жертвенных сосудов и т. д. [6, с. 160–165].

Когда они умирали, тела их предавали огню и отправляли в Индию. Прежде они и при жизни охотно туда возвращались, но теперь начали чувствовать цену личной свободы [2, с. 84]. Мертвецов своих сжигали вне города в сделанной печи, прах рассеивали по воде [5, с. 190].

Важнейшее значение имел образ потусторонней жизни. Смерть воспринималась как переход в иной мир, мало чем отличающийся от земного. Разгадывая неразрешенную тайну смерти, индийцы отождествляли себя с природой [9, с. 256].

Согласно индийским представлениям о переселении души, живые существа после смерти рождаются вновь в соответствии с тем, какая религиозная заслуга накоплена ими в данном существовании. В награду за добродетельную жизнь человек может родиться брахманом или богом, в наказание за порочную жизнь – свиньей, червем и т. д. [6, с. 116].

По верованиям индийцев, судьба души покойного во многом определяется временем наступления смерти. Лучшим временем считались день, светлая половина месяца (т. е. период возрастающей луны) и период северного пути солнца (прибавление дня). Благодаря свету, дню, солнцу, покойный попадал в мир богов к Солнцу, затем в мир Брахмы. Привязанный к земле мраком и ночью, покойный попадал в мир богов, к солнцу и затем в мир брахмы. Привязанный к земле мраком и ночью, покойный шел по пути предков на Луну и возвращался на землю в виде дождевых капель и затем рождался как рис, ячмень, деревья и т. д. Если человек умирал в светлой половине месяца, то совершалась только утренняя агнихотора, а если в темной половине, то приглашали специального жреца – адхварью, который совершал столько утренних и вечерних жертвоприношений, сколько оставалось дней до следующего новолуния, и затем еще и жертву по случаю новолуния [11, с. 69–75].

Обкладывание покойного частями жертвенного животного перед сожжением иногда расценивается как попытка переправить покойного в иной мир в облике животного [7, с. 188]. Цель обкладывания покойного частями жертвенного животного могла быть различной. Коровьи почки давали в руки покойному, чтобы умилостивить псов бога смерти Ямы, как об этом свидетельствует читаемая мантра.

В течение десяти дней после смерти совершалось жертвоприношение в честь покойного (пинда). Считалось, что благодаря этой пинде каждый день создается новая часть нового призрачного тела покойного – в первый день голова, затем глаза, уши, нос и т. д. (дашагатра). На десятый день призрачное тело считалось созданным. Но, по предупреждению «Шатапатха-брахмана», эту церемонию нельзя совершать слишком рано, во избежание оживления греха покойного.

Характерно, что все используемое в похоронных церемониях – подарки, дакшина, а также сами участники – должно быть старым, т. к. в мире предков все наоборот – старое становится новым [6, с. 125].

Покойного, которому не приносили жертвоприношения, называли «прета». Кроме того, претой называли состояние всякого покойного до его приобщения к предкам. Д. Р. Шастри доказывает, что верование в то, что дух покойного в начале находится в состоянии ярета и лишь в последствии приобщается к сонмну предков, представляет позднюю фазу развития заупокойного культа индийцев [6, с. 157].

Индийцы совершали приношения предкам (шраддху), которое состояло из ряда процедур: подготовительных церемоний, жертвоприношений богам, изгнания злых сил, вызывания предков, предложения воды для очищения перед угощением, возложение пинды и угощения, омовение после угощения, предложение предкам притираний и одежд, молитв, проводов предков, поклонения домашнему огню. Так же как жертвоприношение богам, она в основе представляла ритуал приема почетного гостя [6, с. 196].

Известно, что индусы имели в Астрахани свое кладбище, а в своем доме пагоду. Гулебохедт, бывший в Астрахани в 1828 г., посетил индусское кладбище, и заслал там факира, молившегося над могилою. В 1840-х гг. индусов было в Астрахани всего только десять человек.

Дом индийского общества стал собственностью города. Это единственный в центре города дом, который, не смотря ни на какие старания, где оказывается возможность содержать достаточно прилично в санитарном отношении [10, с. 89].

Религиозные верования у индийского населения сохранились после миграции в Астраханскую область для ведения торговли, в соответствии с древними традициями индийского народа.

Список источников и литературы

1. Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии / АН СССР; Ордена дружбы народов ин-т этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1986.

2. Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края / Н. И. Артемьев. Астрахань, 1896. Вып. 1.

3. Ватанина Л. И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Из фондов Российской Национальной библиотеки. Саранск, 2004.

4. Земелин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1930. Т. 9.

5. Описание всех обитающих в Российском Государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопримечательностях. СПб.: Императорская АН, 1799. Ч. 4.
6. Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М.: Высшая школа, 1990.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.,1996.
8. Романов В. Н., Вигасин А. А. Из наблюдений над композицией дхаршашастр. Древний Восток и античный мир. М., 1980. Вып. 2.
9. Хачатурян В. М. История мировых цивилизаций. М.: Дрофа, 2000.
10. Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1896.
11. Каланд В. Загробная жизнь и захоронения в древнеиндийской культуре. М., 1896
12. Гонда Дж. Изменения и преемственность в индийской религии. Л., 1963.

АСТРАХАНСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ СТРУКТУРЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX в.

Рослякова Ольга Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

С началом XX в. поступавшая из разных мест Российской империи информация со всей очевидностью свидетельствовала об обострении внутриполитической обстановки и, как следствие, неблагополучных тенденциях роста правонарушений. Из провинций все чаще стали приходить сведения об ухудшении социально-экономической обстановке, о росте преступлений, об ухудшении настроений.

Деятельность астраханской городской и уездной полиции по раскрытию преступлений и выявлению нарушителей на деле была сопряжена с определенными трудностями, связанными с малочисленностью служащих, ресурсным обеспечением и др. Судя по архивным документам методы и формы работы полиции по пресечению преступлений постоянно совершенствовались. Анализ полицейских отчетов, дает основание полагать, что особое внимание в деятельности служащих уездной полиции уделялось производству дознания. Они получили право самостоятельно проводить осмотр места происшествия. Становые могли напрямую связываться с земскими врачами для медицинского освидетельствования и с судебными властями, производившими следствие. Уездное полицейское управление оповещало о своих действиях исполнительных чиновников и редко вмешивалось в их деятельность при расследовании преступлений. Однако в предотвращении массовых беспорядков у астраханской полиции еще не было достаточного опыта. Так, 1903 г. на Казачьей улице между русскими и персами произошла массовая драка, в ходе которой два человека погибли и 20 были ранены. Полиции с большим трудом удалось подавить беспорядки [1]. В сентябре 1903 г. в Астрахани состоялась забастовка рабочих акционерного общества «Надежда» [2], губернские власти были вынуждены, для помощи полиции использовать казачество. Но через две недели с требованиями об увеличении заработной платы выступили рабочие пристаней Заячьего острова [3]. Астраханская полиция, как и многие полицейские структуры провинциальных городов, к таким выступлениям оказалась неготовой.

Однако в деле укрепления полиции на этом тревожном фоне заметных изменений не происходило. Принятые законы, касающиеся полиции предусматривали лишь простое увеличение ее численности и расходов на ее содержание. Такие методы были малоэффективны и порочны, тем более правительство не торопилось с выделением финансовых средств, а у городских властей их просто не хватало. Требовалось выработать универсальное решение проблемы. После обсуждения различных вариантов, в 1903 г. принимается закон об учреждении в 46 губерниях России полицейской стражи «для охраны благочиния, общего спокойствия и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции» [4]. Основной задачей стражи объявлялось пресечение различного рода эксцессов на местах, с тем, чтобы не отвлекать основные силы полиции. «Уездная полицейская стража, – говорилось в циркуляре Министерства внутренних дел от 12 февраля 1906 г. – есть, прежде всего, сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и

не отрывая последних от прямых обязанностей» [5]. Предпринимая такие шаги, власти пытались добиться стабилизации внутриполитической обстановки.

Но ежемесячные отчеты полиции не давали оснований говорить об улучшении обстановки в городах. Падение жизненного уровня, а затем и обнищания определенной части населения приводит к резкому росту преступности. К началу 1905 г., судя по документам, главным объектом преступления в регионе становиться собственность частных лиц. Из годового отчета Красноярского уездного исправника за 1903 г. следует, что на «вверенной ему территории было совершенно 154 уголовных преступления различной степени тяжести. Из них – 72 кражи, 5 грабежей, 12 случаев нанесения побоев и ран, 3 покушения на самоубийство, 19 поджогов и т. д. [6].

В период революционных событий 1905–1907 гг. возросло количество преступлений политического толка. 26 июля 1906 г. астраханский полицмейстер доносил министру внутренних дел П. А. Столыпину, что в районе 1-го участка г. Астрахани рабочие всех цехов в количестве 10000 человек решили устроить общую забастовку и не вышли на работу. Их поддержали рабочие акционерного общества «Кавказ и Меркурий». Во 2-м участке крупные магазины закрылись из-за опасения столкновения с бастующими. К 3-м участке работали только персы-грузчики, бросили работу часть бондарных заводов… В 5-м участке толпа человек в 300 подошла к пивному складу Вейнера и потребовала прекращение работы, но подоспевший наряд казаков разогнал ее нагайками [7].

Возросло количество преступлений в уездах Астраханской губернии иного характера. Большое количество полицейских документов свидетельствовали о распространении такого вида преступления как хулиганство. Данные о распространении такого вида преступления приходили изо всех уездов Астраханской губернии. Так, красноярский исправник доносил губернатору: «Красноярский уезд, где население состоит из речных и морских ловцов, дает тип особенно отчаянных и вместе с тем материально обеспеченных хулиганов» [8]. Отчеты полицейских стражников свидетельствуют о постоянных столкновениях полиции и работного люда и даже избиении полицейских. Немаловажной заботой астраханских полицейских была борьба с профессиональным нищенством, проституцией.

В феврале 1906 г. заведование строевой частью полицейской стражи было передано офицерам Отдельного корпуса жандармов. Начальники губернских жандармских управлений одновременно становились губернскими инспекторами полиции. Так обеспечивалось взаимодействие политической и общей полиции.

Накануне войны жандармское ведомство получило большую свободу, частично благодаря ослаблению Департамента полиции МВД, а отчасти это было результатом реформ В. Ф. Джунковского. Основная задача данного института – охрана государственного строя, борьба с его политическими противниками – оставалась прежней, но она приобрела новые стороны. Задачи, которые были поставлены перед жандармским управлением, были столь велики и многообразны, а численность личного состава столь незначительна, что по определению весь возложенный на него спектр обязанностей не мог быть выполнен качественно. Жандармерия являлась одновременно и политическим сыском, и контрразведкой, и военной полицией, и полицией нравов, железнодорожной полицией, в отдельных случаях должна была выполнять функции внутренних войск. Всё это осложнялось законодательно запутанной системой подчиненности территориальных органов политического сыска и нежеланием многих жандармских офицеров подчиняться каким-либо другим инстанциям, кроме Штаба Корпуса и Департамента полиции. На практике, охранные отделения подчинялись лишь Департаменту полиции МВД и губернаторам.

В период Первой мировой войны основная задача Астраханского жандармского управления – охрана государственного строя, борьба с его политическими противниками, составление списков подозрительных и политически неблагонадежных лиц, выявление подстрекателей, ведущих агитационную работу опасную для правительства – оставалась прежней, но она приобрела новые стороны. Жандармам особенно в начале войны, пришлось заниматься проблемами, которые имели отношение не к политическому противодействию, а в большей степени – к действиям общей полиции. Это касается соблюдения порядка во время призыва в армию, поиск выявление дезертиров и т. д.

После первых месяцев патриотического подъема настроение основной массы населения начало отражать военные тяготы и лишения. Сведения, получаемые от секретных сотрудников

управления, свидетельствовали о трудностях переживаемых населением. Агенты в своих донесениях старались отразить реальную картину, связанную с ухудшением материального положения населения. В первую очередь это касалось роста цен, отношение к самой войне, императору и неудачным решениям властей. Вскоре Департаментом полиции Министерства внутренних дел было принято решение отслеживать настроения населения и общую ситуацию в губерниях. В апреле 1915 г. было принято решение ряду жандармских управлений, среди которых было и Астраханское, «представлять один раз в два месяца сводные записки со сведениями о подобных процессах». Схема сбора материалов была организована традиционно. Один раз в месяц жандармские офицеры представляли рапорты, в которых отвечали на вопросы, интересовавшие вышестоящее руководство. Сведения они получали от полиции, местных должностных лиц, своих информаторов. В жандармское управление также регулярно поступали сведения от секретных агентов. После обобщения полученных данных отчеты за подписью начальника АГЖУ отправлялись в центральные органы. Судя по первому отчету, направленному в начале августа 1915 г., ситуация в губернии была напряженной, спокойствие достигалось, как отмечалось, за счет действий властных структур.

Продолжение войны ухудшало экономическое положение как в Астраханской губернии, так и во всей стране. С каждым месяцев ситуация становилась напряженной: ухудшаются условия жизни, главным образом из-за дороговизны. В одном из отчетов ГЖУ отмечалось, что «не так население боится войны, как надвигающейся с каждым днем дороговизны жизни. В этом отношении ровно ничего не сделано...». Люди смотрят на торговцев как на своих врагов, и нельзя исключать случаев потенциальных погромов. Сентябрь месяц 1915 г. ознаменовался беспорядками возле Сапожниковского моста [9]. В них принимало участие до 1000 человек. Были разгромлены и разграблены несколько торговых заведений.

Попытки нормативно регулировать цену продукции чаще всего не приносили результата. В документах архива приводятся факты, когда рыбаки привозили на рынок рыбу и узнавали, что власти установили на данный продукт фиксированную цену, то они просто выкидывали ее в воду [10].

В отчете за ноябрь – декабрь 1916 г. отмечалось, что в Астраханской губернии внешне все спокойно, но утомление войной становится заметным. В уездах при мобилизации будущих воинов о каком-либо патриотическом подъеме уже нет речи. Отмечалось, что организованная революционная деятельность практически не ведется. Отправка воинов, в т. ч. и по этой причине, происходила спокойно, без эксцессов, как это было, например, 8–9 сентября 1916 г. в Астрахани призываемыми на воинскую службу ратниками произведены погромы лавок, складов и магазинов, сопровождавшиеся нанесением оскорблений должностным лицам. В беспорядках, кроме призывников, приняли участие приехавшие из сел провожающие, а также горожане. Особого накала события достигли на Форпосте. И вновь участвовало более 1000 человек. Лишь к вечеру 9 сентября казаки и полиция с большим трудом восстановили на улицах города порядок. Свыше 200 активистов было задержано [11].

Местные власти явно не справлялись с ростом беспорядков. В сложных повседневных условиях, когда на городское и уездные полицейские управления возлагались многочисленные дополнительные функции, не связанные напрямую с их родом деятельности, это отвлекало полицию от решения ее непосредственных задач борьбы с преступностью. Срочно требовалось принятие мер по усилению полицейских структур.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 290. Оп. 4. Д. 435. Л. 1–3.
2. ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.
3. ГААО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–9.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 23, № 22996 (1903).
5. ПСЗРИ. Собр. 3, Т. 10, № 27380 (1906).
6. ГААО. Ф. 290. Оп. 3. Д. 2.
7. Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996. С. 264–266.
8. Памятные книжки Астраханской губернии за 1872–1916 гг.
9. Посещение Высочайшими особами Астраханского края. Астрахань, 1915. С. 16–17.
10. ГААО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 157. Л. 1–2.
11. ГААО. Ф. 290. Оп. 12. Д. 207. Л. 3–4.

ВОПРОС О ПЕРСИДСКОМ КЛАДБИЩЕ В АСТРАХАНИ В НАЧАЛЕ XIX в.

Пирова Рена Низамиевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства»,
г. Махачкала

К началу последнего десятилетия XVIII в. персидская диаспора Астрахани стала влиятельной экономической силой в старинном торговом городе. Кроме того, что персидские купцы из северных провинций Ирана и Закавказья стали практически монополистами в осуществлении внешней торговли по Волжско-Каспийскому пути, они составили достойную конкуренцию «природному российскому купечеству» и во внутренней городской торговле [6, с. 145].

Персидская купеческая община стала очень влиятельной, ведь от эффективности торговых отношений со странами и территориями Прикаспийского региона зависело развитие отечественной мануфактурной промышленности. Потоки импортируемого в Россию сырья и экспортируемых промышленных товаров пересекались в Астрахани, а таможенные пошлины вносили весомый вклад в государственную казну [7, с. 56].

Персидская община в Астрахани к 1790-м гг. прошла длительный путь формирования. Первые персидские купцы – «кызылбаши», по свидетельству источников, в городе появились со своими товарами практически сразу же после строительства русской крепости – Кремля, в конце XVI в. Затем в течение XVII – первой половины XVIII в. персы основали в городе несколько торговых колоний – гостиных дворов. Самыми значительными из них стал – собственно, Персидский и Гилянский. Некоторые персияне состояли и в Армянском гостином дворе. В рамках этих торговых компаний четко оформились границы расселения персидской общины в городе и сфера торговых интересов [5, с. 76].

Численно персидская астраханская община никогда не была большой. Согласно документам конца XVIII в., число постоянно проживавших в городе купцов персидского происхождения не превышало 10–15 человек, вступивших в постоянное, а чаще всего – временное первой и второй гильдий купечество, а привозивших к астраханскому порту товары и временно (от нескольких дней до нескольких месяцев) останавливавшихся в городе персидских торговцев в год могло быть 200–300 человек [3, л. 46].

Вполне естественно, что персияне, пребывая в Астрахани, рассчитывали на то, что в городе будут созданы условия для обеспечения своих религиозных нужд. Источники, относящиеся к XVII в., свидетельствуют о том, что при караван-сараях (гостиных дворах) «кызылбашей» были свои шиитские муллы и мечети. В 1819 г., на месте старой деревянной, в приходе Гилянского двора была построена каменная Черная мечеть. В 1860 г., опять таки, на месте разрушившейся старой деревянной была выстроена каменная Персидская мечеть. Обе они сохранились до наших дней. Таким образом, по крайней мере, две мечети в городе в конце 1700-х гг., были шиитскими [1].

С ростом торговых оборотов в Астрахани и увеличением числа персидских купцов в городе остро встал вопрос и о создании своего шиитского кладбища. В условиях этноконфессиональной замкнутости, персы не шли на сближение с местным мусульманским большинством – татарами-суннитами. Только при крайней необходимости хоронили на городском татарском кладбище в специально отведенном месте. Чаще всего старались вывезти тело покойного земляка на родину. Но в условиях жаркого климата и постоянной угрозы эпидемий инфекционных болезней, это было все затруднительнее год от года. Вопрос о создании кладбища встал на повестку дня в начале 1790-х гг.

В Астрахани действовал институт векильства, когда в каком-либо торговом городе в качестве оптового торговца выступал один, особо какой-либо доверенный купец, которому небогатые торговцы сообща доверяли свой капитал, непосредственно в торговле с Россией не участвуя. Доверенный купец закупал на всю сумму товары в Персии, затем отправлялся в Россию (либо вообще там проживал постоянно) и осуществлял от своего имени торговые операции. По возвращении на родину он отчитывался перед своими доверителями деньгами [2, с. 72].

В Астрахани такой векиль российскими властями назначался персидским старшиной (старостой). Он являлся посредником между официальными лицами и персидскими купцами, выступая от имени общины в любых ситуациях, в которых требовалось урегулировать отношения между двумя сторонами и т. д. В 1770-е – 1788 гг. таким векилем в Астрахани был купец Садык Казимов, который сделал многое для консолидации общины.

В сентябре 1794 г. в канцелярию губернатора поступило прошение «от живущих в городе Астрахани всего общества персиян». В документе говорилось, что «астраханский житель, персидский дворянин и астраханский купец 1 гильдии» Садык Казимов в ноябре 1788 г. в своем завещании «уступил» обществу «в стороне своего огорода, состоящего» за с. Три Протока Астраханского уезда, под персидское кладбище места «из числа своей крепостной земли, мерою в длину и в ширину по 50 сажен, в вечное и бесповоротное наше владение». Кладбище предполагалось для «похоронения мертвых тел местных, постоянно жительствующих в городе Астрахани, так и для приехавших персиян» [4, л. 19]. Далее из текста документа следует, что этот участок (площадью более 11,5 га) уже использовался как кладбище персидской общиной, по крайней мере, последние 25 лет, без всякого согласования с астраханскими властями и юридического закрепления разрешения на открытие кладбища. Что же побудило персидское купечество изменить сложившуюся и вроде бы вполне удовлетворительную для него ситуацию [4, л. 19об.]?

Оказалось, что против расширения территории кладбища, да и вообще против его существования, выступили юртовские татары – коренные жители с. Три Протока. С увеличением численности населения села 10 молодых семей получили по разделу участки и выстроили свои дома впритык к территории кладбища. С 1791 г. эти татары начали препятствовать захоронению персиянами покойных, перекрыв доступ к кладбищу и направив обращение директору Департамента Государственной экономии надворному советнику Г. И. фон Розингу. В своей жалобе татары писали, что от кладбища исходит неприятный запах, и они боятся распространения эпидемий. Фон Розинг разбираться подробно не стал и в апреле 1794 г. направил старосте с. Три Протока предписание о запрете хоронить на персидском кладбище [4, л. 20].

В своем прошении персияне утверждали, что жалобы татар надуманы и вызваны желанием последних захватить землю, отведенную под кладбище. Кроме того, земля занятая под кладбище была частной собственностью купца С. Казимова и в качестве таковой была завещана персидскому купеческому обществу. Не являясь государственной собственностью, эта земля не может быть объектом притязания татар из с. Три Протока. Персидские же купцы вольны распоряжаться ею по своему разумению, в т. ч. и использовать под кладбище [4, л. 21].

Купцы настаивали, что ни на какой другой участок под кладбище, если он даже будет предоставлен властями, они не согласятся, т. к. за последние 25 лет на кладбище были захоронены «знатные по их обыкновению люди». Если кладбище будет закрыто, то персияне «принуждены будут вывозить усопших в свое отечество». И в качестве примера приводили незахороненное уже в течении двух недель (из-за противодействия татар) тело купца из Исфахана, которое неизвестно когда будет отправлено на родину [4, л. 22].

Дело, в итоге, рассматривалось в Кавказском наместническом правлении, куда были представлены жалобы и персидских купцов и юртовских татар, два рапорта астраханского городничего А. В. Сумбатова, а также ордер И. В. Гудовича на имя астраханского губернатора П. М. Скаржинского с предписанием провести расследование по данному делу [4, л. 23].

Расследование показало, что земля действительно была куплена персидским купцом-фабрикантом Садыком Казимовым у юртовского татарина, жителя с. Три Протока Бутая Курбаналиева в 1762 г. В 1788 г., после кончины купца, было передано персидскому купеческому обществу по его завещанию в качестве земли под кладбище.

Еще одно нарушение, обнаруженное в ходе следствия: кладбище располагалось всего лишь в 10 саженях от домов татар с. Три Протока, что противоречило существовавшим в то время санитарно-гигиеническим правилам. И понятно, что проще закрыть кладбище, чем переносить целое селение. В итоге, 31 декабря 1794 г. кавказский наместник «запретил персиянам на означенном кладбище погребать мертвых, а отвести им под кладбище другое удобное, отделенное от селений место» [4, л. 23об.].

Но персидская община была очень влиятельна в конце XVIII в. Помимо экономической роли, персы-торговцы выполняли еще и роль агентов политического влияния в прикаспийских государствах и территориях, что в контексте развития геополитических планов России в регионе, существенно повышало их статус в глазах российского правительства. Поэтому, когда в феврале 1796 г. персы вновь обратились к астраханскому губернатору с вопросом о необходимости открытия на время законсервированного для захоронений кладбища близ с. Три Протока, дело вновь было рассмотрено по существу. Купцы нашли влиятельных защитников в высших эшелонах имперской власти.

В результате, губернское правление, по рекомендации из Санкт-Петербурга, приходит к решению «доставить персам полную и скорую справедливость, возвратить им вышеозначенное место немедленно». Дабы впредь «не последовало им, персиянам, какого либо притеснения, то нужно сделать предписание нижнему Земскому суду, чтобы оный объявил подле того места татарам с подпискою, чтобы они не столько что предоставили кладбище персиянам, но и домы свои, по пришествию в ветхость отнесли от оного далее» [4, л. 24].

Таким образом, персидская община в Астрахани к началу XIX в. окончательно решила вопрос о персидском кладбище в регионе. Данное дело свидетельствует о том, что персидское купечество во второй половине XVIII в. основали в городе одну из самых стабильных торговых корпораций и имели далеко идущие планы на развитие своей роли в торговых отношениях между Россией и странами Прикаспия через Астрахань. Это отвечало и интересам российского правительства, которое даже в сомнительном, с точки зрения российского гражданского законодательства, деле предпочло проигнорировать интересы своих подданных (юртовских татар) и встать на защиту требований персидской купеческой общины.

Список источников и литературы

1. Астраханский справочный листок. 22 октября 1866. № 178.
2. Бакулин Ф. И. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875. 124 с.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1070.
4. ГААО. Ф. 476. Оп. 1 Д. 593.
5. Гусарова Е. В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVII–XVIII вв. По документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-история, 2009. 492 с.
6. Имашева М. М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века. Саратов: Саратовский гос. аграр. ун-т им. Н. И. Вавилова, 2010.
7. Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. 178 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИКАСПИЯ[3]

Романова Анна Петровна,
доктор философских наук, профессор,
директор Института исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Топчиев Михаил Сергеевич,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник
лаборатории по исследованию динамики социально-политических и культурных
проблем региона Нижнего Поволжья и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Постсоветское пространство Каспийского бассейна претерпело значительные изменения, прежде всего, политически. Формирование отдельных независимых государств из бывших республик СССР изменило характер коллективной идентичности населения данной территории. Изменения произошли в сфере политической и национальной идентичности. Формирование новой государственности заменило предыдущую коллективную советскую идентичность на внутригосударственные и одновременно этнические, принадлежащие доминирующему этносу (казахская, азербайджанская, туркменская). Определенные изменения претерпела и религиозная идентичность. Под религиозной идентичностью традиционно понимается либо «категория религиозного сознания**,** содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными» [5, с. 863], либо «форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религии…» [3, с. 223].

Осознание принадлежности к определенной религии, принятие ее ценностей и догм является важной частью, в т. ч. и этнической самоидентификации, часто определяет и цивилизацион-

[3] Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования пострансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

ную, и политическую идентичности. Наряду с этнической идентичностью, религиозная считалась самой устойчивой, поскольку традиционно формировалась с рождения человека его семейной средой, базовой религией государства или сообщества. Однако динамика современного глобализационного общества подвергает трансгрессии в т. ч. и религиозные верования и переживания, и соответственно, религиозную идентичность.

Философское понимание трансгрессии в духе постмодернистов Ж. Батая, М. Бланшо, М. Фуко, Ж. Деррида и др., достаточно размыто и метафизично, оно более усложняет, нежели проясняет ситуацию. В понимании Ж. Батая феномен трансгрессии – это «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [1]. Если выделить основной операциональный посыл категории трансгрессии – это «выход за пределы», «это жест, который обращен на предел… Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия» [8]. Тем самым любая трансгрессия, это не просто выход за пределы своей обыденности, это переход за определённые пределы традиционных норм. В современном обществе человек в определенной мере самостоятельно вырабатывает свою собственную индивидуальную картину мира, поскольку ему приходится существовать в условиях кризиса традиционного типа мировоззренческой идентичности, когда «общей главенствующей тенденцией является все возрастающая самостоятельность религиозно конституируемой субъективности, ее самообоснованность, ее все более слабая привязанность к традиционному содержанию откровения» [6, с. 406]. Итак, религиозная трансгрессия представляет собой переступание религиозных запретов, призванных отделить человека от его погруженности в веру, радикальное преодоление запретов религии. В основе кардинальных изменений религиозной идентичности часто лежит религиозная трансгрессия. Она может выразиться в формировании новой, более жесткой религиозной идентичности (например, воцерковление), так и в переходе в иную конфессию, и в становлении персональной внутренней религиозности в рамках современных нетрадиционных или виртуальных культов.

Естественно, что факты трансгрессии имели место и в историческом прошлом, такие как насильственное обращение в христианство, ислам, или принятие той или иной религии под давлением обстоятельств (переход из иудаизма в христианство в Европе) и т. д. Насильственное принятие чужой религии не всегда сопровождалось полным исчезновением старой идентичности. Элементы прошлой оставались бек-фоном новой. В современном глобализированом обществе эти процессы могут проходить менее травматично и более свободно, у взрослого человека гипотетически есть выбор, как среди традиционных конфессий, так и огромного количества постоянно умножающихся нетрадиционных культов.

В Каспийском регионе в постсоветский период трансформация религиозной идентичности происходила и происходит в нескольких направлениях. Во-первых, в постсоветский период изменилось отношение к традиционным религиям. Если в эпоху государственного атеизма религиозная идентичность занимала периферийное место в совокупности личностных идентичностей (ее если не скрывали, то не афишировали), а в национальной идентичности религиозная компонента практически не доминировала и не присутствовала, то в постперестроечный период православие становится общероссийским национальным брендом, ислам и буддизм выходят на уровень одной из традиционных религий. И в настоящее время культуру того или иного социального институционального образования мы часто определяем по доминирующей религии. Именно в постперестроечный период появляются мусульманские и буддийские регионы. Идентичность населения российского постсоветского Прикаспия из преимущественно атеистической превращается в преимущественно религиозную.

Во-вторых, именно в постсоветское время начинаются активные миграционные процессы, внутреннего и внешнего характера. Это влечет за собой трансформацию конфессионального ландшафта, а соответственно и изменение характера доминирующей религиозной идентичности жителей Прикаспия. Основу Прикаспийского конфессионального ландшафта представляют три мировых религии: христианство (православие) – преимущественно Астрахань, в небольшом процентном соотношении в Калмыкии и Дагестане, ислам преимущественно суннитского толка в Дагестане и Астраханской области и точечно в Калмыкии. Буддизм – преимущественно в Калмыкии и точечно в Астраханской области. Остальные четыре каспийских государства условно можно обозначить как мусульманские.

Изменения конфессионального ландшафта повлияли и на поле религиозной идентичности и на ее характер. Поскольку религиозная идентичность в восточных странах (преимущественно исламских) становится определяющей в системе идентичностей, она может становится доминирующей и играть важную роль в формировании бинарной оппозиции «Свой – Чужой». Доминирующей религиозной идентичностью на постсоветском пространстве Прикаспия является мусульманская идентичность. Это во многом связано и с миграционными процессами. Каспийский регион характерен прежде всего внутренними миграциям различного характера. В постсоветское время в этом культурно-религиозном ландшафте отдельно можно выделить внутрироссийскую вынужденную миграцию, связанную с чеченскими войнами. На каспийском пространстве основную волну миграции приняла на себя Астраханская область, причем это были как русское население Кавказских республик (христиане), так и мусульмане. Мигранты с Кавказа до сих пор являются основным притоком внутренней миграции на постсоветском Прикаспийском пространстве. Используя данные переписи населения можно выстроить следующую экспоненту: 1979 г. – 1,19 %, 2010 г. – 4,53 %. Неофициальные же данные могут превышать официальные цифры в несколько раз – это 60–80 тыс. человек, большинство из которых выходцы с Кавказа [2].

Международные миграционные потоки представляют собой прежде всего трудовую миграцию и это преимущественно страны Прикаспия и центральной Азии. Так, например, в 2014 г. это были преимущественно граждане республик ближнего зарубежья: Узбекистана, Украины, Азербайджана, причем 13,7 % зарубежных граждан осело в этом же году в Астраханской области на постоянное место жительства. [4]. Еще один важный миграционный поток, меняющий характер доминирующей религиозной идентичности, прежде всего в Астраханском, преимущественно христианском регионе, – это образовательная миграция. Согласно данным Министерства образования Астраханской области наибольшие потоки опять идут из преимущественно мусульманских регионов – Дагестана, Чечни, Ингушетии. [7, с. 17]. В последние два года активизировались образовательные обменные процессы с Туркменистаном, что увеличило число туркменской молодежи на улицах города. Только в Астраханском государственном университете на 2018 г. их насчитывается более 1300 человек. Таким образом, мы видим, что в постсоветское время для Прикаспийского региона ярко выраженная религиозная идентичность становится доминирующей в ее исламском варианте, что необходимо учитывать при анализе уровня социетальной и конфессиональной безопасности региона.

Список источников и литературы

1. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: http://vispir.narod.ru/bataj2.htm.

2. Зелетдинова Э. А. Плюсы и минусы миграции: особенности развития региональных социально-экономических процессов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2014.

3. Крылов А. Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, доп. и перераб. М.: ИКАР, 2014.

4. О миграционной ситуации в Астраханской области. URL: http://astrastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/astrastat/resources/48fa028048217ff9a8e2aced3bc4492f/О миграционной ситуации в Астраханской области.pdf.

5. Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006.

6. Религия и общество: хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект Пресс, 1996. 775 с.

7. Романова А. П., Топчиев М. С., Холова Л. Внутренняя миграция через призму образов «Свой-Чужой» на Юге России // Вестник Ереванского университета: Социология, экономика. 2018. № 1. С. 14–22.

8. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С. Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 110–132.

ИСТОРИЯ ТАТАРСКОГО СЕЛА НОВЫЕ БУЛГАРЫ

Сиражетдинов Шамиль Курбангалиевич,
краевед,
с. Новые Булгары, Астраханская обл.

Возникновение переселенческого села казанских татар Новые Булгары в Икрянинской волости в Астраханской губернии в 1918 г. связано с переломным моментов в жизни государства – установлением советской власти, в т. ч. в Астраханском крае, и сменой социального строя.

Несмотря на начавшуюся гражданскую войну, обучение детей было организовано уже через несколько месяцев после основания села. Так как здания школы в селе еще не было, то учитель Абдрахман Баширов учил детей в собственном доме. И это не случайно, т. к. татары издревле придавали этому большое значение. Об этом же свидетельствует и легенда, услышанная нами от старожила Равии Япаровой: «Папа рассказывал мне, что в стародавние времена было много драконов (аждаха). Они, губившие целые деревни, были с тремя, шестью, девятью и двенадцатью головами. Дошло до того, что татар осталось совсем мало, а детей им приходилось учить в дуплах деревьев. Наконец, вышли несколько батыров, два или три, не больше, и дали бой многоголовым змеям. Чудовища были истреблены, и население стало умножаться».

Новобулгаринцам в засушливом климате пришлось сменить вид трудовой деятельности. Они освоили поливное земледелие, чему способствовало расположение села на одном из островков дельты Волги. Для этого им пришлось использовать древний оросительный механизм чигирь (чигирь: тат. чыгыр – «ролик, колесо») – механизм для поднятия воды с ильменя на склоны бугров, на которых выращивали преимущественно арбузы и дыню. В низовьях Волги чигирь известен с VIII–X вв. Обрабатывали в селе и не требующую орошения плодородную влажную почву перегороженных ильменей. Этот способ мы назвали бы водяным паром, т. к. ильмень через два года затапливался вновь.

Поливать небольшой огород при помощи громоздкого и дорогого чигиря, приводимого в движение при помощи лошади или верблюда, было невыгодно, поэтому в половодье он орошался посредством канала из реки. Из-за того, что вода в реке начинала спадать уже в июне, то выращивали в огородах просо и тыкву.

Еще одной особенностью дельты было обилие в ней рыбы. Новобулгаринцы освоили продовольственный лов сазана на плетеное орудие *котец*. Научились они ловить на сети не только частик, но и красную рыбу.

По свидетельству нынешних старожилов, село в голодные годы выживало за счет тыквы, проса и рыбы, из-за чего наблюдался наплыв населения из других татарских сел и Астрахани. Село благожелательно принимало не только татар, но также казахов и русских. С начала 1920-х гг. мы жили в разноэтнической среде. П. Ф. Варламов на вопрос родственников, как ему живется среди татар, ответил, что лучше не может быть, т. к. его семья, переехавшая в село из старообрядческого села, была встречена голодной весной 1934 г. одним из местных с подарком – огромной тыквой.

Были в истории села и артельная форма обработки земли, и высшая ее форма колхоз, во многом насильственный. В селе были раскулаченные и высланные семьи. Несколько середняков, в т. ч. и дед автора, бежали в Баку.

Со временем люди приспособилось к новой форме организации труда. Перед войной колхоз стал миллионером и дважды участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Миллионером был колхоз и в 1950–1970-х гг.

Война стала тяжелым испытанием. Старики, женщины и дети, заменившие мужчин, делали для фронта и победы все, что было в их силах. Известно, что житель нашего села Рашит Узбеков бомбил рейхстаг, а молодой матрос бронекатера Фарит Фралиев охранял участников Потсдамской конференции. Из призванных на фронт 166 человек, не вернулись 66. Но они, как и выжившие воины, и работавшие в тылу, были победителями.

Экономика страны была восстановлена ценой огромных усилий. Был построен первый в мире атомоход «Ленин», затем и «Союз», механиком на которых работал житель села Камиль Халитов, о чем писала областная газета «Волга».

Жители бережно хранили историческое наследие предков. Первый в селе древний аграрный праздник *Сабантуй* был проведен в 1923 г. Прерванная традиция была восстановлена нами в селе в 1959 и 1988 гг. Татарским обществом «Дуслык», в следующем, 1989 г., по нашему примеру был проведен и первый *областной Сабантуй*.

Живы в селе и магические обряды. В Астраханский край казанцы привезли и не только традицию проведения Сабантуя, но и обряд вызова дождя. Проводился он в селе даже в 1970-х гг.

Сохраняются музыкальная культура и фольклор. Ни одно общественное мероприятие не обходится без национальных танцев, исполнения песен и татарских такмаков (коротких песен подобных русским частушкам). Старожилы хранят в своей памяти не только куплеты и старинные песни, мунаджаты, но сами сочиняют баиты.

Заметно взаимовлияние трех культур – татарского, казахского и русского народов. От жителей сел Башмаковка, Яксатово и Карагали татары переняли саратовскую гармонь *саз*, бубен *кабал*, а также некоторые слова и термины; от казахов восприняли способы содержания животных, элементы языка, пословицы и поговорки, от русских – язык и письменность.

Жители с. Новые Булгары, казахи и некоторые русские, в совершенстве владеют татарской речью, поют песни и частушки, а все татары понимают казахскую речь, в совершенстве владеют русским языком, поют песни. Активно используются в селе татарские, казахские и русские пословицы и поговорки. Влияние татарской культуры на казахов и русских заметно и в кулинарии.

В 1990-х – 2000-х гг. село испытало последствия еще одной смены социального строя. Банкротство местного колхоза, отсутствие работы усилили миграционные процессы. Молодежь стала покидать село. Опустевшие дома приобрели представители других национальностей, которые не имеют пока с местными жителями тесных родственных, соседских отношений, еще не знакомы с историей и культурой села. Начался сложный процесс формирования населения, выстраивания взаимоотношений между представителями полутора десятка национальностей.

В мае 2018 г. село отмечало столетний юбилей своего существования. Подготовка к нему началась в 2014 г. В 2015 г. был сооружен новые памятник павшим фронтовикам, в 2017 г. была издана книга «Очерки по истории села Новые Булгары». В юбилейный, 2018 г., опубликована пьеса нашего земляки Галимова Шакира «Золотой браслет», написанная перед войной на основе преданий, сохранившихся в ногайских селах со времен Астраханского ханства. 30 апреля того же года проведена научно-практическая конференция на тему «История и этнокультурный облик астраханских татар». По ее окончании на суд ученых, жителей села и гостей был представлен видеофильм «Село Новые Булгары: 100 лет истории».

На следующий день был проведен Сабантуй. К этой дате были оформлены полтора десятка стендов, в которых отражены история и культура села. В ноябре этого года силами педагогического коллектива средней школы было проведено еще одно масштабное мероприятие – празднование 100-летия школы.

Село стоит на пороге нового столетия. Каким оно будет? Надеемся, что лучшее еще впереди.

Список источников и литературы

1. Сиражетдинов Ш. К. Очерки по истории села Новые Булгары: Посвящается 100-летию села Новые Булгары. Астрахань: Волга, 2017. 354 с.

ТРАДИЦИОННЫЙ РУССКИЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ЖИТЕЛЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Солельщикова Светлана Николаевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Свадебные обряды, традиции и ритуалы различных народов России до сих пор вызывают огромный интерес исследователей. Несмотря на значительный массив исследований по данной проблематике, русский свадебный обряд и его этнографические особенности остаются не до конца изученными.

Территория Нижнего Поволжья является особой в историко-экономическом и этнографическом плане развития, здесь переплелись ритуалы и обычаи многих народов, населявших эти земли. Традиции семейно-бытовых праздников формировались здесь длительное время, и на них оказывалось влияние как со стороны славянских, так и со стороны тюркских народов. Свадебный обряд русского населения сел Нижнего Поволжья имеет глубокие исторические корни и состоит из несколько этапов.

Началом подготовительного этапа к свадебному торжеству являлось сватовство. За несколько дней до сватовства дом будущей невесты посещала сваха. По приходу в дом она садилась под «матку». В разных селах «маткой» называли различные места в доме. Так, в с. Рассвет (бывш. с. Дурное) «матка» – это место рядом с иконой, с. Барановка – место рядом с печью [4].

На второй день после сговора совершался обряд «Богомолье», предполагавший вручение невесте икон, которые затем вместе с приданым увозили в дом жениха, именно с этого момента невеста считается просватанной. На богомолье собирались ближайшие родственники жениха и невесты. И именно в этот день родственники жениха и невесты сговаривались о дате свадьбы – венчания. Некоторые источники говорят о том, что уже во время богомолья невеста должна была плакать, и даже «реветь в голос».

После «Богомолья» невеста с подругами начинала готовиться к предстоящему событию: шила рубаху жениху, подруги пели песни и могли заночевать в доме невесты. В дом невесты разрешалось приходить и жениху, который приносил сладости, пироги, угощал невесту и ее подруг.

Перед венчанием из дома невесты перевозили приданое, в доме жениха подготавливали постель, этим занимались «постельные свахи», которые особым обрядом укладывали перины и подушки. В этот же вечер невесту готовили к венчанию, водили в баню, заплетали косу. Невеста должна была плакать и причитать, она и подруги пели грустные песни – «плачи» и «причитания».

М. В. Хохлачева указывает, что «важнейшую роль в свадебном обряде играют причитания, которые отражают глубинную сущность образа невесты, ее эмоционально-психологическое состояние» [3].

В день венчания жених приезжал и «выкупал» невесту – это этап, который сопровождался песнями и шутками. После «выкупа» свадебный поезд отправлялся в церковь, где и происходило таинство венчания. Однако перед отъездом к венцу особый этап составляли песни-«плачи» невесты.

Свадебный плач – это особый ритуал, связанный с прощанием невесты с родными, в нем она обращается к присутствующим гостям, к отцу, матери и подругам, прощается с родным домом перед отъездом к венцу. Этнограф А. Н. Минх характеризовал свадебный плач следующим образом: «Выпь состоит из причитаний на распеве, диким и протяжным голосом. Если невеста вопит с чувством, то многие женщины начинают плакать и, приходя в восторг, обнимают невесту и, в свою очередь, вторят ей – тут хоть святых вон неси! Вопящия выводят взапуски такия рулады, что мороз по коже подирает – на ту музыку собираются поглазеть и послушать молодые парни и мальчишки» [5].

После венчания молодых отвозили в дом жениха, в котором и происходило основное празднование. По традиции, в селах Нижнего Поволжья у дома жениха и невесты ставили «шатры». Первый день празднования свадьбы проходил в шатре жениха, а второй день или «вторые столы» были в невестином шатре.

В шатер жениха после приезда молодых собиралась молодежь, которую угощали, парни и девушки пели песни и танцевали, но около 10 ч вечера молодежь покидала шатер, вместо них приходили «гордЫе». «ГордЫми» в селах Нижнего Поволжья называли семейные пары – родственников жениха и невесты, которые могли веселиться на свадьбе до раннего утра.

Невесту с женихом уводили спать в 12 ч ночи, сопровождали их постельные свахи, которые и укладывали молодых. Утром именно они и будили молодых.

На второй день жених с невестой и шафер жениха ходили по селу и приглашали гостей: «Приходите на вторые столы». Второй день проходил в шатре невесты, там также пели песни, угощались, танцевали.

В третий день свадьбы традиционно «хоронили концы» – по обычаю молодые сажали дерево как символ рождения новой семьи.

Все этапы свадьбы сопровождались особыми песнями. Ритуальные песни органично вплетались в ход свадьбы, создавали праздничную атмосферу, придавали особую важность происходящему. Они исполнялись в начале важных этапов свадебного обряда и помогали сохранению его структуры: подсказывали время отправления к венцу, сообщали о приезде молодых к дому жениха, вызывали родителей жениха встретить молодых, приглашали к свадебному столу гостей, извещали о конце свадебного гуляния.

Сегодня в российском обществе возрождаются забытые традиции старины, используется народный опыт, создавая новые формы семейных обрядов. Это связано с функциональными особенностями жанров фольклора, с глубокой духовностью и мудростью народного творчества, с непрерывностью процесса передачи национальной культуры из поколения в поколение. На современном этапе национального возрождения необходимо вернуться к тому, что было достигнуто нашими предками, бережно сохранять историю, культуру, быт, уклад жизни народа, передавать народные традиции следующим поколениям.

Список источников и литературы

1. Ананичева Т., Суханова Л. Песенные традиции Поволжья. М.: Музыка, 1991. 176 с.
2. Минх А. Н. Свадебные обряды крестьян с. Колено Саратовской губернии // Русские волости. 1873. № 75.
3. Хохлачева М. В. К вопросу о культуре свадебного плача в Саратовском Поволжье // История, теория и практика фольклора. Саратов, 2013. 370 с.
4. Шишкина Е. М. Астраханские ловцы в своих песнях, обрядах, сказаниях, легендах. Астрахань: Полиграфком, 2012. Т. 1. 228 с.
5. Шишкина Е. М. Музыка свадьбы нижнего Поволжья. М., 1989. 199 с.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ АСТРАХАНСКИХ АЗЕРБАЙДЖАНЦЕВ

Сызранов Андрей Вячеславович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Азербайджанцы появились в русской Астрахани, вероятно, вместе с персами в XVII–XVIII вв. В источниках того времени их обозначали как «аджеми», «кызылбаши», иногда «персы» (часто в русских и иностранных источниках этноним «персы» носил обобщающий характер, обозначая всех выходцев из Персидской державы, в т. ч. и азербайджанцев), позже – «татары» (например, «шемахинские татары»).

О торговцах из Персии в русской Астрахани почти сразу после её основания в 1558 г. сообщают Энтони Дженкинсон (1558 г.) [10, с. 47], Кристофер Бэрроу (1579 г.) [11, с. 153], Дон Хуан Персидский (1599 г.) [11, с. 176], Адам Олеарий-Эльшлегер (1636 г.) [10, с. 69]. Желая облегчить задачу контроля над восточными купцами, местные власти отвели для приезжих торговцев особые места. Так, видимо в конце XVI в. или в первой четверти XVII в. возникли первые астраханские гостиные дворы: Гилянский и Бухарский [8, с. 160]. На Гилянском дворе останавливались купцы из Ирана и Закавказья, в т. ч. и этнические азербайджанцы. К 1616 г. относится упоминание деревянной мечети на Гилянском дворе г. Астрахани. Она была поставлена для шиитов [9, с. 202].

Основные товары, ввозимые из Персии в Россию, были: шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелк-сырец, хлопок, ковры, драгоценные камни и жемчуг, конское снаряжение и оружие. В свою очередь, из Российского государства в Персию вывозились кожи, меха, железные изделия (ножи, топоры, пилы, гвозди), воск, моржовая кость, слюда, масло, сало [1, с. 80–81].

Издание в 1667 г. Новоторгового устава способствовало превращению Астрахани в центр русско-восточной торговли. В 1673 г. в Земляном городе по инициативе властей были устроены Гилян-

ская, Бухарская и Агрыжанская торговые слободы, а в 1681 г. правительство разрешило индийцам, персам, бухарцам селиться в Астрахани на постоянное место жительства [8, с. 163, 165].

Большинство азербайджанцев издревле придерживалось ислама шиитского направления (хотя среди них немало и суннитов – преимущественно, выходцев из Северного Азербайджана). Шииты, или «аш-шиа» (араб. «приверженцы», «партия»), – общее название различных группировок и общин, признавших последнего «праведного» халифа Али ибн Аби Талиба (656–661 гг. правления) и его потомков-алидов единственно законными наследниками и духовными преемниками пророка Мухаммада. Вскоре после смерти Мухаммада часть его сподвижников выступила за преемство Али, за сохранение верховной власти в «семье Пророка». В ходе борьбы за власть в начале второй половины VII в. образовалась религиозно-политическая группировка «аш-шиа» сторонников передачи верховной власти Али как ближайшему родственнику и духовному преемнику Мухаммада. Эта группировка явилась ядром движения, которое нарушило первоначальное религиозное единство мусульманской общины и позднее привело к разделению на две основные части – суннитов и шиитов. По своему значению этот раскол вышел за рамки династийного соперничества за власть внутри Арабского халифата, оказав огромное влияние на судьбу мусульманского мира.

Вообще, начало проникновения ислама на территорию современного Азербайджана относится к периоду первых арабских завоеваний в VII в. [15, с. 164]. Ислам в достаточно короткий срок перешел пределы Аравийского полуострова и утвердился в качестве идеологии обширного государства, названного халифатом, превратившись в основу мировоззрения, социальной психологии и образа жизни многих народов, определив принципы их поведения, этики, эстетических воззрений. После завоевания Ирака и Ирана, начинается вторжение войск халифата на Кавказ. Продвижение арабской армии шло с юга на север. Перемещаясь по берегу Каспийского моря и завоевав Дербент, арабы в ожесточенной борьбе с Византией и Хазарским каганатом в течение VII–VIII вв. полностью закрепились в Южном и Северном Азербайджане. Особое распространение в Азербайджане получил шиизм еще во времена династии Аббасидов с середины VII в., когда в провинции халифата, в частности в Иран и Азербайджан, стали стекаться преследуемые властями шииты.

У астраханских шиитов была своя каменная мечеть, которая была построена в 1860 г. и называлась Персидская. Основными прихожанами были, конечно, персы, но не вызывает сомнений, что мечеть посещали и азербайджанцы-шииты. Мечеть представляла собой здание кубической формы с полусферическим куполом и четырьмя минаретами по углам. Вначале мечеть имела деревянную ограду и деревянные ворота в виде арки. Затем была построена каменная ограда. Астраханский краевед А. Н. Штылько писал: «Это довольно красивое и не старое… здание с минаретами. Внутренность его оригинальна, но не изящна, плохо украшена. Коридоры темные, мрачные, низкие». Мечеть управлялась особым советом. Желающим посетить персидскую мечеть ради любопытства рекомендовалось вначале переговорить с муллою, членами совета или, в крайнем случае, с персидским консулом, а также соблюдать все правила поведения в мечети [14, с. 74].

В 1939 г. Персидская мечеть была закрыта. Её помещение было передано под цех швейной фабрики [6, л. 2]. Главный объем бывшей мечети сохранился до нашего времени и располагается на улице Кирова, 40. Здание сильно подпорчено перестройками. Так, сейчас отсутствуют завершавшие его восьмерик и четыре башенки-минареты по углам. Пилястры, рустовка на фасадах, несомненно, взяты из арсенала позднего классицизма. Дугообразные тяги, образующие стрельчатую арку наличника окна, или боковые галереи в интерьере – явно отголоски традиционных форм мусульманской культовой архитектуры.

Важным элементом религиозных структур повседневности астраханских азербайджанцев были годовые праздники мусульманского календаря – праздник жертвоприношения (Курбан-байрам) и праздник разговения (Ораза-байрам), соблюдение мусульманских пищевых запретов. В соответствии с мусульманскими нормами совершали обряды жизненного цикла, в частности, бракосочетание и похороны.

Вместе с персами азербайджанцы отмечали в Астрахани особый «поминальный праздник» Ашура (от араб. ашура – «десятидневие»), или, как его называли астраханцы, Шахсей-Вахсей (производное от характерных возгласов участников «Шах Хусейн! Вай Хусейн!»). Ашура – главная дата шиитского религиозного календаря, дни поминовения и траурных мистериальных торжеств в память об имаме ал-Хусайне ибн Али, сыне четвертого «праведного» халифа Али ибн Абу Талиба. Хусайн, главный шиитский мученик, был убит, согласно мусульманскому летосчислению, 10 мухар-

рама 61 г. хиджры (10 октября 680 г. н. э.) в столкновении с войсками халифа Йазида близ Кербелы. В течение первых десяти дней месяца мухаррам устраиваются мистерии, инсценирующие историю гибели Хусайна, торжественные чтения сказаний о нем, а 10 мухаррама происходит шествие-плач по Хусайну, сопровождающееся кровавыми самоистязаниями участников процессии.

Ашура в Астрахани отмечалась местными шиитами ежегодно. Пожалуй, первое упоминание об этом событии в нашем городе оставил польский писатель и путешественник Ян Потоцкий (1761–1815 гг.), побывавший здесь в 1797 г. Он пишет: «Я их (персидских торговцев) видел около двух сотен, собравшихся в караван-сарае, который они украсили ради праздника Хуссейна. Это место было освещено многочисленными фонарями в китайском вкусе. Торжество длилось много дней; нам представляли здесь драмы, вызывавшие слезы у всех персиян, и мы проклинали ненавистного Омара, они – потому что он подверг гонениям семью Хусейна, я же – потому что он сжег библиотеку Александрии» [10, с. 209].

Интересно описание Ашуры приводит врач при заведениях Астраханского приказа общественного призрения, доктор медицины Ф. И. М. Ольдекоп: «…подвижный праздник в память избиения Али называется здесь Чуксей-Юксей (*т. е. Шахсей-Вахсей. – А. С.*), к которому приготавливаются, соблюдая четырехнедельный пост и молясь по ночам в мечетях. Праздничная процессия выходит из мечети около полуночи и продолжает путь при звуках дикой музыки и криках, издаваемых в такт фанатизированными правоверными, причем слышится слово «чуксей-юксей!». Участвующие в процессии бьют себя в обнаженную грудь кинжалами и ранят себе кожу; в процессии ведут белую лошадь, перед нею идет или сидит на ней маленькая девочка в белом одеянии, лицо которой запачкано кровью. Пройдя, таким образом, несколько улиц они возвращаются в мечеть, откуда расходятся обыкновенно на отдельные пиршества, устраиваемые богачами» [12, с. 407].

Отмечание персами и азербайджанцами Ашуры продолжалось даже после установления Советской власти в Астрахани. В то время как в Азербайджане и среднеазиатских республиках этот «поминальный праздник» был запрещен, в Астрахани он проводился в 1920–1930-е гг. [3, л. 106; 7, л. 3]. В 1930-х гг. Шахсей-Вахсей наблюдал тогда еще в юном возрасте Ю. В. Селенский (Галишников), впоследствии описавший его в повести «Не расти у дороги…». Интересно, что, по воспоминаниям писателя, во главе процессии на белой лошади вместо девочки ехал мужчина в белом балахоне и с кинжалом в руке, которым он наносил себе порезы на лбу и щеках. За ним шли персы (в основном, старики), которые пели молитвы, кричали «Шах Хусейн! Вай Хусейн!» и били себя цепями. «По улице, направляясь к персидской мечети, шла странная и мрачная процессия, достойная времен раннего средневековья, окруженная толпой сочувствующих, скорбящих, издевающихся и просто ротозействующих. Не диво ли, правда, – белый всадник на белом коне? ... И всадник в белой чалме и в белом балахоне с кинжалом в руке, устремленный к небу, – живой символ неумирающей веры. …Настоящая кровь о кинжальных порезов струится на лбу и щеках всадника. Кровь человеческая капает на белый балахон. В глаза всадника безумный огонь неотмщенной крови. И взор этот, как солнца луч, устремлен в неведомую даль небес, к пророку. …За всадником обнаженные по пояс молодые, но в большинстве своем старые люди шли по центру улицы и заунывно пели мусульманские молитвы. Пусть сам пророк слышит, как чтут его слуги Мухарем – первые десять дней лунного года. Время от времени заводила кричал что-то гортанное и страшное по смыслу, и тогда толпа падала на колени и принималась вопить, рыдать и взывать к аллаху, рассказывая ему о своих обидах, страданиях и несправедливости. И зловещими аккордами в этом спектакле раздавались возгласы “Шах Хусейн! Вай Хусейн!”. … Молитвенные заклинания сменялись воплями и сочувственными криками зрителей. … И, отправляясь в дальнейшее шествие, мусульмане шиитского толка принимались лупить самих себя по обнаженным плечам и спинам. Они хлестали кнутами из цепей, а за неимением таковых просто. … Сами страдальцы обязаны были терпеть эту пытку молча, зато как вопили свидетели, нищие, юродивые. … Вопли, гвалт, проклятья, молитвы, ругань и гавканье бродячих собак – все сливалось в единый рев» [13, с. 57].

Наиболее широко азербайджанцы отмечали Новруз. Это древний народный праздник обновления природы, весны и наступления нового года, известный с глубокой древности и широко распространённый в Средней и Передней Азии. Вообще, Ноуруз (перс. «Новый день») – зороастрийский праздник, приуроченный пророком Заратуштрой (греч. Зороастр) к весеннему равноденствию. Это празднество возвещало наступление лета и отмечало ежегодное поражение зла.

Праздновавшийся при дворе персидских шахов, он был введён в официальный обиход мусульман аббасидским халифом Мамуном (754–775 гг. правления), однако позже неоднократно запрещался мусульманскими властями как языческий.

Новруз обычно отмечали 21 марта – в день весеннего равноденствия. Перед Новрузом также праздновали четыре среды: «су чершенбе» (среда на воде), «одлу чершенбе» (среда на огне), «торпаг чершенбе» (среда на земле) и «ахыр чершенбе» (последняя среда). По народным поверьям, в первую среду обновлялись вода, стоячие воды приходили в движение, во вторую – огонь, в третью – земля, в четвертую – ветер раскрывал почки деревьев и наступала весна. Молодые люди в это день прыгали через огонь, гадали.

В день праздника люди шли к реке или озеру, где умывались, брызгали друг на друга водой (вода – символ чистоты и свежести). Дома накрывали стол с разнообразными яствами, чтобы год был богатый и плодородный. Также на праздничном столе обязательно должна была стоять проросшая пшеница («семени») – символ пробуждения природы и плодородия. Как правило, в праздничные дни входные двери не запирались; это означало, что семья дома и рада встретить гостей. В первый день Нового года в каждом доме всю ночь должен был гореть огонь – символ благополучия. В дни праздника устраивались массовые гуляния, скачки, спортивные соревнования. Новруз был и остается самым любимым праздником азербайджанцев.

В начале XX в. в Астрахани возникло несколько мусульманских общественных организаций. Одним из них было общество «Маджлис Шура-и Ислам» (араб. «Мусульманское собрание», в архивных документах название переводится как «Дом мусульманских собраний»), образовавшееся в 1905 г. образовалось радикальное панисламистское. При обществе находилось училище «Дар ал-Адаб» (араб. «Дом науки»; в архивных документах – «Даруль Эдеп»), в котором преподавали местные и приглашённые из Османской империи учителя. В этом учебном заведении учились и мальчики, и девочки; обучение велось на татарском языке, но по турецким учебникам. Общество выпускало газету «Бургани Таракки», или «Бурхан ал-Таракк» (араб. «Довод/Аргумент прогресса»). Основателем общества, директором училища и редактором газеты был «шемахинский татарин», т. е. азербайджанец Мустафа Измайлов. По оценке сотрудников Астраханского гражданского полицейского управления, приглашенные педагоги воспитывали в своих учениках симпатии к Турции, пропагандировали панисламистские идеи (панисламизм – концепция объединения всех мусульман вне зависимости от государственной принадлежности, социальных и национальных различий). В 1910 г. учебные заведения общества были закрыты Дирекцией народных училищ и открыты в 1911 г. благодаря ходатайству некоторых членов Астраханской Городской думы и вследствие того, что М. Измайлов был отстранён от председательства общества как «лицо неблагонадёжное». Новым председателем общества был избран мулла Белой мечети Латыф Шамасов. Однако М. Измайлов продолжал «вмешиваться в школьное дело и нарушал его порядок». Тогда в том же году общество было закрыто, а М. Измайлов арестован и отправлении в ссылку по обвинению в панисламизме [2; 4, л. 8; 5, л. 51, 67–69, 88–89, 157, 163–164].

Трудно сказать, сколько составляла численность азербайджанцев в дореволюционной Астрахани. В советское время доля азербайджанского населения в Астраханской области была сравнительна невелика. Она стала возрастать только в последней четверти XX – начале XXI в. В 1979 г. азербайджанцев в регионе насчитывалось 1 тыс. чел., или 0,1 %, а в 1989 г. – 4530 чел., или 0,5 %, в 2002 г. – 8215 чел., или 0,8 %. По данным последней переписи 2010 г., численность азербайджанцев – 7828 чел. Они заняты в сфере торговли, бизнеса и др. Азербайджанцы проживают как в областном центре, так и в районах: Приволжском, Наримановском, Ахтубинском, Харабалинском, Камызякском. В Астрахань чаще стали переезжать российские азербайджанцы – в первую очередь из Республики Дагестан. Среди них немало и традиционных мусульман-суннитов.

По согласованию с руководством Астраханского регионального духовного управления мусульман, для отправления религиозного культа азербайджанская диаспора г. Астрахани получила в своё распоряжение бывшую татарскую Криушинскую мечеть (на ул. Бакинской, 141). На средства от пожертвований мечеть была полностью отреставрирована и получила порядковый номер 38 и новое наименование – мечеть Бакы (т. е. Баку).

В конце XX – начале XXI в. в Астраханской области появились азербайджанские этнокультурные общественные организации, которые своей целью ставили сохранение и развитие родного языка,

культуры и традиций азербайджанского народа. В 1994 г. была образована Астраханская областная общественная организация азербайджанской культуры «Хазар» («Каспий»). Но позже эта организация прекратила свое существование. Одно время также существовала Астраханская региональная общественная организация азербайджанцев России «АзерРос». В 2001 г. возникла Астраханская областная общественная организация национальной культуры «Азербайджан». В 2003 г. было создано Астраханское областное региональное отделение общероссийской общественной организации «Всероссийский Азербайджанский Конгресс». Основными целями данных азербайджанских общественных организаций в Астрахани являются сохранение и развитие национальных традиций, языка и культуры, укрепление межнациональных отношений и дружбы между народами России и Азербайджана. Азербайджанцы Астрахани – постоянные участники всех областных и городских торжеств, где они ярко и успешно представляют свою богатую этнокультурную традицию.

Список источников и литературы

1. Астрахань – Гилян в истории русско-иранских отношений / А. И. Алексеева, А. А. Воронова, Г. Г. Исаев и др. Астрахань: Астраханский ун-т, 2004. 216 с.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 12. Д. 722.
3. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 595.
4. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1730.
5. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.
6. ГААО. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 290.
7. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 42.
8. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М.: МГУ, 1982. 328 с.
9. Зайцев В. И. Астраханское ханство. М.: Восточная литература РАН, 2004. 303 с.
10. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. / сост. В. Алексеев. Сталинград: Краевое книгоизд-во, 1936. 328 с.
11. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. / сост. Д. С. Кидирниязов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. 416 с.
12. Ольдекоп Ф. И. М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окружности. СПб., 1870. 450 с.
13. Селенский Ю. В. Не расти у дороги… Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1983. 304 с.
14. Штылько А. Н. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлого и настоящего города, его достопримечательности и окрестности. Саратов: Паровая скоропечатня Губернского правления, 1898. 136 с.
15. Юнусов А. С. Исламский фактор в Азербайджане // Полития. 2007. № 4 (47). С. 164–183.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ НЭПа (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Суханова Регина Булатовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Период НЭПа в Астраханской губернии привлекает повышенное внимание современных отечественных исследователей. Новые хозяйственные отношения стали болезненным переходом особенно для местной промышленности. Первое, что показал переход, – катастрофически устаревшее оборудование, которое не менялось на производствах с 1913 г. В ходе гражданской войны были разрушены все экономические связи внутри страны. Приказ Совнаркома от 9 августа 1921 г., рекомендовал снять все предприятия с государственного снабжения и перевести их под власть рынка, что, безусловно, привело их в трудное материальное положение. В связи с этим проблема решения ситуации с промышленностью падала на местную власть. В апреле 1922 г. состоялся Пленум Астраханского губкома РКП(б), на котором было заявлено: «НЭП заставил самой жизнью провести генеральный учет, при котором заносится все решительно. Учет этот переводится из цифр быстро в золотые рубли» [9, л. 3].

Провинциальная интеллигенция была сосредоточена главным образом в городе, где большая часть из нее была представлена астраханскими служащими и составила 21,5 % самодеятельного населения, этот показатель был значительно ниже общероссийских показателей на 4,7 %. В 1923 г. была проведена перепись населения, которая выделяет интеллигенцию в особую группу.

Итак, в ее разряд входило 2752 чел., или 4,2 % городского самодеятельного населения, включая в свой состав представителей администрации и суда (1092 чел.), инженеров и архитекторов (45 чел.), врачей (137 чел.), актеров, режиссеров, солистов (103 чел.), учителей (546 чел.), оркестрантов, хористов, танцоров (71 чел.), библиотекарей и музейных работников (43 чел.), дантистов (17 чел.), академиков, профессоров, лекторов (10 чел.), старших техников (10 чел.), редакторов и журналистов (4 чел.) и др. [5, с. 436]. Кроме того, перепись включила в состав интеллигенции «лица свободных профессий» (0,7 %), к ним относились все лица, осуществляющие частную практику, а именно педагоги, адвокаты, врачи, художники, священнослужители [5, с. 448].

В период НЭПа государство поставило процесс выработки программы культурных преобразований в своих приоритетных задачах. Программные документы партии, речи В. И. Ленина, все это касалось преобразований в области культуры, то, что позже идеологи партии назовут культурной революцией. Он считал, что культурная революция будет особой эпохой поголовной грамотности, а стремление к грамотности необходимо воспитать, развить в населении, обеспечив для этого необходимую материальную базу. Специфика культурных преобразований, которых представлял В. И. Ленин и партия, заключалась в их политической и идеологической ангажированности, поскольку главная цель состояла в пропаганде марксистской идеологии, в трансформации мировоззрения пролетариата в общенародную идеологию.

Первыми шагами в этом направлении стала структурная перестройка как центральных, так и местных структур управления культурой. Так, партийное руководство добивалось непосредственного участия партии во всех вопросах культуры и интеллигенции как в столице, так и на местах, а также жесткой централизации работы учреждений культуры.

Из всех групп интеллигенции в провинции тяжелее всего приходилось преподавателям высшей школы, учителям внешкольного воспитания, работникам библиотек, изб-читален, пунктов ликбеза. Они первыми пострадали от свертывания сети культпросвет учреждений, что влекло за собой понижение заработных плат, которая и без того была намного меньше дореволюционной, и от тяжелых условий труда. Помещения и здания, в которых проходилось работать, нуждались в ремонте или реконструкции. Кроме того, нехватка мебели, учебников, приборов, книг, оборудования, канцелярских принадлежностей. В некоторых местах на одного учителя младших классов приходилось до 100–120 учеников, а в других районах Астрахани интеллигенция нередко пополняли ряды безработных, среди них можно было встретить музыкантов, библиотекарей, артистов, рабочих и служащих, полиграфистов, ранее занятых в бумажном производстве [7, с. 42].

Во второй половине 1920-х гг. усиливается идеологическое давление власти. Политика центральных органов власти строилась на манипулировании финансирования местных учреждений культуры в зависимости от идеологической активности. Иными словами, шел процесс формирования подотчетности работников культуры местным партийным организациям. Таким образом, «выживали» лишь те учреждения и органы печати, которые несли активную идеологическую нагрузку, а также держали крепкую связь с местными государственными и партийными органами.

Однако сама по себе интеллигенция представляла большую проблему для советского руководства. С одной стороны, для эффективной воспитательной и просветительной работы в стране необходимы были образованные, знающие люди, специалисты. Специалистов не хватало, чувствовалась кадровая нехватка. Поэтому стояла задача по привлечению на свою сторону старую интеллигенцию, а также создать новые кадры из рабочих и крестьян. Однако власть не была уверена в идеологической стойкости многих «старых» специалистов, в этой связи, ставилась задача по созданию кадров новой интеллигенции, которая осуществлялось как путем выдвижения наиболее опытных и талантливых представителей рабочего класса и крестьянства, так и путем подготовки специалистов в вузах и техникумах. Один из идеологов советской власти Н. И. Бухарин, считал, что интеллигенция являлась препятствием на пути развития по той причине, что не понимала масштаба происходивших событий. Поэтому была необходима «новая» интеллигенция, которая бы не мучилась сомнениями, поисками, иными «интеллигентскими комплексами» [2, с. 104].

В школьной переписи 1927 г. уже 5,3 % из всего числа учителей происходило из рабочих, 48,2 % – из крестьян, 18,2 % – из служащих, из прочих слоев – 28,3 %, однако, в начале восстановительного периода среди преподавательского состава бьющими землевладельцами были рабочими – 0,2 %, по 0,8 % – военнослужащие, торговые служащие – 2,7 %, крестьянами – 3 %.

В отличие от учителей переподготовка руководителей (к ним же относился и инструкторский состав) была преимущественно представлена курсами, они предполагали овладение основам специальности, поскольку большинство не имело практического стажа работы. В Астрахани существовала программа 3-недельных курсов для руководящего состава отделений Астраханского губернского потребительского союза, которая была проведена в январе – феврале 1925 г., в ней 10 из 108 учебных часов отводились на изучение основ культпросвета [3, л. 105].

Однако больше всего партийные органы интересовались подготовкой и переподготовкой кадров «низового» звена, в основном это избачи, руководители различных кружков, сельские библиотекари, иными словами деревенские культурно-просветительные работники. Именно профессионализм и квалификация данной категории просвещенцев, как показывала практика, наиболее сильно сказывались на общем уровне культурно-просветительной работы.

Проделанная в годы НЭПа партийными органами работа над населением, привела к улучшению профессионально-квалифицированного состава культурно-просветительной сферы, иными словами интеллигенции. Однако эти процессы способствовали качественному обновлению состава этой социальной группы, поскольку в результате социальной мобильности, пополнилась армия идеологически ангажированных, работников, которая могла обеспечить почти полный охват неграмотного населения Астраханского края. Хотя, с другой стороны, нельзя не признать низкий уровень их образования, достаточно слабую систему подготовки и переподготовки среде специалистов. Кроме того, участие в этой работе часто имело принудительное участие, отсутствие материального стимула не способствовали качественному обучению неграмотных. Тем не менее, данная ситуация касалось в основном представителей «новой интеллигенции», что касается «старой», то ее положение только ухудшалось.

Мероприятия НЭПа трагически отразилось на судьбах русской интеллигенции в провинции, поскольку, не жалея сил, эти люди отдавали себя на благо своей страны. Интеллигенция использовала любую возможную свободу слова. Так, землемеры, инженеры, статисты, учителя и врачи не желали быть пассивным элементом общества, выполняя сухие распоряжения руководства, они предпочитали быть активным участником «новой» жизни.

Уже с середины 1925 г. стремительно увеличиваются случаи так называемого «спецеедства» – преследования специалистов на фабриках и заводах, в медицинских учреждениях, издевательство над ними и хулиганство по отношению к ним как к классово чуждым слоям общества.

Как известно, будучи председателем ВСНХ, Ф. Э. Дзержинский высоко ценил научно-технический вклад интеллигенции в развитие промышленности. Ф. Э. Дзержинский решительно выступал и против многочисленных попыток арестов в промышленности, вплоть до самой своей смерти, до лета 1926 г. С приходом на его место В. В. Куйбышева положение дел резко изменилось, «спецеедство» стало приобретать все более широкий размах, начались удары по интеллигенции в промышленности.

Постепенно формируется и сталинская концентрация необходимости арестов, заключения в тюрьмы лагеря всех явных и даже условных противников «диктатуры пролетариата», исключая (помимо фракционеров в ВКП(б)) бывших деятелей других рабочих и демократических партий, особенно меньшевиков и эсеров [8, с. 211–212].

Носителями и организаторами классовой борьбы против советской власти Сталин называет практически всех представителей частнокапиталистического сектора города и деревни, это частные торговцы, нэпманы-промышленники, кулаки, капиталисты, спекулянты, крестьяне-саботажники, иными словами все те, кто не сдает хлеб. К этой группе населения, И. В. Сталин относит также бывшее дворянство и купечество, священство, офицерство, интеллигенцию, в т. ч. и профессоров, «которые в совсем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей» [8, с. 203–208].

Обострение классовой борьбы чуждыми элементами, необходимо было, по мнению И. В. Сталина, отвечать строжайшим применением методов «революционной законности», направленной исключительно на то, чтобы нейтрализовать контрреволюционную деятельность «остатков враждебных классов» и «вышибания» их из производственной деятельности города и деревни.

Иллюстрацией данным сталинским высказываниям могут послужить судьбы ряда выдающихся представителей «провинциальной» интеллигенции, тех, кто безоговорочно поверил в НЭП, поэтому не жалея сил трудились на благо молодой страны, однако, все их усилия обернулись личной ката-

строфой в годы «великого перелома». Для анализа данной ситуации можно использовать публикации журнала «Наш край», который выпускался органом Астраханского губернского экономического совещания за 1922–1928 гг. Когда только был основан этот журнал начала формироваться группа талантливых социологов, экономистов, ихтиологов. Такие выдающиеся авторы как В. Г. Сабгайда, А. И. Григорьев, М. В. Непряхин, А. И. Потяев [4, № 4–5] были тематически достаточно актуальными и глубокими, более того они показывали великолепное знание проблематики и фактов.

Авторы статей не только критиковали НЭП и проблемы, которые он обнаруживает, но и предлагали пути выхода из сложных ситуаций. Одним из самых выдающихся ученых был ученый-ихтиолог экономист, профессор К. С. Киселевич [6, с. 15–32]. Он писал статьи, посвященные анализу развития рыбной промышленности в регионе, которые были известны не только в Астраханской губернии, но даже в столице.

На страницах журнала «Наш край» разгорелась живая дискуссия, инициатором, которой выступил профессор К. С. Киселевич.

В своей статье «К современному состоянию ловецкого хозяйства в Астраханском крае», которая была опубликована в 13 номере журнала за 1926 г., где ученый ставит под сомнение официальные данные о благосостоянии данной отрасли, а также подчеркивает кратковременный характер этих успехов. Уже третьем номере этого журнала за 1927 г., ученого попытался оспорить В. Г. Загородников, поддерживающий официальную точку зрения благосостоянии рыбной промышленности в Астрахани. В ответ на эту статью последовала очередная статья К. С. Киселевича, который аргументированно подтверждает свою позицию новыми статистическими данными. Интересен факт, что редакция журнала делает традиционную сноску с указанием на то, что мнение автора статьи и редакции не совпадает. Юбилейный выпуск, посвященный 10-летию Октябрьской революции редакция журнала, для подведения итогов хозяйственного года развития Астраханской губернии, статью об итогах уходящего года доверила писать не строптивому К. С. Киселевичу, а более лояльному В. Г. Сабгайде. Поскольку редакционная коллегия журнала небезосновательно переживала, что слишком вольные мысли К. С. Киселевича, могут плохо отразиться на репутации журнала, а также, что картина, нарисованная этим автором, совсем не подходит под задачу праздничного выпуска журнала.

Самое интересное, что к 1928 г. прогнозы К. С. Киселевича оправдались, улов, действительно упал, однако власти не обратили внимания на этот факт. Самое важное для них было то, что ученый «отпал» от официальной линии, пытался оспорить установку правительства. В этой связи журнал «Наш край» был закрыт, а сам профессор К. С. Киселевич был репрессирован. Реабилитация его произошла только в 1957 г. стараниями его верных последователей.

Еще один провинциальный ученый Г. И. Баскин в своей большой статье «Современная дифференциация и современные типы крестьянских хозяйств» [1, с. 28] на большом статистическом материале рассматривает положение крестьян в деревне эпоху в 1920-е гг. на Нижней Волге и показывает, что дифференциация в нэповской деревне была минимальна. Наблюдался общий материальный подъем всех типов крестьянских хозяйств. В 1920-е гг. статистические исследования, проводимые самарскими статистами, показывали рост середняцких хозяйств за счет крайних социальных полюсов деревни. За счет этого происходило сокращение в разнице доходов богатых и бедных слоев деревенского населения. Эти выводы резко отличались от официальной версии государства, транслируемой через средства массовой коммуникации о том, что в деревне существует кулацкая опасность, а также происходит резкое расслоение деревни. Безусловно, что такой смелый поступок известного ученого не могла не заметить официальная власть. В том же 1926 г. журнал «Вестник Среднего Поволжья» был закрыт, а в следующих номерах других губернских изданий он уже никогда не выступал, даже включить в состав редколлегий его «забывали», хотя он входил туда.

В исторической литературе, при всем обилии публикаций по истории новой экономической политики, тема места и роли провинциальной интеллигенции остается практически не освященной. Однако, история Астраханского региона показывает, что, по крайней мере, ученые, как представители социальной группы интеллигенции играли значительную роль в истории Поволжья. Труды К. С. Киселевича и Г. И. Баскина явно свидетельствуют о том, что эти выдающиеся личности видели в новой экономической политике государства позитивные перспективы, а главное, имели отвагу и смелость заявить о своих позициях обществу и властям.

Список источников и литературы
1. Баскин Г. И. Современная дифференциация и современные типы крестьянского хозяйства // Вестник Среднего Поволжья. Январь 1926. № 1.
2. Бухарин Н. И. Судьбы русской интеллигенции // Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 608. Оп. 1. Д. 796.
4. Григорьев А. И. Наша рыбопромышленность и ее нужды // Наш край. 1926. № 4–5.
5. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1924. Ч. 2, вып. 1.
6. Киселевич К. С. К вопросу о восстановлении ловецкого хозяйства // Наш край. 1924. № 1.
7. Нижнее Поволжье. 1925. № 3.
8. Сталин И. В. Сочинения. Т. 10.
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26.

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В ГОРОДАХ НИЖНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.

Тюрин Алексей Олегович,
заведующий кафедрой истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Лебедев Сергей Владиславович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Со второй половины 1920-х гг. в Советском Союзе в экономической сфере началось проведение политики индустриализации промышленности, особенно ускоренными темпами строительство и реконструкция предприятий осуществлялись с конца 1920-х гг. Для новых заводов и фабрик требовались квалифицированные рабочие кадры, а в СССР в середине 1920-х гг. более половина населения была неграмотна, т. е. элементарно не умела читать и писать. По данным переписи 1926 г. грамотного населения в стране насчитывалось только 40,7 %: в городах – 60 %, в селе – 35,4 % [1].

В связи с этим еще в 1923 г. было создано добровольное общество «Долой неграмотность!» (ОДН), которое возглавил председатель ЦИК съезда Советов РСФСР и СССР М. И. Калинин. По официальным данным, уже в 1924 г. количество членов этого общества доходило до полумиллиона человек [1].

С 1928 г. уже в массовом порядке стали организовываться множество ячеек общества «Долой неграмотность!» (ОДН), и открывались пункты по ликвидации неграмотности (ликпункты). В целом по стране в 1930 г. общество насчитывало около 3 млн членов, которые работали в 200 тыс. ликпунктах [1].

В августе 1928 г. ЦК ВЛКСМ принял решение провести Всесоюзный культурный поход (культпоход) под лозунгом «Все на борьбу с неграмотностью!». Культпоход в Нижне-Волжском крае имел отличительные от других районов страны черты. Вся работа была сосредоточена в рамках одной организации – Краевой особой комиссии по ликвидации безграмотности (ликбез). Специальные комиссии по ликвидации неграмотности были созданы также в крупных городах края и подчинялись краевой инстанции. Вся структура их деятельности имела иерархический характер. Например, Астраханская особая комиссия по ликбезу делилась на четыре отдела, каждый из которых осуществлял свои специфические функции: 1) организационно-распределительный – ведал мобилизацией и подготовкой кадров организаторов, инструкторов, ликвидаторов и их распределением по производственным участкам; 2) отдел по учету неграмотного населения производил учет и распределение населения по группам, в зависимости от грамотности; 3) финансово-материальный – изыскивал средства для пополнения фонда, составлял и исполнял смету, распределял книги, учебные пособия, канцелярские принадлежности; 4) учебно-методический составлял учебные планы, организовывал методическое руководство всей работы, организовывал курсы по подготовке и переподготовке ликвидаторов, подготавливал инструкции. Все организации и предприятия края должны были способствовать вовлечению неграмотных лиц в движение по ликвидации неграмотности.

Краевой особой комиссией по ликбезу был создан единый фонд для финансирования работ. Все организации, ранее занимавшиеся ликвидацией неграмотности (ОДН, ОКРОН, культотделы

профсоюзов и кооперативов), передали Краевой особой комиссии все имеющиеся ресурсы (деньги, учебные пособия, помещения) [3, л. 174–175].

8 октября 1928 г. Нижне-Волжский крайком ВКП(б) принял постановление о ликвидации неграмотности во всех промышленных городах края к 1 мая 1929 г. [15, с. 10] Состоявшийся в октябре 1928 г. Первый съезд профсоюзов Нижне-Волжского края обратился ко всем членам профсоюзов с призывом участвовать в ликвидации неграмотности и малограмотности. Съезд постановил: «не менее 20 % средств культфондов союзов отчислять на ликвидацию неграмотности» [15, с. 10, 14]. Кроме того, по инициативе комсомола проводились субботники, и заработанные на них средства перечислялись в фонд ликбеза.

Краевая особая комиссия по ликбезу формировала культармейцев, которые проходили ускоренные подготовительные курсы. Уже на 4 октября 1928 г. в культармии состояло в Саратове 4200 человек, в Астрахани – 1200 чел., в Сталинграде – 320 чел., в Камышине – 320 чел., в Балашове – 150 чел., в Вольске – 380 чел. [19, с. 20].

С целью расширения масштабов кампании всем, кто повышал свою грамотность, предоставлялись льготы в соответствии со специально разработанным положением. Право на их получение давалось при поступлении во все типы учебных заведений (областного масштаба), при распределении путевок в дома отдыха, санатории, при проезде в городском транспорте.

Принятые меры давали свои результаты. В городах края уже в конце 1928 г. обучением было охвачено значительное количество людей: в Саратове около 20 тыс. человек, в Астрахани – 9 тыс. человек, в Сталинграде – около 6 тыс. человек, в Вольске – 2 тыс. человек. В городах края издавались газеты-пособия по ликвидации неграмотности: «В атаку!», «За грамоту» (г. Саратов), «В борьбе за грамоту» (г. Астрахань) [19, с . 16, 18]. Но этого было еще недостаточно, т. к. только по Астраханской губернии в начале 1928 г. неграмотных в возрасте от 16 до 32 лет составляло около 71 тыс. человек [2, л. 48], а в Саратове среди рабочих было около трети неграмотных и малограмотных [15, с. 10].

В 1929 г. Краевая особая комиссия по ликбезу и профсоюзы края заключили генеральный договор, взяв на себя взаимные обязательства. Краевая особая комиссия обязывалась в годичный срок, до 1 мая 1930 г., обучить всех неграмотных членов профсоюзов, а профсоюзы должны были отчислить на работу по ликвидации неграмотности денежные средства, и «завербовать» 12,5 тыс. грамотных человек для преподавания грамоты в школах. Для ликвидации неграмотности привлекались студенты. Так, осенью 1929 г. студенты Саратовского комвуза провели ударник под девизом: «За грамотный завод!».

Отношение к процессу ликвидации неграмотности у населения было неоднозначным. Среди рабочих наблюдались случаи ухода из школ грамотности. В связи с этим вводились административные способы воздействия к уклонистам от обучения: за пропуск одного занятия без уважительной причины фамилия нарушителя вывешивалась на «черной доске» предприятия, за пропуск двух занятий выносили товарищеское предупреждение, а за пропуск трех занятий увольняли с работы [11, л. 9].

В Саратове на заседании Окружной особой комиссии по ликбезу, состоявшемся 29 марта 1929 г. говорилось, что «на некоторых предприятиях ликвидация неграмотности натыкается на трудности. На заводе им. Ленина из учтенных 200 человек неграмотных, обучалось только 80. На Волжском заводе в школе обучалось 12 человек неграмотных, а остальная часть малограмотных, которым было неинтересно заниматься, и они покинули занятия, в результате школа распалась» [11, л. 9].

Осуществлявшаяся форсированная индустриализация требовала все больше ускорять процесс борьбы с неграмотностью. Для увеличения пропускной способности пунктов по ликвидации неграмотности и охвата как можно большего числа неграмотных установленный 4-месячный срок обучения сокращался до 1,5–2,0 месяцев. При этом, часто «ликвидаторам неграмотности» не хватало оборудования, инвентаря, в дефиците были тетради, карандаши, буквари, школы грамотности располагались в малопригодных для этого помещениях. Все это снижало качество образования. Инспекторская проверка 1928 г. в Астрахани показала, что из 17 школ грамотности стандарту соответствовали всего 6.

Все же официальные количественные итоги ликвидации неграмотности поражали уже в конце 1920-х гг. За 1928–1930 гг. культпоход дал следующие результаты по Астрахани: если в 1927–1928 гг. было обучено 514 человек, то в 1928–1929 гг. – уже 16 тыс. человек, а за 1929–1930 гг. –

23500 человек. Несмотря на такую стремительную динамику, план все-таки не был выполнен, т. к. предполагалось охватить 35000 человек [4, л. 6–11].

На заседании Окружной особой комиссии по ликвидации неграмотности в феврале 1930 г. отмечалось, что на многих участках по ликбезу в Саратове работа проходит плохо. Неудовлетворительно было оценено состояние на 1-м, 4-м и 6-м участках. На 2-м участке контрольная цифра охвата неграмотных составляла 5289 человек, а реально было охвачено учебой только 1989 человек [12, л. 36, 88].

Вскоре борьба с неграмотностью приобрела массовый характер. 3 февраля 1930 г. президиум Саратовского горсовета принял решение: «Объявить ликвидацию неграмотности обязательной для всех жителей города от 8 до 50 лет» [12, л. 24]. Такое положение требовало большого числа «ликвидаторов» неграмотности, поэтому в апреле для них были открыты курсы подготовки по 30-ти часовой программе [12, с. 76].

В соответствии с размахом массовой борьбы с неграмотностью и малограмотностью в Нижне-Волжском крае сформировался мощный отряд культармии ликбеза, который насчитывал: в 1928–1929 гг. – 45 тыс. человек, в 1930–1931 гг. – 155 тыс. человек [14, с. 146].

Официальные результаты культпохода в крае были впечатляющими и дали следующие результаты: грамотность с 43 % в 1928 г. поднялась до 94 % в 1931 г. За эти успехи в ликвидации неграмотности Нижне-Волжскому краю было вручено переходящее Знамя Республики [15, с. 42, 43]. Однако программа была далека от завершения. На 1 апреля 1931 г. в Нижне-Волжском крае оставалось еще 56750 человек неграмотных и малограмотных, в т. ч. в Саратове – 6644 чел, Сталинграде – 9365 чел., Астрахани – 12833 чел. При этом просто неохваченных учебой насчитывалось 49977 человек [9, л. 125].

К 1932 г. городское население за счет роста рабочего класса увеличилось на 33,7 тыс. человек по сравнению с 1931 г. [16, с. 442]. Прибывающие из деревни крестьяне постоянно увеличивали контингент неграмотных людей. Они вовлекались в кампанию по ликвидации неграмотности, постоянно расширяя масштабы проводимой работы.

Часто для контроля над работой школ грамотности проводились «налеты» на предприятия с целью проверки работы по ликбезу. Такие мероприятия могли сопровождаться несогласованными действиями. В Балашове 15 учителей школы-девятилетки (школа прекратила свое существование) были направлены в деревню. Одновременно с этим было сорвано обучение железнодорожников, которое в рамках ликвидации неграмотности проводили эти учителя [8, л. 43].

В 1932 г. Президиум Нижне-Волжского краевого совета профсоюзов констатировал, что на предприятиях Сталинграда из учтенных 3520 неграмотных обучалось 69 %, а из учтенных 11370 малограмотных – 66 %. По профсоюзу Водников неграмотных обучалось 26 %, малограмотных – 39 %. По остальным профсоюзам показатели были аналогичными. В целом кампания по ликвидации неграмотности на предприятиях Сталинграда вызывала много нареканий у местных властей [10, л. 102].

Достигнув определенных успехов в деле ликвидации неграмотности, в 1932–1933 гг. ликбезы перестраивались и начинали работать непосредственно на нужды промышленности. Постановлением СНК РСФСР и Коллегии Наркомтруда от 13 июня 1932 г. сеть школ ликбеза передавалась в ведение фабрично-заводских профсоюзных (местных) комитетов (ФЗМК), а всю ответственность за постановку обучения и культурно-просветительную работу решено было возложить на ФЗМК и директоров предприятий. Финансирование работы по ликвидации неграмотности также возлагалось на ФЗМК. Для обеспечения качества работы данным решением создавались образцовые школы ликбеза [6, л. 2].

В марте 1932 г. Нижне-Волжский крайисполком принял постановление «О ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения края». По нему все неграмотные и малограмотные граждане в возрасте от 16 до 50 лет были обязаны в двухдекадный срок со дня опубликования постановления приступить к ликвидации своей неграмотности и малограмотности. Лица, не желающие посещать школы ликбеза или оставившие школы до сдачи контрольных испытаний без уважительных причин, подвергались административному воздействию. В городах и рабочих поселках на них мог быть наложен штраф до 50 руб. или они подвергались принудительным работам до двух недель [5, л. 34].

Несмотря на принимаемые меры, программа по ликвидации неграмотности продолжала выполняться не всегда удовлетворительно. К 1 мая 1935 г. в Саратовском крае неграмотных рабо-

чих оставалось 14950 человек (из них обучающихся – 11153 чел.), малограмотных – 33800 человек (из них обучающихся – 18117 чел.). По Сталинградскому краю неграмотных рабочих оставалось 15824 человек (из них обучающихся – 10079 чел.), малограмотных – 40480 человек (из них обучающихся – 16759 чел.) [7, л. 253]. По Астраханскому округу в 1937–1938 гг. в школах ликвидации неграмотности обучалось 10597 человек неграмотных и 9874 малограмотных [13, л. 253].

Местные партийные органы критически оценивали полученные результаты. На III Сталинградской областной конференции ВКП(б) председатель Сталинградского горсовета отмечал: «что в Сталинграде чрезвычайно много неграмотных и малограмотных и работа с ними ведется слабо» [18, л. 184]. Даже в январе 1941 г. в школах по ликвидации неграмотности в Саратове обучалось 3405 неграмотных и 5191 малограмотных [17, с. 78].

Несмотря на определенные недостатки, следует отметить, что вся работа в Нижневолжском регионе по ликвидации неграмотности среди взрослого населения проводилась на основе единого плана, объединения усилий общественных и государственных организаций. Даже учитывая, некоторые приписки в отчетностях, а часто низкое качество обучения, работа была продела огромная. По официальным данным к концу 1930-х гг. в стране более 90 % городского населения были грамотными, а в Нижнем Поволжье этот показатель достиг 99 % [15, с. 44].

Список источников и литературы

1. Волошина С. Ликвидация безграмотности в СССР. Живая история. 25.12.2017. URL http//:lhistory.ru. (Дата обращения: 30.11.2018).
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 200.
3. ГААО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 229.
4. ГААО. Ф. Р. 6. Оп. 1. Д. 409.
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6123. Оп. 1. Д. 197.
6. ГАНИСО. Ф. 6123. Оп. 1. Д. 198.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 14. Д. 596.
8. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 558.
9. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 584.
10. ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 232.
11. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2905. Оп. 1. Д. 15.
12. ГАСО. Ф. 2905. Оп. 1. Д. 32.
13. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 72.
14. Индустриализация Нижнего Поволжья. 1926–1941. Волгоград, 1984.
15. Культурное строительство в Саратовском Поволжье. Саратов, 1967. Т. 2.
16. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник за 1932 год. М., 1932.
17. Основные итоги выполнения народохозяйственного плана. Саратов, 1941.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 21. Д. 4228.
19. Терентьева Л. А. Культпоход на Нижней Волге. Саратов, 1967.

К ВОПРОСУ О РАДИОФИКАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД 1945–1953 гг.

Федина Ксения Сергеевна,
аспирант кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Радиовещание может выполнять несколько функций: во-первых это информационная функция, призванная доносить до граждан новостной контент, информировать о текущих и прошедших событиях, во-вторых это функция, обеспечивающая социальное управление обществом через осуществление агитационно-пропагандистской деятельности необходимой для органов власти, и, конечно, культурно-просветительская функция. Не использовать, на тот период подобную передовую технологию массовых коммуникаций советская власть не могла.

С первых лет советской власти радио прочно вошло в трудовые будни рыбаков. На Каспии первая радиостанция начала работать в 1927 г. С тех пор радиосвязь развивалась. В ноябре 1945 г. Астраханский областной радиокомитет начал передавать специальные музыкальные радиостранички для детей. В первом номере музыкальной радиостранички было рассказано о рус-

ской опере «Князь Игорь» композитора Бородина. В качестве музыкальных иллюстраций передавали фрагменты из оперы «Князь Игорь» в исполнении Шаляпина и других известных певцов в грамзаписи [12, л. 4]. В декабре 1945 г. Астраханский областной радиокомитет начал проводить актуальные передачи для учителей и других работников народного образовании. В этих передачах у микрофона выступали лучшие педагоги области, научные работники астраханского педагогического института, руководящие работники отделов народного образования.

В домах были установлены радиоточки, являясь абонентами городского и Трусовского радиоузлов, астраханцы платили абонентские взносы за радиослушание. 10 января 1947 г. Астраханская дирекция радиотрансляционной сети в газете «Волга» сообщала, о том, что жители должны перерегистрировать свои радиоточки до 15 января [1, с. 3].

В августе 1949 г. Астраханский и Трусовский радиоузлы принимали заявления от граждан на установку новых радиотрансляционных точек из материала радиоузла. Установочная плата по тарифу за радиоточку составляла 35 руб., месячная абонентская плата за месяц – 10 руб. [4, с. 2].

В 1948 г. в Астраханской области были проведены большие работы по радиофикации сел. В районах вступили в эксплуатацию 52 новых радиоузла, главным образом в рыбацких селах. Радиофицированы сел Седлистое и Федоровка, Икрянинского района, Раздор – Камызякского района, Кривой Бузан – Красноярского района. За год радиоточки установили в 6 тыс. квартир трудящихся [2, с. 4]. В 1948 г. колхозники артели «Эмбек» Марфинского района приняли решение – радиофицировать с. Калинино. В конце 1949 г. в с. Калинино был закончен монтаж мощного радиоузла. Закончено было оборудование радиоузла в колхозе им. Карла Маркса, в с. Травино. К домам колхозников протянули провода, но почти все радиоузлы бездействовали, потому что руководители колхозов и президиум Астраханского рыбакколхозсоюза не позаботились о кадрах радистов [5, с. 3].

В 1949 г. областным управлением связи был оборудован новый радиоузел в поселке Приволжском, а в районных центрах Марфино, Зеленге, Травино, Красном Яру провели работы по улучшению слышимости радиопередач, после реконструкции мощность станций радиоузлов была увеличена в четыре раза. Такие же работы планировалось провести в селах Никольское, Камызяк, Лиман [8, с. 3]. В 1949 г. в селах действовало 82 мощных радиоузла, обслуживающих более 10 тыс. квартир колхозников. Помимо радиоузлов в артелях имелись 600 ламповых и 300 электронных радиоприемников. Там, где не было возможности обустроить радиоузлы, использовали радиоприемники. Правление колхоза им. Молотова Травинского района позаботилось о культурно-бытовых условиях рыбаков. В весеннюю путину 1950 г. каждую стойку рыбаков оборудовали радиоприемником, библиотечкой, настольными играми и музыкальными инструментами.

К 1 января 1950 г. радиофицировано более 12 тыс. домов колхозников [7, с. 4]. 12 марта 1950 г. рыболовецкий колхоз «Большевик» в с. Пологое Займище оборудовал радиоузел, в домах колхозников установили 600 репродукторов [6, с. 3].

В с. Болхуны Владимировского района в 200 квартирах колхозников «раздавался голос Москвы». Радиофицированы были здания правления, артелей расположенных в селе, сельский совет, школа, клуб. В рабочем поселке Оранжерейного рыбокомбината Икрянинского района велись работы по расширению радиотрансляционной сети, в жилых домах уже было установлено семьдесят радиоточек, в населенном пункте Забугор было запланировано установить еще 230 радиоточек, в населенном пункте Образцовый было запланировано радиофицировать 350 квартир рабочих и служащих [10, с. 3].

Интересно с точки зрения используемой астраханцами бытовой и другой техники объявление в газете «Волга» от 19 февраля 1949 г. Артель «Точная механика», располагавшаяся по адресу улица Розы Люксембург, д. 1 (ныне Никольская), принимала в ремонт пишущие машинки, арифмометры, швейные машины, патефоны, радиоприемники [3, с. 1]. Владельцы ламповых и детекторных радиоприемников, приобретенных в магазинах, на базарах или завезенные из других областей подлежали обязательной регистрация в городах и районных центрах в трехдневный срок с момента приобретения на главной почте, в селах в семидневный срок – в почтовых отделениях и агентствах связи. За несвоевременную регистрацию радиоприемников владельцы подвергались штрафу в размере 50 руб. Кроме того, с них взималась абонементная плата за использование лампового радиоприемника, которая составляла 36 руб. в год, за детекторный – 5 руб. в год [9, с. 4].

Дирекция радиотрансляционной сети г. Астрахани сообщала, что в областной радиомастерской, расположенной на Красной Набережной, д. 38, принимались в ремонт бесплатно за счет заводов радиоприемники, приобретенные гражданами с документальной гарантией завода о работе приемника в течение 6 мес. со дня покупки. Порча ламп и механические повреждения в гарантийный ремонт не входили.

В домах сельских жителей появились радиоприемники. В рубрике письма читателей на страницах газеты Волга радиослушатель с. Яндыки Лиманского района жаловался на отсутствие в магазинах сельпо сухих батарей для радиоприемник а, когда их удавалось купить они были настолько некачественные, что служили всего 2–3 мес. [11, л. 3].

В 1953 г. в с. Травино работал радиоузел, обслуживающий более 500 квартир, в то же время в личном пользовании у жителей села находилось более 100 радиоприемников. Кроме этого, много радиоприемников имели колхоз, моторно-рыболовная станция и завод. Радиоприемники были установлены на, сейнерах морских стойках, рыбницах, на культстанах и тонях гослова. Такое число радиоприемников в домах сельских жителей было еще исключением, дело в том, что среди жителей Травино было много рыбаков, получавших за сверхплановый улов большие доплаты [14, с. 2].

Для обслуживания колхозников, работающих в полеводческих и животноводческих бригадах в укрупненном колхозе им. Ленина с. Караванное Лиманского района с начала 1952 г. на складе было 10 радиоприемников, которые не работали из-за отсутствия питания. Партийная организация и правление колхоза обращалось к руководству Караванинского сельпо и Лиманского рыболовпотребсоюза, о проблеме было известно и торговому отделу исполкома райсовета и отделу сельского хозяйства РК КПСС, но в разгар летнего сельскохозяйственного сезона радиоприемники были в нерабочем состоянии. Приобретенный в Караванинском сельпо комплект радиопитания действовал только 20 дней. Из приобретенных колхозом двух ламповых радиоприемников «Родина» работал только один, т. к. в другом перегорела лампа, а новых в сельпо не было [15, с. 2].

К началу 1950-х гг. были созданы материально-технические предпосылки для ускорения радиофикации и в Сталинградской области. Если в 1948 г. действовало 70, 1951 г. – 171, то в 1952 г. – 229 радиоузлов. Число радиоточек составило соответственно 47000, 77000 и 103000 шт. Однако этот рост был недостаточным. В 1952 г. только 25000 радиоприемников находилось в индивидуальном пользовании, остальные 78000 были установлены в различных организациях и учреждениях, на улицах и площадях. Позитивным моментом стало завершение радиофикации колхозов, значительно отставивших по этому показателю от МТС и совхозов. В начале 1950 г. имелось всего 9 колхозных радиоузлов, обслуживающих 260 радиоточек, в декабре 1952 г. – уже 75 радиоузлов с 9000 радиоточек [16, с. 73].

К 1952 г. в Астраханской области насчитывалось более 100 колхозных радиоузлов, обслуживающих около 9000 радиоточек. Дирекция радиотрансляционной сети продолжала выполнять работы по развитию радиофикации области. В колхозе «Актив» Наримановского района было запланировано построить 11 км радиотрансляционной сети с подключением ее к радиоузлу кирпичного завода № 1, линию такой же протяженности планировали провести в колхозе им. Микояна. На Камарданском рыбозаводе Зеленгинского района и в колхозе им. Вахитова Икрянинского района проектировались радиоузлы мощностью в 100 ватт каждый. Более крупные радиоузлы мощностью в 350 и 500 Вт запланировано было построить в рыболовецком колхозе «Большевик» (с. Пологое Займище Капустиноярского р-на) и в колхозе им. Сталина (с. Пришиб Никольского р-на).

В работах по заготовке столбов, подготовке помещений для радиоузлов, заключению договоров с районными конторами связи и дирекцией радиотрансляционной сети на техническое обслуживание принимали колхозы. Расширение сети колхозных радиоузлов требовало решения вопроса о ремонте колхозной радиоаппаратуры, создания радиомастерских, организации кружков по изучению радиоминимума и основ радиотехники. Молодежь проявляла интерес к работе с радиотехникой. В Астраханской мужской средней школе № 46 силами учащихся – членами физического кружка был оборудован радиоузел. Работами руководил преподаватель физики Вощинский. Ежедневно до начала уроков транслировалась местная передача утренней гимнастики в сопровождении музыки. В перемены педагогический коллектив и ученики слушали русскую классиче-

скую музыку и песни советских композиторов. В ленинские дни перед микрофоном учащимися были прочитаны доклад на тему «Детские годы Владимира Ильича Ленина» стихотворения [13, с. 3].

Многие колхозы области были радиофицированы, колхозники с удовольствием слушали передачи из Астрахани и Москвы. В 1949 г. в с. Веселое был построен радиоузел, спустя два года из-за поломки передачи прекратились, и нужен небольшой ремонт. Однако председатель рыболовецкой артели им. Жданова Наримановского района не предпринял никаких мер, в результате радио в домах колхозников не работало, и они обратились в областную газету с жалобой.

После публикации «К чему приводит недооценка политической работы» собрание парторганизации колхоза им. Жданова Наримановского района, обсудив выступление газеты, приняло постановление, направленное на улучшение политико-массовой и культурной работы на селе. Было ускорено строительство киноплощадок, восстанавливался радиоузел. Проведено инструктивное совещание агитаторов, на котором разъяснялся проект директив ЦК ВКП(б) к XIX съезду партии. Среди колхозников стали регулярно проводиться беседы.

В октябре 1951 г. на бюро обкома КПСС обсуждалась работа Астраханского областного комитета радиоинформации, возглавляемого председателем Колодезневым, в результате было принято решение, в котором указывалось, что в передачах местного радиовещания слабо освещаются экономические вопросы: борьба за повышение производительности труда, за снижение себестоимости, за улучшение качества продукции. Бюро обкома партии указало радиокомитету конкретные пути к улучшению его работы. Задача радиокомитета – помогать областной партийной организации решать задачи, вытекающие из решений XIX съезда партии, из «гениального труда товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Таким образом, анализируя темпы радиофикации и принимая во внимание то, что радиовещание выносилось в повестке дня на бюро обкома КПСС можно сделать вывод, что советские и партийные органы власти уделяли большое внимание этому средству массовой информации.

Список источников и литературы

1. Волга. 11 декабря 1945.
2. Волга. 5 января 1949.
3. Волга. 19 февраля 1949.
4. Волга. 28 августа 1949.
5. Волга. 23 октября 1949.
6. Волга. 11 февраля 1950.
7. Волга. 17 февраля 1950.
8. Волга. 15 апреля 1950.
9. Волга. 11 июня 1950.
10. Волга. 10 февраля 1951.
11. Волга. 3 февраля 1952.
12. Волга. 15 июня 1952.
13. Волга. 12 июля 1952.
14. Волга. 5 июля 1953.
15. Волга. 8 августа 1953.
16. Кузнецова Н. В. Восстановление и укрепление материальной базы культурно-просветительных учреждений Сталинградской области в 1943–1952 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2014. № 1 (25). С. 70.

ОТМЕНА АКЦИЗА НА СОЛЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Хайрлапова Марина Марксовна,
преподаватель колледжа,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Монопольная система на соль, существовавшая до 60-х гг. XIX в., со стороны государства имела значительные недостатки. Ведая, на обширной территории, хозяйственной соляной операцией, государство вынуждено было содержать значительный состав чиновников. При добыче соли казною, стоимость её обходилось ей значительно дороже, чем частным солепромышленникам. В сравнении, частная добыча, с взиманием с неё акциза давала 26 коп. чистой прибыли с пуда, добыча из казённых источников, составляла чистую прибыль казне 18 коп., т. е. казна теряла на каждом добытом пуде соли до 8 коп.

Неудобством монопольной системы, было в том, что правительство, вступая в конкуренцию с частными лицами по продаже соли, получая акциз с частной соли, не имело возможности продать собственную, или наоборот, продавая свою соль, лишалось акциза за соль частных промышленников, которая оставалась непроданной.

Доход казны от продажи соли и соляного акциза получался сравнительно незначительный. Большинство соляных богатств России принадлежали казне, и разработка их была крайне неудовлетворительной, цена соли была высока.

Таблица

Сведения о добыче и доходах соли с 1855–1861 гг.

Годы	Добыто, пудов	Поступило дохода, руб.
1855	33143674	9133648
1856	39609691	7610882
1857	29079575	7532240
1858	26190951	7010739
1859	26877641	8506549
1860	25759798	8212887
1861	26291772	7998211

За период с 1855 по 1861 г. доход составлял в среднем вывод до 8 млн руб. ежегодно, не падая ниже 7010739 руб. и не возвышаясь 9133643 руб. За это время добыча соли ежегодно составила менее 30000000 пуд, колеблясь между 25759798 и 39609691 пуд [3, с. 38].

Уже к 1858 г. видя все недостатки монопольной системы, в ней были сделаны существенные изменения, касавшиеся взимания соляного налога. Теперь, частным лицам передавались казённые соляные участки для разработки, с платежом в казну 1 коп. с пуда за право добычи соли и с уплатою установленного акциза [3, с. 38]. Эти нововведения вводились в виде опыта, сроком на пять лет. Но уже меньше через год эта мера была сочтена полезной в видах фискальных и вообще для развития соляного дела и стала распространяться на все остальные казённые соляные источники России.

Акцизная система при достаточно простой системе управления, имела наименьшие издержки на взимание дохода, и предполагала передачу всего производства частной промышленности, что позволяла казне получать больший или меньший доход, путем введения большого или меньшего акциза, народу – платить в вольной цене за соль, сверх налога и это собственно за издержки производства ею.

В 1861 г. была создана специальная комиссия, приведшая правительство к изданию закона 14 мая 1862 г. о введении акцизной системы государственного соляного дохода, существовавшего вплоть до её отмены [2, с. 185]. Основания её заключались в следующем: казна постепенно прекращает собственную соляную операцию, т. е. добычу соли, развоз её по магазинам, а также оптовую и раздробительную продажу и передаёт казённые источники в частные руки. Соляные источники передавались в полную собственность или отдавались в оброчное содержание на более или менее продолжительные сроки, с платой за право добычи соли, и за пользование при источниках устройствами определённой годовой суммы, или частным лицам разрешалось добы-

вать из источников соль, с платою при отпуске оной на продажу, собственно за право добычи, определённых попудных денег, независимо от акциза [3, с. 39].

К продаже с публичных торгов подлежали все казённые солеварные заводы Европейской России, с находящимися при них строениями и поземельными угодьями, и самосадочные озёра, отчуждение которых не предоставляет опасений в возникновении монополии по продаже соли. Все виды годной для употребления соли, добываемой частными лицами на казённых или владельческих источниках (выварочная, каменная, самосадочная) подлежат акцизу. Освобождалась от акциза негодные в пищу естественные горькие соли, но и поваренная соль идущая в корм скоту и для технических и фабричных производств. Поваренную соль, назначаемую для этой цели, было предложено отпускать без платежа акциза не иначе, как с известными примесями, которые предупреждали бы употребление такой соли в пищу человеку.

Была создана особая комиссия, на которую было возложено обсуждение и избрание вернейших и удобнейших способов на практике для предупреждения, чтобы безакцизная соль, назначаемая в корм скоту и для технических и фабричных целей, не обращалась в пищу человека.

Рассрочка во взносе акциза допущена для всех видов поваренной соли, с обеспечением надлежащими залогами. Оптовая и дробная продажа соли сделана вольным промыслом, дозволенным всем состоянием, за исключением лиц, служащих по казённому соляному правлению. Иностранная соль (привозная) подвергнута пошлинам [3, с. 40].

В последующие годы главные начала государственного соляного дохода были подвергнуты дальнейшей разработке и, постепенно применялись к различным местностям. В Европейской России первоначально была принята эта система, затем в 1871 г. распространилась на Восточную и Западную Сибирь, в 1872 г. в Царстве Польском, в 1874 г. – в Закавказском крае.

По ныне действующей системе казённые соляные источники сдаются для разработки частным лицам с торгов, при этом одно и то же лицо на одном и том же источнике не имеет права взять в содержание более одного участка. Исключение допускается для тех источников, которые требуют каких-либо особых устройств и сооружений для добычи соли.

Казна за право добычи соли из принадлежащих ей источников, взимает особую плату, размер которой определяется торгами. Торги начинаются не ниже как с цены 1 коп. с пуда подлежащей к добыче соли. Были исключения для источников, которые требовали особых затрат для их устройства. Таким образом, попудная плата с добытой соли это арендная плата за пользованием имущества, принадлежащего казне. Соляные участки сдавались в аренду в соответствии с правилами разработки источников, гарантирующие их солеродность, и на торгах казна определяет количество соли, которое обязательно должно быть добыто арендатором ежегодно. Но на практике, все зависит от арендатора. Правительство, в свою очередь, определяя такой минимум нормы, исходит из фискальных интересов: получение дохода с каждого разрабатываемого участка, обеспечить население солью и не допустить возвышения цен на неё. Таким образом, на каждом соляном участке добыча соли была не одинакова. Добыча на астраханских озёрах составляла – 25000 пуд. соли в год, для крымских соляных источников – 50000 пуд., для источников Восточной Сибири – 30000 пуд. [3, с. 43].

После завершения торгов с людьми, за которыми были закреплены соляные участки, заключались контракты, в которых прописывались все права и обязанности арендатора в отношении казны. Правительство получало от арендаторов залог, который обеспечивал исправное выполнение контракта. Размер залога был также не одинаков. На астраханских, западносибирских и закавказских соляных источниках он составляет не менее одной трети части попудной платы, одну четвертую часть – на крымских соляных источниках. До окончания контрактного срока залоги сохраняются за казной [3, с. 43].

С 70-х гг. XIX в. распространяется и набирает силу взгляд о естественном развитии солепромышленности. Литература и общественное мнение стали пропагандировать полную отмену налога на соль. Заговорили об этом и отдельно сельскохозяйственные общества, и земства, и дворяне, в своих ходатайствах.

26 мая 1872 г. была учреждена комиссия под председательством министра государственных имуществ для рассмотрения положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Комиссия пришла к выводу, что соляной акциз несет вредные последствия для скотоводства. Недостаток соли у крестьянства – прямая причина падёжа скота. Единственное сред-

ство, как утверждала комиссия противодействовать гибели скота от падёжа, это введение в пищу скота соли, но вследствие высокого акциза , соль не всегда доступна не только скоту, но даже бедным людям [2, с. 185]. Работы комиссии, рассматривались в комитете министров, который дальнейшие решение этого вопроса предоставлял на рассмотрение министра финансов, «когда, по положению государственного казначейства сочтёт, сие возможным» [2, с. 185].

Неоднократные обсуждения этого вопроса завершилось указом Александра II от 23 ноября 1880 г. об отмене соляного акциза [1, с. 27]. В нем говорилось: «Желая в тяжкую годину неурожая, постигшего некоторые из восточных и южных губерний империи, явив вверенному нам Божественным промыслом народу Нашему новое доказательство наших забот о его благосостоянии, Мы признали за благо отменить акциз с соли и соразмерно уменьшить таможенную пошлину на соль, привозимую из-за границы». Для возмещения убытков бюджета при реализации данной правовой нормы министр финансов получил указание перераспределения налогового бремени и повышения других видов налогов. Это было самой весомой мерой среди принятых правительством в соляном деле. Так сложилась практика, что соль до наших дней не облагается неподъёмными пошлинами, а цены на неё оставались доступными более века, начиная с 1881 г.

Благоприятными были результаты, полученные после отмены соляного налога. Министр финансов, Н. Х. Бунге приводил такие данные: 1) увеличение производства соли. В последние два года производство соли составляло в 1879–1880 гг. около 48000000 пуд., в 1889–1890 гг. производство достигало 85000000 пуд.; 2) увеличение отпуска соли на отпуск за границу: в 1879–1880 гг. – 27000 пуд., а в 1889–1890 гг. – 482000 пуд.; 3) сокращение привоза соли из-за границы. Если в 1879-1880 гг. – 9,5 млн. пуд, в 1879-1880 гг. – 1,2 млн. пуд. 4) в потреблении соли на человека: в 1879–1880 гг. – 24,2 фунта, а в 1889–1890 гг. – 30,2 фунта, но самое важное – это удешевление соли [2, с. 188].

Главным фактором в развитии солепромышленности является увеличении спроса на соль, вследствие ее удешевления, после отмены налога. Пуд соли стоил от 50 коп. до 1 руб., после отмены акциза стоимость соли понизилась до 20–40 коп. [4, с. 461]. Увеличению добычи соли содействовало и то, что солепромышленники могли расширить свое производство, благодаря освобождению у них значительных капиталов, которые шли на покрытие расходов, связанных с соляным налогом. Отмена акциза, способствуя развитию рыбного промысла, увеличила доход казны от рыбных промыслов. Доходы с казённых речных и морских промыслов составляли: 1877 г. – 285 тыс. руб., 1884 г. – 406 тыс., 1890 г. – 584 тыс. руб. [1, с. 27].

Отмена налога на соль была настоятельна необходима. Указывалось на крайне бедственное положение масс населения, которые были обложены как прямыми и косвенными налогами, указывалось на полный застой соляной промышленности России. Дешевая соль была просто необходима для промышленности и для сельского хозяйства. Отмена налога на соль имела коммерческий расчёт для государства. Прежде всего, он выразился бы в том, что установилась бы внешняя торговля солью и вскоре правительство возвратило бы убыток в виде вывозных пошлин.

Как мы видим, отмена налога на соль произвела кардинальные перемены, и возврат к этой политике был бы губительным не только для масс населения, но для экономики государства в целом.

Список источников и литературы

1. Воронова А. А. Рыбные промыслы Нижней Волги и Каспия в XIX–XX вв. Астрахань: Астраханский ун-т, 2005. 115 с.

2. Кованько П. Главнейшие реформы, проведённые Н. Х. Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901. 459 с.

3. Миропольский Д. А. Косвенные налоги в России 1855–1880 гг. // [Соч.] Д. А. Миропольского. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского, 1880. IV, 4. 103 с.

4. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о гос. доходах. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Стасюлевича, 1895. 502 с.

ОТ САДОВОЙ ШКОЛЫ ДО КОЛЛЕДЖА АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Чемоданова Татьяна Вячеславовна,
кандидат исторических наук, заместитель директора колледжа
по учебно-методической работе,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Корниенко Елена Геннадьевна,
преподаватель социально-экономических дисциплин колледжа,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Нижнее Поволжье в составе России более двух столетий являлось единственным районом страны, климатические условия которого благоприятствовали развитию садоводства, огородничества и бахчеводства. Первые виноградные лозы были завезены в Астрахань персидскими купцами в начале XVII в. Опыт разведения винограда удался, виноградные лозы хорошо принялись и стали плодоносить. И уже в 1613 г. по инициативе казны в Астрахани был создан первый виноградный сад. Для управления садовым делом по указанию Петра I была учреждена Садовая контора, а при ней училище для подготовки садоводов. В ведении Садовой конторы, просуществовавшей до конца XVIII в., находились все казенные сады Астрахани.

В 1842 г. в правительствующем Сенате был заслушан рапорт министра государственных имуществ П. Д. Киселева о распространении в России «правильного садоводства». Особо подчеркивалась важность «приведения всех существующих заведений в соответствие с потребностями времени, дабы они могли готовить садовников ученых и садовников практических». Было внесено предложение, открыть заведения садоводства трех видов: главные училища для образования садоводов с высшими теоретическими и практическими познаниями; училища 2-го разряда для образования практических садоводов или огородников, с изучением латинского языка; училища 1-го разряда [1, л. 73]. При училищах планировалось учреждение библиотеки с собранием литературы по садоводству и Ботанический партер, где должны быть собраны все дикорастущие растения Южной России и зарубежья, которые могли бы быть акклиматизированы у нас. Отмечалось, что училища садоводства второго разряда в Пензенской и Астраханской губерниях необходимо подчинить местному управлению начальников губерний, а в последствии с учреждением Восточной инспекции сельского хозяйства подчинить ей. Особое внимание уделялось расчету предполагаемых расходов для содержания штата училищ садоводства, который включал такие должности как: ученый садовник по найму, помощник садовника, шелковод и пчеловод, священник для обучения закону Божию и латинскому языку, писец, учитель русской грамоты и арифметики. Отдельная статья предполагала расходы на хозяйственные нужды, еду, одежду, учебные предметы для 10 учеников, библиотеку, выписку семян, канцелярские расходы, отопление, освещение, ремонт. Итоговая сумма на содержание одного училища составляла 2710 рублей. Следует отметить, что на содержание Астраханского училища предлагалось дополнительно выделить еще 300 руб., т. к. отмечалась «дороговизна дров и высокая плата работникам».

В 1844 г. в Астрахани учреждается училище Садоводства 2-го разряда, которое через 15 лет прекратило свое существование.

В декабре 1895 г. Обществом садоводов вновь открывается школа Садоводства в г. Астрахани, но уже первого разряда, т. е. низшей ступени [2, л. 1-7]. Попечителем школы становится С. М. Бутков, управляющим – П. С. Кравченко. Школа располагалась на четвертом участке, Луковской площади. Под школу отведено 10 десятин земли. Было открыто два приготовительных класса и три специальных. Для практических занятий устроена теплица, сад для плодовых деревьев, виноградники, огород.

Министерство земледелия проводило периодические проверки школы. В частности, старший специалист по садоводству статский советник Пашкевич В. В. в своем отчете отмечал, что Астраханская школа не отвечает требованиям, которые предъявляются к школам 1-го разряда. Руководство объясняло это крайне скудным финансированием. Отмечая при этом, что на содержание Никитского училища отпускается 28 тыс. руб., на Тифлискую школу – 19 тыс. руб., Царско-Славянскую школу – 15 тыс. руб. Во всех этих школах имелось до 27 десятин земли под сад, огород и

до 3 десятин под парк, теплицы, оранжереи. Большинство из этих школ образовано уже при существующих садовых хозяйствах [3, л. 12об.]. На содержание Астраханской школы выделялось 5915 руб. Участок, отведенный под школьное хозяйство, никогда не подвергался обработке, служил местом для упражнения казаков. При чем, весь участок был прорезан ложбиной. Почвенные условия участка, согласно сделанным химическому и физическому анализу, оставались неудовлетворительными. Солонцеватая, бедная перегноем почва требовала при обработке напряженного труда и капитальных затрат [3, л. 13об.]. Отмечалось, что школа не пользовалась особенным доверием у местного населения, поэтому принимали всех желающих, без конкурсных испытаний [3, л. 17].

В 1909 г. в с. Началово (Черепаха) Астраханской губернии открылась Ахматовская школа садоводства 1-го разряда на деньги помещика М. Н. Ахматова [4, л. 7]. Село Началово славилось виноделием, шелководством и фруктовыми садами. Школа находилась в 12 верстах от города Астрахани и в полуверсте от остановки пароходного сообщения по реке Болда [5, л. 76]. В школе работало три специальных класса и две подготовительные группы. Имелась теплица для высадки рассады огородных овощей, огород, где культивировались, в основном, томаты, капуста и огурцы. В питомнике имелись сорта яблок: Яндыковское, Мамутовское, Саратовское и др. Имелись виноградники и плодовый сад [6, л. 27].

27 января Первый съезд Советов Астраханского края официально провозгласил советскую власть в Астрахани и на всей территории губернии. Съезд наметил среди основных задач необходимость в первую очередь решения аграрного вопроса и мер борьбы с голодом. 31 июля 1918 г. состоялось заседание Коллегии Астраханского губернского комиссариата по народному образованию, под председательством комиссара К. Бакрадзе. Из материалов заседания стало известно, что были обследованы школы садоводства по причине их упадка. По итогам проверки были внесены следующие предложения:

1. Ахматовскую школу преобразовать по типу сельскохозяйственной школы с отделениями по садоводству и мелочному хозяйству, при этом нарезать под ферму из казенной земли до 100 десятин.

2. Астраханскую школу преобразовать в училище Садоводства, перенеся ее на другой участок.

Коллегия Астраханского губернского комитета постановила объединить Ахматовскую и Астраханскую школы садоводства и образовать Астраханскую школу садоводства 2-ой ступени, т. е. среднее специальное учебное заведение в селе Началово (Черепаха) в здании бывшей Ахматовской школы [7, л. 9–9об.].

С 1918 по 1921 г. в официальной переписке губернского комиссариата, а затем отдела народного образования, губернского земельного отдела и др. учреждений адресат называется то школой Садоводства 2-ой ступени, то сельскохозяйственным техникумом [8, л. 50–50об.]. В ответной корреспонденции повторялось то же самое. Таким образом, имея два штампа и две печати, использующиеся при официальной переписке, очевидно, не делалось различия в этих названиях, считая их равноценными.

В приказах губоно указывается, что в 1918–1919 гг. в Астраханской школе садоводства 2-ой ступени было 5 преподавателей и 52 учащихся, в 1919–1920 гг., судя по спискам учащихся на получение продуктовых пайков за декабрь, обучалось 20 человек [9, л. 78]. Приведенные данные позволяют сделать предположение, что число учащихся с 1918 по 1921 г. резко уменьшилось, в связи с чем 1 января 1922 г. весь преподавательский и служебный персонал был уволен, за исключением преподавателя И. Ф. Максакова, временно исполняющего обязанности заведующего техникума и преподавателя Н. Д. Гончарова, временно исполняющего обязанности завхоза [10, л. 5]. Предлагалось также распустить учащихся на неопределенное время. Но уже 1 ноября 1922 г. техникум возобновил свою работу и принял 46 учащихся [9, л. 78].

В газете «Коммунист» от 15.09.1922 г. было помещено объявление о возобновлении работы сельскохозяйственного техникума в с. Началово (Черепаха) с двумя отделениями: полеводственным и садоогородным. Открытие полеводственного отделения было вызвано крайней необходимостью в работниках – местных уроженцев, т. к. заполучить опытных работников из центра трудно, а «приезжие специалисты не могут мириться с климатическими условиями и стремятся уехать».

Курс обучения в техникуме устанавливался в 5 лет. Открывались два подготовительных класса (1 и 2) и три специальных (3, 4, 5). Прием в 3-й специальный класс без экзамена допускался для лиц обоего пола прошедших курс 1 класса школы второй ступени. Прием в 4-й специ-

альный класс без экзамена предполагался для лиц, ранее обучавшихся в школе Садоводства, но не окончивших ее, в 1-й и 2-й подготовительные классы – по испытанию экзаменационной комиссии. Окончившие школу 1 ступени во 2-й подготовительный класс принимались без экзамена. Окончившие полный курс получали специальности техников сельского хозяйства и техников по садоводству и огородничеству [9, л. 78 об.].

Гражданская война внесла свои коррективы в работу техникума. Лишь с ноября 1922 г. учебное заведение постепенно стало восстанавливать силы, а к началу 1924/1925 учебного года окрепло и стало успешно развиваться. Первый выпуск в количестве 9 человек был произведен 7 ноября 1926 г. За годы своей дальнейшей работы техникум еще несколько раз менял свое название: Астраханский сельскохозяйственный техникум, Астраханский гидромелиоративный техникум, Астраханский технический колледж. В 2008 г. Астраханский технический колледж вошел в состав Астраханского государственного университета, в 2018 г. отметил свое 100-летие.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 2. Оп. 1 Д. 365.
2. ГААО. Ф. 776. Оп. 1. Д. 1.
3. ГААО. Ф. 776. Оп. 1. Д. 25.
4. ГААО. Ф. 778. Оп. 1. Д. 1.
5. ГААО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Т. 2. Д. 21.
6. ГААО. Ф. Р. 404. Оп. 1/1. Д. 5.
7. ГААО. Ф. Р. 404. Оп. ½. Д. 1.
8. ГААО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 1251.
9. ГААО. Ф. Р. 1362. Оп 1. Т. 2. Д. 2149.
10. ГААО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 1757.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ РОССИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПРОЕКТОВ СУДЕБНОГО УСТРОЙСТВА КАЛМЫКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Черник Мария Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Судебная реформа 1864 г., как и другие Великие реформы Александра II, не затронула Калмыкию, поэтому существовавшая с 40-х гг. XIX в. система управления и ее взаимоотношения с центральными и губернскими органами власти остались без изменений. В связи с тем, что калмыки со времени отмены крепостного права сблизились в правовом отношении с населением губернии, необходимость реформирования судебной части ощущалась достаточно остро [9, с. 202]. Но для того чтобы ввести судебные уставы на данной территории, необходимо было сначала освободить калмыков-простолюдинов от владельческой зависимости.

Разработка проектов по изменению системы управления калмыцким народом велась как на центральном, так и на местном уровне. Как правило, каждый проект содержал в себе предложения по изменению порядка общественного управления, системы налогообложения и судебной части. Для реализации любого из разработанных проектов необходимо было согласовать его между всеми министерствами и ведомствами, которые имели отношение к управлению калмыцким народом – Министерством внутренних дел, Министерством юстиции, Министерством финансов, Военным ведомством и Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Процедура согласования в виде переписки по поводу подготовки и проведения реформ затягивала этот процесс на годы.

Впервые после 1847 г. вопрос о необходимости реформирования системы управления калмыцким народом был поднят в 1860 г., когда в Министерство государственных имуществ были представлены проекты исполняющего обязанности астраханского губернатора Б. В. Струве и Главного попечителя калмыцкого народа В. Н. Струкова [7, с. 23]. Проект В. Н. Струкова сводился главным образом к обоснованию необходимости проведения реформ, но не содержал каких-либо конкретных предложений.

Проект Б. В. Струве включал предложения по изменению систем судоустройства и судопроизводства, существовавших в Калмыцкой степи. По его мнению, улусные Зарго необходимо было

упразднить, а все судебные дела (гражданские и уголовные) следовало передать в уездные суды Астраханской губернии. Для того чтобы калмыцкий народ получил право представлять свои интересы, в уездные суды необходимо было избирать по одному представителю от калмыков. По проекту следовало учредить улусные расправы при улусных управлениях, наделив их правами волостной расправы для государственных крестьян [7, с. 24].

В 1861 г. Комиссия при Министерстве государственных имуществ признала проект Б. В. Струве неудовлетворительным, главным образом, из-за предложений, сделанных им по условиям отмены феодальных отношений.

21 февраля 1863 г. Главным попечителем калмыцкого народа К. И. Костенковым на рассмотрение министру государственных имуществ, директору полиции и астраханскому прокурору была представлена записка о преобразовании судебной части калмыков [1, с. 35]. В своей записке К. И. Костенков указывал на ряд недостатков, свойственных улусным Зарго. Во-первых, у калмыцкого народа отсутствовал местный суд, способный разрешать маловажные дела, возникающие постоянно в повседневной жизни, и вследствие этого калмыки не могли добиться скорого и правильного решения, а ввиду обширности территории калмыцкой степи, этот недостаток был очень ощутим для населения. Во-вторых, улусные Зарго были основаны на смешении административной и судебной власти и не могли удовлетворять требования ни народа, ни правительства, т. к. в обоих случаях оказывались несостоятельными. По мнению Главного попечителя, местный суд мог быть представлен в будущем мировым судом. Мировых судей К. И. Костенков предлагал выбирать из среды самих калмыков. Аргументировал он это тем, что мировым судьям для эффективной работы необходимо иметь полное доверие со стороны местных жителей, чего можно достичь только после знакомства с народными понятиями, нравами, обычаями, условиями и особенностями местной жизни. Кроме того, гражданские дела, как правило, носили частный характер, в связи с чем мировые судьи из калмыков были бы более компетентными в решении тех или иных вопросов, нежели русские судьи. Необходимо было учитывать и тот факт, что среди калмыцкого населения и без того существовал обычай – свои дела и споры отдавать на разрешение лицам из своей среды, таким, которые пользовались доверием и уважением за ум и добросовестность [1, с. 35 об.]. Таким образом, существовавший до этого времени обычай при введении мировых судей из калмыков получил бы законодательную санкцию и тем самым приобрел бы больше силы и значения.

Для этого необходимо было снизить образовательный ценз для мировых судей из калмыков, не требовать от них «глубокого юридического образования и знакомства с современным состоянием науки права». Это объяснялось тем, что из гражданских дел их рассмотрению подлежали бы только дела относительно простые, не представляющие трудности в разрешении – «главнейшей их задачею было бы удовлетворить насущным потребностям народа в суде по совести; высшее качество их правосудия – примирение» [1, с. 36]. К. И. Костенков проводил исторические параллели, сравнивая мировых судей с улусными судьями, должности которых были учреждены «Правилами об управлении калмыцким народом», составленными в 1825 г. Несмотря на то, что «Положением об управлении калмыцким народом», изданным в 1847 г., этот институт был упразднен, он вполне удовлетворял потребностям народа. Улусные судьи продолжали существовать «де-факто» и следовало, чтобы существование их было признано де-юре [7, с. 26]. Для решения уголовных дел Главный попечитель предлагал ввести мировых судей из русских, которые решали бы дела исходя не из местных обычаев, а на основании общего законодательства, действующего во всем государстве. Для калмыков Астраханской губернии должны были назначаться семь мировых судей из русских, по одному в улус: Малодербетовский, Багацохуровский, Хошоутовский, Яндыковский, Харахусовский, Икицохуровский и Эркетеневский. Мировой судья мог быть назначен не только из местных астраханских служителей; он мог не иметь собственности, в размерах, установленных УСУ. Претенденту достаточно было окончить курс, по крайней мере, в среднем учебном заведений и представить удостоверение о прежней безукоризненной службе. Это положение основывалось на тех соображениях, что в Астраханской губернии, где не было местных собственников, удовлетворяющих условиям, высказанным в положении о мировых судьях, а большая часть тех, кто мог бы хотя бы отчасти удовлетворять требованиям, предъявляемым к мировому судье – приезжие чиновники, люди по преимуществу бедные. Таким образом, если поставить непременным условием образование и прежнюю безукоризненную и добросовестную службу, то по местным условиям этого было бы достаточно. Мировые судьи

назначались бы на год. Когда же их деятельность оказывалась вполне удовлетворительной, им предоставлялось бы право просить о продлении срока службы. Список кандидатов в мировые судьи составлялся бы совместно с Главным попечителем калмыцкого народа, с председателем судебного места и подавался бы начальником губернии на утверждение в Сенат. К. И. Костенков предлагал каждому мировому судье назначить жалование по 1500 руб. и по 300 руб. на канцелярию. Предмет их ведомства и пространство власти должны были остаться теми же самыми, которые назначены в Положениях о преобразовании судебной части в России.

Мировые судьи из калмыков должны были учреждаться в улусах для разбирательства только гражданских дел и только в том случае, когда стороны обращались к ним по обоюдному согласию. Один мировой судья из калмыков назначался на 600–700 кибиток [1, с. 39]. Он выбирался бы на улусном сходе всеми калмыками без различия в званиях. Состав улусного схода и порядок избрания оставался такой же, что изложен в четвертой главе «Положения об управлении калмыцким народом». Мировые судьи выбирались на один год и утверждались Главным попечителем калмыцкого народа. К кандидату предъявлялись следующие требования: «не опороченный судом, а также не состоящий под судом и следствием, пользующийся в народе уважением и доверием. Он должен иметь исправные принадлежности кочевой жизни и не менее 500 голов скота; только избранный двумя третями голосов может иметь менее голов скота». Мировые судьи должны были пользоваться правами и преимуществами, сопряженными с общественной калмыцкой службой. Отличившийся усердием и правдивостью в службе мог быть удостоен награды на основании общих законоположений. Денежное вознаграждение мировым судьям из калмыков проектом К. И. Костенкова не предусматривалось [1, с. 40]. Это условие объяснялось тем, что назначить какое-либо вознаграждение калмыцким мировым судьям было затруднительно, т. к. в этом случае необходимо было бы учредить новый сбор с калмыков, который и без того очень значителен. Кроме того, принимая во внимание, что калмыцкие мировые судьи, не отвлекаясь от мест своей кочевки, будут постоянно следить за своим родом, им также не планировались и издержки по канцелярии, т. к. производство дел у мирового судьи словесное и гласное.

Решать дела они должны были на основании обычаев и юридических воззрений своего народа. Тяжущиеся стороны должны были являться к мировому судье или лично, или вместо себя могли послать доверенное лицо в сопровождении не менее двух свидетелей, которые удостоверяли бы личность поверенного и то, что дело ему действительно доверено.

К ведомству мировых судей из калмыков должны были относиться дела простые и проступки, производство по которым начинается не иначе как по желанию обиженных и потерпевших вред. Им не были подсудны иски и прочие дела, основанные на каких-либо форменных актах, дела о вознаграждении за ущерб и убытки, дела о восстановлении владения, когда с нарушением не соединялся сам спор о правильности владения, основанного на форменном акте. В присутствии мирового судьи могли заключаться словесные сделки между калмыками.

Второй мировой инстанцией в Калмыцкой степи должны были стать мировые съезды, образуемые из мировых судей [1, с. 40 об.]. В их состав входило бы не менее трех русских и трех калмыцких мировых судей. Во время пребывания на мировом съезде калмыцкие мировые судьи получали бы «поощрительные деньги» – по 50 коп. за сутки. Предмет ведомства мировых съездов оставался тот же самый, что назначен «Положением о преобразовании судебной части в России».

Улусные Зарго должны были быть расформированы. Улусным попечителям оставалась только полицейская власть, а помощники улусных попечителей превращались в судебных следователей. Первой судебной инстанцией должен был стать окружной суд, как для всей Астраханской губернии. Состав его и предмет ведомства должен сохраниться тот же самый, что будет признан полезным для Астраханской губернии.

Проект К. И. Костенкова, безусловно, имел несколько существенных недостатков. Во-первых, отсутствие принципа выборности: мировых судей из русских назначал губернатор, а значит, административная власть имела возможность оказывать влияние или давление на власть судебную. Во-вторых, отсутствие образовательного ценза для мировых судей из калмыков влекло за собой возникновение ситуации, когда мировые судьи могли «не знать юридической науки», и в этом случае они не могли бы участвовать в разборе дел, в процессе работы мирового съезда.

25 сентября 1866 г. министр государственных имуществ П. А. Валуев поручил Главному попечителю калмыцкого народа составить проект предстоящей реформы в степи [7, с. 25]. Состав-

ленный К. И. Костенковым проект по изменению судебной части содержал в себе предложения, озвученные им в записке 1863 г. Он предлагал также согласовать свой проект с положениями, касающимися других инородцев.

13 января 1867 г. департаментом общих дел Министерства государственных имуществ была создана специальная Комиссия для рассмотрения подготовленных проектов [17, л. 126]. В процессе обсуждения вопросов, касающихся реформирования судебной части, у Комиссии возникли вопросы, требующие разрешения. В частности, нужно было решить вопрос, как поступить с улусными Зарго, упразднить их или реформировать, а также следовало ли лишать судебных функций попечителей в случае введения мировых судебных учреждений [7, с. 26].

25 сентября 1870 г. Комиссия под председательством товарища министра статс-секретаря Д. А. Оболенского, созданная по инициативе Министерства государственных имуществ, вернулась к вопросу реформировании системы управления калмыцким народом и пришла к выводу, что введение мировой юстиции в Калмыцкой степи будет неоправданным, поскольку «здесь отсутствовали многочисленные земельные вопросы». А калмыцкий народ в судебном и следственном отношении следовало подчинить общим законам Российской империи.

В 1873 г. министр государственных имуществ П. А. Валуев собрал новую Комиссию во главе с товарищем министра князем А. А. Ливеном для разработки окончательного проекта «Положения по управлению калмыцким народом» [7, с. 29]. В ходе работы комиссия пришла к мнению о том, что Зарго необходимо было упразднить, а введение мировых судов признать необходимым. Чиновники соглашались с такими преимуществами мирового суда, как простота форм, устность, гласность и скорость в производстве, все это, по их мнению, могло способствовать скорейшему приобщению калмыцкого народа к общероссийской системе судоустройства. Однако и этот проект не получил дальнейшего продвижения и не был реализован [5].

В 1878 г. в Астраханской губернии были начаты мероприятия по введению мировых судов. Судебная реформа 1864 г. вводилась не на всей территории губернии и не в полном объеме. Мировая юстиция не была введена на территориях, занимаемых калмыками и киргизами (казахами) [11]. В последующее десятилетие центральная власть готовила проект по отмене крепостного права в Калмыцкой степи, а губернские власти были заняты организацией деятельности мировых судов и подготовкой к открытию Астраханского окружного суда [6, с. 365]. Так, вопрос реформирования судебной части калмыков отошел на второй план.

В 1892 г. был принят закон об освобождении калмыков-простолюдинов от владельческой зависимости. Его содержание составляли три важных положения: отмена владельческих прав калмыцких феодалов и освобождение калмыков-простолюдинов; частичная реорганизация управления калмыцким народом и судопроизводства; налогообложение всего калмыцкого населения в пользу государства [8]. Согласно этому закону, обязанности нойонов-владельцев по председательствованию в улусных Зарго возлагались на улусных попечителей [12, с. 174]. Однако попрежнему оставались нерешенными вопросы о порядке и условиях проведения судебной реформы и реформы землепользования.

В 1894 г. прокурор Саратовской судебной палаты В. Ф. Фененко представил в Министерство юстиции сведения о положении дел в Калмыцкой степи. Согласно этому отчету, калмыки не имели следственной части и судебной власти, ведающей преступлениями и проступками, которые совершались не калмыками в пределах кочевий, т. к. эти лица не подчинялись ни Зарго, ни судебной палате по ст. 25 Учреждений местных установлений прежнего устройства. Следствия по калмыцким делам длились по несколько лет, формы судопроизводства не соблюдались, производство носило хаотичный характер, обвинение предъявлялось без всяких оснований [14, с. 124]. В 1899 г. при Министерстве юстиции начала работу Комиссия председательством Гуссановского [14, л. 240–246]. Целью разработанного чиновниками проекта было рассмотрение возможности введения в Калмыцкой степи мирового суда без земской реформы, проведение которой планировалось позже. Для изучения местных особенностей судопроизводства у калмыков Министерством юстиции было поручено астраханскому губернатору М. А. Газемкампфу вместе с председателем Астраханского окружного суда отправиться в поездку в калмыцкие степи .

По данному проекту для разбора судебных дел необходимо было учредить должности шести мировых участковых судей и двух добавочных. Разбирательство споров о земле передавалось в калмыцкое управление. Все гражданские вопросы должны были решать улусные попечители. Про-

изводство дознаний возлагалось на улусных попечителей и их помощников, они же должны были исполнять поручения мировых судей и общих судебных установлений. Также учреждались две должности судебных следователей [17, л. 126]. Кроме этого, учреждался калмыцкий народный суд, функции которого на себя брал аймачный суд, который учреждался в каждом аймаке. Расписание по количеству аймачных судей составлял улусный попечитель, утвержденный, в свою очередь, Главным попечителем и астраханским губернатором. В состав аймачного суда входило бы четверо судей, избранных на три года. Кандидаты в судьи избирались на аймачном сходе, но утверждались улусным попечителем. Кандидатом мог стать кибитковладелец старше 35 лет. Возрастной ценз мог быть снижен до 25 лет, если претендент учился в русской школе. Дела должны были вестись на калмыцком языке, делопроизводство возлагалось на одного из аймачных судей. Надзор за аймачным судом возлагался на улусных попечителей. Предать аймачного судью суду и уволить с должности можно было только по представлению Главного попечителя, с разрешения Астраханского губернского правления, которое издавало по такому случаю постановление, утверждавшееся губернатором. Содержаться аймачный суд должен был из мирских сумм, при этом судья не мог получать более 300 руб. в год, а писарь не более – 120 руб. Брачные дела решались ламой. Дела, подсудные аймачному суду, могли решать мировые судьи и Астраханский окружной суд. В порядке производства аймачный суд должен был руководствоваться правилами о волостном суде от 12 июля 1889 г. Решения и приговоры улусного Зарго обжалованию не подлежали [14, с. 241 об.].

Данный проект в 1900 г. для согласования был отправлен астраханскому губернатору М. А. Газемкампфу. Губернатор представил свое заключение, в котором указал на ряд аспектов, которые не были приняты во внимание разработчиками. В частности, министерские чиновники не учли низкую платежеспособность и неграмотность калмыков [2, л. 12]. Особенно заботил астраханского губернатора вопрос финансирования нового суда, он был категорически против того, чтобы его содержание проводилось за счет новых сборов с оседлого гражданского населения. Кроме того, введение волостных судов вместо судов народных стало бы огромным бременем для местного населения [14, с. 253]. Отрицательное заключение астраханского губернатора сыграло свою роль, и проект не был утвержден.

В 1901 г. Министерством юстиции был разработан очередной проект реформирования суда в Калмыцкой степи. Идея создания народных судов была признана неудовлетворительной и от нее отказались. Было предложено ввести мировой суд для разбора всех малозначительных дел, споров и разбирательств. Однако в его компетенцию не входили бы все дела, касающиеся земли. Мировой судья также должен был исполнять функции следователя. Но утверждение этого проекта задержало требование Астраханского окружного суда усилить личный состав и прокурорский надзор, т. к. судом ежегодно рассматривается большое количество калмыцких дел [4, л. 2] Министерством юстиции был направлен запрос в Управление калмыцким народом о статистических данных по количеству преступлений, совершаемых в Калмыцкой степи. Переписка, посвященная уточнению статистических сведений о количестве дел инородцев, рассматриваемых Астраханским окружным судом, продолжалась в течение нескольких последующих лет вплоть 1907 г., когда было решено приостановить подготовку к проведению судебной реформы в Калмыцкой степи из-за реформы административной [14, л. 305].

В 1903 г. для сбора сведений о состоянии судопроизводства у калмыцкого населения Министерством внутренних дел в Астраханскую губернию был отправлен министерский чиновник И. И. Крафт [10, с. 59]. Его экспедиция продлилась полгода, в течение которого им был собран богатый материал. Анализ данного материала был положен в основу проекта «О преобразовании административного, общественного и поземельного устройства калмыков Астраханской губернии», представленный министром внутренних дел в Государственный совет.

Касаясь вопроса о необходимости реформы суда Зарго, министр внутренних дел В. К. Плеве отмечал, что на практике деятельность Зарго не отвечает самым главным условиям деятельности правосудия [15, л. 25]. То обстоятельство, что судьями Зарго в качестве председателя и членов являлись улусные попечители и их помощники, обременённые помимо судебных функций, другими разнородными и многочисленными обязанностями, лишало суд возможности функционировать постоянно и оперативно. По месту своего действия, осуществляемого в улусной ставке, нередко находящейся в десятках и сотнях верст от «окраинных групп кочевников», разбросанных по громадным пространствам улусных территорий, Зарго совершенно не отвечали понятию о

суде, близком населению. Большая часть дел, поступающих в Зарго, прекращалась из-за невозможности найти виновных или доказать преступление. Все это свидетельствовало о некачественности и чрезмерном формализме, допускаемом в делопроизводстве суда. Кроме того, во всех улусах установилась разнообразная практика в отношении судопроизводства, подсудности и компетенции Зарго. Все вышеперечисленные недостатки привели к тому, что калмыцкое население потеряло всякое доверие к своему суду и судьям. В правовой жизни населения царила путаница и неопределенность. Рассуждая о том, какую форму следует придать суду, вводимому у калмыков, министр внутренних дел В. К. Плеве указывал, что хотя у калмыков и существовало обычное право, но с ослаблением феодальной зависимости этому праву при новой организации улусных Зарго (Положение 1847 г.) не было отведено надлежащего места, и правосудие стало отправляться по формальным доказательствам с применением лишь правовых норм, указанных в законе [16, л. 7]. Представленное улусным Зарго в гражданских делах право руководствоваться древними калмыцкими постановлениями на практике не осуществлялось вовсе, т. к. представители от народа – заседатели Зарго, участвуя в суде вместе с чинами улусной администрации, естественно, находились под их влиянием, не проявляли никакой инициативы и не имели практического опыта обращения к нормам калмыцкого обычного права [10, с. 59].

Таким образом, калмыки в течение долгого времени искусственно отстранялись от судебной деятельности в своей среде. Ввиду этого им нельзя было оставлять такие судебные разбирательства, которые основывались бы на обычаях. Исходя из этого, Министерство внутренних дел предложило ввести на территории Калмыцкой степи закон о земских начальниках [13, с. 508]. По мнению ряда министерских чиновников, калмыцкое население было еще не совсем готово к пониманию судебной реформы 1864 г., поэтому местная власть должна была быть жестко централизованной, а земские начальники должны были быть наделены исключительными правами по отмене судебных решений [3, л. 13]. Законопроект был поддержан, и правительство выступило с ходатайством перед Государственным советом о преобразовании этого управления в Калмыцкой степи с 1 января 1905 г. Однако начавшаяся русско-японская война, а затем и революционные события в стране помешали реализации данного проекта в назначенные сроки.

В 1909 г. председатель Астраханского окружного суда получил от министра юстиции поручение составить проект Временных правил применения судебной реформы 1864 г. на территории Калмыцкой степи и Внутренней киргизской орды [15, л. 1]. Председатель окружного суда предлагал заменить улусные Зарго и управления частей мировыми судьями – следователями. Вследствие чего административное устройство могло остаться прежним, освободившись от тягот правосудия. Министерство юстиции с данным предложением согласилось и приняло его в работу.

Лишь в 1913 г. вернулись к вопросу реформирования суда астраханских калмыков, когда Министерство внутренних дел представило на рассмотрение Государственной думы законопроект о преобразовании административного, судебного и земского устройства в Калмыцкой степи Астраханской губернии. Проект предполагал введение мирового суда, но без съездов мировых судей, функции которых было решено возложить на Астраханский окружной суд. К компетенции окружного суда планировалось отнести все дела общей подсудности. Института присяжных заседателей для калмыцкого населения решено было не вводить, т. к. калмыки не владели письменным и устным русским языком, а также не обладали земельным цензом. Апелляционными инстанциями должны были стать Саратовская судебная палата и Правительствующий Сенат. Но полноценному рассмотрению и обсуждению данных предложений помешала начавшаяся в 1914 г война между Россией и Германией и последующие события во внутренней политической жизни страны.

Таким образом, преобразование калмыцкой судебной системы не было проведено. Судебная власть осталась по-прежнему в ведении улусных Зарго, а Судебные уставы 1864 г. так и не были введены даже в измененном виде. Подготовка реформы суда в Калмыцкой степи велась как центральными органами власти, так и местной администрацией. Можно выделить два основных противоположных направления в решении вопроса о судебных преобразованиях. С одной стороны, настаивали на сохранении административного надзора за судебной властью со стороны государства, с другой – на введении мировых судебных установлений с минимальными изменениями основных начал Судебных уставов 1864 г. При этом проекты, подготовленные губернскими чиновниками или местными комиссиями, были более рациональными и отвечали местным условиям жизни калмыков в отличие от проектов, разрабатываемых межведомственными комис-

сиями министерств. Однако ни один из разработанных проектов (ни министерских, ни местных) не был реализован. Причин этому было несколько. Во-первых, не была завершена реорганизация местного административно-территориального управления. Во-вторых, согласование каждого из разработанных проектов между министерствами занимало длительный период времени и проект либо не утверждался одной из сторон, либо терял свою актуальность. Государство понимало и признавало факт необходимости проведения как судебной, так и других реформ на данной территории, но не готово было ослабить контроль и отказаться от системы попечительства.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 505. Л. 35, 35 об., 36, 39, 40, 40об.
2. ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 1131. Л. 12.
3. ГААО. Ф. 229. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 13.
4. ГААО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2.
5. Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. 2003. № 1.
6. История Астраханского края. Астрахань: Астраханский гос. пед. ун-т, 2000. 1122 с.
7. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: Герел, 2009. Т. 2. 840 с.
8. Команджаев А. Н., Мацакова Н. П. Реформа 1892 года в Калмыкии. Элиста: КалмГУ, 2011. 240 с.
9. Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVIII в. – XX в.). М.: Наука, 2002. 524 с.
10. Плюнов Ф. И. Правительственные законопроекты о реформах административно-общественного устройства калмыков и суда // Ойратские известия. 1922. № 3–4.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Соб. 2-е. СПб.: СЕИВК, 1880. Т. 53, ч. 1, № 58458.
12. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. СПб.: СЕИВК, 1895. Т. 12, № 8429.
13. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. СПб.: СЕИВК, 1891. Т. 9, № 6196.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 93. Ед. хр. 10951. Л. 124, 240–246, 253, 305.
15. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Ед. хр. 10952. Л. 1, 25.
16. РГИА. Ф. 1405. Оп. 93. Ед. хр. 10967. Л. 7.
17. РГИА. Ф. 1405. Оп. 94. Ед. хр. 2396. Л. 10, 126.

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АСТРАХАНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Шустовская Анна Васильевна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Гражданская война рассматривается в современной отечественной историографии как крупномасштабная общероссийская катастрофа, повлекшая за собой ряд непрерывных негативных перемен в повседневной жизни рядового советского гражданина.

В условиях войны происходит резкое ухудшение санитарно-эпидемического состояния советских городов. Угроза распространения эпидемий напрямую зависела от количества людей, проживающих в том или ином населенном пункте, состояния коммуникаций (водопроводных и канализационных труб), уборки улиц и т. п. На материалах Астрахани вполне возможно представить с санитарной точки зрения послереволюционный российский провинциальный город как место повседневной жизни людей.

Во время январских боев 1918 г. в Астрахани в центре города было полностью разрушено более 75 крупных зданий [8, с. 247]. Разразившийся в годы гражданской войны топливный кризис привел к уничтожению значительной части деревянных зданий города. Журнал «Наш край» отмечал: «...местные власти, будучи не в силах бороться с топливным кризисом, сознательно шли на использование ветхих построек в качестве топлива, щедро раздавая разрешения на снос» [7, с. 25]. Все это привело к сокращению жилого фонда в губернском центре.

В годы «военного коммунизма» государство проводило политику перераспределения имевшегося жилого фонда, выдвигая в качестве главного аргумента такой политики желание уравнять жизнь рабочих и буржуазии, чему способствовала отмена частной собственности на недвижимость

и передача жилья в ведение местных советов. В административном порядке происходило уплотнение жильцов принудительно вселявшимися в их дома и квартиры новыми соседями. Нуждающемуся выдавался ордер на вселение в частное домовладение, имевшее «излишек» жилплощади. По свидетельству современников, «…в провинциальных городах, жители хороших домов были разделены на специальные категории, причем буржуазные «паразитические» элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов переселялись рабочие» [11, с. 71].

Политика «уплотнения» в условиях социально-экономического кризиса, дефицита предметов первой необходимости усугубила санитарно-бытовую ситуацию. Нормальные жилищные условия в годы «военного коммунизма» стали настоящей редкостью. Лишний стол или дополнительная кровать в единственной комнате, где живет семья из 4–7 человек, уже представляли серьезную проблему, в особенности, если та же комната служила складом для продуктов, местом приготовления пищи и стирки белья. Не было возможности соблюдать личную гигиену, т. к. мыло стало большим дефицитом.

«Подселения» и «уплотнения» лишали жильцов стимулов к поддержанию жилищ в хорошем состоянии. «Всеобщая неуверенность в обеспечении жилищем, постоянный трепет перед возможностью принудительного вселения посторонних в вашу семью, недоверие к жилищной политике – эти факторы окончательно подорвали в населении всякую самодеятельность и заинтересованность в поддержании жилищ в исправности и заставили каждого чувствовать себя гостем даже в собственной квартире», – писал на этот счет журнал «Наш край» [7, с. 25]. Превращение квартир «господствующего класса» в коммунальные приводило к их разрухе, поскольку нормального хозяина у них теперь не было. В тоже время отсутствие необходимых финансовых средств у городских властей не позволяло им не только вести строительство, но и поддерживать в надлежащем виде перешедший в их распоряжение жилищный фонд.

К весне 1918 г. типичный астраханский дом представлял собой печальное зрелище. За время Первой мировой войны во многих зданиях как внутренний, так и внешний ремонт не производился. Отсюда – проблемы с отоплением, неисправной канализацией, проржавевшей крышей, развалившимися кухонными печами, сгнившими рамами и дверьми, обвалившейся штукатуркой.

В конце гражданкой войны в марте 1921 г. квартирный подотдел Астраханского совета и Губстатбюро произвели исследование и подсчет жилого фонда. По их оценке, в городе числилось 6750 домовладений, в которых было 30852 квартиры. И не было ни одного дома, находящегося в нормальном состоянии. Производственные помещения также обветшали и требовали ремонта [6, с. 222]. Как отмечает исследователь Т. М. Смирнова, благородная идея улучшения жилищных условий трудящихся на практике привела к «катастрофическому разрушению домового хозяйства» и обострению жилищного кризиса [9, с. 287].

Важной проблемой было «замусоревание» города. Многие дворы находились в загрязненном состоянии, т. к. жители не очищали их от мусора, часто бытовой мусор выкидывался прямо на улицу. Городские власти пытались бороться с этим, постоянно проводились санитарные осмотры состояния дворов, жилищ, по результатам которого жильцам часто выписывали предписания и штрафы, после чего проводились повторные осмотры для выявления устранения нарушений. Однако из-за недостатка транспорта для вывоза мусора во дворах продолжали скапливаться бытовые отходы. Аналогичная ситуация наблюдалась вблизи госучреждений и промышленных предприятий [10, с. 65]. На берега рек Волги и Кутума выбрасывали навоз, мусор и другие отбросы, в реке стирали грязное белье [2, л. 19].

С 1920 г. начинаются регулярные «Недели очистки города». Для этого была проведена мобилизация всех перевозных средств военных и гражданских учреждений. Жители обязывались без разницы пола убирать свои дворы и прилегавшие к ним улицы и тротуары. Ответственными назначались домовые комитеты и начальники милиции. Весь мусор вывозился за город, в отведенные для этой цели места (свалки), по возможности его сжигали. Для свалки мусора были выделены особые места: для II, V и VI участков – яма недалеко от Ипподрома, между мостом через реку Бехчу и бывшим кирпичным заводом, а для I, III и IV участков – яма, находившаяся между немецким кладбищем и бывшим садом Догадина. Мусор предварительно смешивали с землей и

засыпали негашеной известью. Для работы по уборке города привлекали, в обязательном порядке, арестованных лиц и дезертиров [5, с. 91–92].

Санитарно-гигиеническая ситуация в губернском центре усугублялась неудовлетворительным санитарным состоянием, в котором находились городские бани. Как отмечал коммунальный отдел Астраханского горисполкома в начале гражданской войны: «Советские бани в данный момент не функционируют ввиду отсутствия транспорта для доставки топлива, не предполагается начало функционирования таковых при организации гужевого транспорта, к организации какового подотделом приняты меры» [4, л. 2]. Многие бани требовали ремонта: «В ведении подотдела коммунальных предприятий имеется 16 бань, из коих в данный момент действуют 8 и два дня в неделю. Другие бани не функционируют за отсутствием топлива и капитального ремонта. Функционирование всех бань является крайне необходимым для населения Астрахани, т. к. уничтожает эпидемические заболевания. На содержание Советских бань испрашивается кредит в сумме 19952081,20 рублей» [3, л. 13–14]. Лишь в 1920 г. ситуация несколько улучшилась. Этому способствовало проведение «банных недель», которые ставили своей целью скорейшее восстановление нормального функционирования городских бань, а также начавшиеся поставки дров.

К концу гражданской войны большинство бань Астрахани по-прежнему находились в неудовлетворительном состоянии. Из имевшихся в городе 16 бань функционировало только 5 [6, с. 222]. Таким образом, понимая важную роль бань в деле поддержания благоприятных санитарно-гигиенических условий жизни горожан, городские власти принимали меры для налаживания нормальной работы, но в условиях гражданской войны сделать это было довольно проблематично.

В плохом санитарном отношении находились и городские больницы. В городской Центральной больнице, Заразной больнице и других медицинских учреждениях не хватало автомобилей для вывоза нечистот, вследствие чего выгребные ямы были переполнены, а нечистоты заливали дворы больниц [5, с. 92]. Астраханские больницы, за исключением глазной клиники и терапевтической, нуждались в ремонте. Только глазная клиника на 175 коек была прекрасно оборудована, но не хватало офтальмологического инструмента. Исключение составляла бывшая больница Красного Креста, физиотерапевтическая клиника им. Семашко, оборудованная по последнему слову медицинской техники.

Высокая плотность населения порождала ряд проблем. Одной из самых острых была проблема распространения инфекционных заболеваний, таких как тиф, холера, оспа. Скученность людей в квартирах, которые к тому же не отапливались из-за отсутствия дров, была одной из причин массового распространения эпидемических заболеваний в городе.

В мае 1921 г. в Астрахани началась эпидемия холеры, она быстро распространялась по всему Поволжью, и к концу июня вся Волга до Казани была поражена холерой. Смертность составляла от 34 % от числа заболевших в начале мая до 75–80 % в конце мая, и всё это – на фоне непрекращающихся заболеваний брюшным, сыпным и возвратным тифами, малярией, дизентерией. В целом по России в 1921 г. смертность от острых инфекционных заболеваний составила 469,78 тыс. человек.

В этих условиях медики предпринимали героические усилия по ликвидации эпидемий. В Астрахани был организован эпидотряд в составе 4 лекарских помощников и 8 санитаров для круглосуточного дежурства на железнодорожной станции Астрахань-1 для встречи поездов, осмотра прибывающих, выявления и госпитализации больных. При этом один сотрудник эпидотряда заразился и умер [1, с. 25–26]. Только с переходом к НЭПу местные власти сумели ввели строгие карантинные меры, обеспечили санитарный контроль за источниками водоснабжения, развернуть банно-прачечное хозяйство. Эти меры позволили остановить лавинное шествие эпидемий и добиться к середине 1920-х гг. их резкого сокращения, а затем и полной ликвидации [5, с. 93].

Таким образом, в послереволюционном российском городе проблема санитарного состояния жилых домов и улиц являлась одной из важнейших. Особенности социальной среды накладывают свой отпечаток на все инициативы властей по санитарному вопросу, в итоге сводя к минимуму результаты положительной деятельности

Список источников и литературы

1. Булюлина Е. В. Санитарно-эпидемическое состояние и работа органов здравоохранения Нижнего Поволжья в 1919-1922 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3–4 (10). С. 23–27.

2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р. 1184. Оп. 1. Д. 70.

3. ГААО. Ф. Р. 1925. Оп. 1. Д. 20.

4. ГААО. Ф. Р. 1925. Оп. 1. Д. 26.

5. Данилова Н. П. Санитарно-эпидемиологическая ситуация и уровень медицинского обслуживания населения в Астрахани в 1917–1927 гг. // Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань, 2010. С. 89–93.

6. Липчанский А. М., Тимофеева Е. Г., Лебедев С. В., Казаков П. В. Столица преславной провинции: История астраханского городского общественного самоуправления. Астрахань, 2008.

7. Наш край. 1922. № 2–3.

8. Промышленная Астрахань. Астрахань, 1959.

9. Смирнова Т. М. Жилищная политика в годы нэпа // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2002.

10. Федоров А. Н. Повседневность советского города в 1918-1920 годах с санитарной точки зрения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 1. С. 64–69.

11. Черных А. И. Жилищный передел. Политика в сфере жилья // Социологические исследования. 1995. № 10.

О ПРОГНОЗИРОВАНИИ РЫНКА ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

***Акмаева Раиса Исаевна**,*
профессор, доктор экономических наук,
заведующий кафедрой менеджмента,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Маркелов Константин Алексеевич,
и. о. ректора ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Вопросы прогнозирования рынка труда на 5–10 лет в аспекте определения перспективной потребности в профессиях и специальностях имеют первостепенное значение как для вузов РФ, так и для стран Прикаспия. Прогнозом социально-экономического развития РФ на период до 2024 г., подготовленным МЭР РФ во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года», определены девять направлений развития страны, из которых два имеют непосредственное отношение к системе высшего образования [2, 3]. Это, во-первых, обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу и, во-вторых, создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основ современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Данным прогнозом предусмотрена также соответствующая модернизация профессионального образования. Она будет обеспечена посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ в каждой образовательной организации среднего профессионального и высшего образования. С целью формирования системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных компетенций, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими, к 2024 г. будут созданы условия для охвата не менее 3 млн человек ежегодно обучением по программам непрерывного образования (дополнительные образовательные программы и программы профессионального обучения) в образовательных организациях высшего образования. Будет сформирована система профессиональных конкурсов в целях ежегодного предоставления гражданам возможностей для профессионального и карьерного роста, а также созданы условия для развития наставничества, поддержки общественных инициатив и проектов, в т. ч. в сфере добровольчества (волонтерства). Не менее чем в два раза будет увеличено количество иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, и будут трудоустроены лучшие из них в Российской Федерации.

Указанным прогнозом темпы роста промышленного производства предусматриваются в 2018–2024 гг. на уровне 1,8–3,3 % (табл. 1).

Таблица 1

Прогноз темпов прироста компонентов производства ВВП России на период до 2024 г.

В % к соответствующему периоду предыдущего года	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
ВВП	1,8	1,3	2,0	3,1	3,2	3,3	3,3
Промышленность	3,0	2,4	2,7	3,1	3,1	3,2	3,3
Обрабатывающие производства	3,3	2,6	3,0	3,7	3,7	3,8	4,0

В течение прогнозного периода будет возрастать вклад в рост обрабатывающих производств, транспорта, строительства и операций с недвижимым имуществом, деятельности профессиональной, научной и технической. При этом снизится вклад таких видов деятельности, как добывающая промышленность, оптовая и розничная торговля. Положительные темпы роста будут показывать все укрупненные сектора промышленности.

Следует учитывать, что российская модель рынка труда отличается от соответствующей модели, характерной для развитых стран. Ее особенности: 1) приспособление рынка труда к ко-

лебаниям экономической конъюнктуры происходит главным образом за счет изменений в цене труда (заработке), а не за счет изменений в занятости и безработице; 2) занятость слабо реагирует на колебания в объеме производства, имеется очевидная рассогласованность в движении реального ВВП и численности занятых в экономике. Так, темп роста ВВП в 2015 г. по отношению к 1991 г. составил 119,2 %, занятость – 92,2 % [1]. Следовательно, показатель занятости (экономической активности) населения является ациклическим, т. е. меняется независимо от колебаний экономической конъюнктуры; 3) траектория изменения безработицы всегда оставалась плавной (сейчас она составляет 5,2 %).

Приведенная выше краткая характеристика особенностей российского рынка труда является основой для прогнозирования изменений выявленных трендов и будущих тенденций развития этого рынка на предстоящие 10 лет. При прогнозировании развития рынка труда обычно исходными определяющими факторами кроме прогноза развития отраслей народного хозяйства являются ожидаемые демографические тренды и влияние последствий научно-технического прогресса в мире и, в частности, появления инструментов цифровой экономики. Рассмотрим их.

Ожидаемые демографические сдвиги задают жесткие требования к будущим тенденциям развития рынка труда. Возрастная структура населения будет сдвигаться в сторону постарения, будет увеличиваться численность населения старше трудоспособного возраста, а численность населения трудоспособного возраста, наоборот, снижаться. Эти тренды приведут к существенному росту демографической нагрузки на трудоспособное население.

В следующие 15 лет до 2030 г., согласно демографическим прогнозам, в России ожидается общее сокращение численности занятых, которое в основном произойдет за счет работников в возрасте моложе 35 лет. Даже ожидаемое с 2019 г. повышение пенсионного возраста не сможет существенно увеличить уровень занятости.

Сравнение прогнозной кривой распределения занятых и численности по возрастным группам в 2015 и 2030 гг. свидетельствует, что самые большие потери сосредоточены в возрастных группах младше 40 лет. Так, численность занятых в возрасте до 40 лет в 2030 г. будет на 9,3 млн чел. (на 25 %) меньше, чем она была в 2015 г. Основное снижение прогнозируется в самом продуктивном возрасте – 26–35 лет, в котором уровни участия в рабочей силе велики. Численность работников старше 50 лет сокращается, а почти весь рост (около 4 млн чел.) будет сконцентрирован в группе 40-летних.

Таким образом, прогноз рабочей силы на 2030 г. показывает, что она будет не только количественно меньше на 11 млн чел., но и старше, хотя и более образованной. При этом сокращение численности населения в основном будет связано с когортами 20–35-летних, экономическая активность которых выше среднего уровня. Экономическая активность молодой части населения может также сдерживаться ростом их спроса на высшее образование.

Основные меры государства должны быть направлены на сохранение уровня экономической активности возрастной группы 20–35 лет, в т. ч. мерами политики занятости, направленными на повышение экономической активности многодетных родителей, родителей детей-инвалидов, граждан, имеющих ограничения трудоспособности по состоянию здоровья. Важная роль в решении этой задачи будет принадлежать системе образования (вузы и ссузы), которые должны будут обеспечить молодежи предложение труда на самые перспективные и востребованные профессии и специальности, адекватные требованиям времени развертывающейся 4-ой промышленной революции («Индустрия 4.0»), связанной с широкомасштабным внедрением нанобиоинфокогнитивных технологий (НБИК) в производственный процесс. Одновременно будут реализовываться меры, направленные на повышение экономической активности граждан пенсионного и предпенсионного возраста, что позволит частично компенсировать снижение занятости (экономической активности) в молодых возрастах.

Следует также учитывать, что в распределении молодежи после окончания средней школы в течение последних 20 лет произошли существенные изменения (табл. 2).

К 2010 г. число выпускников средних школ приблизилось к числу приема в вузы на очную форму обучения: 756,3 тыс. чел. и 659,6 тыс. человек соответственно [4]. С 2009 г. началось сокращение численности приема в вузы, которое усилилось после 2009 г., но до 2016 г. доля выпускников средних школ, поступивших в вузы, продолжала расти (до 72,5 %), а удельный вес выбирающих учебу в СПО продолжал сокращаться.

Таблица 2

Распределение окончивших средние школы по образовательным трекам, % [4]

Годы	Не продолжают образование	СПО		Высшее образование	
		квалификация рабочих и служащих	специалисты среднего звена	частные вузы	государственные вузы
1995	28,9	6,9	24,6	–	39,6
2000	18,4	10,8	25,9	–	44,9
2010	7,4	5,3	19,9	2,8	64,7
2016	7,6	2,7	17,1	2,5	69,6

Доля выпускников, оказавшихся вне системы после школьного образования, оставалась небольшой.

С 2017 г. численность когорты 17-летних начала медленно расти и при сохранении численности приема в вузы по очной форме обучения и сокращении численности приема по заочной форме доступность высшей школы для выпускников средних школ может постепенно уменьшаться.

На современном российском рынке труда растет востребованность знаний, высокой квалификации, прежде всего – умений и привычки учиться новому, способности приобретать новые трудовые умения и приемы работы.

Развитие НТП и широкомасштабное распространение инструментов цифровой экономики, несомненно, окажет значительное влияние на российский рынок труда, вызывая к жизни новые профессии и специальности, на обучение которым надо оперативно переходить в СПО и вузах.

Цифровая экономика означает освоение новых инструментов, адекватных 4-ой промышленной революции, или «Индустрии 4.0» – это освоение и внедрение на предприятиях страны различных инструментов и технологий: технологий облачных вычислений и 3D-печати, инструментов интернета вещей, инструментов виртуальной и дополненной реальности, технологий больших данных Big Data, блокчейна, искусственного интеллекта.

Взрывной рост этих новых инструментов и быстрое их распространение на передовых предприятиях мира остро ставит перед системой высшего и среднего специального образования задачу обучения студентов и практического овладения ими перечисленных инструментов цифровой экономики.

Благодаря цифровой революции человек постепенно освобождается от рутинных задач. Активно развивается направление цифровой экономики – «Интернет вещей» (IoT), который начал постепенно входить в повседневную жизнь человека. Инженер IoT – уже сейчас очень востребованный специалист в сфере интернета вещей. Эта профессия находится на стыке сразу нескольких специализаций: инженерии, компьютерных сетей, беспроводных сенсорных сетей, анализа данных, программирования. «Интернет вещей» (IoT) – целое направление, в котором разрабатывают smart – устройства для бытовых нужд: «умный» дом, одежда и девайсы, smart TV – и производственных нужд: «умные» склады, заводы, транспорт и город. Необходимые области знаний: инженерное дело, решение проблем, коммуникации и предпринимательство.

В будущем аналитика Big Data и «Интернета вещей» создаст много тысяч рабочих мест. В связи с этим потребуются новые специалисты, те, кто изучат большое количество данных, генерируемых домашней техникой, устройствами из офиса или автомобиля, чтобы понять, что вся эта информация говорит о нас. Полученные данные можно использовать для усовершенствования «Интернета вещей»: к примеру, поиска новых способов взаимодействия между электронными приборами.

Еще одним направлением цифровой экономики является распространение инструментов виртуальной (VR) и дополненной реальности (DR) и соответственно появляется потребность в таких специалистах. Данная профессия в мире называется Дизайнер виртуальной среды обитания. Это дипломированный специалист в области виртуальной и дополненной реальности. Необходимые области знаний: архитектурный дизайн, редакторское дело, психология. Дизайнер виртуальной среды обитания займется проектированием виртуальных миров, создавая подходящие условия для деловых встреч или, к примеру, VR-музеи.

Специалист по дополненной реальности сможет обеспечивать качественный и недорогой ремонт сложной техники дистанционно. Подобные эксперты нужны уже сейчас. Так, есть пример, когда с помощью очков дополненной реальности инженер во Владивостоке может отремонтировать турбину производства ФРГ совместно с инженером из Мюнхена, значительно экономя денежные средства и время.

По результатам исследования Microsoft, через 10 лет будет большая потребность в такой профессии, как адвокат по робоэтике (необходимые области знаний: коммуникации, философия, этика). Эксперты полагают, что следующее десятилетие станет эрой роботов: они начнут помогать человеку буквально во всем и смогут занимать как позиции личных ассистентов, так и должности в службе поддержки, а потому увеличится число вакансий в сфере производства «умных машин». Адвокат по робоэтике выступит в качестве посредника между людьми, роботами и искусственным интеллектом, устанавливая моральные и этические законы, по которым машины будут трудиться среди живых существ. По оценкам Microsoft широкое распространение в мире платформ с открытым исходным кодом способствует демократизации академического научного сообщества и увеличению количества биохакеров. С помощью инструментов с открытым кодом тысячи ученых со всего мира уже работают над поиском методов для лечения депрессии, аутизма, шизофрении и болезни Альцгеймера. Команды виртуальных биохакеров на фрилансе будут активно помогать профессиональным ученым, работающим в университетах и исследовательских отделах компаний. Необходимые области знаний: биологические науки, медицинская методология, анализ данных. Труд биохакеров станет серьезным подспорьем в крупных исследованиях. Преимущество фрилансеров по сравнению со штатными научными сотрудниками вузов и институтов в том, что они могут вести мозговые штурмы, не отвлекаясь на преподавание и написание статей, и, следовательно, быть более гибкими.

В современных условиях российские вузы и, в частности, Астраханский государственный университет, нацелены на активное совместное сотрудничество по прогнозированию рынка труда по перспективным профессиям будущего со всеми прикаспийскими государствами. Так, Россия предлагает странам «каспийской пятёрки» сфокусироваться на сотрудничестве в сфере цифровой экономики, активно внедрять информационно-коммуникационные технологии и электронную коммерцию, заниматься цифровизацией внешнеторговых операций, грузоперевозок и логистики. Хотя по оценкам, ведущие специальности будущего в Исламской республике Иран следующие: программисты, запуск веб-сайтов, создание мобильных приложений, создание веб-контента, веб-дизайн, графический дизайн, генетика. Прогноз востребованных специалистов на рынке труда Казахстана свидетельствует об активном спросе на инженерно-технические кадры с высокой квалификацией и опытом в узких областях (высокие технологии, агропром, металлургия, машиностроение и др.). Эти специалисты уже много лет относятся к высокодефицитным. Казахстанские работодатели готовы сами прививать необходимые профессиональные навыки, забирая «со студенческой скамьи» талантливую молодёжь. На рынке труда Республики Казахстан уже появляются запросы на таких специалистов, как разработчик искусственного интеллекта, Deep learning инженер, Data mining инженер или дизайнер виртуальной реальности. По оценкам, самыми востребованными профессиями в Азербайджане в 2028 г. будут профессии: конструктор / изготовитель частей тела; наномедик; велнесс-консультант для пожилых людей; специалист по научной этике; космический пилот; гид; тур-менеджер; управляющий погодой; администратор климата; виртуальный адвокат; специалист средств индивидуальной информации; брокер по времени / трейдер по продаже времени; персональный бренд-менеджер [5].

Астраханский государственный университет должен быть в авангарде стран Прикаспия, которые играют наиболее значимую и важную роль в выработке и реализации эффективной стратегии развития Каспийского региона в направлении внедрения организационных инноваций в цифровой экономике и менеджменте, становления в России перспективных ниш, связанных с цифровизацией, инжинирингом, дизайном и интернетом вещей и систем искусственного интеллекта. Большая роль в этом принадлежит активному привлечению вузовского сообщества этих стран в решении проблемы прогнозирования наиболее востребованных в ближайшем будущем новых специальностей и профессий.

Список источников и литературы

1. Доклад Центра стратегических разработок «Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения». М., 2017.

2. Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2024 года / Минэкономразвития России. М., 2018.

3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года». М., 2018.

4. Чередниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 156–157.
5. URL: https://forbes.kz/process/resources/ryinok_truda_kazahstana_kto_budet_vostrebovan_a_kto_ostanetsya_ne_u_del/.
6. URL: HTTPS://MEDIA. AZ/READ/1067706849/.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Викторов Александр Геннадьевич,
аспирант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Инвестиционные процессы играют ключевую и иногда даже решающую роль в экономике любой страны, ее стабильном развитии, как в текущем, так и перспективном периоде [1, с. 184]. Интерес к проблеме инвестиционной привлекательности российской экономики определяется потребностью в совершенствовании инвестиционного климата для привлечения новых инвестиций.

Анализ развития Астраханской области за последние 10–15 лет основывается на оценке новых подходов и опыте управления региональной политики экономического развития региона, активной стратегии правового регулирования рынка, а также социальной политики. Однако, череда политических ситуаций, финансово-экономических реформ, а также антикризисных мероприятий в целом по стране оказала существенное влияние на механизм формирования созидательных процессов стратегий субъектов РФ. Изучение региональных систем отраслевой экономики недвижимости проводят многие известные финансовые аналитики, специалисты-эксперты в области реализации инвестиционно-строительных проектов, где одним из основных параметров прогноза выделяют эластичность рынка недвижимости.

Финансовый кризис в России, начавшийся в 2014 г., спровоцировал ухудшение экономической обстановки, которая вызвана введением в отношении России экономических санкций и резким снижением цен на энергоресурсы, реализация которых составляет основную часть доходов бюджета страны. В сочетании внешние и внутренние факторы придают кризису известную уникальность.

Мировые колебания финансовых рынков, так же приводят к оттоку иностранного капитала из страны, к истощению фондовых рынков, к проблемам на межбанковском рынке, к проблемам с ликвидностью и платежеспособностью, к увеличению инфляции, к значительному ухудшению экономической ситуации и снижению темпов развития в ряде отраслей российской экономики и к уменьшению реальных доходов населения страны.

В связи с кардинальным затруднением доступа российского крупного, среднего и малого бизнеса к финансированию, резко сокращаются инвестиционные программы большинства компаний. Для бизнеса, который ориентирован на экспорт, данная проблема усугубляется осложнением внешнеэкономической конъюнктуры. Из-за этого, спрос на продукцию данной компании сокращается, уменьшается и промежуточный спрос с их стороны на продукцию других отраслей экономики.

Проведение многостороннего анализа развития региональных рынков недвижимости с учётом социальных, экономических и градостроительных аспектов в условиях финансово-экономических кризисов в стране и исследование конъюнктуры рынка с целью построения экспертной оценки и наиболее реальной модели развития инвестиционной привлекательности является одним из актуальных направлений развития современной региональной экономики недвижимости [3, с. 40].

Основными методами исследования выступили общенаучные методы и ряд частнонаучных методов. Изучение исторического влияния череды экономических кризисов на рынок недвижимости в стране в рамках данного исследования позволит составить более полную картину экономической ситуации в изучаемом регионе.

В 2008 г. Россия попала в волну мирового финансового кризиса, начавшегося кризисом subprime, банкротством американского инвестиционного банка Lehman Brothers, также особую роль в изменении экономической ситуации сыграли последствия кавказской войны. Финансовый кризис 2008 г. затронул всю мировою экономику в различных отраслях и видах ее деятельности.

С уверенность можно констатировать, что основной причиной данного явления стало отсутствие какой-либо оценки платежеспособности заемщиков, что в свою очередь привело к росту

«плохих долгов», которые в свою очередь оказали негативное влияние и деструктивное воздействие на весь рынок.

В августе 2008 г. произошел вооруженный конфликт, с одной стороны которого выступала Грузия, с другой – Россия, Южная Осетия и Абхазия. За время пятидневной войны из России утекло, по оценкам тогдашнего министра финансов Алексея Кудрина, 75 млрд. долларов.

Причины нынешнего финансово-экономического кризиса иные. В 2014 году ухудшение ситуации связано по большей части с геополитическими изменениями – конфликт на Украине, присоединение Крыма к России, последовавшие за этими событиями санкции Запада, в целом обострившиеся отношения с партнерами.

Данную ситуацию косвенно можно расценивать не как новый кризис, а как продолжение давно идущего спада. Астраханская область оказалась на первом уровне группы регионов со средней инвестиционной привлекательностью в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России [2, с. 481].

Национальное рейтинговое агентство опубликовало пятое ежегодное исследование инвестиционной привлекательности регионов России. Астраханская область заметно улучшила свои показатели по сравнению с 2016 г. По итогам года удалось улучшить рейтинговое место Астраханской области на 16 позиций и занять 38 место. Теперь Астраханская область занимает 32 строчку рейтинга.

В 2017 г. многие регионы России начали постепенно выходить из кризиса, характеризовавшегося падением инвестиционной активности и снижением среднего уровня инвестиционной привлекательности в рейтинге НРА. По итогам первого полугодия 2017 года объем инвестиций в целом по России вырос на 4,8 % относительно соответствующего периода прошлого года [4, с. 561]. Что касается Астраханской области, то объем инвестиций в первом полугодии текущего года по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. вырос на 7,4 %. В 2017 г. в рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России НРА впервые были включены все 85 субъектов Российской Федерации.

Инвестиционная привлекательность региона складывается из нескольких факторов. В рейтинге Национального рейтингового агентства рассматриваются семь факторов региональной инвестиционной привлекательности: географическое положение и природные ресурсы, трудовые ресурсы региона, региональная инфраструктура, внутренний рынок региона, производственный потенциал региональной экономики, институциональная среда и социально-политическая стабильность, и финансовая устойчивость регионального бюджета и предприятий региона [5].

В процессе подготовки рейтинга инвестиционной привлекательности регионов был проведен анализ статистических данных, а также опрос представителей предпринимательского сообщества и экспертов – представителей инвестиционного и научного сообщества.

На сегодняшний день в мире нет страны, инфраструктура которой прямо или косвенно частично не была бы затронута подобным явлением. Как экономический кризис. Он является частью экономического цикла и соответственно его наступление неизбежно в какой-либо современной экономике. Экономические кризисы носят циклический характер и стаи возникать в экономике с момента развития ее рыночных и индустриальных компонентов. Карл Маркс считал кризисы неотъемлемой частью капиталистической экономики, хотя, как показывает экономическая практика, данная теория может быть опровергнута и оспорена [6].

История современно России богата и знает множество примеров экономических кризисов, которые создавали вокруг себя достаточное информационное поле и пространство для различного рода широких и узкоспециализированных дискуссий по ряду ключевых аспектов и областей. Одним из аспектов, являющихся важнейшим для услужения протекания экономического кризиса является неэффективное ведение макроэкономической политики, в следствии чего государство любыми способами старалось сдерживать инфляцию.

В каждом конкретном случае кризис, так или иначе, ударяет по инфраструктуре, ключевым позициям государства в экономической сфере, социально-экономическим показателям, которые напрямую связаны с жизнью населения и его благосостоянием. Данные аспекты напрямую отражаются на инвестиционной привлекательности регионов.

Инвестиционная привлекательность Астраханской области определяется в первую очередь разнообразием природных ресурсов и удачным географическим потемнением. Регион является связующим звеном транспортно-модальных коридоров «Север – Юг» и «Запад – Восток»,

что обеспечивает интенсивное развитие Астрахани и самой области в целом, как перспективного транспортного узла.

Стоит отметить, что инвестиционные проекты по-прежнему активно реализуются в обществе «Газпром добыча Астрахань» – это перспективное подключение новых промышленных объектов для достижения новых результатов в добычи углеводородов.

Второй сферой повышенной инвестиционной активности является агропромышленный комплекс. За последние несколько лет объем производства сельскохозяйственной продукции вырос в 4 раза. При этом дана четкая установка динамично развивать глубокую переработку сельхозпродукции, это касается овощей и рыбы. Для достижения поставленной цели в регионе была введена система грантов для предприятий, которые будут развивать это направление.

Еще одним важным драйвером экономического развития региона является судостроение. Астраханская область уверенно завоевывает статус ведущей площадки гражданского судостроения на Юге России. Только на верфях завода «Лотос» строятся сухогрузы, химовозы и круизный лайнер, а также завод получил заказ на строительство пассажирских судов. Все это стимулирует активное развитие особой экономической зоны «Лотос» и инженерной инфраструктуры на всей площади ОЭЗ. Обустройство площадок, отведенных под инвестиционные проекты – одна из первостепенных задач для региона в наши дни. Именно комфортная инвестиционно-инновационная среда является ключевой и определяющей для инвестора при выборе региона.

Список источников и литературы

1. Визаева Е. К. Инвестиционная политика // Российское предпринимательство. 2010. № 2 (1). С. 184.
2. Докаев В. Д., Вазаров Х. А. Экономический кризис 2014–2015 гг. в России: причины и последствия // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 480–485. URL: https://moluch.ru/archive/106/25131/ (Дата обращения: 11.11.2018).
3. Зайцев С. В. Анализ инвестиционной привлекательности региона (на примере Астраханской области) // Финансы и кредит. 2014. № 32 (608). С. 38–48.
4. Лихобабин В. К., Убогович Ю. И., Викторов А. Г. Формирование сегментов ренкинга при изучении деятельности лизинговых компаний // Мат. VI Межд. науч. конф. 2017. С. 559–662.
5. Fom.ru/Ekonomika/11083. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/splosh.html.

ИЗУЧЕНИЕ КОМПОНЕНТНОГО СОСТАВА МЕТАБОЛИТОВ БАКТЕРИИ *NOCARDIOPSIS SP.* – ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ АГРОБИОТЕХНОЛОГИИ

Григорян Лилит Норайровна,
аспирант кафедры биотехнологии, зоологии и аквакультуры,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Батаева Юлия Викторовна,
доцент кафедры биотехнологии, зоологии и аквакультуры,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Андреева Екатерина Денисовна,
магистрант биологического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Закарьяева Дания Хайдаровн,
студентка биологического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Тураева Зухра Отажон кизи,
студент биологического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Большое разнообразие обнаруженных в природе продуктов вторичного обмена актиномицетов включает огромное число химических структур [2, с. 217–266; 5, с. 798–811; 7, с. 435–446]. Они представлены алифатическими, карбоциклическими и гетероциклическими, азотистыми, кислород-

и серосодержащими соединениями, в молекулах которых находятся самые различные функциональные группы: эфирные, карбоксильные, окси-, эпокси-, амино-, нитрогруппы [4, с. 209–217].

Исследуемые штаммы являются нокардиоформными актиномицетами, относящимися к роду *Nocardia*, – это аэробы с мицелиальной стадией в цикле развития и не имеющие настоящих спор. Мицелий данных микроорганизмов может распадаться на элементы, образуя цепочки, подобные спорангиям.

По литературным данным установлено, что большинство выделенных вторичных метаболитов, синтезируемых актиномицетами, обладают антибиотическими свойствами (антимикробными, антивирусными) [1, с. 67–68]. Кроме того, описан ряд веществ с другим характером биологического действия: ингибиторы ферментов, гербициды, инсектициды, находящие применение в растениеводстве [3, с. 12–22].

Расширение сведений об объеме и разнообразии актиномицетов, их месте среди прочих микробов, населяющих почву, развивает наши представления о них, как продуцентах специфических биологически активных веществ и вызывает большой интерес к их изучению [6, с. 130–137].

Цель настоящих исследований – изучить компонентный состав суспензии и экстрактов метаболитов бактерии *Nocardiopsis sp.* с целью поиска экологически безопасных источников веществ, перспективных для растениеводства.

Экспериментальные исследования были выполнены в научно-производственной лаборатории биотехнологий ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (АГУ), в испытательной лаборатории филиала ФГБУ «Российский сельскохозяйственный центр» по Астраханской области.

Объектами исследований служили бактерии *Nocardiopsis sp.,* выделенные из засоленных почв аридной территории Астраханской области в 2013 г. и обладающие выраженными фитостимулирующими, инсектицидными и противовирусными свойствами.

Изучение компонентного состава метаболитов исследуемых бактерий проводили методом тонкослойной хроматографии на пластинах ПТСХ-АФ-А-УФ (10 × 15 см) марки «Сорбфил» и методами качественных реакций. Водно-спиртовые экстракты данных актиномицетов были исследованы методом высокоэффективной жидкостной хроматографии. С целью исследования химического состава суспензии и экстрактов были проведены качественные реакции для определения флавоноидов, алколоидов, гликозидов и сапонинов.

Исследование водно-спиртовых экстрактов (80 % : 20 %; 50 % : 50 %; 20 % : 80 %) сухой биомассы исследуемых бактерий с целью определения органических кислот проводили методом ВЭЖХ с использованием анионообменных колонок и супрессионной системы с кондуктометрическим детектированием.

Для регистрации органических кислот использовали “Waters Alliance 2695 Separations Module” с использованием стандартов органических кислот при длине волны 220 нм.

Объектами исследования являлись трехсуточная суспензия с титром клеток 10^9 КОЕ/мл и 5 вариантов экстрактов (водно-спиртовый в трех модификациях: 80 % : 20 %; 50 % : 50 %; 20 % : 80 %, метанольный и гексановый) бактерии *Nocardiopsis sp.,* обладающих высокими показателями инсектоакарицидных свойств, а также характеризующихся фитостимуляцией.

В работе изучен компонентный состав суспензии и экстрактов (водно-спиртового, метанольного и гексанового) бактерии *Nocardiopsis sp.,* обладающих высокими показателями афицидной и акарицидной активностей, а также характеризующихся отсутствием фитотоксичности, методами качественных реакций и тонкослойной хроматографии (ТСХ). Высокоэффективная жидкостная хроматография (ВЭЖХ) была проведена на водно-спиртовых экстрактах исследуемых актиномицетов.

Изучение компонентного состава метаболитов методом тонкослойной хроматографии в 38 элюирующих системах подтвердило наличие широкого спектра веществ с различными показателями Rf в суспензии, а также в экстрактах: водно-спиртовом в трех концентрациях (20 % : 80 %, 50 % : 50 %, 80 % : 20 %), метанольном и гексановом.

Исследование компонентного состава метаболитов методом высокоэффективной жидкостной хроматографии данных бактерий показало наличие органических кислот: изолимонная, уксусная, фумаровая, яблочная, молочная, лимонная.

Бактерии *Nocardiopsis sp.,* обладают богатейшим источником разнообразных по химическому строению и спектру действия биологически активных веществ и могут являться перспектив-

ными элементами в области растениеводства. Так, анализ результатов ТСХ показал, что в суспензии и экстрактах культуральной жидкости данных актиномицетов (во всех исследуемых образцах) установлены следующие группы веществ: гликоли (бутин-2диол-1,4; моноформиат; моноацетат; монопропионат), азотсодержащие гетероциклические соединения (акридин), алколоиды (купреин; сарпагин; гордеин; атропин; цинхонин; серпентинин; эргокристинин; котарнин; ареколин; гидрастинин; спартеин), производные пиридина (2-оксипиридин; 3-оксипиридин; 4-оксипиридин; α-пиридинкарбинол, β-пиридинкарбинол; γ-пиридинкарбинол; α-пиридинкарбоновая кислота; β-пиридинкарбоновая кислота; γ-пиридинкарбоновая кислота), аминокислоты (глутамин; аргинин; аспарагиновая кислота; аспарагин; цитруллин; цистеиновая кислота; метионинсульфоксид), фенолы (1,3-диоксинафталин), анестетики (гидрохлорид прокаина; ортоформ) и пестициды (деметон; сульфоксид тиолового изомера; диазинон). Последняя группа веществ обладает большой значимостью для растениеводства в области защиты растений от насекомых-вредителей и фитопатогенов различной этиологии.

Исследования показали, что в суспензии и некоторых экстрактах культуральной жидкости обнаружены вещества, которые не встречались в других анализируемых образцах. Так, в водно-спиртовом экстракте (50 % : 50 %) определены производные пиридина (γ-пиридинкарбоновая кислота α,α-пиридинкарбоновая кислота), в водно-спиртовом экстракте (20 % : 80 %) выявлен антибиотик – тилозин, а в суспензии данного штамма – эритромицин.

Кроме того, среди веществ, которые встречались в одинаковых вариантах изучаемых штаммов, были: антибиотик – нарбамицин, который определен в суспензии бактерий и фенол – протокатеховый альдегид, выявленный в водно-спиртовом экстракте (50 % : 50 %) данных актиномицетов.

Как показали исследования, изучение компонентного состава метаболитов исследуемых штаммов методом тонкослойной хроматографии в 38 элюирующих системах и проведение качественных реакций подтвердило наличие широкого спектра веществ с различными показателями Rf в суспензии, а также в экстрактах: этанольном в трех концентрациях (20 % : 80 %, 50 % : 50 %, 80 % : 20 %), метанольном и гексановом.

По полученным данным выявлено, что компонентный состав метаболитов изучаемых штаммов, зафиксированный в результате проведения высокоэффективной жидкостной хроматографии, представлен органическими кислотами, имеющими широкое применение в биотехнологическом производстве.

Таким образом, исследование бактерии *Nocardiopsis sp.* методами тонкослойной и высокоэффективной жидкостной хроматографии дает возможность сделать вывод о том, что данные бактерии обладают богатейшим источником разнообразных по химическому строению и спектру действия биологически активных веществ.

Анализ данных, полученных при исследовании влияния культуры бактерии *p Nocardiopsis sp.* на вирусные болезни картофеля в полевом опыте, свидетельствует о том, что биологическая эффективность составила 56,7 %. Установлено увеличение урожайности на 27,5 % в сравнении с контролем (без обработки). Урожайность картофеля в варианте с обработкой суспензией бактерии *Nocardiopsis sp.* составила 32 т/га.

При идентификации вирусных болезней картофеля методом ПЦР в режиме реального времени в варианте с обработкой суспензией исследуемых бактерий зараженность типичными для картофеля видами фитовирусов не обнаружена, а пораженность У-вирусом картофеля составила 2,5 %, что доказывает сдерживание развития и распространения вирусных возбудителей, оказываемое актиномицетами. В контрольном варианте были диагностированы три вида вирусных фитопатогенов: У-вирус картофеля (48,5 %), Х-вирус картофеля (18,4 %), вирус скручивания (9,2 %).

Суспензия бактерии *Nocardiopsis sp.* с титром клеток 10^9 КОЕ/мл является перспективным элементом агробиотехнологии, на основе которых планируется разработка лабораторных образцов биопрепаратов для снижения вредоносности фитопатогенов различной этиологии, повышения урожайности и качества сельскохозяйственных культур.

Список источников и литературы

1. Григорян Л. Н., Батаева Ю. В. Исследование стрептомицетов в почвенных экосистемах аридной зоны // Современные проблемы физиологии, экологии и биотехнологии микроорганизмов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 67–68.

2. Geertjevan Keulen, Paul J. Dyson. Chapter Six. Production of Specialized Metabolites by *Streptomyces coelicolor* A3 (2) // Advances in Applied Microbiology. 2014. Vol. 89. P. 217–266.

3. Houssam M. Atta. Biochemical studies on antibiotic production from *Streptomyces sp.*: Taxonomy, fermentation, isolation and biological properties // Journal of Saudi Chemical Society. 2015. Vol. 19, issue 1. P. 12–22.

4. Pathalam Ganesan, Rajendran Host Antony David, Appadura Daniel Reegan, Munusamy Rajiv Gandhi, Michael Gabriel Paulraj, Savarimuthu Ignacimuthu, Naif Abdullah Al-Dhabi. Isolation and molecular characterization of actinomycetes with antimicrobial and mosquito larvicidal properties // Beni-Suef University Journal of Basic and Applied Sciences. 2017. Vol. 6, issue 2. P. 209–217.

5. Usama Ramadan Abdelmohsen, Tanja Grkovic, Srikkanth Balasubramanian, Mohamed Salah Kamel, Ronald J. Quinn, Ute Hentschel. Elicitation of secondary metabolism in actinomycetes // Biotechnology Advances. 2015. Vol. 33, issue 6, part 1. P. 798–811.

6. Rajan B. M., Kannabiran K. Extraction and identification of antibacterial secondary metabolites from marine *Streptomyces sp.* VITBRK2 // Int. J. Mol. Cell. Med. 2014. № 3. P. 130–137.

7. Duraipandiyan V., Ignacimuthu S. Isolation, screening and partial purification of antimicrobial antibiotics from soil *Streptomyces sp.* SCA 7 // The Kaohsiung Journal of Medical Sciences. 2014. Vol. 30, issue 9. P. 435–446.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ»: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кондратьев Владислав Владимирович,
редактор информационно-аналитического портала «Каспийский вестник», г. Астрахань

Каспийское море издавна привлекало внимание людей торговли, через него прокладывались важные торговые пути: на Балтику – через Волгу; на Черное море – через Кавказский перешеек; в Хиву и Бухару – через закаспийские пустыни. Большой интерес Каспий представлял и для российских торговцев. Еще в XV в. (1468 г.) купец Афанасий Никитин совершил свое знаменитое путешествие из Твери в Индию через Каспий и Персию, наглядно показав возможности транзита через российскую и иранскую территорию грузов из Индии и южно-азиатских стран на этом маршруте [1, с. 488].

После взятия Астрахани Иваном Грозным в 1556 г. торгово-экономические связи России с восточными странами, в т. ч. с Ираном, начали развиваться особенно быстро. Уже в 1599 г. персидское посольство, совершив переход из Казвина по Каспийскому морю, впервые посетило Астрахань [1, с. 488]. В течение XVII в. русско-иранские торговые связи приобрели заметное место в экономике и экономической политике обеих стран, именно поэтому важным видом торговых связей стала казенная торговля, возглавлявшаяся, с одной стороны, русским царем, а с другой – персидским шахом. При этом, уже в те времена руководство нашей страны придавало особое значение организации транзита иранских товаров, в первую очередь, иранского шелка, через российскую территорию в европейские страны. Именно поэтому привлечение всей транзитной торговли шелком-сырцом Ирана через Россию на Запад было одной из главных целей первого русско-иранского торгового договора, заключенного царским посольством во главе с Артемием Волынским в 1717 г. Правивший в те времена Российским государством Петр I придавал большое значение торговле с Ираном при решении стоящих перед Россией задач в сфере экономики, внешней политики и геостратегии на Востоке [2].

Таким образом, исторически бассейн Каспийского моря является важным транзитным центром товарообмена между Европой и южно-азиатскими странами через территорию России. Каспий кратчайшим путем соединяет европейскую часть России со странами бассейна Индийского океана, Ближнего Востока, Западной и Центральной Азии, что сулит нашей стране довольно высокие доходы от транзита товаров из данных регионов. В этой связи на протяжении ряда последних лет Россией, Ираном и Индией в сотрудничестве с прикаспийскими Азербайджаном, Казахстаном и Туркменистаном ведётся работа по реализации через территорию Астраханского региона международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг», являющегося ответвлением международного трансъевропейского коридора № 9 (Хельсинки – Одесса) в направлении Москва – Волгоград – Астрахань с выходом на Каспийское море.

12 сентября 2000 г. во время работы 2-й Международной Евроазиатской конференции по транспорту в г. Санкт-Петербурге состоялось подписание Соглашения о международном транспортном коридоре «Север – Юг», участниками которого выступили Россия, Иран и Индия. Этому

предшествовала пробная транспортировка партии 20-футовых контейнеров в декабре 1999 г. по маршруту Шри-Ланка – Индия – Иран – Каспийское море – Россия в рамках соглашения о транспортировке экспортно-импортных контейнеров между тремя российскими и тремя иранскими транспортными компаниями от 22 июня 1999 г.

По испытанной в тот момент схеме, грузы в рамках коридора в крупнотоннажных контейнерах из индийских портов должны были отправляться в иранский порт Бендер-Аббас в Персидском заливе, далее на автомашинах по территории Ирана в иранский каспийский порт Энзели, а затем морским, либо железнодорожным транспортом до потребителей в России, СНГ и европейских странах.

Опыт показал, что в наиболее благоприятных условиях время транспортировки от Бомбея до Астрахани составляет 15–17 сут., а до Москвы – 21 сут. по сравнению с 40 сут. через Суэцкий канал, таким образом, время доставки груза сокращается на 20–30 %, а транспортные расходы в тех условиях – на 20–25 % [1, с. 400–401].

В настоящее время к соглашению о МТК «Север – Юг» присоединились Белоруссия, Казахстан, Оман, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Сирия, Болгария, Киргизия, Турция и Украина, многие из которых претендуют на транзитную роль и зачатую реализуют свои транспортные проекты под маркой участия в коридоре.

Вместе с тем, в настоящее время коридор «Север – Юг» так и не начал полноценно функционировать. На его формирование оказывает влияние нерешенные вопросы о правовом статусе Каспийского моря и контроля над добычей и транспортировкой углеводородного сырья из региона, что в совокупности отодвигает проблемы привлечения транзитных грузопотоков и интеграционные процессы по коридору на второй план. Следует констатировать и имеющиеся проблемы в развитии необходимой инфраструктуры для железнодорожных и морских грузоперевозок на данном маршруте.

В ходе IV Каспийского саммита в г. Астрахани главы прикаспийских государств заявили об окончании в ближайшей перспективе проекта создания железнодорожного кольца вокруг Каспия, задачей которого будет являться соединение основных каспийских портов, что существенно сократит время и стоимость перевозки грузов и тем самым повысит конкурентоспособность экономик прикаспийских стран [3]. Однако до настоящего времени строительство железнодорожной составляющей коридора так и не завершено. Успешно реализовать часть работ удалось только на восточном побережье Каспия. Казахстаном, Туркменией и Ираном в 2014 г. был завершён проект строительства железнодорожной магистрали «Узень – Берекет – Горган», связавшего территории трёх прикаспийских государств. На западном побережье Каспия завершить работы на азербайджано-российско-иранской железнодорожной магистрали «Казвин – Решт – Астара» пока не удалось.

В марте 2018 г. в интересах финансирования данного проекта по результатам переговоров на высшем уровне главы Ирана и Азербайджана подписали соглашение о финансировании строительства дороги «Решт – Астара», которая является последним недостроенным участком железнодорожного маршрута «Россия – Азербайджан – Иран». Азербайджанская сторона обязалась выделить Ирану кредит на строительство в размере 500 млн долл. Однако информации о том, как дополнительное финансирование оказало влияние на ход строительства, иранская сторона официально не публикует.

По данным экспертов, основная сложность работ на этом направлении заключается в необходимости строительства большого количества туннелей. Поэтому сказать, какой срок потребуется для завершения строительства, пока довольно сложно. Однако с учетом ввода в строй альтернативной железной дороги «Казахстан – Туркменистан – Иран» наметился ряд положительных тенденций в развитии МТК. О том, какие возможности может открыть завершение железнодорожной составляющей коридора, свидетельствуют последние новости о развитии грузоперевозок по этому железнодорожному маршруту. Так, объем перевезенных грузов через территорию Казахстана за 10 месяцев 2018 г. уже составил более 1 млн т, увеличившись в сравнении с аналогичным периодом 2017 г. на 407,5 тыс. т, т. е. более чем на 60 %. Рост грузооборота по магистрали осуществляется за счёт создания казахстанской стороной благоприятных тарифных условий на перевозимые по своей территории грузы черных металлов, древесины, угля, растительного масла, зерновых грузов из России и далее в направлении третьих страны транзитом по территории Ирана. Аналогичные меры предпринимает и Министерство железнодорожного транспорта Туркменистана, которое пролонгировало тарифные условия на 2018 г. на перевозки зерновых грузов, черных металлов, алюминия, асбеста, древесины, угля, растительного масла, мас-

леничных культур, удобрений, муки, а также перевозки крупнотоннажных контейнеров по участкам «Серхетяка – Акяйля», «Серхетяка – Серахс» и на перевозки грузов по участку «Серхетяка – Имамназар» из России, Китая и других европейских стран [4].

Как следует из вышеизложенного, в настоящее время российские грузоперевозчики в связи с отсутствием возможности использования более удобного маршрута по западному берегу Каспийского моря вынуждены пользоваться альтернативным маршрутом, который помимо прочего предполагает пересечение трёх государственных границ, прежде чем грузы будут доставлены на территорию Ирана и далее грузополучателям как на иранской территории, так и в странах Ближнего Востока и Южной Азии.

На этом фоне не случайным выглядит сообщение индийской англоязычной газеты The Economic Times о том, что Россия обсуждает с Индией проект транспортного коридора через Туркменистан. Развитие этого транспортного коридора, предположительно, стало одним из пунктов повестки российско-индийского диалога на высшем уровне, который прошёл 5 октября в столице Индии с участием Президента РФ Владимира Путина и Премьер-министра Нарендра Моди. Сообщалось, что Москва и Нью-Дели проведут переговоры о создании коридора Россия-Казахстан-Туркменистан-Иран-Оман-Индия, который может дополнить Международный транспортный коридор «Север-Юг», индийский проект по развитию иранского порта Чабахар в Оманском заливе и Ашхабадское Соглашение по региональному транспортному коридору Ближний Восток-Центральная Азия, где Индия уже стала официальным участником в этом году [5].

Таким образом, учитывая неясные перспективы реализации западной ветки Международного транспортного коридора «Север – Юг» для обеспечения передвижения грузов от Санкт-Петербурга до индийского порта Мумбаи Россия может воспользоваться более протяжённым, но уже работающим восточным маршрутом доставки грузов по МТК – железной дорогой «Казахстан – Туркменистан – Иран». Однако Индия, Россия и Иран обоснованно продолжают рассчитывать на использование в перспективе и ветки «Россия – Азербайджан – Иран». Данный вопрос неоднократно становился предметом обсуждения в ходе прошедшей в конце ноября в Москве «Транспортной недели – 2018» (18–22 ноября 2018 г.). В рамках данного комплекса отраслевых мероприятий состоялся ряд трёхсторонних и двусторонних встреч, где участники МТК обсудили вопросы, связанные с вводом в эксплуатацию западной ветки коридора.

Таким образом, железнодорожная составляющая коридора «Север – Юг» всё еще не завершена. Однако МТК предполагает использование наряду с железнодорожным и морского транспорта. Транспортировка грузов через российские и иранские морские порты на Каспии относительно успешно осуществляется на протяжении последних пятнадцати лет и имеет крайне важное значение для развития торгово-экономического сотрудничества России и Ирана.

МТК «Север – Юг» как одно из направлений развития торгово-экономического сотрудничества находится в сфере особого внимания российской и иранской стороны. Благодаря активной совместной работе объемы двусторонней торговли в последние годы оставались стабильно высокими. С 2004 по 2011 г. ежегодный грузооборот на данном маршруте через порты Астрахань и Оля в среднем составлял 5–6 млн т различных грузов, в числе которых значились продовольственные и сельскохозяйственные товары, металлы, древесина и целлюлозно-бумажные изделия, злаки, минеральные продукты, топливно-энергетические товары и т. д. Пик развития торгово-экономических связей России и Ирана пришелся на начало 2010-х гг. В этот период значительно увеличилось количество астраханских предприятий с участием иранского капитала, тогда их действовало около 160. В 2010 г. иранская компания «Хазар Си Шиппинг Лайнз» приобрела контрольный пакет ОАО «Астраханский порт» и приступила к работам по модернизации и обустройству данного инфраструктурного объекта.

Однако с 2012 г. стали отмечаться негативные тенденции снижения объемов торгово-экономического российско-иранского сотрудничества на Каспии. Основной причиной этого, на тот момент, являлось введение западных экономических санкций в отношении Ирана. После введения мер ограничительного характера грузооборот портов Астрахань и Оля стал неуклонно снижаться. В настоящее время он не превышает 3 млн т, т. е. половину от значений десятилетней давности.

Причины негативных тенденций развития торгово-экономических связей кроются не только в санкционной политике Запада по отношению к Ирану, но и ряде других факторов. С 2013 г. стала отмечаться тенденция переориентации части иранских грузов из астраханских портов в Казахстан,

в частности, в порт Актау, который в настоящее время находится на стадии активной модернизации, по результатам которой к 2020 г. его пропускная способность должна увеличиться до 18 млн т. Причинами переориентации части грузов на порт Актау также послужили такие факторы, как различие подходов к оценке стоимости ввозимых товаров таможенными органами России и Казахстана, наличие проблем, связанных с обмелением Волго-каспийского судоходного канала, периодически возникающие проблемы фумигирования в порту Астрахань экспортируемой в Иран древесины.

Следует учитывать, что транскаспийские грузоперевозки между Ираном и Россией, как сегодня, так и десять лет назад, осуществлялись по большей части на двусторонней основе, как сугубо каспийский проект, грузоформирующий регион западной Индии, порт Мумбаи и порт Джавахарлал Неру, порты Северо-Запада Европы не работали в коридоре. С учетом этого, для того, чтобы морской маршрут МТК «Север – Юг» стал полноценным трансконтинентальным коридором, связывающим европейские страны с Индией, ряд экспертов полагает необходимым проведение работы по заключению новых договоров по транспортировке грузов с Индией и Китаем, а также создание единого оператора перевозок, учредителями которого могли бы стать перевозчики, экспедиторы, а возможно и порты основных государств-участников (России, Ирана и Индии) [6].

Кроме этого, новые перспективы для развития МТК открывает начало строительства на территории Ирана новой железной дороги, связывающей один из участков коридора «Север-Юг» – железную дорогу «Казвин – Решт» с каспийским портом Ирана Энзели. Известно, что данный проект, направлен на соединение прикаспийской иранской провинции Гилян с железнодорожной сетью страны, что позволит одновременно создать новое направление транспортировки грузов и пассажиров по маршруту «Север – Юг». За счёт соединения линии «Казвин-Решт» с Энзели транзитное время и доставка товаров из Азии в Европу через Персидский залив будут сокращены на 22 дня. После завершения строительства магистрали транзит по ней может составить 10 млн т товаров в год [8].

Соединение одного из крупнейших портов Ирана на Каспии с национальной железнодорожной сетью откроет перед этим портом широкие перспективы для дальнейшего развития. Помимо привлечения дополнительного грузопотока в рамках коридора «Север – Юг», в порт Энзели могут прийти грузы из Китая.

26 июня 2018 г. в порту состоялась церемония открытия нового мультимодального транспортного коридора Китай – Казахстан – Иран (ККИ). Маршрут начинается как железная дорога из Восточного Китая – провинция Цзянсу (Ляньюньган) до Западного Китая – провинция Синьцзян (Урумчи), далее проходит через пограничный переход Казахстана Достык и по республиканской железнодорожной магистрали Жезгазган – Бейнеу с выходом на морской порт Актау (Мангистауская область). В порту Актау груз загружается на суда и доставляется в порт Энзели [8]. С учетом преимущественного использования железнодорожного транспорта на этом маршруте, очевидно, что если к порту будет подведена железная дорога, то это существенно усилит его конкурентоспособность.

Таким образом, современной России пока не удалось полноценно реализовать один из крупнейших своих каспийских проектов, идея которого сформировалась несколько столетий назад и реализовывалась многими поколениями российских управленцев. В настоящее время от того, сможет ли наша страна успешно реализовать проект МТК «Север – Юг» во многом зависит геополитический статус России в Каспийском регионе. Кроме этого, складывающаяся ситуация может крайне негативно сказаться на состоянии транспортной отрасли экономики прикаспийских субъектов страны (Астраханская обл., республик Дагестан и Калмыкия), что в перспективе существенно осложнит и социально-экономическую ситуацию в данном регионе.

Понимая это, федеральные и региональные органы исполнительной власти РФ проводят целенаправленную работу по развитию коридора «Север – Юг». Улучшаются тарифные условия; создается зона свободной торговли между Россией, Индией и Ираном; проводятся дноуглубительные работы, мероприятия по снижению заносимости Волго-Касийского судоходного морского канала; осуществляется строительство и модернизация инфраструктуры портов, морского вокзала, обустройство пунктов пропуска; строятся суда пассажирского, транспортного и вспомогательного флота; обновляется парк подвижного состава железнодорожного транспорта; вводятся понижающие коэффициенты на тарифы железнодорожного транспорта в направлении российских портов на Каспии; ускоряются и упрощаются таможенные процедуры и т. д. [9].

В дополнение к этому, положительно на ситуации могло бы сказаться заключение российской стороной дополнительных договоренностей о привлечении на МТК «Север – Юг» грузов и товаров из третьих стран, таких как Индия, Пакистан и другие государства Юго-Восточной Азии, а также создание выгодных для российских транспортных перевозчиков условий для ведения коммерческой деятельности на МТК «Север – Юг». Однако в описанных условиях решение этих задач, прежде всего, зависит от успешного завершения работ по созданию необходимой железнодорожной инфраструктуры в северных прикаспийских провинциях Ирана.

Список источников и литературы

1. Каспийское море. Энциклопедия / И. С. Зонн, А. Г. Костяной, А. Н. Косарев, С. С. Жильцов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Восточная книга, 2013. 560 с.

2. Кондратьев В. В., Бухарицин П. И. Каспийское геополитическое наследие Петра I и отдельные проблемы его реализации // Астраханские краеведческие чтения / под ред. А. А. Курапова, Е. И. Герасимиди, А. Н. Алиевой. Астрахань, 2018. Вып. 10. С. 19–27.

3. Заявления глав государств – участников IV Каспийского саммита для прессы. 29.09.2014. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46689 (Дата обращения 07.12.2018).

4. Более 1 млн т грузов перевезли по железной дороге Казахстан – Туркменистан – Иран в 2018 году. 28.09.2018. URL: http://orient.tm/ru/2018/11/16/19590.html (Дата обращения 07.12.2018).

5. The Economic Times: Россия обсудит с Индией проект транспортного коридора через Туркменистан. 28.09.2018. URL: http://orient.tm/ru/2018/09/28/16183.html (Дата обращения 07.12.2018).

6. Растёт грузооборот на железной дороге Казахстан – Туркменистан – Иран. 22.11.2018. URL: http://casp-geo.ru/rastyot-gruzooborot-na-zheleznoj-doroge-kazahstan-turkmenistan-iran/ (Дата обращения 07.12.2018).

7. Перспективы развития МТК «Север-Юг» на примере Астраханского транспортного узла. 07.06.2012. URL: http://www.casfactor.com/ru/editor/34.html (Дата обращения 07.12.2018).

8. Завершение железной дороги Решт приведёт к транзиту ежегодно 10 миллионов тонн товаров. 02.12.2018. URL: http://www.irna.ir/ru/News/3659404 (Дата обращения 07.12.2018).

9. Обзор XVI заседания Международного совета делового сотрудничества «Деловой Каспий» – часть 2. 01.11.2017. URL: http://casp-geo.ru/obzor-xvi-zasedaniya-mezhdunarodnogo-sov-2/ (Дата обращения 07.12.2018).

АНАЛИЗ ФАКТИЧЕСКОГО ПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

Кондратенко Елена Игоревна,
доктор биологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Яковенкова Людмила Александровна,
кандидат биологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Хорошее здоровье – это показатель качества жизни человека, где важнейшим фактором является питание. Улучшение здоровья населения за счет питания предупреждает хронические заболевания. В настоящее время многие болезни желудочно-кишечного тракта «молодеют» – это гастриты, язвенная болезнь желудка и различные нарушения обмена веществ. Наша физическая форма, состояние иммунитета, долголетие, психическая гармония – все это напрямую связано с проблемой питания человека.

Стремление к здоровому образу жизни должно быть первостепенной общественной задачей. Приоритетная цель политики государства в области питания – создание социально - экономических условий для обеспечения населения доступной и качественной пищей. Современные разработки комплекса мероприятий по охране здоровья подрастающего поколения необходимо представить как инвестиции в главный ресурс социально-политической программы. Для поддержания роста и развития подрастающему поколению нужен грамотный подход для удовлетворения физиологической потребности в пищевых веществах и энергии. Каждый человек имеет доступ к большому разнообразию продуктов питания, которые он выбирает по экономическим соображениям, вкусовым привычкам и традициям или осознано выбирает продукты со знанием принципов и правил здорового питания. Поэтому для подростков проблема питания стоит особенно остро. В связи с недостатком времени у подростков, обучающихся в высших учебных заведениях нет возможности соблюдать правильный режим приемов пищи. Также характерен для них в основ-

ном сидячий образ жизни – гиподинамия. В сочетании с плохим рационом питания это отрицательно влияет на организм и его состояние. Студенческая пора очень насыщенна и разнообразна, отличается большим перенапряжением нервной системы. Нагрузка, особенно в период сессии, значительно увеличивается вплоть до 15–16 ч в сутки. Хроническое недосыпание, нарушение режима дня и отдыха, характера питания и интенсивная информационная нагрузка могут привести к нервно-психическому срыву. В компенсации этой негативной ситуации большое значение имеет правильно организованное рациональное питание. Оно является одним из главных факторов поддержания оптимального уровня здоровья, гармоничного развития и эффективного обучения подростков [6]. Неадекватность и несбалансированность питания по основным пищевым компонентам и микронутриентам приводят к метаболическим нарушениям организма в юном возрасте и могут оказать негативное влияние, впоследствии проявляя себя в виде хронических заболеваний.

В связи с этим в настоящее время актуальным является анализ информативных источников оценки пищевого статуса подростков и исследования связанные с предрасположенностью к нарушениям процессов обмена веществ, ведущих к ожирению и сахарному диабету 2 типа, заболеваниям сердечнососудистой системы у подрастающего поколения.

Цель работы – провести анализ питания студентов, пребывающих в состоянии повышенной умственной и физической загруженности, с учетом социальных групп и составить рекомендации по питанию, которые будут актуальны для каждого.

Объектом исследования были студенты разных социальных групп в периоды физической и умственной активности. Студенты – это особая общественная группа, питание которых может в большинстве случаев отличаться от других групп людей. Организм студента имеет свои особенности, связанные с возрастом, влиянием условий учебы, быта, наличием физических нагрузок. Особенное влияние на организм студента оказывают именно первые месяцы студенческой жизни, так как привычный ритм меняется [4, с. 159].

Основной задачей исследования явилось изучение качества жизни студенческой молодежи. В исследовании приняло участие 60 студентов в возрасте от 18 до 23 лет, 30 юношей и 30 девушек гуманитарного и технического направлений, проживающие в таких городах, как Астрахань, Саратов, Краснодар, Липецк и Ростов-на-Дону.

Оценка качества жизни студентов проводилась с помощью методики индивидуальной оценки качества жизни, основанной на определении Всемирной организацией здравоохранения. Для сравнения и анализа питания студентов, совместно с институтом социологических исследований была разработана анкета питания, исходя из которой, можно сделать выводы о социальной жизни студента, о его доходах и расходах на питание, о режиме питания, о качестве потребляемой пищи, наличии заболеваний.

Согласно данным анкеты чаще всего студенты питаются крайне нерегулярно, перекусывая на ходу, всухомятку, 1–2 раза в день, многие не пользуются услугами столовой. В рационе питания студентов преобладают углеводы, т. к. за счет них легче восполнить энергетические затраты [8, с. 52]. При выборе продуктов следует учитывать ограниченность денежного бюджета студентов. С целью обеспечения рационов студентов достаточным количеством биологически ценных белков следует использовать их дешевые источники (субпродукты, обезжиренное молоко, нежирный кефир и др.). Для обеспечения потребности в жирах в рацион необходимо вводить в непрогретом виде растительное и сливочное масла (20–25 г).

С целью ликвидации последствий малоподвижного образа жизни следует шире включать в питание растительные продукты, которые являются источником пищевых волокон. Согласно данным анкеты большинство студентов учатся в университете около 4–6 ч день. Лишь 8 % из опрошенных посвящают большую часть своего времени учебе. Это означает, что многие студенты расставляют приоритеты не только в пользу образования. Как покажет исследование ниже, большинство студентов посвящают свою жизнь работе, что объясняет их доход и уровень жизни.

Большая часть (72,5 %) респондентов были девушки. Нормы физиологических потребностей для женщин несколько ниже, чем для мужчин. Исходя из этого, рекомендации по питанию необходимо составлять отдельно для юношей, и отдельно для девушек, в которых будет описана норма потребления всех необходимых организму веществ.

30,2 % опрошенных имеют вес 50–55 кг, 26,4 % – 55–60 кг и меньшая часть имеет вес до 50 и от 65 до 70 кг. Многие люди, исходя из своего генетического кода, образа жизни, потребностей,

имеют склонность к полноте или, наоборот, всегда остаются в одной небольшой весовой категории. С учетом влияния диеты на организм, а также при наличии заболеваний, необходимо предлагать рекомендации по питанию, имеющие баланс всех необходимых макро и микронутриентов, не наносящие вред состоянию физического и эмоционального здоровья студента. Для этого рацион должен быть достаточно разнообразным и не включать в себя излишков жирной и высококалорийной пищи. При анкетировании было выявлено, что 66,7 % опрошенных совмещают учебу с работой, что может свидетельствовать о том, что режим питания весьма не нормирован.

Рис. 1. Время нахождения студентов в университете

Как известно студенты, которые находятся в состоянии постоянной умственной и физической загруженности, больше других нуждаются в более калорийной пище. Норма потребностей для таких людей может быть значительно выше. Однако не следует забывать, что превышение нормы или ненормированный рацион может повлечь за собой ряд заболеваний и дисфункций организма, что приведет к снижению работоспособности за счет большей затраты энергии. Именно поэтому рацион студента, который имеет занятость не только учебой, а еще и работой, также должен включать баланс всех необходимым компонентов для восполнения энергозатратности организма и восполнения его всеми витаминами и минералами. Рацион должен включать все компоненты, и вместе с тем, он может быть распределен на сутки.

Согласно представленным данным 52,8 % опрошенных приносят еду с собой, 26,4 % студентов питаются в столовых и 17 % перекусывают в буфете. Если студент питается в студенческой столовой, где качество потребляемых продуктов находится под особым контролем, то запрещать потребление пищи именно в этом месте смысла не имеет, однако необходимо следить за количеством и сбалансированностью необходимыми компонентами для организма.

Следующий вопрос анкеты показывает доходность студентов, от которого зависит, насколько качественным и сбалансированным может быть рацион студентов.

Согласно представленным данным (рис. 2), 29,6 % опрошенных имеет доход от 20000 руб. и выше, 24,1 % – от 10000 до 15000 руб., 22,2 % – от 5000 до 10000 руб. и 24,1 % – доход до 5000 руб.

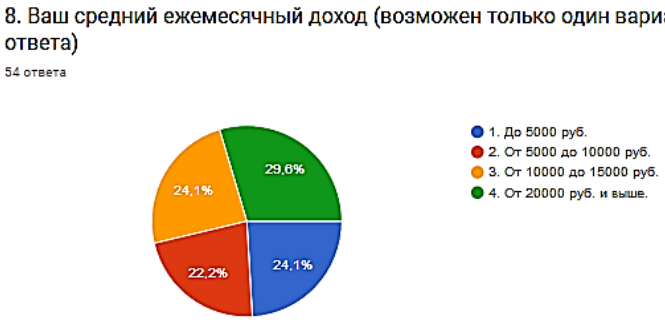

Рис. 2. Доходность студентов

Представленные данные свидетельствуют, что многие студенты имеют доход иногда не достающий и прожиточного минимума. Это значит, что качество потребляемой пищи и восполнение организма всеми необходимыми макро и микронутриентами может отклоняться от нормы. Как показано на рисунке 3, лишь 18,5 % студентов могут позволить себе тратить на питание от 5000 до 10000 руб. в месяц, 46,3 % – от 3000 до 5000 руб. и 29,6 % студентов тратят не более 3000 руб. в ме-

сяц на питание. Соответственно, рекомендации по питанию лучше составлять таким образом, чтобы рацион подходил для каждого студента, независимо от степени его дохода и при этом, восполнял норму всех необходимых веществ для организма. Важно не забывать, что студенческие годы кардинально изменяют жизнь молодого человека, особенно в том случае, когда юноша или девушка уезжают учиться в другой город и живут на квартире или в общежитии. О том, как питается студент можно судить не только по степени его доходов и расходов, а еще и по месту его проживания.

Рис. 3. Показатель расходов студентов на питание

Как правило большинство студентов живут с родителями (47,3 %), 32,7 % студентов – на съемной квартире, 10,9 % – в общежитии, 7,3 % – в собственной квартире (рис. 4). Проживая с родителями, у студента меньше расходов на питание и, соответственно, выше качество потребляемой пищи. Но судить о нормированности и соблюдении рациона питания достаточно сложно, ведь многие студенты перекусывают «на ходу», более того, питаются более плотно в вечернее время, особенно перед сном, что негативно влияет на организм.

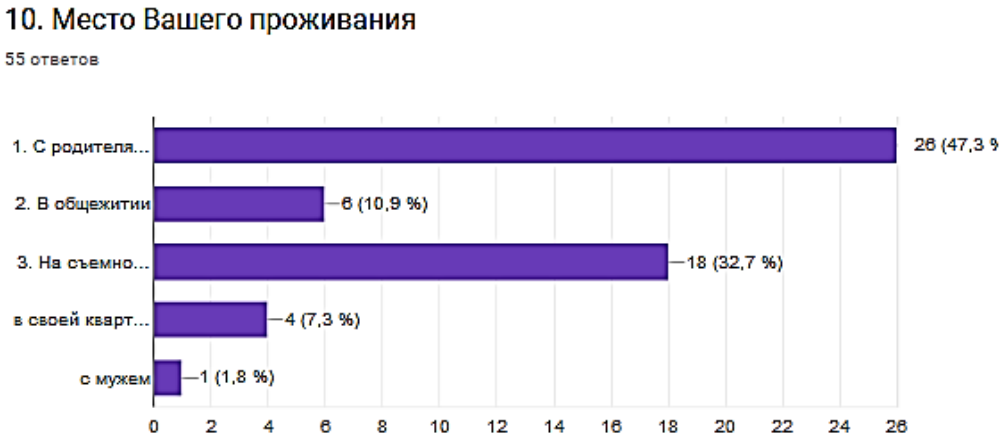

Рис. 4. Место проживания студентов

Согласно представленным данным (рис. 5), большинство опрошенных студентов не имеет аллергических реакций, однако некоторые из них имеют аллергию на дыню и пенициллин. Это означает, что у всех людей свои физиологические особенности организма и при составлении рекомендаций по питанию необходимо учитывать также и этот фактор.

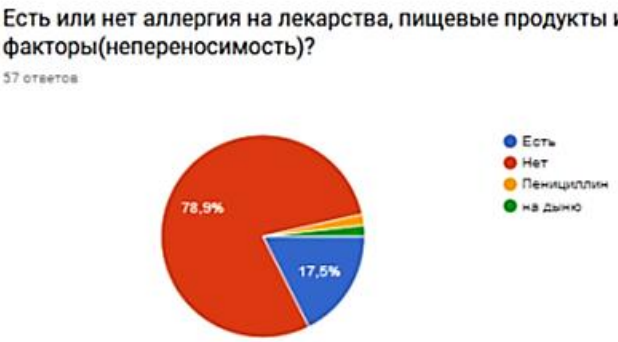

Рис. 5. Показатель присутствия аллергических реакций организма студентов

При составлении рекомендаций по питанию студентов необходимо дать описание продуктам, включаемым в рацион. Также необходимо предложить вариативность выбора питания, который позволит студенту самостоятельно выбрать продукт, исходя из его описания. Это позволит студентам избежать негативных факторов влияния на организм, имеющий у каждого свои особенности. Из анкеты видно, что большинство студентов ведут здоровый образ жизни, но все же 22,8 % опрашиваемых курят, а 15,8 % употребляют алкоголь, что может быть причиной ухудшения общего состояния здоровья студента. В данном случае, при составлении рекомендаций по рациону необходимо включать нежирные супы, молочные продукты, а также продукты, содержащие антиоксиданты, которые будут сглаживать последствия воздействий вредных негативных факторов на организм.

Заключительные вопросы анкеты позволили получить данные о наличии различных заболеваний студентов, а также сведения о применении препаратов. Наиболее часто встречающимися болезнями студентов оказались: близорукость, гастрит, заболевания сердечно-сосудистой системы, бронхит.

Действительно, как показывает не только данное исследование, а опыт из жизни, все люди разные, имеющие свои собственные, отличные от других привычки. Именно поэтому достаточно сложно дать общие рекомендации по питанию для всех людей. Студенты – это особенная группа, в которые может быть смешение других, не менее простых социальных групп. К разработке рекомендаций по питанию нужно отнестись с особой осторожностью, необходимо поставить разнообразие рационов, не высокие калории, отсутствие веществ, вредящие здоровому организму. К рекомендациям необходимо добавить дополнения, примечания и подробные описания всех компонентов рациона. Каждый студент, зная особенности своего организма, своего распорядка дня и, в целом, своей жизни, сможет самостоятельно подобрать наиболее выгодный для себя рацион. По результатам проведенного исследования, средний показатель качества жизни студентов равен 26,71 %, у юношей он составил 24,57 %, у девушек 28,85 %, что соответствует низкому уровню.

Выявились гендерные различия в оценке своего здоровья студентами. Наиболее высокий показатель у девушек, по сравнению с юношами, обнаружился в оценке риска ухудшения здоровья, который составил 9,05 % из 20 % возможных. Это свидетельствует о том, что девушки озабочены вопросами своего здоровья, возможно, это связано с тем, что они задумываются о будущем материнстве. Выявились различия у студентов в зависимости от направленности обучения, студенты технических специальностей более высоко оценивают свою нужность людям, индекс составил 8,05 % (зависимость от людей, самодостаточность), у студентов гуманитарных специальностей он составляет 5,2 %. Однако индекс оценки удовлетворенности жизнью (удовлетворенности прошлым) у представителей технических специальностей ниже, чем у гуманитариев (6,3 %), и составляет 3,65 %.

По результатам исследования сделан вывод, что студентам различных социальных групп для покрытия энергетических затрат и высокой умственной работоспособности, необходимо питаться 4–5 раз в сутки с периодичностью 2–4 ч. Такие рекомендации обусловлены тем, что при более частом потреблении пищи с небольшим содержанием калорий организм расходует меньше энергии на переваривание пищи, позволяя не нагружать ЖКТ, благодаря чему студент будет чувствовать себя в тонусе большее количество времени в день. Распределение суточной калорийности рациона при 4-разовом питании должно быть следующим: завтрак – 25 %; 2-ой завтрак – 15 %; обед – 35 %; ужин – 25 % от общего суточного рациона питания, который должен составлять 2400–2500 ккал. При таком режиме рацион должен был наполнен всеми необходимыми элементами и веществами для организма: содержание жиров – 80–90 г, белков – 100–115 г, углеводов – 300–350 г. Данные рекомендации составлены на основании норм физиологических потребностей студентов от 18 до 29 лет

Таким образом, для того чтобы решить проблему здорового питания студентов, необходимо каждому задуматься о том, как, когда и чем он питается. Чтобы посмотреть зависимость питания от стиля жизни студентов различных социальных групп, проведено исследование, которое позволило выявить, что для обеспечения нормальной жизнедеятельности организма студента в их не простой период сессий, повышенной умственной работоспособности, необходимо соблюдать рациональный режим и рацион питания, а именно питаться не менее 4–5 раз в сутки с периодичностью приёма пищи 2–4 часа. Режим и рацион питания студентов различных социальных групп по результатам ис-

следования не соответствует норме, по причине чего созданы рекомендации по питанию студентов, с учетом всех факторов, влияющих на количество и качество потребляемой пищи.

Описанные рекомендации позволят сохранить студентам их физическое здоровье, поддержать высокий уровень умственной работоспособности, а также позволят предотвратить наличие различных заболеваний, связанных с ненормированным и некачественным приемом пищи, обеспечивая норму потребностей организма в наличии всех необходимых макро и микронутриентов.

Список источников и литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 17. 11. 2008 N 1662-р (ред. от 10.02.2017).
2. МР 2.3.1.2432-08. Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации, методические рекомендации. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200076084.
3. Распоряжение правительства Российской Федерации от 25 октября 2010 г. № 1873-р г. Москва «Основы государственной политики Российской Федерации в области здорового питания населения на период до 2020 года».
4. Особенности современного образа жизни студентов в период обучения в вузе / И. Ю. Аксарина, Я. С. Аксарина, И. В. Аксарин // Современное образование в России и за рубежом: теория, методика и практика / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 159–162.
5. Студенты: поведение как фактор риска для здоровья: система воспитания в высшей школе / Л. Ю. Иванова, Г. А. Ивахненко, Т. П. Резникова. М.: ФИРО, 2011. 80 с.
6. Павлов Н. Н., Клещина В. Ю., Елисеев Ю. Ю. Оценка фактического питания и пищевого статуса современных детей и подростков // Человек и его здоровье. 2011. № 1.
7. Петровский К. С. Гигиена питания. М.: Медицина, 2000. 184 с.
8. Hormonal changes after low-salt diet in patients with Meniere's disease / T. Miyashita, R. Inamoto, S. Fukuda // Auris Nasus Larynx. 2017. Vol. 44. P. 52–57.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Кондратенко Елена Игоревна,
доктор биологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Настинова Галина Эрднеевна,
доктор географических наук, профессор кафедры общей биологии и физиологии,
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»,
г. Элиста,
Андреева Анна Борисовна,
магистрант программы «Функциональное питание»,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Коваленко Наталья Вячеславовна,
магистрант программы «Функциональное питание»,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Тиемова Жанар Александровна,
магистрант программы «Функциональное питание»,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,

Пища как одна из важнейших сторон материальной культуры народа представляет большой интерес в плане изучения многообразных форм проявления адаптации человека к условиям существования. Она самым непосредственным образом связана с социально-экономическими условиями жизни общества, определяется ими и в то же время обладает значительной устойчивостью национальных форм, длительной сохранностью исторически складывающихся традиций. Характер питания народов, состав потребляемых продуктов, блюд, способы и порядок приготовления и приема пищи, предпочтения и запреты в ней, особенности пищевого рациона (годового и дневного) – все это дает прекрасный материал для изучения взаимодействия человека и природы.

Виды пищи, способы её приготовления и пищевой режим относятся к числу наиболее стойких культурно-бытовых традиций. В характерных для различных народов наборах пищевых продуктов, способах их обработки, типах блюд, рецептах их приготовления, в традициях пищевого предпочтения или, напротив, в пищевых ограничениях и запретах, в формах организации трапезы, в связанном с ними этикете и ритуале и во многих других аспектах материальной и духовной культуры, так или иначе связанных с пищей, отразилась долгая этническая и культурная история этих народов.

Многие исследователи отмечают, что уклад жизни тем более «экологичен», чем тяжелее условия существования. В природном смысле экстремальные условия стимулируют развитие этноса. В трудном взаимодействии с природой люди учились сообразовывать свои возможности и деятельность с естественной средой.

Характерной в этом смысле является традиционная культура калмыков, условия проживания которых были весьма нелегки. Наши предки являлись естественными компонентами степных экосистем, их влияние на природу не было разрушительным. Тесная связь с природой, выражаясь в особенностях хозяйственной деятельности, познавательной активности людей, во многом определяет содержание и формы духовной культуры. Достойно, что предки калмыцкого народа могли существовать в ладу с природой, несмотря на то, что круг их знаний о явлениях окружающего мира был как-то ограничен.

Национальная специфика бережного отношения к природе у кочевых народов в дореформенную эпоху, благодаря разным источникам информации, выражения в той или иной степени и вместе с особенностями имеет сходные черты, создавая общую монголо-язычную культуру, имеющую прекрасные традиции.

Ведение хозяйства, быт кочевников формировался на протяжении тысячелетий, главной чертой которых было совершеннейшее приспособление к почвенно-географическим условиям степи, не пригодной для земледелия. Быт этот был сопряжен с чисто скотоводческим хозяйством. Обширные степные пространства Приволжья, Дона и Северного Предкавказья благоприятствовали этому. Первозданная степь представляла собой неоглядный мир естественного разнотравья и диких животных. Природно-климатические условия степных районов являются посвоему уникальными для содержания пастбищного животноводства.

Кочевой образ жизни, применявшийся монголо-язычными народами, интересен не только с точки зрения материальной культуры, но и как выражение народных экологических представлений, соединяющих воедино особенности географической среды и творческую деятельность людей.

Пренебрежение традициями, слепое следование за разными новациями повлекли за собой неправильное природопользование, утрату традиционных способов хозяйствования, а в итоге это привело к исчезновению важных элементов этнической культуры калмыков. Система народных знаний является важной составляющей духовной культуры этноса, тесно связанной с хозяйственной деятельностью и мировоззрением.

Наши исследования показали, что в последние годы население, ориентируясь на западную культуру, недооценивает и должным образом не использует доминирующие нормы социально-экологического взаимодействия. Вместе с тем у разных слоев населения с ростом материального благополучия возрастает интерес к здоровому образу жизни, сохранению долголетия. Социологические исследования показали, что наиболее восприимчивы к подобного рода рекомендациям интеллигенция, студенты, особенно женщины, всегда игравшие важную роль в социально-экологическом взаимодействии общества и природы. Школьная и вузовская молодежь, которой жить и трудиться в двадцать первом веке, должна иметь высокое экологическое сознание, формирование которого может и должно базироваться на доминирующих экокультурных ценностях этноса.

Главная задача повышения уровня экологической культуры и грамотности разных слоев населения, особенно в таких полиэтнических регионах как Калмыкия (калмыки – 45,4 %; русские, украинцы, белорусы – 39,4 %; даргинцы, чеченцы, казахи, немцы, эстонцы, корейцы, туркимесхетинцы и др. – 15,2 %), найти те этнические характеристики социального бытия, которые позволяют осуществить политику и экономику на основе участия общественности в законодательном процессе. Национальные традиции разных народов Калмыкии, определяющие отношение к природе в специфических климатогеографических условиях юга России – важнейшие компоненты экологического императива, сохранившие огромные, далеко еще не использованные

воспитывающие возможности, способные решить ряд первоочередных социальных и нравственных задач экологического воспитания.

Питание часто называют красной нитью экологии, действительно, ему принадлежит важнейшая роль в регулировании обменных процессов – главное условие жизни организма. Последние научные достижения свидетельствуют, что для рационального питания имеют важнейшее значение два экологических обстоятельства: 1) состав пищевых продуктов и питьевой воды, которые зависят от места их образования, и 2) смена потребностей в зависимости от эколого-географических условий (природная среда, работа, быт). Все подчиняется первому экологическому закону жизни, закону Рулье – Сеченова.

Разные народности выработали на протяжении тысячелетий свои потребности в питании. Интересна и поучительна в этом смысле история развития кулинарного искусства калмыков, на первый взгляд, весьма скромная, но вместе с тем представляющая великолепный образец разумного натурального питания.

У калмыков с давними скотоводческими традициями основу пищи составляли молоко и мясо, из которых приготовляли разнообразные блюда. Характерной чертой пищевого режима калмыков был его сезонный характер. Мясные блюда в теплое время года употреблялись редко, тогда, в основном, питались молочными блюдами. Зимой же преобладали блюда мясные, дополняемые молочными и растительными, заготавливаемые летом.

Анализ историко-этнографической литературы позволяют привести сведения о материальной культуре калмыцкого народа, в частности, о многих видах мясной и молочной пищи, калмыцком чае, других видах пищи, способах приготовления.

Результаты исследования автором данной статьи биохимического состава отдельных блюд и продуктов, употребляемых традиционно калмыками свидетельствуют о том, что питание калмыков было достаточно сбалансированным, содержало набор основных веществ, белков, жиров, углеводов, а также биологически активных веществ: витаминов, макро- и микроэлементов.

Сезонный характер и качественный состав пищи был адекватен условиям существования и образу жизни. Ряд напитков и кушаний имел также лечебный характер. Так свежая баранина (особенно мясо яловых взрослых овец), печень считались лекарственными, целительными. Этому имеется современное научное объяснение: бульон из свежего мяса содержит большое количество экстрактивных веществ, легкоусвояемых белков, микро- и макроэлементов. Печень прекрасный источник железа. Подобным свойством обладали, по-видимому, и субпродукты. Недаром дотур является лакомством и в наши дни.

Употребляли в пищу калмыки и конину. На столах римских патрициев самым изысканным блюдом считалось мясо жеребенка. Это прекрасный диетический продукт и в наше время. Химический состав, калорийность, биологическая и пищевая ценность конины. Мясо сельскохозяйственных животных, в том числе конское, ценится за содержание в нем полноценных белков, жиров и витаминов. В конине, в зависимости от возраста, пола и упитанности животных, содержания белка колеблется от 18 до 23 %; жира – от 1-2 (при нестандартной упитанности) до 18–20 % (в тушах лошадей 1 категории упитанности). Химический состав мяса лошадей конюшенного содержания в среднем составляет: воды – 74,2 %; белка – 21,6 %; жира – 2,5 % и золы – 1 %; мяса казахских лошадей (табунного содержания) средней упитанности: воды – 70 %; белка – 24,6 %; жира – 4,7 % и золы – 0,93 %. В конском мясе содержание витамина А достигает 20 мг% (в жире), тиамина – 0,07, рибофлавина – 0,1, никотинамида – 4,2 мг%.

Жир у табунных лошадей, в основном, откладывается на брюшной части и на ребрах, поэтому реберная часть туши имеет наибольшую калорийность - до 4949 ккал. С возрастом лошади содержание воды в мясе снижается, количество жира увеличивается. Кисломолочные продукты кумыс, чигян содержали целый букет важных для организма компонентов: молочная кислота, уксусная кислота, антибиотики. Указанные соединения улучшали пищеварение и препятствовали желудочно-кишечным заболеваниям. Кисломолочные продукты также восполняли дефицит важного для обмена веществ человека витамина – аскорбиновой кислоты.

Монголы, возможно, первыми после китайцев познакомились с чаем в силу элементарного географического соседства. Естественно, они переняли и один из ранних китайских способов приготовления чая, тот, при, котором чайные листья варились. И, конечно, адаптировали его на свой вкус и под свои условия.

Калмыцкий чай варили из так называемого «черного кирпичного чая», представляющего собой брикет из листьев, часто с черешками, нижних побегов чайного куста. Такой брикет подвергался термообработке только сверху, внутри же листья оставались зелеными и сохраняли все биологически активные вещества, микроэлементы и витамины (катехины, фтор и др.). Такой кирпичный чай варили в котле с молоком, маслом, солью, иногда даже (по свидетельству Палласа) скрепляли эту смесь с овечьей кровью и затем стискивали в дощечки. Вполне вероятно, что у разных слоев населения пищевой рацион в количественном выражении различался, но основное достоинство его – сбалансированность и свежесть продуктов сохранялась.

Переход к оседлому типу хозяйствования и, особенно, в период после Октябрьской революции новые принципы распределения ресурсов между трудящимися, перестройка системы торговли, создание новой экономической основы общества привели к коренным изменениям в питании, в его структуре и организации. Начался характерный для последующего периода процесс стирания резких различий в количестве и составе пищи разных социальных групп калмыцкого народа. У калмыков влияние социально-экономического фактора сказалось главным образом на изменении количественного показателя (калорийности) и изменение самой структуры в составе пищи.

Самые устойчивые этнокультурные традиции и установки в обрядовой пище сохраняются у калмыцкого этноса на протяжении всего XX и начала XXI в. в отношении чая. Ознакомление с рационами питания калмыцкого народа показывает, что этот тип материальной культуры отличается устойчивостью. Вместе с тем социально-экономические преобразования наложили на неё сильный отпечаток. Исчезли имущественные и классовые различия. Резко снизилась зависимость питания от зональных и сезонных предпосылок.

Под влиянием типа хозяйствования сглаживается принципиальная разница рациона бывших скотоводов, т.е. в рационе калмыков появились блюда малознакомые или неизвестные ранее с использованием продуктов растительного происхождения. Всевозможные супы, зеленые щи, борщи, котлеты, жаркое, блюда из картофеля и др. появились в калмыцкой кухне под влиянием русской, украинской кухни. Калмыки также переняли способы засолки, закваски и маринования овощей, фруктов, умение варить хлебный квас. В свое традиционное блюдо «махан-шелтегян» калмыки стали добавлять картофель, зелень. В традиционное блюдо «дотур» стали добавлять вермишель. Рацион калмыков обогатился фруктами и овощами. Калмыцкая кулинария в свою очередь обогатила пищу соседних народов. Русские стали включать в свой рацион калмыцкие блюда.

Близость калмыков к центральной России, вынужденная ссылка в Сибирь и постоянные контакты с русскими способствовали тому, что в пище калмыков и славянского населения наблюдается относительно больше сходных черт, чем у других монголоязычных народов В результате культурных контактов калмыков и русских происходило взаимное обогащение пищевых рационов. Если структура пищи контактирующих народов различна, заимствование развивается в обе стороны, по линии преобладающих компонентов. Калмыки стали питаться не только продуктами местного производства, но и привозными. В настоящее время известно, что человек питающийся пищей, привезенной из разных регионов, ликвидирует имеющийся недостаток в элементах питания, что в соответствии с правилом минимума Ю. Либиха обеспечивает оптимальные возможности развития человеческого организма и как следствие этого акселерацию. Явление акселерации определяется, прежде всего, качественным улучшением питания вследствие усиления торгового обмена, перевозок продовольствия из одних районов в другие. Совокупность продуктов, полученных в разных геохимических условиях, гораздо лучше удовлетворяет потребность в полноценной пище, чем продукты, взятые из одной местности, где всегда имеется недостаток одних элементов и избыток других, снижающих их полноценность. Процесс акселерации затронул молодое поколение калмыцкой нации в период возвращения из ссылки на родину. Антропометрические данные показывают, что дети, родившиеся в эти и последующие годы более высокорослы.

Для калмыков и для других кочевых народов вареный молочный чай всегда был и остается не только напитком, но и лекарством, и общеукрепляющим средством. Этот чай нормализует обмен веществ, а также повышает сопротивляемость организма болезнетворным бактериям, то есть укрепляет иммунитет. Калмыцкий чай избавляет от простуды и от сильного кашля. Его используют для лечения заболеваний дыхательных путей. Этот напиток благотворно влияет на пищеварение и на работу желудочно-кишечного тракта. Его принимают при отравлениях – и во

время лечения, и для восстановления сил. Кроме того, его рекомендуют пить при заболеваниях желчного пузыря.

Калмыцкий чай по своей густоте и питательности напоминает суп, поэтому его можно использовать как самостоятельное блюдо, которое насыщает и заряжает энергией на несколько часов. Кстати, его могут пить даже те, кто хочет похудеть – несмотря на то, что он варится на молоке и с добавлением масла, он способствует снижению веса. Этот напиток благотворно влияет на лактацию, то есть увеличивает количество молока у кормящих матерей. Правда, в период кормления лучше не класть в чай много специй.

Калмыцкий чай, сваренный только на молоке, превосходно избавляет от похмелья. Он выводит из организма продукты распада алкоголя, убирает тошноту и изжогу, проясняет мозги. Этот чай помогает справиться с усталостью, возвращает бодрость и отлично тонизирует. И при этом он избавляет от бессонницы и от чувства внутреннего беспокойства.

СИСТЕМНЫЙ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ БАКУ И АСТРАХАНЬЮ

Мамедова Арзу Сагибкызы,
преподаватель кафедры международной журналистики,
руководитель Русского центра
Бакинского государственного университета,
Республика Азербайджан, г. Баку

Средства массовой информации Астрахани сообщают, что в ходе прошедшего на днях в этом городе заседания межрегионального форума женского предпринимательства «Астрахань – Азербайджан» принято решение создать «Союз женщин Каспия». На том же мероприятии было также запланировано проведение в Астрахани весной 2019 г. Форума женщин Прикаспийских стран.

Экспертные сессии «Женщины-предприниматели за расширение сотрудничества и социально-экономическое взаимодействие», и всевозможные мастер-классы с участием представительниц нашей страны, проходили в Азербайджанском деловом центре. Это довольно интересное с точки зрения современного архитектурного дизайна строение было введено в Астрахани в эксплуатацию в 2018 г. Построено оно было в рамках Протокола о сотрудничестве между Правительством Астраханской области и Исполнительной властью Наримановского района Баку, подписанного благодаря указу президента Азербайджана Ильхама Алиева об организации экспортных миссий в зарубежные страны, изучении иностранных рынков и маркетинговых мероприятий.

Следует отметить, что Азербайджанский деловой центр – лишь один из проектов реализованных нашей страной в Астрахани. Так, если придерживаться хронологии событий, то 27 октября 2010 г. в парке, расположенном в центре Астрахани, состоялась церемония открытия памятника общенациональному лидеру Гейдару Алиеву при участии президента нашей страны Ильхама Алиева. Памятник, возведенный в живописном саду Волжского залива в центре города, стал символом дружбы между нашими народами. Памятник высотой 7,8 м, пьедестал, фасад и окружающие части статуи которого, выполнены из гранита, был разработан национальным художником Азербайджана Натигом Алиевым.

Там же, в парке, охватывающем площадь 3,5 га, были проведены работы по озеленению и полной реконструкции, включая напольное покрытие, заменены старые световые столбы современными, установлены новые скамейки и мусорные урны, построен фонтан и полностью восстановлены исторические здания на прилегающей территории.

Годом позже, в октябре, после капитального ремонта и реконструкции, проведенной при поддержке Фонда Гейдара Алиева в Астрахани, состоялась официальная церемония открытия средней школы № 11 имени общенационального лидера Гейдара Алиева. В сентябре 2014 г. в той же школе со стороны Фонда Гейдара Алиева был создан новый детский сад на 140 мест, построенный по оригинальному проекту и современному архитектурному стилю.

Далее в сентябре 2012 г. в том же городе открылся российско-азербайджанский мост Дружбы. Мост длиной более 50 м и шириной 6 м был украшен двойными орнаментами, выполненными в виде металлических конструкций, отражающими национальные элементы двух стран. Тогда

же на площади 1200 м^2 состоялось открытие детского развлекательного лагеря «Мечта», созданного в парке Гейдара Алиева.

20 декабря 2013 г. в Астрахани на площади напротив храма Святого Владимира состоялась торжественная церемония открытия памятника князю Владимиру. Торжественная церемония открытия памятника прошла с участием вице-президента Фонда Гейдара Алиева Лейлы Алиевой. Высота памятника, сделанного из бронзы и поднятого на гранитном пьедестале, составляет 4 м. Интересный факт: памятник отливали в Баку и затем доставили в Астрахань. Памятник посвящен 1025-летию принятия христианства в России и 455-летию основания Астрахани.

Как видим, в Астрахани реализовано довольно много проектов, нацеленных на укрепление связей как в целом между нашими странами, так и непосредственно между городами. И интерес Баку к Астрахани и наоборот, совершенно не случаен. Об исторических связях этих городов говорилось в статье «Нити дружбы между Баку и Астраханью плелись веками», вышедшей в номере газеты «Бакинский рабочий» от 10 августа нынешнего года. Данная статья, кстати, получила, соответственно, одно из призовых мест в рамках журналистского конкурса «Каспий без границ», объявленного администрацией губернатора Астраханской области при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в номинации «Свежий взгляд».

В статье подробно рассматривались отношения между Баку и Астраханью в историческом разрезе. Говорилось о том, как к нам по Каспию доставлялись доски из сосны и ели для строительства каменных, кирпичных или глинобитных домов, как азербайджанские купцы налаживали торговые дела и открывали мануфактуры в Астрахани, а деловые люди из российского портового города, соответственно, торговали в Баку. Однако сегодня сотрудничество между городами выходит на совершенно иной уровень. И в немалой степени именно благодаря поддержке правительств наших стран.

Возьмем, к примеру, ставший уже традиционным, Каспийский медиафорум, ежегодно проходящий по инициативе руководства Астраханской области. Состоявшийся в нынешнем году четвертый медиафорум собрал представителей всех стран «каспийской пятерки»: государственных деятелей, журналистов, экспертов, ученых. За прошедшие годы в рамках данного мероприятия были подписаны соглашения об информационном сотрудничестве, налажен обмен контентом между СМИ государств-партнеров, а также публикация материалов в электронных и печатных изданиях на постоянной основе. На базе регионального телеканала «Астрахань-24» функционирует также Каспийская редакция, регулярно освещающая наиболее актуальные события в прикаспийских государствах. В этой связи, сложно переоценить значимость этого медиафорума как двигателя не только современной журналистики в странах Прикаспия, но и соседствующих с этим регионом государств. Ведь журналистам, находящимся, по сути, в информационном вакууме после распада СССР, сегодня довольно трудно наладить сотрудничество и вместе проводить интересные расследования по той или иной тематике, интересующей читателей всего региона. Безусловно, запущенный в Астрахани мощный каспийский механизм, а также инициативы диаспор смогут положительно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Следует отметить, что многое организаторами и участниками данного мероприятия уже достигнуто, и останавливаться на этом представители редакций не планируют. Впереди решение таких вопросов как расширение работы международного журналистского объединения, создание пресс-клуба прикаспийских государств для более оперативного обмена информацией и многое другое. Однако медиафорум – лишь одно из многих направлений работы как между правительствами, так и государственными и частными структурами. Сегодня азербайджанские эксперты из разных областей совместно со своими российскими коллегами параллельно прорабатывают также проекты в рамках экологического благополучия наших страны и налаживают работу по сохранению экологического и природного многообразия Каспия.

Если же посмотреть на векторы сотрудничества еще шире, то мы увидим, что сегодня Азербайджан и Россия, наряду с другими прикаспийскими государствами, совместно обсуждают такие вопросы, как интеграционное взаимодействие в регионе, ведут переговоры по сотрудничеству в области транспорта и логистики, добыче природных ресурсов. Все это позволяет обозначить приоритеты политического, экономического и социально-культурного взаимодействия, как между самими государствами, так и непосредственно между Баку и Астраханью – административным центром Астраханской области Российской Федерации.

Хотя еще совсем недавно одной из важнейших тем переговоров было определение международно-правового статуса Каспия, что благодаря усилиям руководства стран прикаспийского региона удалось успешно решить. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, которая была подписана в середине августа 2018 г. в Актау на пятом саммите глав Прикаспийских государств, и направлена на укрепление взаимного доверия и расширение поля для многостороннего взаимодействия в формате каспийской пятерки.

Вот что об этом сказал президент Азербайджана Ильхам Алиев в ходе заседания Кабинета Министров, прошедшего 9 октября и посвященного итогам социально-экономического развития за девять месяцев 2018 г. и предстоящим задачам: «В 2018 году произошло несколько важных международных событий с нашим участием. Среди них хотел бы особо отметить принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Считаю, что это исторический документ, в котором полностью нашли отражение национальные интересы Азербайджана. После долгих переговоров пять прикаспийских стран пришли к договоренности. То есть это свидетельствует о том, что в данной Конвенции обеспечены интересы всех стран. Считаю, что это – очень важный, очень серьезный правовой документ для развития региона, расширения экономических возможностей».

ФОРМИРОВАНИЕ УНИКАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКИ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ФОНДОМ «РУССКИЙ МИР» В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Мамедова Арзу Сагибкызы,
преподаватель кафедры международной журналистики,
руководитель Русского центра
Бакинского государственного университета,
Республика Азербайджан, г. Баку

Сегодня русский язык в нашей стране является важным элементом азербайджанской культуры и повседневной жизни граждан, что всецело поддерживается государством в качестве политики нацеленной на укрепление исторически сложившихся стратегических связей между Азербайджаном и Россией. Русский язык широко используется не только в разговорной речи, но и пропагандируется посредством издаваемых на нем органов печати и транслируемых радио- и телеканалов, а также благодаря русскоязычным учебным заведениям и культурным учреждениям. И такое активное использование русского языка на образовательном и экономическом пространстве Азербайджана вытекает как из успешной государственной политики, осуществляемой в этой области, так и традиций толерантности самого азербайджанского народа.

Огромную роль в поддержании традиции русского языка в Азербайджане играет Фонд «Русский мир» созданный в Российской Федерации указом президента Владимира Путина в июне 2007 г. Указ нацелен на популяризацию русского языка в мировой культуре и поддержку программ его изучения в России и за рубежом. Базовая программа Фонда, направлена на создание за пределами России благоприятных условий для получения информации о русском мире и совершенствование языковых навыков. Достичь поставленной задачи помогают отдельные проекты и программы, носящие оперативный характер в исполнении и для реализации которых не требуются большие площади, специальное оборудование и персонал по обслуживанию. Главное, любой желающий должен суметь получить доступ к собранным в рамках этих программ печатным, а также аудио- и видеоколлекциям произведений русской культуры. В своей работе Фонд «Русский мир» исходит, прежде всего, из того, что, несмотря на многообразие пластов русского мира, выражающееся в полиэтничности, многоконфессиональности, социальной и идеологической неоднородности и географическом сегментировании всех носителей этого языка, лиц изучающих или преподающих его, объединяет возможность посредством общего языка налаживать коммуникационные мосты и эффективно сотрудничать с остальным миром.

Самым масштабным событием в деятельности Фонда является проведение в Москве Ассамблеи русского мира, традиционно приуроченной к празднованию Дня народного единства в России. В рамках Ассамблей проходят подиумные дискуссии, круглые столы, тематические секции, практикумы по важнейшим проблемам в сфере русского языка, культуры, истории и философии русского мира. Этот ежегодный международный форум позволяет наглядно отразить современный творческий и интеллектуальный потенциал Фонда, растущий международный интерес к изучению русского языка и

культуры. 21 июня 2017 г. в Государственном Кремлевском дворце в Москве прошла международная конференция «Русский мир: настоящее и будущее», приуроченная к 10-летию создания фонда. Ее участниками стали видные общественные и политические деятели из России и зарубежья, известные ученые, писатели и деятели культуры, преподаватели русского языка и литературы, дипломаты, представители духовенства и журналисты, представляющие более чем 80 стран мира. Одной из главных тем встречи было сохранение классического наследия и развития русского языка и культуры. И такие международные форумы на которых принимают участие также и преподаватели русского языка из стран постсоветского пространства представляют собой уникальную интеллектуальную площадку, на которой российские и зарубежные русисты обсуждают актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы.

Хотелось бы отметить, что в целях содействия экспертным, научным и образовательным обменам, соответствующим задачам Фонда, а также поддержки учреждений образования в деле популяризации русского языка и культуры, при помощи Фонда «Русский мир» подобные мероприятия в Азербайджане проходят также в Бакинском государственном университете (БГУ). Так, в октябре 2018 г. БГУ посетили участники Международного научно-практического форума «Образование в диалоге культур: мир русской школы». Среди гостей был заместитель председателя Комитета по социальным и межрегиональным связям Москвы, профессор Юриий Горячев, отметивший в ходе своей речи успешную политику президента Азербайджана Ильхама Алиева в поддержке деятельности российской диаспоры в нашей стране по сохранению культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения. Участники встречи отметили также меры принимаемые главой нашего государства по содействию в установлении климата межнационального уважения и мира. Гости были проинформированы об успешном развитии международных связей БГУ с некоторыми влиятельными российскими университетами, а также посетили функционирующий в университете Русский центр фонда «Русский мир», где ознакомились с историей его создания и текущей деятельностью, с перспективными проектами призванными еще более популяризовать русский язык и культуру среди студентов этого учебного заведения. Было отмечено, что Русский центр БГУ регулярно организовывает мероприятия, связанные с продвижением русской культуры, бесплатные курсы русского языка для студентов и обладает богатой библиотекой, предоставленной фондом «Русский мир».

Также в сентябре 2018 г. года в Русском центре БГУ состоялось мероприятие, посвященное 190-летию со дня рождения великого русского писателя и мыслителя Л. Н. Толстого. Участники прочли наиболее содержательные строки из эпопеи «Война и мир» и из романа «Анна Каренина», – произведений принесших писателю мировую славу. Студенты отметили, что идеи Л. Н. Толстого оказали влияние на развитие европейского гуманизма и послужили основанием для возникновения уникального религиозно-нравственного течения – толстовства. И потому вполне естественно, что составители энциклопедии Britannica относили его к числу величайших писателей-романистов мира. Еще при жизни Л. Н. Толстого называли главой русской литературы.

Впрочем, подобного рода слеты студентов в БГУ проводятся регулярно. К примеру, незадолго до мероприятия, посвященного Л. Н. Толстому, в стенах учебного заведения состоялся вечер, посвященный 95-летию со дня рождения советского и российского прозаика, народного поэта Дагестана Расула Гамзатова. И на нем тоже наиболее активную часть сформировали именно студенты, изучающие русский язык. В июне 2018 г. в БГУ огласили результаты «Пушкинианы», которую Азербайджан принимал у себя уже в двадцатый раз. Конкурсный проект был организован при поддержке российского посольства в Азербайджане, Министерства образования АР, Русской общины, а также Ассоциации преподавателей русскоязычных учебных заведений. Отметим, что за все время существования данного проекта в нем приняли участие более десяти тысяч лиц желающих принять участие в популяризации русского языка и культуры. И как и всегда организаторы мероприятия предложили участникам для размышления темы, связанные с творчеством Александра Пушкина, а именно «Пушкин и Восток». Учащиеся читали наизусть известные строки из произведений поэта, рисовали мультфильмы, готовили сценические зарисовки. Лучшим участникам по итогам конкурса в торжественной обстановке были вручены награды и дипломы.

Несомненно, такие мероприятия играют огромную роль в деле продвижения русского языка в нашей стране. И потому деятельность Фонда «Русский мир» по поддержке научных и образовательных учреждений, предметом деятельности которых является исследование и разработка

методик преподавания и программ изучения русского языка и литературы, следует считать архиважной задачей также и в деле укрепления азербайджано-российских связей. Ведь русский язык является интернациональным языком, одним из шести официальных и рабочих языков ООН и будучи средством межнационального общения, он играет значимую роль в укреплении дружбы между народами. Стоит ли говорить о том, как все это важно для Азербайджана – ценящего языковое разнообразие и демонстрирующее солидарность со всеми здоровыми силами в мире, основанную на взаимопонимании, терпимости и диалоге?

ИЗМЕНЕНИЕ ИНДЕКСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ СТРАН ПРИКАСПИЯ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Минева Оксана Карловна,
профессор, доктор экономических наук,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Каширская Людмила Васильевна,
профессор, доктор экономических наук,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Минев Владислав Сергеевич,
студент,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет»,
г. Астрахань

Индекс развития человеческого потенциала представляет собой среднее достижение в трех основных измерениях человеческого развития – здоровье, образование и достойный уровень жизни. Чем ближе индекс к единице, тем более развитой считается страна.

Все страны можно разделить на четыре категории: 0,955 до 0,805 – очень высокий уровень человеческого развития; 0,796–0,712 – высокий уровень человеческого развития; 0,71–0,536 – средний уровень человеческого развития; ниже 0,534 – с низким уровнем человеческого развития [3, с. 16–17]. Из пяти стран Прикаспия только Россия относится к странам с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала. Остальные страны могут быть отнесены к странам со средним уровнем человеческого развития.

Для понимания тенденций изменения рассматриваемого показателя рассмотрим некоторые из факторов, оказывающих него прямое и опосредованное влияние. В качестве справки приведём изменение численности населения стран Прикаспия, которое позволяет нам судить о положительной динамике роста населения в среднем на 14 % (+9,85 в России; +12,6 % в Иране; +15,1 % в Азербайджане; 16,1 % в Казахстане; 16,3 % в Туркменистане), что во многом зависит от государственной политике в области здравоохранения, образования и занятости.

Для определения уровня развития здравоохранения, используем принятый во всем мире показатель затрат на здравоохранение в виде их доли от ВВП страны. Как видно из статистических показателей, затраты на здравоохранения варьируются от 3,9 до 7,6 %. Можно заметить, что средняя доля затрат на здравоохранение в доле от ВВП в 2017 г. составила 6,0 %.

Ожидаемая продолжительность жизни по странам Прикаспия составляет в России – 71,6 лет, в Иране – 76 лет, в Азербайджане – 72 года, в Казахстане – 72,3 года, в Туркменистане – 67,8 лет. По приведенным данным можно сделать вывод об отсутствии прямой связи между уровнем затрат на здравоохранение и продолжительностью жизни населения.

Еще одним не менее важным показателем развития современного общества выступают государственные затраты на образование в процентах от ВВП. Данные по Туркменистану отсутствуют по 2007 и 2015 гг., по России приведены по данным Федерального бюджета на 2014–2016 гг. по разделу «Образование» [1, с. 32].

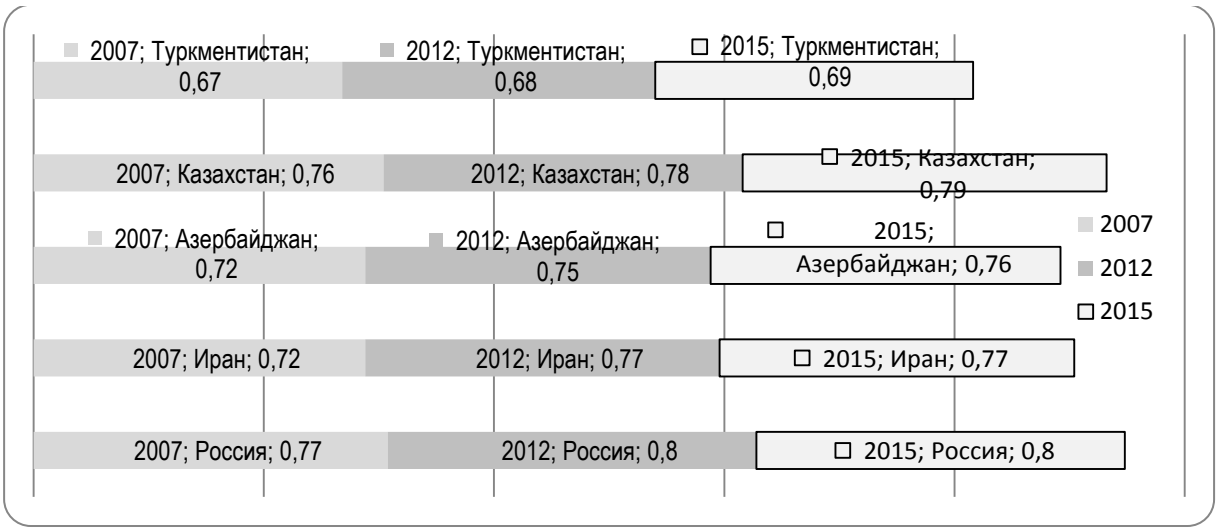

Рис. 1. Индекс развития человеческого потенциала стран Прикаспия 2007–2015 гг. [2]

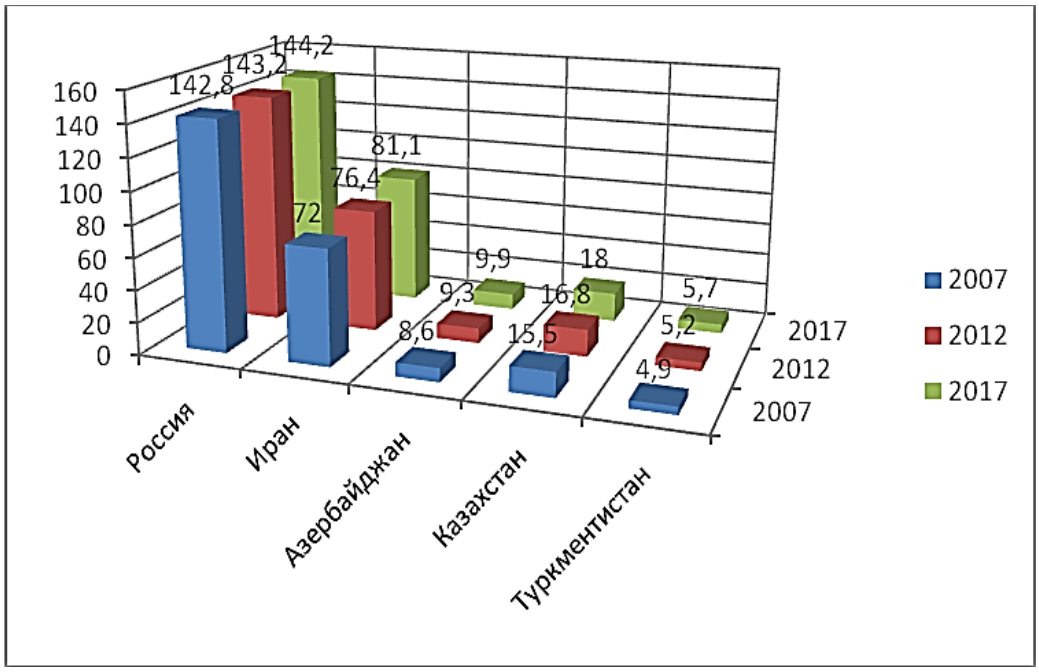

Рис. 2. Изменение численности населения стран Прикаспия 2007–2017 гг., млн человек [2]

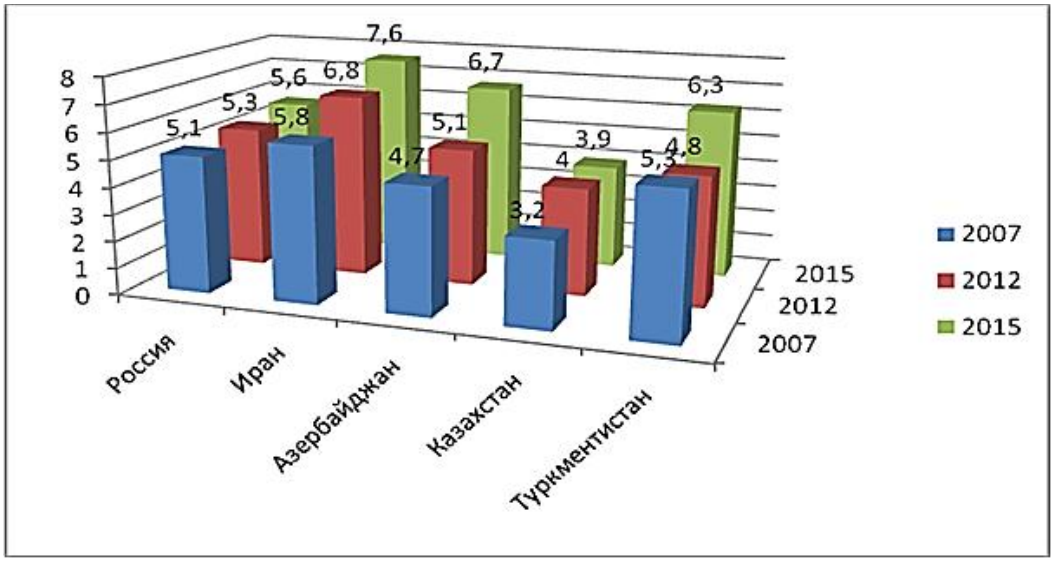

Рис. 3. Текущие расходы на здравоохранение в виде доли ВВП стран Прикаспия 2007–2015 гг., % [2]

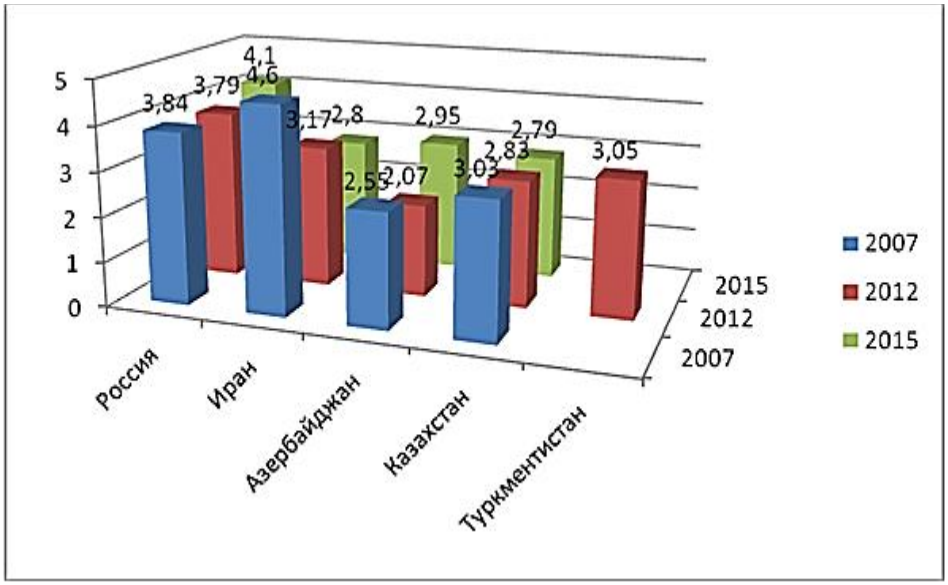

Рис. 4. Государственные затраты на образование в процентах от ВВП стран Прикаспия 2007–2015 гг., % [2]

Средние затраты на образование в странах Прикаспия составляют 3,5 %. Наибольшие расходы осуществляются в России, наименьшие в Туркменистане.

Таким образом, можно заключить, что «выравнивание» индекса человеческого потенциала стран Прикаспия выступает стратегической задачей руководства этих стран, особенно в условиях реализации Конвенция о правовом статусе Каспия. Эта Конвенция делает страны Прикаспия уникальными носителями конкурентных преимуществ, но при этом еще и обязывает их для поддержания достигнутых договоренностей учитывать общие принципы развития Прикаспийского региона и направления развития национальных экономик.

Список источников и литературы

1. Брылякова М. П. Бюджет 2014-2016: финансирование национальной системы образования // Аккредитация в образовании. 2013. № 4. С. 32.

2. Мировой атлас данных. URL: https://knoema.ru/atlas.

3. Сахарова О. Н. Индекс развития человеческого потенциала: место России в современном мире // Вестник Таганрогского института экономики и управления. 2014. № 1. С. 16–17.

ОСНОВНЫЕ ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКАСПИЯ

Сапрыко Дина Урумбаевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Особенностью современного этапа эволюции мирового хозяйства является то, что многие виды экономической деятельности человека все больше привязываются к приморским территориям. В таких районах стремительно растет численность населения, увеличиваются масштабы производственной деятельности, возрастает нагрузка на природную среду. Поэтому сбалансированное развитие хозяйства и рациональное природопользование в приморских районах имеют важное значение как для настоящего дня, так и будущего всего человечества.

Для районов Прикаспия характерны значительные различия в характере расселения, природными условиями и степенью освоенности района. В соответствии с этим ареалы основных типов расселения Каспийского региона можно группировать по следующим типам: 1 – районы расселения линейно-узловой направленности; 2 – районы расселения радиальной направленности; 3 – районы ареально-площадного расселения; 4 – районы очагового расселения с дисперсной системой поселений.

Приоритетная пространственная форма расселения в регионе – линейно-узловая, в которой системы поселений как бы нанизаны на крупнейшие магистральные линии. Районы с расселени-

ем радиальной направленности выделяются в портовых комплексах Астрахани, Махачкалы и Баку. Однако по численности населения преобладающей формой расселения служит ареально-площадная, куда относится в целом Апшеронский полуостров, а также почти все иранское побережье. Районы очагового расселения с дисперсной системой поселений присущи для приморских зон Казахстана, Туркменистана и Калмыкии.

В Каспийском регионе выделяется несколько центров сосредоточения населения и одновременно ядер концентрации производств. Такими центрами являются Баку, Махачкала, Астрахань, Атырау (бывший г. Гурьев), Актау (бывший г. Шевченко) и Туркменбаши (бывший г. Красноводск). В условиях разрушения экономических связей в пределах бывшего СССР эти центры производства и расселения могут стать теми опорными пунктами расселения, которые будут укреплять пространство Каспийского региона, обеспечивая его хозяйственную целостность.

С социально-географической точки зрения особый интерес представляют возможные преобразования приморских хозяйственных систем под влиянием колебания уровня моря и динамики климата [2]. В результате современной морской трансгрессии (повышение уровня на 2,6 м за 18 лет) наиболее существенное изменение претерпели природные комплексы северного участка побережья Каспия. Из-за затопления и подтопления здесь значительно сократилась площадь сельскохозяйственных и заповедных земель. Изменился и гидродинамический режим мелководной части на взморьях дельты Волги и всего Северного Дагестана [2]. Процесс повышения уровня грунтовых вод и подтопления вызвал потерю прибрежных нерестилищ и осложнил условия функционирования прудового хозяйства. В зоне затопления оказалось множество рыбацких поселков и сел этих районов Прикаспия [1].

Динамика уровня Каспийского моря сказывается на функционировании производств нефтяного комплекса на российском побережье. Это связано, в первую очередь, с участком приморской зоны Махачкала-Дербент. Повышение уровня грунтовых вод на данном участке привело к подтоплению отдельных площадей нефтегазовых месторождений. Ныне проводится реконструкция и дноуглубительные работы в Махачкалинском порту с целью интенсификации танкерных перевозок нефти и нефтепродуктов.

Приморские районы Азербайджана в разной степени испытывают воздействие повышения уровня моря. Последствия колебания уровня проявились главным образом в нефтедобывающей промышленности и в обслуживающих ее отраслях. В первую очередь урон понесли различные агрегаты и гидротехнические сооружения, используемые при морской нефтедобыче. Подъем уровня моря усилил процесс волнового разрушения и коррозии металлов на эстакадах морских месторождений «Нефт Дашлары». Осложнилась проблема швартовки судов к приэстакадным причалам. Имеет место частичное затопление прибрежных участков месторождения Биби-Эйбат. Основной фонд скважин, действующих непосредственно на берегу моря, окружен множеством площадок, заполненных буровыми водами. Просачивание этих вод в акваторию моря нарушает экологическое состояние береговой части моря [4].

На казахстанском участке Каспийского региона экологические последствия морской трансгрессии проявляются больше на территориях в пределах г. Атырау, Тенгизского месторождения и в целом Мангистауской области. Кроме того, разработка нефтегазовых месторождений в Атырауской области на протяжении длительного периода времени способствовала развитию процессов опустынивания, утрате биологического разнообразия и разрушению окружающей природной среды. Все еще проявляются экологические последствия радиационного загрязнения от проведенных ядерных взрывов и испытаний современных крылатых ракет в песках Нарын. В частности, территория Атырауской области на протяжении нескольких десятилетий подвергалась широкомасштабному загрязнению высокотоксичными отходами. Обострение экологической ситуации в приморских районах этой области Казахстана привело к повышению уровня заболеваемости ее населения, особенно по туберкулезу и онкологии. Повышение заболеваемости отмечается также и в зоне Тенгизского месторождения. Так, вследствие загрязнения атмосферного воздуха диоксидом серы и азота уровень заболеваемости в районе этого месторождения в 6 раза выше, чем по всей Атырауской области. Зона месторождения Тенгиз является одним из самых экологически неблагополучных районов Прикаспия.

Особую остроту вызывают проблемы утилизации, складирования и хранения таких сопутствующих отходов нефтепереработки, как сера и ее соединения. Наличие серных отвалов непо-

средственно в зоне расселения населения, естественно, представляет опасность для здоровья людей. В связи с этим выдвигаются различные предложения по складированию серы и других отходов в «воронкообразные» провалы, образованные в результате подземных ядерных взрывов, проведенных в 1969–1970 гг. в Ералиевском районе Мангистауской области.

Немаловажное значение имеет решение проблем, связанных с рекультивацией земель, загрязненных серой и ее соединениями. Доминирующий экстенсивный подход к освоению нефтегазовых ресурсов в Астраханской области привел к нарушению почв на значительных площадях. В почве увеличивается концентрация сульфатов, тяжелых металлов и органических соединений, содержащих серу, что негативным образом сказывается на состоянии окружающей природной среды. В Астраханской области сохраняется тенденция роста показателей общей смертности от онкологических заболеваний, заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов дыхания и пищеварения. Возросла частота заболеваний нервной и мочеполовой системы, патологией щитовидной железы.

В результате многолетней разработки нефтегазовых месторождений значительная часть используемых земель на Апшеронском полуострове остается загрязненной. Проникновение нефти в почву здесь достигает 80–150 см, а общая площадь загрязненных таким образом земель – 7,7 тыс. га. В настоящее время предпринимаются определенные попытки по решению проблемы рекультивации. В частности, на территории НГДУ «Бинагадинефть» выбран пилотный участок площадью 30 га, где предусматривается проведение технической и биологической рекультивации земель. Рекультивация земель и снятие с баланса нефтедобывающих управлений освободившихся территорий обусловливает расширение площадей резервных участков Апшерона. Можно предположить, что эти участки в ближайшем будущем будут востребованы различными пользователями земель.

Тяжелое экологическое состояние сложилось в г. Сумгаите – сосредоточении предприятий химической и нефтехимической промышленности. Экономический кризис и разрушение связей по кооперации привели к остановке почти 90 % производств города. Для улучшения экологического состояния города в первую очередь необходимы демонтаж и ликвидация неработающих нефтехимических и химических производств, которые остаются очагами распространения загрязнения. Высвобождение неиспользуемых производственных площадок создаст дополнительные возможности для развития городского хозяйства. В соответствии с этим вносятся коррективы в планировочную структуру города с учетом потенциальных запросов землепользователей. Одним из направлений применения этих территорий – создание парковых зон, которые будут способствовать оздоровлению природной среды города.

В Балканском велаяте Туркменистана приморские районы обладают наибольшей привлекательностью, в них проживает более 58 % населения страны и сосредоточена значительная часть производств нефтегазохимического комплекса. Поэтому воздействие производств комплекса на окружающую среду наиболее ярко проявляется непосредственно в прибрежной зоне.

Сокращение разведочно-буровых работ, а также уменьшение объемов нефтепереработки снизило отрицательное воздействие нефтегазодобывающих производств на окружающую среду приморских районов Туркменистана. За последние 5 лет в восточной части Каспия в пределах акватории этого государства не отмечалась тенденция к увеличению нефтепродуктов в водной среде, а содержание фенолов сократилось от 7 до 1,6 ПДК. В то же время сохраняется радиационное загрязнение в районах добычи пластовых вод в Челекене, где осуществляется их переработка на йодобромном заводе.

В целом состояние природной среды на туркменском побережье можно считать более благополучным, чем в других нефтяных районах Прикаспия. Это связано как с относительно меньшими объемами добычи и переработки нефти, так и с особенностью географического положения района. Относительно мощные теплые течения с юга способствует очищению прибрежных вод Туркменистана.

Из вышесказанного следует, что дифференциация природных условий и сложность территориальной хозяйственной системы Прикаспия предопределяют необходимость использования различных критериев типологизации приморских геоэкологических ареалов – по степени благоприятности экономической и медико-экологической ситуации, инвестиционной привлекательности, обеспеченности нефтегазовыми ресурсами, концентрации производств, промышленной освоенности, антропогенного воздействия, удобству транспортно-географического положения и др.

Цикличность колебания уровня Каспийского моря определяет необходимость проведения корректировок инженерно-проектных работ строительства практически во всех приморских райо-

нах рассматриваемого региона. Многообразие видов хозяйственной деятельности в контактной зоне «суша – море» обусловливает необходимость выделения приморских зон по степени остроты экологической ситуации.

На всем протяжении контактной зоны в пределах Каспийского региона меняется соотношение взаимовлияния суши и акватории моря. Анализ взаимодействия совокупности факторов позволяет выделить 3 составных звена в освоении приморских районов – экономическое, социальное и экологическое, которые отражают состояние среды обитания людей и остроту возникающих проблем. Своеобразие природных условий приморских районов влечет за собой противоречивость функций суша-море. Они могут как интенсифицировать, так и экстенсифицировать пространственное развитие, создавать или разрешать противоречия, соединять или дезинтегрировать пространственную «ткань» [6].

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что, несмотря на разнотипность природных и социально-экономических систем приморских районов Каспия, все они должны рассматриваться и проектироваться как целое, как единая система-индикатор, в которой наиболее ярко проявляются результаты антропогенной деятельности. Это положение приобретает особую значимость в условиях, с одной стороны, интенсивного освоения минерально-сырьевых ресурсов Прикаспия, а с другой – крайне неустойчивого уровенного режима Каспийского моря.

Список источников и литературы

1. Атаев З. В. Влияние динамики климата на рекреалогическую оценку дагестанского побережья Каспийского моря // Естественные и технические науки. 2008. № 1. С. 212–222.

2. Братков В. В., Гаджибеков М. И., Атаев З. В. Изменчивость климата и динамика полупустынных ландшафтов Северо-Западного Прикаспия // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2008. № 4. С. 90–99.

3. Исмаилов Ч. Н. Приморские районы Азербайджана: социально-экономические сдвиги и расширение масштабов освоения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2007. № 1. С. 27–33.

4. Камилов М.-К. Б., Эльдаров Э. М. Вопросы комплексного социально-экономического развития Российской зоны Прикаспия // Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов мирового океана. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 185–192.

МЕНЕДЖМЕНТ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Смирнова Диана Шамасовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Россия, Азербайджан, Иран, Казахстан и Туркмения – пять стран, образующих Прикаспийское сообщество. Границы и формы сотрудничества определяются взаимными интересами, однако, вопрос недооценки на мировом рынке и предвзятое отношение отдельных крупных игроков это общая проблема [1; 2]. Рассмотрим более менеджента Прикаспийских государств через анализ показателей в международных комплексных рейтинговых оценках.

Автор предлагает выстроить вполне четкую цепочку конкурентоспособности: узнаваемость положительного бренда Прикаспийских государств; высокая инвестиционная привлекательность территории Прикаспийских государств; приток финансовых, трудовых, туристических ресурсов. Проведем для пяти стран образующих Прикаспийское сообщество сравнительный анализ наиболее известных и престижных международных комплексных рейтинговых оценок. В таблице 1 представлен в динамике Индекс человеческого развития (ИЧР) Human Development Index (HDI).

Так как показатель ИЧР дает комплексную оценку экономического состояния, образования и здоровья населения (учитывается ожидаемая продолжительность жизни) то ситуация для имиджа стран негативная. Индекс человеческого развития это среднее геометрическое трех представленных выше показателей и комплексно для Прикаспийских государств рейтинг можно оценить как низкий. Присутствует положительная динамик усредненного показателя рейтинга «Прикаспийской территории», но относительный темпа прироста показателя всего 4,4 %. Можно отметить наилучшую динамику Ирана и Азербайджана. Худшими по темпам прироста является Россия и Туркмения.

Таблица 1

Сравнительная динамика ИЧР

Страна	ИЧР			Место в мире	Место среди Прикаспийских государств	Относительное изменение
	2000	2010	2017	2017		
Россия	0,720	0,780	0,816	49	1	13,3
Азербайджана	0,640	0,740	0,757	80	4	18,3
Иран	0,670	0,755	0,798	60	3	19,1
Казахстан	0,685	0,765	0,800	58	2	16,8
Туркмения	-	0,673	0,706	108	5	4,9
Среднее по Прикаспию		0,743	0,775			4,4

Примечание: составлено нами по материалам Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update.

В таблицах, представленных нами, есть расчетный показатель среднее арифметическое всех показателей для Прикаспийских государств. В случае отсутствия расчетного показателя по одной из стран расчет среднего значения для содружества не проводится. Корректность такого показателя открытая тема, однако, подобной практике расчета придерживаются многие международные рейтинги в т. ч. HDI, GI и Good Country Index. Так, они рассчитывают совокупные средние показатели по странам Латинской Америки, Европы, Южной Азии, Арабских государств и т. д.

Но прежде чем полностью доверять индексу человеческого развития нужно проанализировать исходные данные, взятые для расчета. В таблице 2 представлены отдельные показатели, которые кажутся достаточно спорными и, тем не менее, по ним идет расчет итогового индекса ИЧР.

По Туркмении, исходя из данных расчета HDI, взят за наиболее проблемный показатель уровень образования фактор детского труда и высокая доля людей работающих в плохих условиях труда. Для сравнения, в таблице 2, представлены данные по Норвегии и Канаде, странам лидерам большинства международных рейтингов качества жизни населения.

Таблица 2

Критерии, используемые в расчете ИЧР

Страна	Отдельные показатели используемые при расчетах ИЧР		
	Ожидаемая средняя продолжительность жизни у рожденных в 2016 г.	Беженцы из страны в год, тыс.	Коэффициент Джини (статистический показатель степени расслоения общества)
Россия	63,5	61,6	37,7
Азербайджана	64,9	10,3	16,6
Иран	65,4	118,3	38,8
Казахстан	63,4	2,4	26,9
Туркмения	61,4	0,4	–
Среднее по Прикаспийским государствам	63,72	38,6	–
Норвегия	73,0	0,0	27,5
Канада	73,2	0,1	34,0

Примечание: составлено нами по материалам Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update.

При сравнительном анализе Индекса гендерного неравенства (Gender Inequality Index (GII)) и Индекса хороших стран (Good Country Index) [4] ситуация выглядит еще более спорной. Данные получены на основе опросов проводимых в период 2012–2017 гг. американским институтом изучения общественного мнения Gallup World Poll.

Следует обратить особое внимание, что по результатам опроса фиксируются разница восприятия безопасности и свободы выбора мужчинами и женщинами и в случае отклонения делается вывод о гендерном неравенстве (табл. 3).

Данные таблицы 3 наглядно свидетельствуют о том, что по международным стандартам, демократии и свобод в России всё просто ужасно. Особенно тяжело приходится женщинам России с точки зрения безопасности и нарушения их прав. Интересно посмотреть на вопрос опросника на основании которого сделаны столь далеко идущие выводы особенно с точки зрения политического имиджа России и сообщества Прикаспийских государств.

Вопросы, используемые для индикатора безопасности в анкетах Gallup World Poll: «Вы чувствуйте себя в безопасности, идя один ночью в городе или области где Вы живете?» «В этой стране, Вы удовлетворенный или неудовлетворенный Вашей свободой выбрать, что Вы делаете со своей жизнью?».

Таблица 3

Безопасность и свобода выбора: восприятие благополучия (% удовлетворенных качеством)

Страна	Ощущение безопасности		Свобода выбора	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Россия	41	67	70	67
Азербайджана	63	87	69	67
Иран	67	81	70	64
Казахстан	62	72	71	70
Туркмения	75	80	69	68
Среднее по Прикаспийским государствам	62	77	70	67
Норвегия	89	98	96	94
Канада	75	93	96	93

Примечание: составлено нами по материалам Human Development Indices and Indicators 2018 Statistical Update.

Страны Прикаспийского сообщество воспринимается миром, исходя из данных международных рейтингов, как место огромных проблем с демократией. По отдельным показателям даже как мировые лидеры отрицательных характеристик. В частности для Туркменистана отдельные показатели в мировых рейтингах вообще не рассчитываются.

Мы считаем, что система международных индексов качества жизни населения это прекрасный индикатор управления общественным мнением. Для того чтобы улучшать и развивать бренд Прикаспийских государств нужно в первую очередь отрабатывать и раскрывать информацию по тем болезненным точкам и стереотипам восприятия которые демонстрируют международные индексы. Для определения стратегии развития территории в отношении каждой группы необходимо определиться с продуктами, которые хочет получить и готова предоставить территория в разрезе каждой группы [3]. Для этого авторами разработано техническое задание, которое поможет определить возможные стратегические направления развития территории с учетом возможностей территории и желаниями руководства. На государственном уровне нужно использовать политику противодействия негативному имиджу и исправлять картину, демонстрируя фактическое состояние вопроса. Именно на территории Прикаспийских государств должна появиться концептуальная структура, институт-лаборатория новой, современной демократии мирового значения. Для современной международной репутации сообщества стран, прежде всего, важно то, что получает население. Т. е. высокий международный рейтинг – это высокий уровень жизни и качества экосистемы, технологическая направленность на экологичность и инновационность, и конечно высокий уровень уважения прав и свобод граждан.

Список источников и литературы

1. Лукашевич М. Л. Международный менеджмент: актуальный сплав теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6, т. 60. С. 114–119.

2. Мамешина Н. С., Кротов А. В. Каспийский регион как перспективная территория трансграничного многовекторного развития // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии / отв. ред. Н. И. Быков. 2018. С. 163–166.

3. Никонова Н. М., Перевезенцева Т. В. Астраханский регион – проводник российской интеграционной политики в Прикаспии: история и современность // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51). С. 99–106.

4. Simon Anholt. Foreword // Brand Management. 2002. № 9–4. P. 229–239.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ СОСТОЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ СТРАН ПРИКАСПИЯ

Усачева Любовь Вениаминовна,
кандидат экономических наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, учета и аудита, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Уровень образования является одним из определяющих факторов развития экономики страны. Качество подготовки выпускников средних и высших учебных заведений в конечном итоге отражается на качестве производимых ими товаров и услуг. После распада СССР система образования бывших союзных республик претерпела значительные изменения, как в качественном, количественном, так и в структурном плане.

Проведем сравнительный анализ динамики количественных показателей трех Прикаспийских государств, входивших в свое время в СССР. В таблице приведены значения основных показателей, отражающих состояние среднего и высшего образования в РФ.

Таблица 1

Динамика основных показателей среднего и высшего профессионального образования в Российской Федерации [1]

Количество	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18
Средних специальных учебных заведений (ссузов)	3974	3580	–	3278	3281
Учащихся в ссузах, тыс. чел.	1982,1	2103,1	2180,2	2304,8	2400
Педагогических работников в ссузах, тыс. чел.	112,6	121,1	126	135,4	–
Учащихся ссузов на одного преподавателя	17,6	17,3	17,3	17	–
Высших учебных заведений, из них:	969	938	896	818	662
государственных	578	567	530	502	484
негосударственных	391	371	366	316	178
Студентов вузов, тыс. чел.	5646,7	5209	4765,5	4399,5	4200
Преподавателей в вузах, тыс. чел.	319,3	299,7	279,7	261	–
Студентов вуза на одного преподавателя	17,6	17,3	17,07	16,85	–
Выпуск из высших учебных заведений, тыс. чел.	1291	1226,2	1300,5	1161,1	–
Общий коэффициент охвата высшего образования, %	27,3	30,2	30,2	30,2	–

Число средних специальных и высших учебных заведений на протяжении пяти лет заметно снизилось. Вместе со снижением количества учебных заведений снизилось и количество студентов вузов (на 26 %), и численность преподавателей (на 19 %). Такая тенденция связана с политикой Рособрнадзора, по итогам контрольно-надзорных мероприятий которого количество вузов и филиалов сократилось за четыре года на 52 % (с 2268 в 2014 г. до 1171 в 2017 г.), а количество филиалов на 62 % (с 1330 до 509) [2].

Иную динамику мы наблюдаем в средних специальных учебных заведениях (ссузах). Несмотря на сокращение их численности, количество учащихся в техникумах и колледжах ежегодно увеличивается вместе с количеством педагогических работников.

Приведенные данные также свидетельствуют о том, что большая часть вузов России, несмотря на резкое сокращение бюджетных мест в них, продолжает оставаться государственными. Причем их доля в 2017 г. выросла на 13,4 %.

Неоднозначное мнение присутствует о качестве российского образования. Как отмечают потенциальные работодатели, не все выпускники имеют достаточный набор профессиональных компетенций, необходимый для работы по специальности. Отмечается также недостаточная корреляция высшего образования с рынком труда в регионах.

Далее проанализируем динамику показателей по среднему и высшему профессиональному образованию Республики Казахстан (табл. 2) [3]. Данные по средним специальным учебным заведениям свидетельствуют о том, что за последние пять лет сократилось число колледжей и, соответственно, число учащихся в них. Причем, количество учащихся колледжей сократилось почти на 13 %, в то время как количество педагогических работников всего на 0,5 %. В результате уменьшилось и количество учащихся, приходящееся в среднем на одного преподавателя с 14,6 до 12,9 человек. В целях повышения эффективности среднего профессионального образования с 2017 г. в 318 колледжах Казахстана реализуется проект «Бесплатное ТиПО (техническое

и профессиональное образование) для всех», который предусматривает бесплатное получение первой рабочей квалификации и социальную поддержку в виде стипендии, проезда и одноразового горячего питания.

Таблица 2

Динамика основных показателей среднего и высшего профессионального образования Республики Казахстан

Количество	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18
Колледжей	785	768	780	779	779
Учащихся в колледжах, чел.	557374	528511	498965	488926	489337
Педагогических работников в колледжах, чел.	37979	37381	37489	37063	37807
Учащихся колледжа на одного преподавателя	14,6	14,14	13,3	13,19	12,9
Высших учебных заведений	128	126	127	125	122
Студентов вузов, чел.	527226	477387	459369	477074	496209
Преподавателей в вузах	41635	40320	38087	38241	38212
Студентов вуза на одного преподавателя	12,6	11,8	12,06	12,48	12,9
Выпуск из высших учебных заведений, тыс. чел., в т. ч.:	172,8	177,7	147,1	138	127,1
из государственных вузов	70,7	75,3	61,7	53,2	51,2
из негосударственных вузов	102,1	102,4	85,4	84,8	75,9
Общий коэффициент охвата высшего образования, %, в т. ч.:	50,90	48,37	48,44	51,14	54,29
женщин	57,23	54,70	53,86	57,29	60,29
мужчин	46,09	42,26	43,22	45,24	48,55

Количество высших учебных заведений также сократилось на 6 единиц. Но в данном случае в большей степени этот процесс затронул численность преподавателей. Она сократилась на 8,3 %, в то время, как численность студентов – на 5,9 %. В результате показатель численности студентов, приходящихся на одного преподавателя возрос с 12,6 до 12,9 человек. Негативной тенденцией является также сокращение за исследуемый период числа выпускников вузов на 45,7 тыс. человек или на 26,5 %. Причем, основная масса выпускников выходит из негосударственных вузов. Их доля в общем выпуске составляет около 60 % (59,7 %). Из 111 гражданских вузов в 2017 г. лишь 31 являлись государственными, 15 акционированными и 54 частными.

По гендерному признаку коэффициент охвата высшим образованием выше у женщин (60,9), чем у мужчин (48,5).

Большие сложности возникают с поиском информации по Туркменистану. В отличие от Российской Федерации и Казахстана Госкомстат этого государства не публикует статистические данные в открытом доступе на официальном сайте. Ежегодные статистические сборники доступны только в печатном варианте на территории самой республики, поэтому проанализируем некоторые из имеющихся доступных показателей (табл. 3).

Таблица 3

Статистические показатели, характеризующие систему профессионального образования Туркменистана

Показатели	2014/2015	2016/2017	2017/2018
Количество средних профессиональных учебных заведений	37	42	44
Количество обучающихся в средних профессиональных учреждениях, тыс. чел.	–	–	21
Количество вузов	24	25	25
Количество студентов в вузах, тыс. чел.	32,43	38,1	41,2
Численность вузовских преподавателей, тыс. чел.	8,16	–	4,4
Валовый показатель охвата высшим образованием, %	–	7	8
Количество студентов на 10000 населения, чел.	–	–	60

По данным за 2017 г. на территории Туркменистана действует 25 высших учебных заведения (20 – гражданских вузов и 5 – военных). 17 из 20 гражданских высших учебных заведений Туркменистана находится в столице республике – Ашхабаде [4].

Большинство учебных заведений Туркменистана по форме собственности являются государственными [5].

Из представленных данных следует, что в 2017/2018 гг. профессиональное образование получали 62200 человек. При этом валовый показатель охвата высшим образованием составляет всего 8 %, что является очень низким показателем.

Количество студентов, приходящееся на одного преподавателя, в 2014 г. составило 3,97, в 2017 г. – 9,3.

По оценкам аналитиков, вузы Туркменистана способны принять только 1 из 5 выпускников средних школ, желающих продолжить обучение и получить высшее образование.

В 2014 г. в вузы было зачислено 6860 студентов из 32928 подавших заявления на поступление, что составило 20,8 % от подавших заявление и около 7 % от окончивших в этом году школу. В 2017 г. из 38100 человек, желающих поступить в вуз, принято было 9 400 (24,6 %). Это одни из самых низких показателей в мире. В Финляндии, чья система образования считается одной из самых сбалансированных, в вузы поступает более 90 % выпускников средних школ, в России – 78 %, в Казахстане – 48 % [5]. Такая же ситуация складывается и в среднем специальном образовании. Из 15900 человек подавших заявление в 2017 г. было принято только 8300 (52,2 %), несмотря на то, что около 70 % учеников колледжей и техникумов получают образование на платной основе.

Тот факт, что 17 из 20 гражданских высших учебных заведений Туркменистана находится в столице республике – Ашхабаде, затрудняет процесс получения высшего образования жителями других городов и областей. Данное обстоятельство создает дефицит высококвалифицированных специалистов с высшим образованием практически во всех отраслях экономики.

Возникающие трудности при стремлении получить образование в собственной стране, низкие показатели охвата высшим образованием выпускников школ приводят к тому, что молодые люди стремятся получить образование за рубежом (Россия, Белоруссия, Турция, Китай и др.). Как результат, на сегодняшний день Туркменистан – единственная страна в мире (за исключением некоторых карликовых государств), в которой дома высшее образование получает меньше студентов, чем за границей.

Таким образом, коротко проанализировав динамику основных показателей современной системы образования в трех Прикаспийских государствах, следует отметить, что в двух из них (России и Казахстане) наблюдается тенденция сокращения числа высших учебных заведений. В Туркменистане существующая система высшего образования не способна удовлетворить спрос на него со стороны населения. Отмеченные негативные тенденции возможно, на наш взгляд, преодолеть путем интеграции стран Прикаспия и принятия совместных решений в области повышения эффективности системы образования.

Список источников и литературы

1. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/.
2. Выступление Президента Российского Союза Ректоров Садовничева В. А. URL: http://www.garant.ru/article/.
3. URL: http://stat.gov.kz.
4. URL: http://gundogar-mediawiki.tw1.ru/index.php.
5. URL: http://ria-stk.ru/news/detail.php.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ АСТРАХАНСКОГО ПРИКАСПИЯ

Ушивцева Любовь Франковна,
доцент,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Шарова Оксана Анатольевна**,*
инженер-эколог 1 категории,
Инженерно-технический центр,
ООО «Газпром добыча Астрахань»,
г. Астрахань

Разведанные и предварительно оценённые запасы Астраханского Прикаспия на 1 января 2017 г. составляют более 5,3 трлн м^3 газа и 1,1 млрд т конденсата и нефти. Основная доля запасов углеводородного сырья региона на суше приходится на газоконденсатные месторождения Астраханского свода и, в первую очередь, на Астраханское газоконденсатное месторождение. Углеводородную сырьевую базу региона составляют 19 месторождений, из которых 10 открыто на суше и 9 на шельфе Каспия. Среди сухопутных месторождений три месторождения (Бешкульское, Промысловское и Левобережная часть Астраханского ГКМ) находятся в промышленной эксплуатации, Верблюжье и Юртовское в пробной эксплуатации, остальные находятся на стадии разведки или в консервации. Из морских месторождений в разработке находятся месторождения им. Ю. Корчагина и им. В. Филановского. Кроме того, разработка месторождений Каспия ведется и другими государствами: Республиками Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Иран [6].

Разведка и разработка как сухопутных, так и морских месторождений углеводородного сырья ускоренными темпами привела к повышенной техногенной нагрузке на экосистему Прикаспийского региона.

Как известно, нефтегазовая отрасль по уровню загрязнения природной среды занимает одно из первых мест среди отраслей народного хозяйства. Она загрязняет практически все сферы окружающей среды – атмосферу, гидросферу, причём не только поверхностные, но и подземные воды, геологическую среду, т. е. всю мощность вскрываемых скважиной пластов в совокупности с насыщающими их флюидами. Основными загрязнителями окружающей среды при технологических процессах нефтегазодобычи являются нефть и нефтепродукты, сернистые и сероводородсодержащие газы, минерализованные пластовые и сточные воды нефтегазопромыслов, а также отходы бурения скважин. Большую опасность для окружающей среды представляют химические реагенты, применяемые для интенсификации процессов нефтегазодобычи, бурения, подготовки нефти, газа и воды [6].

Помимо стационарных источников загрязнения, в районах разработки нефтегазовых месторождений большой объем загрязняющих веществ поступает в водные объекты посредством диффузного стока, формирующегося в зонах временного складирования отходов добычи нефти и газа (буровые растворы, шламы, производственные и атмосферные сточные воды).

Загрязнение почв и литосферы выражается: аварийными и технологическими разливами нефти и нефтепродуктов из скважин и внутрипромысловых продуктопроводов, при транспортировке нефти по нефтепроводам и их порывах; буровыми отходами и химреагентами, применяемыми при их приготовлении, амбарами и емкостями для хранения нефти и др. путем инфильтрации и утечки при нарушении обваловок, при паводках, в период дождей или интенсивного таяния снегов. Техногенная деградация земель в зонах интенсивного промышленного освоения нефтяных месторождений достигает до 30 %. Основными загрязнителями почв при нефтегазодобыче являются щелочноземельные (Ca, Mg), щелочные (Na, K) и тяжелые металлы, а также хлор и сульфаты (SO_4^{2-}). Возрастание содержания легкорастворимых солей в почве приводит к засоленности последних на 1,5–2,5 %.

Исследование содержания нефтепродуктов, фенолов и тяжелых металлов, как наиболее частых загрязнителей почв показало, что характер загрязнения вод и почв указанными загрязнителями определяется плотностью промышленных предприятий, спецификой предприятия, и влиянием сезонного фактора. Многолетние мониторинговые исследования почв на Астраханском ГКМ показали, что pH почв изменяется от 7,7 и 9,5, что характеризует их как щелочные. На территории АГКМ содержание сульфат иона составляет 36,7–236 мг/кг, что соответствует фону; Cd – менее 1,0 мг/кг. Zn – 55, Pb – 2,74, Ni – 2,66–10,88; Hg – 0,001, Cu – 2,89 мг/кг, что ниже предела ПДК или ОДК. Согласно суммарному показателю загрязнения Zc (<16). который отражает общий

вклад тяжелых металлов и мышьяка в загрязнение почв, категория почв территории АГКМ – «допустимая», о чем также свидетельствует биопродуктивность почв (показатель всхожесть неравноцветника кровельного близок к 100 %) [3].

По оценкам ученых-химиков загрязнение почвенного покрова углеводородами, обогащенными смолами и парафином, ведет к гудронизации их профиля, образованию плотных водо- и воздухонепроницаемых битумных корок с накоплением в них токсинов. На старейших месторождениях Мангышлака толщина подобных корок достигает 5–7 м. Химико-аналитические исследования почв в районе бурения скважин месторождения Каражанбас (Мангышлак) показали увеличение засоленности почв на 2,5 %, загрязнение почв хлоридами, ионами кальция и сульфата.

Общее содержание углеводородов нефтяного ряда составляло до 81 мг/кг, полиароматических углеводородов в основном не превышает порога обнаружения. Освоение этих почв для земледелия возможно лишь при условии орошения [1].

Разработка месторождений нефти и газа оказывает значительное влияние на гидросферу. Загрязнение подземных водоносных горизонтов в местах разработки месторождений нефти и газа в основном происходит из-за нарушения герметичности зацементированного заколонного пространства, приводящее к заколонным проявлениям и межпластовым перетокам, за счет поглощения бурового раствора при бурении, за счет закачки промстоков, при заводнении. Все гидрогеологические нарушения в районах разработки нефтяных и газовых месторождений, связаны с процессом бурения и выражаются в поступлении в водоносные горизонты загрязнителей (поглощение буровых растворов) или водопроявлениях, что приводит к изменению гидродинамического и гидрохимического режимов естественного функционирования водоносного комплекса [10; 12]. Это выражается в истощении водоносных горизонтов, образовании воронок депрессии, изменение гидрогеологических и гидродинамических условий; изменении химсостава природных вод, при закачке посторонних вод (промстоков или воды для заводнения), что приводит к соленакоплению, цементации пор, выпадению солей сульфатов и карбонатов в осадок, появлению химически активных газов.

В регионах нефтегазодобычи имеет большое значение проблема очистки и утилизации попутно добываемых пластовых и технологических вод (т. н. промстоков), обладающих повышенной минерализацией, содержащих вредные примеси и часто не поддающихся очистке. Одним из способов утилизации является закачка промстоков в глубокие водоносные горизонты, залегающие ниже дренирующего влияния поверхностных водотоков, не содержащие подземных вод, пригодных для водоснабжения и других целей. Функционирующие полигоны закачки промстоков (ПЗП) имеются на Оренбургском, Астраханском, Карачаганакском и ряде других месторождений.

Одной из главных экологических проблем Оренбургского газохимического комплекса уже на протяжении многих лет остается непрерывное загрязнение подземных вод, из которых наибольшему загрязнению подвержен первый от поверхности водоносный горизонт [4]. Основными источниками загрязнения являются районы установок комплексной подготовки газа (УКПГ), утечки из сетей коммуникаций, соединяющих УКПГ с полигонами подземного захоронения (ППЗ) высококонцентрированных технологических сточных вод.

На территории Астраханского газоперерабатывающего завода имеется полигон закачки промстоков. Функционирование Полигона подземного захоронения промстоков АГПЗ сопровождается постоянным контролем за его экологическим состоянием. Основными критериями оценки экологического состояния Полигона являются сохранение естественного гидродинамического, геохимического фона водоносных горизонтов, а также контроль за интенсивностью и характером изменений фоновых показателей в горизонтах подземного хранилища, позволяющим оценить размеры площади распространения промстоков. Экологический мониторинг полигона закачки промстоков на Астраханском ГКМ показал, что полигон не оказывает негативного влияния на вышележащие водоносные контролируемые горизонты [13].

Вышележащие водоносные горизонты подземного хранилища за которыми ведется контроль, не имеют гидравлической связи друг с другом и перекрыты локальными и региональным водоупорами, исключающими перетоки промышленных стоков в горизонты верхней активной динамической зоны (апшеронский, хвалыно-хазарский, бакинский горизонты). Происходящие изменения в горизонтах подземного хранилища Полигона в пределах горного отвода вследствие закачки промстоков, не влияют на вышележащие водоносные горизонты и экологически безопасны. Полигон выполняет свое функциональное назначение и экологически безопасен для окружающей среды [13].

Основными источниками загрязнения атмосферы при строительстве скважин и переработке углеводородов являются различные газы: оксид азота (NO), диоксид азота (NO_2), оксид углерода, сернистый ангидрид, углеводороды, сажа и др. На каждом конкретном месторождении определены нормируемые (предельно допустимые) компоненты и объемы их выбросов в атмосферу [9].

Одной из наиболее актуальных экологических проблем любого региона, и тем более регионов нефтегазодобычи, является проблема накопления и утилизации промышленных и бытовых отходов, нефтешламов, замазученных грунтов, буровых отходов. В процессе строительства скважин отходы образуются: при приготовлении бурового и тампонажного растворов, в процессе строительства автодорог, в результате освоения скважины, при вспомогательных работах, производственной деятельности [7; 12].

В приготовлении буровых растворов используется значительное количество химреагентов, применяемых для интенсификации процессов нефтегазодобычи, бурения, подготовки нефти, газа и воды такие как: хлорид кальция, барит, биополимеры, хлорид натрия, кальцинированная сода, известь, эмульгаторы, стабилизаторы, растворители, дизтопливо, ПАВ, кольматанты и др., попадание которых из глинистого раствора в водоносные горизонты, почвы, морскую воду приводит к их загрязнению.

Установлено, что помимо макрокомпонентов (кремния, алюминия, железа, бария) в замазученных грунтах и нефтешламах присутствуют в значительном количестве (мг/кг): ванадий (до 2000), титан (до 1000), хром, стронций, свинец (до 500). На уровне ПДК для почв в исследуемых замазученных грунтах обнаруживаются (мг/кг): медь (20), никель (30), цинк (7–10). Остальные элементы (молибден, галлий, ванадий, цирконий, скандий, олово, серебро и др.) содержатся в сравнительно небольшом количестве преимущественно в тысячных, десятитысячных и менее долей процента. В результате длительного хранения отходов нефтедобычи изменяются их реологические параметры, обусловленные главным образом потерей легких фракций и загрязнением. В настоящее время на каждом месторождении имеется значительное количество шламохранилищ, которые требуют непрерывного мониторинга.

Проводимый в северной части Каспийского моря по сети станций производственный экологический мониторинг, включавший исследования состояния и загрязнения окружающей среды (атмосферный воздух, морские воды и донные отложения, растительный и животный мир) месторождения им. Корчагина показал, что концентрация нефтепродуктов в поверхностном слое воды, также как и в донных отложениях, снизилась, в придонном слое – возросла; концентрация синтетических поверхностно-активных веществ (СПАВ) в морской воде и в донных отложениях осталась на прежнем уровне; суммарная концентрация полициклических ароматических углеводородов (ПАУ) значительно уменьшилась в воде и донных отложениях, содержание ТМ (цинк, кадмий, никель, свинец, бария) в поверхностном слое воды выросло, содержание меди осталось на прежнем уровне, в придонном слое – осталось на прежнем уровне, содержание меди снизилось; в донных отложениях – содержание ТМ (цинк, кадмий, никель, медь, свинец) – снизилось или не изменилось. Концентрация свинца в морской воде выросла, тогда как содержание свинца в донных отложениях – заметно снизилось. Сравнение пределов изменчивости основных показателей химического состава и загрязненности морской среды в районе расположения МЛСП на месторождении им. Ю. Корчагина в 2017 г. с современным фоном показало, что экстремальные значения большинства показателей остались в пределах фоновых значений [5].

Наряду с этим в районе разработки месторождений им. Ю. Корчагина и В. Филановского отмечена активность грифонов (мелкие выбросы газа, нефти и воды), которые могут быть обусловлены как природными, так и техногенными факторами и на ликвидацию которых требуются определенные средства и время. Для сведения к минимуму грифонообразования необходимо проведение качественного анализа имеющихся данных для выяснения причин их образования и предварительный прогноз этих процессов на предпроектной стадии.

К сожалению, получить информацию по аналогичным осложнениям других государств крайне сложно, что естественно не позволяет получить полную картину этого процесса. Разработка принципа «нулевого сброса» а также применение донных сейсмических станций для мониторинга недр на месторождении им. Ю. Корчагина, стала серьезным достижением российской компании «ЛУКОЙЛ» при работе на Каспийском шельфе.

Результаты производственного экологического мониторинга в районе объектов обустройства месторождения им. Ю. Корчагина указывают на отсутствие негативного воздействия его эксплуатации на морскую экосистему и высокую эффективность мер, предпринятых нефтяной компанией для охраны окружающей среды.

Для утилизации промышленных и бытовых отходов в ООО «Газпром добыча Астрахань» функционирует полигон захоронения ТБиПО. По данным эколого-гидрогеологических мониторинговых наблюдений в течение 2010–2017 гг. на имеющемся полигоне твердых бытовых и промышленных отходов (ТБиПО) отмечается незначительное колебание уровня подземных вод на исследованных объектах (тело полигона, поля фильтрации КОС, ЕСР), что обусловлено особенностями режима вод в соответствующий период года. Ухудшение состояния подземных вод не происходит, резких изменений в химическом солевом и макрокомпонентном составе подземных вод не отмечено. Результаты эколого-гидрогеологического мониторинга свидетельствуют о стабильности гидрогеологической обстановки на исследуемых объектах и о том, что эксплуатация полигона не оказывает негативного влияния на окружающую среду [11].

Для улучшения экологической обстановки в районах нефтегазодобычи и переработки наиболее действенным и эффективным способом предотвращения любых негативных ситуаций следует назвать в первую очередь, профилактические меры, которые связаны с предотвращением возможного загрязнения всех элементов экосистемы, комплексность природоохранных мер, непрерывный мониторинг всех объектов ОС, что позволяет контролировать их состояние. Разработка системы ликвидации либо локализации источников загрязнения при освоении как сухопутных, так и морских месторождений нефти и газа является важнейшей задачей экологической безопасности любого региона.

Список источников и литературы

1. Бакирова С. Ф., Комашев А. О. Сохранение природной среды – жизненная проблема человечества // Материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2018. С. 4–9.

2. Делия С. В. Программа экологического мониторинга ОАО НК Лукойл на Северном Каспии. Астрахань, 2002. 80 с.

3. Лапаева И. В., Андрианов В. А., Чивилева Д. Е. Геоэкологические и геохимические особенности Волго-Уральских песков при техногенных нагрузках // Геология, география и глобальная энергия. 2018. № 2 (69). С. 129–135.

4. Питьева К. Е., Волохова Е. В. Исследования изменения состава подземных вод под воздействием Оренбургского газового комплекса М.: ИРЦ Газпром, 1997. 90 с.

5. Соловьева А. В. Мониторинг донных отложений объектов месторождения им. Ю. Корчагина // Материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2018. № 1. С. 112–119.

6. Ушивцева Л. Ф., Серебряков О. И., Смирнова Т. С. Анализ структуры запасов и ресурсов прибрежных сухопутных территорий и акватории Каспийского моря // Геология, география и глобальная энергия. 2013. № 2 (49). С. 90–97.

7. Ушивцева Л. Ф., Шарова О. А. Природно-техногенные геодинамические процессы при освоении сухопутных и шельфовых территорий морей // Геология, география и глобальная энергия. 2014. № 3 (54). С. 183–187.

8. Ушивцева Л. Ф., Мерчева В. С., Серебрякова О. А., Шарова О. А. Оценка загрязнения и состояния подземных вод при разведке и разработке месторождений нефти и газа // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2015. № 6. С. 36–39.

9. Шарова О. А. Состояние и проблемы утилизации выбросов парниковых газов газоперерабатывающих комплексов // Экологическая безопасность региона. Брянск, 2011. С. 283–287.

10. Шарова О. А. Геоэкологическая безопасность при освоении ресурсов Каспийского моря и морских геологоразведочных работах // Новейшие технологии освоения месторождений углеводородного сырья и обеспечение безопасности экосистем Каспийского шельфа. Астрахань, 2012. С. 64–67.

11. Шарова О. А. Существующее положение обращения с отходами на предприятии ООО «Газпром добыча Астрахань» // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2013. № 11. С. 29–33.

12. Шарова О. А. Влияние процессов освоения углеводородного сырья на состояние экосистемы Северного Каспия // Наука и общество в условиях глобализации. Уфа, 2014. С. 12–15.

13. Шарова О. А. Ушивцева Л. Ф. Мониторинг полигона закачки промышленных стоков Астраханского газоконденсатного месторождения // Материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань, 2018. № 1. С. 151–160.

СМЕНОВЕХОВСКИЙ ПРОЕКТ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ РОССИИ – СССР В 1920–1930-е гг.

Антропов Олег Константинович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Грязев Антон Евгеньевич,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В начале 1920-х гг. в эмигрантской среде активизация непартийных идеологических движений вызвала идейное размежевание политически активных слоев Русского зарубежья. При классификации движений и течений эмиграции можно условно выделить два непартийных идейно-политических лагеря. Первый лагерь объединял те движения и течения, которые открыто выражали неприятие большевизма и советской власти, были готовы вести активную борьбу против советского строя, вплоть до перенесения революционной борьбы на российскую землю. Второй лагерь составляли лояльно настроенные к советско-большевистскому строю группы, движения, которые признавали власть большевиков как консолидирующую силу, а антисоветские действия эмиграции считали себя изжившими. Они смирились, «признали реальность», оправдали «творческую миссию большевиков», были готовы служить Отчизне, активно участвовать в развитии современной России и разделить общую судьбу своего народа. В разных странах возникли организации патриотической направленности, союзы возвращения на Родину.

Среди наиболее значимых идеологических течений, возникших в результате идейно-политической переориентации части эмигрантской интеллигенции и поиска «третьего пути» развития России первое место, безусловно, занимает движение «Смена вех». «Сменовеховство» было одной из примиренческих эмигрантских концепций, приверженцы которой настаивали на прекращении гражданской войны, признании Советской власти и признавали возможным сотрудничество с последней при условии отказа от военного коммунизма и развития новой экономической политики. «Сменовеховцы» были, по преимуществу, кадеты, их лидером и главным идеологом был профессор Ю. В. Ключников.

Началом организации движения считают выход в свет сборника «Смена вех», который был издан группой русских эмигрантов в июле 1921 г. в Праге. Все авторы сборника в прошлом активные участники белого движения. Несмотря на то, что они до конца своих дней оставались антикоммунистами, они были сторонниками компромисса с Советской властью ради сохранения единой и неделимой России. В сборнике были опубликованы статьи профессоров Н. В. Устрялова, С. С. Чахотина, С. С. Лукьянова, а также Ю. В. Ключникова, А. В. Бобрищева-Пушкина, Ю. Н. Потехина. Данное издание явилось противовесом сборнику «Вехи» (1909), авторы которого осудили русскую революционную интеллигенцию, подвергли критике ее духовные основы.

Один из авторов сборника «Смена вех» писал: «гражданская война проиграна окончательно, Россия идет своим, не нашим путем. Или признайте эту ненавистную вам Россию, или оставайтесь без России, потому что «Третьей России» по вашим рецептам нет, и не будет» [1, с. 173]. Н. В. Устрялов, один из лидеров «сменовеховцев», еще в апреле 1920 г. в харбинской газете «Новости жизни» констатировал: «ныне уже невозможна антибольшевистская интервенция. Всякая интервенция будет ныне – антирусской» » [1, с. 173].

Сборник был быстро раскуплен (2500 экз.), создалась потребность в организации периодических изданий-еженедельников. Главным центром «сменовеховского» движения стал Париж, также появились «сменовеховские» издания в Софии – «Новая Россия», в Гельсингфорсе – «Путь», в Риге – «Новый путь», в Харбине – «Новости жизни». В редакционной статье первого номера еженедельника «Смена вех» определена главная задача этого издания – «…быть мостом между русской интеллигенцией за границей и русской интеллигенцией в России» [2, с. 2].

По мнению редакции, движение «Смена вех» было попыткой «глубже вдуматься в свой новый долг представителей русской интеллигенции перед своим народом, а именно – отдать свои силы новой России, дабы поскорее преодолеть ужасы и тени переходного состояния»[2, с. 2], что было открытым примирением с советской властью. «Сменовеховцы» не только приняли революцию как свершившийся факт и по-своему ее оправдали, но и готовы были сотрудничать с большевиками для развития страны в демократическом направлении. Они приняли советскую систему общественных отношений и не стремились к реставрации социально-политической системы до 1917 г. Советы как форма организации государственной власти их вполне устраивала, кроме того, они приняли большевизм как государственную идеологию, но с условием придать ему цивилизованные формы, облагородить идеями демократии.

«Сменовеховцы» стремились к демократическому социализму, а не к постепенной эволюции Советов в буржуазно-либеральную республику. «Сменовеховство» вполне вписывалось в большевистскую систему, его приверженцы если не с восторгом, то с одобрением отмечали: «Создалась новая Россия – Россия трудящихся, сбросивших с себя ярмо прежнего угнетения и ищущих новой, своей свободы. Она еще слаба, эта новая Россия, и при неблагоприятной обстановке мыслим не только резкое понижение ее достижений, но даже и срыв ее» [2, с. 2]. «Сменовеховцы» с искренней тревогой предостерегали: «Если ценой великих испытаний и разрушений Россия достигнет лишь ничтожных результатов – это будет непоправимый моральный удар для нее: жертвы революции не должны оставаться неискупленными. Если же произойдет срыв революции, – хотя бы и временный, – то откроется эра такой анархии, перед ужасами которой пережитые ужасы покажутся приятным и коротким сном» [2, с. 2]. Свое отношение к большевистскому режиму сменовеховцы мотивировали патриотизмом, но это не мешало им критиковать недостатки развития нашей страны. «Новая Россия еще слаба, ее и надо поддерживать. Поддерживать не значит, однако, до бесконечности сохранять те ненормальные условия, в которых сейчас приходится жить России. Напротив, с момента отказа от насильственного сопротивления неизбежному и нужному, – сами собой прекратятся все ужасы, сгладится постепенно все ненормальное, неприемлемое» [2, с. 2]. Это было, естественно, заблуждением. «Сменовеховству» была присуща некоторая романтизация революции, свойственная российской интеллигенции, чем и объяснялось заявление: «пусть с самого начала будет откинут упрек нам, что мы склонились перед силой. Перед волей русского народа, перед волей истории склонились мы, а не перед силой» [2, с. 2]. Сменовеховцы намеревались принять участие в культурном строительстве Советской России и стать «оберегателями национального русского достояния». «То ценное, что нам дало прошлое России, мы хотим бережно и с любовью вложить в русское будущее. При этом мы не отрекаемся оттого, что мы русские интеллигенты и хотим ими оставаться. Из интеллигенции нам по пути со всяким, кто искренно и честно принял факт великой русской революции, видя в ней грандиозный исторический сдвиг и первый этап в достижении Россией могучего социально-политического прогресса [2, с. 3].

НЭП, по мнению сменовеховцев, стал разрешением противоречия между коммунистическими лозунгами и социальной базой Советской власти, сформировавшейся в ходе гражданской войны, прежде всего, из среднего крестьянства. Переход большевиков от революционных методов руководства обществом к эволюционным позволил интеллигенции «сменить вехи» и пойти на сотрудничество с Советской властью. Оценивая ситуацию в Советской России, сменовеховцы отмечали, что большевики во имя сохранения завоеваний революции отложили в сторону неосуществимые в ближайшее время пункты своей программы и вступили на путь эволюции [3, с. 2]. Факт перехода к НЭПу и отказ от военного коммунизма стал решающим моментом в отношении сменовеховцев к большевистскому режиму.

Что понимали «сменовеховцы» под термином «эволюция советского строя»? Ответом на этот вопрос можно считать статью С. Лукьянова «Эволюция», вышедшую в свет в конце 1921 г. Автор писал, что в России происходит, несомненно, эволюция, но «…не в смысле внутреннего перерождения руководящих современной России кругов, а в смысле избрания ими эволюционной тактики для достижения лишь в отдаленном будущем тех целей, которые не удалось достигнуть немедленно, путем революции. Коммунистическая программа сохраняется, но она теряет всю свою актуальность. По отношению к запросам дня она приобретает подчиненное значение [4, с. 13]. В своей статье С. Лукьянов задает вопрос: «приведет ли развитие НЭПа к отказу большевиков от коммунистической перспективы?», и сам отвечает, что нет, т. к. «…быстрый отказ

советской власти от коммунистического идеала переустройства России и всего мира делается не только не обязательным, но и не так уж желательным, ибо он неминуемо лишал бы русскую революцию ее пафоса, а ее вождей низвел бы на положение простых политических оппортунистов. Затруднителен этот отказ и психологически для искренних коммунистов, каковыми неизбежно приходится считать главнейших деятелей Советской России» [4, с. 13].

С. Лукьянов и его сторонники полагали, что НЭП введен на длительный исторический период (2–3 поколения), а за это время многое может измениться, вполне возможно, что при благоприятной внешнеполитической ситуации медленным эволюционным путем в нашей стране будет построен «демократический социализм». С. Лукьянов верил в здравый смысл большевистских лидеров: «перед советской властью встала роковая дилемма: или погибнуть, увлекая в хаос анархии Россию, и решительно ничего не достигнув, или отказавшись от старой тактики «немедленного коммунизма» в мировом масштабе, спасти обновленную Россию, а с нею вместе свои идеалы и возможность их осуществления, но на этот раз не революционными методами, а путем длительной эволюции [4, с. 13–14]. В данной статье нет ни слова о возможности перерождения советской власти в буржуазно-либеральную республику.

«Сменовеховцы» были за отстаивание экономических интересов советского государства на международной арене, за экономический суверенитет России, против ее экономического закабаления Западом. Они поддерживали политику развития государственной промышленности и были против денационализации промышленных предприятий и передачи их в аренду или собственность иностранным капиталистам. «Иностранные правительства в единении с заграничными русскими организациями добиваются, прежде всего, денационализации промышленности, с этим лозунгом хотят войти в Москву все кандидаты на смену большевикам» [5, с. 6].

По мнению «сменовеховцев», политика советского правительства по отношению к зарубежным концессиям была выбрана правильно, а на обвинения эмиграции в отношении того, что советская власть разбазаривает национальные богатства, распродает государственную промышленность, они отвечали: «зарубежная русская пресса, громко крича о расхищении России, упорно обходит вопрос о той распродаже Отечества, которую ведут в Париже, Лондоне, Риме многие из бывших капиталистов» [5, с. 6]. «Сменовеховцы» также считали, что русские банки за рубежом находились в руках западных финансистов и в случае возвращения в Россию после свержения большевиков «стали бы просто марионетками в руках иностранцев и в английские, французские, американские руки перешли бы русские прииски, заводы, военный и коммерческий флоты, нефтяные земли и т. д.» [5, с. 7].

Национальная программа сменовеховского движения по основным положениям выражена в статье «О красном империализме», вышедшей в свет в конце 1921 г. Эта редакционная статья, написанная в патриотическом духе, разоблачает лживость утверждений эмигрантской и западной прессы о «красном империализме и защищает национальную политику. По мнению авторов статьи, формула «красный империализм» была изобретена врагами России, как удобное средство отвлечения внимания общественности от националистического сепаратизма российских окраин, чтобы прикрыть агрессивную, захватническую, империалистическую политику западных держав в отношении нашей страны, оправдать русофобию, грузинский, украинский, горский и т. д. шовинизмы. Империализм стремится всегда расширить границы своего влияния, захватить чужие территории, закрепостить слабые нации. Попытки механически распространить это понятие на Советскую Россию только потому, что большевики стремятся расширить подконтрольную им территорию и распространить свое влияние, не верны. Внешнее сходство скрывает принципиальное различие в империалистической и коммунистической экспансиях. Большевики стремятся освободить трудящихся от капиталистической эксплуатации, раскрепостить колониальные народы, дать свободу от империалистического гнета зависимым от Запада народам. Таким образом, перед нами два совершенно разных явления, в противном случае можно было бы с успехом обвинить в империализме иудаизм, христианство или ислам, т. к. все три религии стремятся утвердить господство своих доктрин в мировом масштабе. Западу и российским местным националистам был выгоден распад СССР на национальные и псевдонезависимые республики, что облегчало им путь порабощения России и национальных республик бывшего СССР. Сменовеховцы безоговорочно выступали за сохранение единой и неделимой России – СССР.

Главным занятием сменовеховцев была издательская деятельность и пропаганда своих взглядов в эмигрантской среде. В 1921–1922 гг. в Париже издавалась еженедельная газета «Смена вех» (ред. Ю. В. Ключников), вышло 20 номеров [6, с. 217]. С 26 марта 1922 г. по 15 июня 1924 г. в Берлине выходила газета «Накануне» – центральный орган сменовеховцев. В эмигрантских кругах ходили слухи, что эта газета тайно субсидировалась советским правительством. Организаторами газеты были Ю. Ключников, С. Лукьянов, С. Чахотин, Ю. Потехин. На идейной платформе сменовеховства объединялись самые разные люди, принадлежавшие, преимущественно, к интеллигенции. В работе редакции принимало участие около 400 корреспондентов, среди которых были такие видные русские писатели и журналисты, как Алексей Толстой, И. Соколов-Микитов, А. Дроздов, А. Ветлугин, Н. Петровская, И. Василевский. А. Толстой, например, редактировал воскресное «Литературное приложение» к газете. Вскоре «газетное дело» выросло в масштабное предприятие – в Акционерное общество «Накануне», которое стало заниматься и издательством, и репатриацией, и делами Красного Креста. «Накануне» была единственной эмигрантской газетой из всех некоммунистических газет, разрешенной к ввозу и продаже в СССР. Наибольшее внимание газета уделяла освещению внешнеполитических проблем. Крупной заслугой «Накануне» стало последовательное отстаивание прав Советской России на международной арене, борьба за ее международный авторитет. Заслугой «Накануне» явилась также широкая пропаганда произведений советской литературы на страницах самой газеты и ее литературного приложения. Здесь печатались О. Э. Мандельштам, Б. Пильняк, К. Федин, В. Катаев, А. Никитин, М. Волошин, Слезкин, Марменгов, Всеволод Иванов, М. Булгаков, Лидин, Р. Рождественский, Олешин, Неверов, К. Чуковский, Никулин и др.

Следует обратить особое внимание на стимулы и мотивы, которые побудили часть эмигрантской интеллигенции принять решение о возвращении в Россию под влиянием идей «сменовеховцев». Стимулы были единые – кризис большевистского плана построения нового общества через теорию и практику военного коммунизма и провозглашения большевиками новой экономической политики. Мотивы же были разные, среди которых наиболее четко выявились два. Одна часть интеллигенции, откликнувшись на призывы «сменовеховских» лидеров к возвращению в Россию и сотрудничеству с советской властью, стремилась действовать без идейно-политической предвзятости и оппозиционных настроений. Их цель – развить и обогатить здоровые силы в стране для созидательной работы. Другая часть интеллигенции возвращалась с затаенным реформаторским планом, чтобы, используя легальные служебные возможности, радикально повлиять на ход событий в стране в сторону буржуазно-демократических реформ. При этом вместо рабочего класса ведущей силой общества должна была стать интеллигенция, которая должна «переродить» советскую власть и взять ее «в свои руки».

Как показала история, «сменовеховцы» просчитались в отношении НЭПа, «идущей эволюции большевиков». Призыв идти на службу советской власти не способствовал демократизации и развитию рыночных отношений, советский строй не стал в 1920–1930 гг. эволюционировать в сторону демократии. НЭП в СССР не имела будущего, потому что большевики рассматривали эту экономическую политику как временную меру, уступку крестьянству. Оценка перспектив развития НЭПа, которую дали «сменовеховцы», была иллюзией. Их ошибкой было также и утверждение, что большевики воплощают в действительность историческую роль русской революционной интеллигенции.

По отношению к антисоветскому лагерю российской эмиграции сменовеховцы играли деструктивную роль и объективно способствовали разложению антибольшевистских сил. Советская власть использовала в своих интересах примиренческую позицию сменовеховцев.

Идеи сменовеховцев объективно способствовали укреплению власти большевиков, приходу на советскую службу определенных слоев интеллигенции. Лидеры большевиков использовали идеи «смены вех» прагматически для привлечения интеллигенции к сотрудничеству на короткий срок до создания новой, «рабоче-крестьянской интеллигенции». Конкретная помощь сменовеховцев плодотворно использовалась диктатурой пролетариата в разложении антибольшевистских сил внутри страны. Весь широкий спектр общественно-политических течений, групп и партий российской диаспоры враждебно встретил сменовеховство, опасаясь распространения идей «смены вех» о примирении с большевистской властью среди эмигрантов.

Список источников и литературы

1. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.
2. Редакционная статья // Смена вех. Париж. 1921. № 1. 29 октября.

3. Редакционная статья // Смена вех. Париж. 1921. № 2. 5 ноября.
4. Лукьянов С. Эволюция // Смена вех. Париж. 1921. № 5. 26 ноября.
5. После термидора. Редакционная статья // Смена вех. Париж. 1921. № 9. 24 декабря.
6. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. В. УСТРЯЛОВА

Антропов Олег Константинович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Грязев Антон Евгеньевич,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Национал-большевистская концепция международных отношений является важной составной частью учения Н. В. Устрялова. Международные отношения представляют собой особую область политики со своими специфическими источниками власти, ресурсами, интересами и целями. В политической сфере действует принцип: у государства на международной арене нет друзей, а есть временные партнеры и постоянные интересы.

Концепция международных отношений, предложенная Н. В. Устряловым, есть концепция русского империализма. Он это не скрывал и не пытался прикрыться либеральным туманом общечеловеческих ценностей и прав человека. В своих работах Устрялов с позиций русского националиста-кадета проводил анализ современных ему международных политических процессов. Центральное место в его произведениях, посвященных международному положению и внешней политике СССР, занимали проблемы войны и мира, изменения баланса сил после Первой мировой войны, необходимости для России – СССР проведения активной внешней политики, отражающей ее великодержавные интересы и т. д.

В основе национал-большевистской геополитической концепции международной политики лежала идея великой и неделимой России. В 1920-х гг. НЭП возродила нашу страну, а вместе с возрожденным промышленным и военным потенциалом крепла и Красная Армия, опора и главное орудие, наряду с Третьим Интернационалом, который должен был использоваться, как средство укрепления государственного могущества СССР и расширения международного влияния нашей страны.

В 1922 г. Устрялов в статье к пятилетию Октябрьской революции вновь возвращается к проблеме эволюции большевизма. Он подчеркивает, что большевизм 1922 г., расставшись с утопизмом и экстремизмом первых лет революции, мало похож на большевизм 1917 г. Изменилась и военная политика Советского государства: от тотального интернационализма большевики переходят на великодержавные позиции. «Так неизменны национальные пути и крепка историческая государственная традиция. Она – выше «умыслов и замыслов» современников, отдельных участников жизненного «пира богов», знающего свои законы. Она – выше усилий и планов правящей власти, в конечном счете, всегда подчиняющейся ее неотвратимой логике. Она проявлялась сквозь упадочную атмосферу двора последних наших императоров, – она фатально просвечивает и сквозь буйные претензии дерзновенной русской революции…» [1, с. 249].

Устрялов рассуждал о том, что логика исторического развития, объективная необходимость развития державы заставляет большевиков отказаться от своей первоначальной политики интернационал-большевизма – его ставкой на мировую революцию, и проводить политику национал-большевизма. Большевики вынуждены подчиниться объективным законам геополитики, чтобы выжить во враждебном международном окружении. «Словно какая-то невидимая рука ведет русских революционеров по тропе, в существе своем им чуждой. Собственными своими руками они пересоздают многое, что ими самими было сокрушено, признают «тактически» большую часть того, что отвергают «принципиально» [1, с. 249].

Устрялов считал, что «национализация Октября», т. е. отказ от мифической мировой революции, тотального интернационализма ярче всего проявился во внешней политике СССР и отразился в международном положении страны уже в середине 1920-х гг.

Стабилизация капитализма повлияла на внешнюю политику СССР, изменился ее стиль и приоритеты. «Силою вещей она принуждена замыкаться в государственные, национальные рамки. Методы Чичерина теперь все менее отличаются от обычных приемов мировой дипломатии. И в то же время с неудержимой неизбежностью Наркоминдел вытесняет собою Коминтерн. Такова обстановка: судя по всему, всерьез и надолго» [2, с. 345].

Анализируя внешнюю политику Советского правительства, Устрялов пришел к выводу: «Активность внешней политики Москвы перенесена с Запада на Восток. Здесь осуществляется комбинированное давление всех революционных факторов в далекой надежде окольным путем зажечь всемирный Октябрь. Но на Востоке даже и самые цели – по крайней мере, реальные, близкие – лишены действительно интернационалистического духа. Задачи советской восточной политики – национальное пробуждение колониальных народов. В нем – наш исторический своеобразный реванш (о, отнюдь не «империалистический»!) за Брест и Версаль, за Ригу и Лозанну. Возможно, что России здесь удастся в известной мере осуществить свою провиденциальную миссию» [2, с. 345].

Большое внимание уделял Устрялов Коммунистическому Интернационализму, который он оценивал, как эффективное средство Советской внешней политики в борьбе с геополитическими противниками. Москва через Коминтерн распространила свои «политические интриги» по всему миру. Для расширения влияния Коминтерна и подрыва позиций империализма использовались все средства и методы, в частности, разжигалась «социальная ненависть», т. е. классовая борьба в развитых капиталистических странах; в колониальных, зависимых и многонациональных странах большевики разжигали «националистические страсти».

Под вывеской Третьего Интернационала Москва таким образом распространяла свое влияние по земному шару. Фактически, Коминтерн стал средством советской внешней политики. Случилось то, к чему призывал Устрялов, он считал, что интернационал должен служить национальной русской политике. Пусть под коммунистическими лозунгами и советской властью, но национальная русская экспансия развивалась на своих великих исторических путях в форме московского советизма.

Для Устрялова переход большевистского режима к великодержавной внешней политике был объективен, закономерен. Он явился следствием, в т. ч., и утверждения коммунистического бонапартизма – режима личной власти Сталина. СССР и Сталин ответили на глобальный вызов Запада. Устрялов считал, что в ближайшие десятилетия мировая социалистическая революция маловероятна: «Вне новой мировой войны шансы на мировую революцию ничтожны» [3, с. 222]. Поэтому большевикам не следовало надеяться на широкомасштабный революционный процесс в мире. Напротив, надеяться на новый революционный взрыв опрометчиво. В этих условиях главными становились интересы выживания СССР во враждебном капиталистическом окружении путем распространения в мире коммунистических ценностей и расширения сферы влияния СССР. Так, в нашей стране идеологический фактор внешней политики (мировая революция) в 1920 г. уступил место геополитическому.

Идея мировой революции начала работать на русскую великодержавность, изменилось отношение к ней и национал-большевиков. «Что касается мечты о мировой революции, то здесь опять-таки нет ничего, что противоречило бы жизненным потребностям современной русской обстановки. Когда мировую революцию думали насадить ценой разрушения русского государства, дезорганизации армии, «похабного мира», наивных приветов «немецким товарищам» – это было плохо. Тогда «сверхчувственная идея» губила жизнь, была вредна для жизни (хотя из истории культуры мы знаем, что и такие идеи в общем культурно-историческом плане имеют свое «право на существование»). Но когда эта революционная мечта воплощается в жизнь путем воссоздания собственного государства, укрепления его международного положения, возрождения армии организации хозяйства трезвыми приемами – дело принимает совсем другой оборот» [4, с. 254–255].

Интернационал-большевики, ортодоксальные коммунисты всегда ставили революционно-мессианские идеи выше национальных, их внешняя политика была нацелена на мировую революцию. Национал-большевизм Сталина тоже выступал за «экспорт» революции, но только тогда, когда будут для этого благоприятные условия и не в ущерб национальным, общегосударственным интересам СССР. Устрялов одобрительно отзывался о так называемом «красном империализме», т. е. стремлении Советской России воссоздать державу под лозунгом СССР и расширить свое влияние в мире. «При современных условиях «воля к мощи», воля к расширению (хотя бы «понимаемому духовно») – по-прежнему является признанием государственного здоровья, национального

полнокровия. Разумеется, эта «воля» должна контролироваться «разумом», воплощаться в осмысленные формы и умеряться трезвым сознанием собственных возможностей…» [5, с. 291].

Борьба с советской властью не должна вестись за счет силы и единства России – это главный принцип национал-большевизма. Устрялов писал: «…красный империализм есть последний крик русского великодержавия. Если он будет задушен, не будучи усвоен, – кончит свои дни и оно. Этого у нас сейчас трагически не понимают, за «бытом» красной России игнорируя ее «душу». Но тем не менее это так. Недаром же и сама идеология современного воинствующего антибольшевизма перешла к упадочной проповеди всевозможных «самоопределений», попросту говоря, раздробления государства и, как следствие, отказа от великодержавных задач» [6, с. 109]».

Геополитика, как одно из направлений международной деятельности государства и раздел в теории международных отношений, не могла не привлекать внимания Устрялова. Несмотря на то, что значительных научных трудов по геополитике у Устрялова нет, а геополитические сюжеты вкраплены у него в тексты статей о международном положении и внешней политике России, но в этих статьях немало метких замечаний и наблюдений геополитического характера. Можно отметить, что Устрялов является сторонником русской геополитической школы XIX – начала XX в., не выходя за ее рамки и не разрабатывая свою геополитическую доктрину.

В своей внешнеполитической доктрине Устрялов сосредоточил внимание на изучении социально-экономических, национальных и политических факторов. В большей степени, чем географическая среда и климат, его интересуют такие проблемы, как война и мир, баланс сил на международной арене, мировой порядок, столкновение интересов. Но все же есть основания выделить если не геополитическую доктрину, то геополитические взгляды Устрялова, который и здесь искал свой третий путь, нечто среднее между евразийством, современным ему, и либерально-западнической теорией международных отношений.

Основные положения геополитической концепции национал-большевизма были изложены Устряловым в статье «Логика национализма», опубликованной в харбинской газете «Новости жизни» 22 августа 1920 г.

Говоря о природе государства и государственной культуры, Устрялов полемизирует с теми, кто утверждает, что «территория – мёртвый элемент государства». Он писал: «Я готов утверждать скорее обратное: именно территория есть наиболее существенная и ценная часть государственной души, несмотря на свой кажущийся «грубо физический характер» [7, с. 95]. Устрялов доказывал «мистическую» связь между государственной территорией как главным фактором внешнеполитической мощи государства и государственной культурой как его внутренней мощью. Он писал: «Лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой. Души «малых держав» не лишены возможности быть изящными, благородными, даже «героичными» – но они органически не способны быть «великими». Для этого нужен большой стиль, большой размах, большой масштаб мысли и действия…» [7, с. 95]. Автор также замечал, что возможен германский, русский, английский мессианизм, но мессианизм сербский, румынский или португальский звучит фальшиво, ложно. Заявления поляков, что они «избранный народ», «предназначенный к великим всемирно-историческим свершениям просто смешны» [7, с. 96].

Устрялов размышлял о сути государства как исторического явления и пришел к выводу, что оно состоит из трех элементов: власти, населения и территории. Для Устрялова главным фактором государственности является территория.

Рассуждая о власти, автор заявлял, что «форма власти менее всего отражается на размахе и «стиле» государственной культуры… Рим оставался Римом и под властью республики, и под верховенством императоров. «… (душа государства) … блекнет лишь тогда, когда наносятся несокрушимые удары территории государства. (…) … власть не может считаться определяющим элементом государственной культуры» [7, с. 96]. Таким образом, власть вторична по отношению к государственной территории.

Рассматривая такой элемент государства, как население, Устрялов считал, что для создания государства и государственной культуры население должно превратиться в нацию. Для него нация не естественное, а историко-социальное образование. При этом автор подчеркивал, что «существеннейшим фактором рождения наций являются условия «территориального» порядка, создающие непосредственно их физическое благополучие, экономическую мощь»[7, с. 96]. Далее идет убийственное для националистов суждение Устрялова: «Для “мировых стремлений” (свой-

ство великой культуры) нужна великая нация, а великая нация не может быть “малой народностью”, хотя, с другой стороны, разумеется, не всякий большой народ уже тем самым является вечно великой нацией» [7, с. 96–97].

Душой государства и символом нации Устрялов считал территорию. Он писал: «…всякий национализм, если он серьезен, должен быть прежде всего «топографическим». Для государственного деятеля, в отличие от военного стратега, «потеря территорий» есть всегда «потеря живой силы», отмирание «части души». И утешаться легкомысленным «не беда, вернем!», да еще при современном мировом положении, когда каждый потерянный клочок способен моментально завести себе новую «ориентацию» (Эстония и Финляндия на Германию и Швецию, Грузия на Англию, Польша на Францию, Украина на Австрию или Польшу и т. д.), можно лишь при наличии большой доли того бесшабашного «ура-национализма», который уже успел принести нам столь много тяжких разочарований и глубокого вреда» [7, с. 97].

Главной идеей, на которой базируется вся концепция международных отношений Устрялова, является утверждение, что Россия должна остаться великой державой, великим государством. Отсюда следует вывод: «И так как власть революции – и теперь только она одна – способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, – наш долг во имя русской культуры признать ее политический авторитет» [7, с. 100]. Устрялов стремился сохранить за Россией статус мировой державы, мирового центра силы, противостоящего Западу.

Геополитическая концепция национал-большевизма – это создание революцией «великой советской империи». Советская власть в ходе гражданской войны объединила Россию в ее «великодержавных пределах» и, «…какова бы она ни была, заслуживает в этом своем деле решительной поддержки и сочувствия всех сознательных русских патриотов» [7, с. 97]. «Когда же теперь в палате общин Ллойд-Джордж с растерянной миной говорит о «великой советской империи», право, слушаешь эти слова с чувством радостного душевного облегчения и даже не без ощущения национальной гордости…» [7, с. 97].

Геополитика России осталась прежней: единой и равной себе, независимо от названия державы – Московское царство, Российская империя или Советский Союз. Это закон, и он не зависит от воли правителей.

Устрялов, как глубокий политический мыслитель, не раз задавал в своих статьях вопрос: чт. е. Россия, какова ее роль и место в международных отношениях, каково влияние нашего государства на миропорядок? Ответ на эти вопросы заставил лидера национал-большевизма разработать свою концепцию международных отношений.

По мысли Устрялова, Россия была, есть и будет великой мировой державой, и это не зависит от типа политического режима, который в данный момент господствует в ней. В политике главное – это борьба за мировую гегемонию. Россия, независимо от воли своих правителей, в такой борьбе обречена принимать самое активное участие.

Реальная политика всегда направлена на достижение национально-государственных целей, при этом главный критерий – государственная польза. Национально-государственные интересы, безусловно, должны преобладать над другими понятиями международного права. Обязанность любой власти – обеспечение безопасности своего государства и достижение баланса сил, либо его изменение в свою пользу на международной арене. Устрялов – макиавеллист, поэтому для него использование силы на международной арене естественно и оправдано, если это обеспечивает благо граждан и способствует развитию общества, не говоря уже об интересах национальной безопасности страны.

Список источников литературы

1. Устрялов Н. В. Годовщина // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
2. Устрялов Н. В. Национализация Октября (к восьмой годовщине) // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
3. Устрялов Н. В. Друзья слова // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
4. Устрялов Н. В. Обмирщение // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
5. Устрялов Н. В. О нашей идеологии // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо 2003.
6. Устрялов Н. В. Зеленый шум // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
7. Устрялов Н. В. Логика национализма // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.

Н. В. УСТРЯЛОВ О СУДЬБЕ СОЦИАЛИЗМА В РОССИИ – СССР И БУДУЩЕМ ПРАВЯЩЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Антропов Олег Константинович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Грязев Антон Евгеньевич,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В политической философии Н. В. Устрялов использует метод сравнительно-исторического анализа. Он применяет его к Великой Русской революции 1917 г. и Великой Французской революции 1789–1794 гг. По утверждению Устрялова неизбежно перерождение коммунистического режима в СССР в национал-большевистский и диктатуры пролетариата в советскую бонапартистскую диктатуру. Он предвидел появление из числа вождей революции советского Бонапарта, могильщика этой революции и создателя новой Советской империи в границах традиционной Российской державы. Большевиков рано или поздно постигнет участь якобинцев, они исчезнут с политической арены, но на данном историческом этапе они триумфаторы. В гражданской войне большевики победят, в этом Устрялов не сомневался, но он был уверен, что, победив, большевизм будет перерождаться в свою противоположность.

Лидер национал-большевизма, став окончательно на позиции традиционализма Константина Леонтьева, не только разорвал связи с кадетской партией и отошел от либерализма, но и стал принципиальным ярым противником западной либеральной демократии. Основой для этой идейно-политической эволюции Устрялова стало его национально-патриотическое мировоззрение и политические взгляды убежденного государственника. С. Сергеев отмечает, что Устрялов окончательно утверждается «…в вере в особый исторический путь России, столь нехарактерный для западников-кадетов, подкрепляя её ссылками на славянофилов, Одоевского, Герцена, Достоевского, Блока. Привлекаются в союзники и западники, но такие, как Пестель – государственники-централисты. Вполне можно сказать, что национал-большевизм есть синтез герценовского «русского социализма» и катковского великодержавия [1, с. 334].

Как патриот и государственник Устрялов не мог смириться с развалом Российской империи, поэтому он признал советскую власть, а затем принял большевизм как идеологию новой государственности и новую имперскую идею. Он поддержал советскую власть уже в 1920 г. не случайно: он понял, что «…объединение России идёт под знаком большевизма, ставшего империалистичным и централистским» [2, с. 51]. Устрялов принял советскую систему государственного устройства, идею диктатуры пролетариата как средства восстановления империи, наведения порядка в обществе и обеспечения возрождения народного хозяйства на базе НЭПа. Для Устрялова переход советской власти от утопического интернационал-коммунизма и политики военного коммунизма к национал-большевизму через НЭП есть выздоровление страны, уставшей от революционной бури и перешедший к порядку, дисциплине и спокойной созидательной работе. Это отказ от ультралевых методов хозяйствования, изменение содержания экономической политики государства. Устрялов считал, что инстинкт самосохранения заставит советскую правящую элиту отступить от интернационал-коммунизма к национал-большевизму и это будет первый шаг к перерождению советской власти.

Анализ работ Устрялова позволяет выделить следующие основные черты национал-большевизма:

- национал-большевизм есть преодоление либеральной российской интеллигенцией «синдрома белой идеи», которая доказала опытом гражданской войны свою несостоятельность;
- национал-большевизм – это мировоззрение бывшего «белого интеллигента», принявшего Советскую власть и превратившегося в лояльного к коммунистическому режиму «спеца», который служит Советской власти не из-за страха, а, по патриотическому убеждению;
- национал-большевизм наследует и развивает традиционную государственную линию Сперанского-Столыпина;

- появление национал-большевизма означало идейное поражение, как утопического коммунизма, так и западного либерализма в России, окончательное разоблачение пустоты и порочности российского интеллигентского государственного нигилизма, извечной интеллигентской оппозиционности;
- национал-большевизм – это национализация идеи и практики Коминтерна;
- национал-большевизм – это идеология великодержавной государственности.

Устрялов был оригинальным и глубоким политическим мыслителем. Он был абсолютно уверен в правоте своей теории и своего предвидения будущего развития России в XX в., ему казалось, что он проник в истинный смысл большевизма и социалистической революции. Действительно, в отличие от большинства эмигрантских мыслителей, Устрялов проник в суть большевизма и понял логику социалистической революции. Он увидел даже то, что не видели коммунисты-ортодоксы – направление развития постреволюционной России и эволюцию большевизма.

Устрялов неустанно повторял, что революция не результат жидо-массонского заговора, а итог развития России за столетия. Это разрешение многовековых противоречий, назревших в российском обществе, это разрушительный кровавый конфликт, ураган, который смывает старое общество и расчищает место для создания новой России.

Устрялов выдвинул идею о неизбежности появления особого политического феномена – «советского социалистического бонапартизма». Появление бонапартистской диктатуры, т. е. режима личной власти в СССР, казалось Устрялову закономерным итогом революции. Он верил, что экономической основой этого режима будет НЭП с ее плюрализмом собственности, рыночной экономикой, частной собственностью и т. д. С начала 1920-х гг. Советская Россия, а затем СССР шли по пути национал-большевизма, но Сталин в конце 1920-х гг. свернул НЭП, провел коллективизацию, чем и уничтожил экономическую базу национал-большевизма. Но Сталин сохранил внешнеполитическую доктрину национал-большевизма, его геополитику, а т. к. национал-большевизм был усвоен Сталиным лишь частично, были взяты на вооружение имперская внешнеполитическая идея и концепция советского бонапартизма. Утвердив режим личной власти, Сталин отказался от идеи мировой революции и поставил III Интернационал на службу Советской власти, сделав его средством проведения активной внешней политики, отвечающим национально-государственным интересам СССР. Сталин отказался от ультра-интернационализма и встал на позиции Советского патриотизма, русского по своей сути. Национал-патриотическая политика Сталина исторически себя оправдала, она объединила Советский народ и привела его к победе в Великой Отечественной войне.

В отличие от сторонников новой тактики, в частности Милюкова, Устрялов считал, что Советскую власть, коммунистический режим перерождать «в буржуазно-либеральный» не следует, да это и невозможно.

Советская власть – лучшая форма государственного устройства для России, выстраданная революцией и гражданской войной, и большевистская диктатура вполне приемлемый для страны режим. Нужно только наполнить его новым содержанием, от интернационал-коммунизма к национал-большевизму, от идеи мировой революции перейти к созданию советской империи. Переход к национал-большевизму в Советской России уже осуществился, создалась его экономическая база – новая экономическая политика в итоге создала регулируемую рыночную экономику, т. е. советский капитализм.

Советская государственная система с правящей коммунистической партией в капиталистической многонациональной империи – вот что такое национал-большевизм, а модернизацию страны, развитие капитализма осуществляет коммунистическая партия.

Размышляя о будущем развитии мирового сообщества в XX в., Устрялов писал, что будущий мир «будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией. Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, бесконечный круговорот жизни» [3, с. 409–410].

Таким образом, Устрялов прямо заявлял, что советский социализм будет преодолен ходом экономического и социального развития общества, в нем самом зреет его отрицание по диалектике Гегеля, закон отрицания отрицаний неумолим.

Список источников и литературы
1. Сергеев С. Страстотерпец великодержавия. // Устрялов Н. В. Национализм-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
2. Устрялов Н. В. Перелом. // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.
3. Устрялов Н. В. Кризис современной демократии // Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003.

ТЕАТР И СТАТУС АКТЕРА В ДРЕВНЕРИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Арстанова Руджана Шамильевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Театральное искусство Древнего Рима прошло самобытный путь развития, на который оказали влияние театральные традиции Греции, а также других соседних культур. Согласно историческим источникам, первыми актерами были специально приглашенные этруски, поэтому деятельность актера, в древнеримском обществе будет всегда восприниматься как занятие недостойное римского патриция. Христианский богослов Тертуллиан в своих трудах излагает историю появления в Риме иноземных актеров так: «По словам Тимея, лидийцы, выйдя из Азии под предводительством Тиррена, вынужденного уступить царство своему брату, обосновались в Этрурии, и там, среди прочих суеверных обрядов, учредили под видом религии зрелища. Римляне, приглашая к себе этрусских мастеров, переняли у них и сами зрелища и время их проведения, так что зрелища от лидийцев получили название “игр”. Варрон, правда, выводит это слово от lusus (“игра, шутка”), подобно тому, как луперков называли “шутами” (ludii), потому что они носились по улицам с озорными шутками» [10, с. 277].

Согласно выше приведённому описанию, эти первые театральные представления, поставленные этрусками и показанные римской публике, не отличались морализаторскими идеями. Безусловно комичная игра актера и невзвешенная тематика театральных представлений не нашли отклика у образованной и воспитанной аристократии Древнего Рима, что могло способствовать формированию отношения к актеру, как недостойному члену древнеримского общества.

Отрицательное отношение правящей верхушки и законодательной власти к проникновению театрального искусства в жизнь римского общества закрепило в нем критическое отношение к самому актеру и его ремеслу. Немецкий историк Теодор Моммзен в своем известном труде «История Рима» говорит о том, в римской культуре в период республики «игры, сопровождались сценическими представлениями. Исполнявшие их люди в остальное время бродили из города в город, зарабатывая хлеб пением и пляской. Занятие это всегда считалось недостойным свободного человека, и актеры подлежали безапелляционной юрисдикции всех полицейских чиновников» [3, с. 61].

Многие исследователи античной истории отмечают разное отношение к театральному искусству в рамках культуры Древней Греции и Древнего Рима. Для греческой культуры характерно уважительное отношение как к нравственно – моральному содержанию театральных постановок, так и к актерскому ремеслу, в римской же культуре в театральном искусстве был важен зрелищный и развлекательный момент, а не воспитательный. Подтверждение данных идей можно найти в трудах советского историка античности М. Л. Гаспарова: «Это был праздничный, публичный “досуг”... Ни о какой духовной эллинизации римской правящей знати еще нет и речи: греческий театр для нее не часть внутреннего мира, а лишь предмет роскоши, рассчитанный на иностранцев и чернь» [1, с. 56]. Далее исследователь, продолжая анализировать статус античного писателя и актера отмечает: «поэт выступает наемным исполнителем поручений эдила, устраивающего зрелище, не более того: актеры берут на себя игровую часть, поэт словесную, причем публика еще плохо понимает, что в словесной части можно и чего нельзя делать, и старший актер от своего лица объясняет ей в прологе, что к чему (Амбивий Турпион в “Самоистязателе” Теренция). Первые слухи о том, что сенаторы снисходят до внимания к драматургии, стали распространяться лишь при Теренции» [1, с. 57]. Но снисхождение сенаторов к драматургии не означало немедленного изменения отношения к ней в целом. Корнелий Тацит – относительно поздний

автор, но в его «Диалоге об ораторах» персонаж все еще говорит: «И если бы местом твоего рождения была Греция, где считается почетным даже сценическое искусство» [7, с. 246]. Это «даже» по поводу сценического искусства не требует комментариев. Хотя, разумеется, в отличие от актеров и комедиографов, драматурги пользовались почетом. Известно, что Теренций, бывший рабом сенатора, обрел свободу [5, с. 27].

Однако отношение к актерскому ремеслу и к театру в целом было двойственным и его причину следует искать в различном отношении к самим жанрам зрелищного искусства. Так, например, жанр народной римской комедии – ателлану, обществом воспринимался не просто как комическое действо, но как религиозное торжество, за участие в котором, ни авторы, ни актеры-любители не получали за свою деятельность финансового вознаграждения. Таким образом, игра римлян в ателлане не отождествлялась с дешевой ремесленной игрой профессионального актера и не считалась унизительной для свободнорожденных граждан Рима.

При постановках ателланы, допускались к участию знатные молодые римляне, при условии, что их лица будут скрыты под масками от глаз зрителей. За нарушения принятых традиций следовало общественное порицание и законное наказание, так полноправные римские граждане, рискнувшие появиться на сценических подмостках в таких театральных жанрах, как трагедия, комедия, мим или пантомима, лишались права состоять на военной службе, которая рассматривалась римской общественностью как важное преимущественное право. Кроме этого запятнавшего честь римлянина исключали из трибы, что влекло за собой и утрату гражданских прав. Подтверждения этого исторического факта, можно найди в трудах древнеримского римского историка Тита Ливия, отмечавшего особое отношение к актерам-любителям выступавших в постановках ателланы: «не исключались из триб и призывались на военную службу, как будто они не были актерами комедии» [8, с. 424].

Актеры-трагики в римской зрительной аудитории были более уважаемыми членами общества, чем их коллеги комического жанра. Различное отношение описывается древнеримским оратором Цицерон в одном из писем: «Во время игр в честь Аполлона трагик Дифил подверг нашего Помпея резким нападкам: его заставили произнести тысячу раз: “Ты нашей нищетой велик!”. Под крики одобрения всего театра он сказал: “Придет пора, и за почет испустишь ты глубокий вздох” и прочее в таком же роде. Ведь эти стихи таковы, что кажется, будто их нарочно написал враг Помпея. Стих “Коль ни закон, ни нравы не указ” и прочие были произнесены при сильном шуме и криках одобрения» [4, с. 127].

В таком театральном жанре как мим, литературное и театральное начало было представлено профессиональными ремесленниками. В противоположность народной комедии – ателланы, участие в таких постановках представителей известных римских фамилий строго осуждалось обществом. Известный польский историк К. Ф. Куманецкий рассуждая над социальным статусом актеров-мимов приходит к заключению, что их статус был гораздо ниже по отношению к актерам более высокого жанра (комедии, трагедии и сатиры): «Место мимов в самом низу общественной лестницы; их профессия считается бесчестной. В представлении римлян еще конца республики выступить мимом на сцене – значило обесчестить себя, потерять свое гражданское достоинство» [2, с. 261].

Как полагают искусствоведы, жанр мима исторически предшествует балаганным представлениям более поздних времен. В представлении римлян еще конца республики выступить мимом на сцене – значило обесчестить себя, потерять свое гражданское достоинство». Но римской истории известны случаи – исключения, когда прославленный мим смог добиться почета и уважения римского общества. Советский историк античной культуры М. Е. Сергеенко, утверждает, что, судя по сохранившейся административной надписи, архимим (т. е. старший мим) Евтих будучи любимчиком римской зрительской аудитории смог стать членом городского совета, а также был он одним из самых страшных доносчиков того страшного времени [6, с. 86].

Мим вообще был жанром политизированным и безцензурным, и такое качество он сохранял даже во времена самых жестоких деспотов в римской истории, когда всех прочих сценических жанрах политическая критика становилась почти невозможной. Являясь неофициальном лидером политической сатиры в комическом искусстве зрелищной культуре Древнего Рима представления мимов были не только популярны среди римских зрителей, но и понятны ею из-за простой и незатейливой истории. На зрительскую любовь к миму влияли также и общедоступность и относительно недорогая цена и отражения художественного вкуса римской публики.

Амбивалентный характер отношения к театру и актеру, проявлялся в том, что с одной стороны актерское ремесло являлось не совсем почетным, с другой же стороны оно давало возможность актеру заручиться поддержкой и покровительством титулованных персон. «В Риме с III в. до н. э. существовали труппы актеров, патрон которых, как правило, вольноотпущенник, приобретал пьесы у поэтов и разучивал их с актерами. Гонорар актеры получали от государства. В Риме сословие актеров презиралось: выступить в качестве актера в каком-нибудь представлении, кроме любительской ателланы, означало для свободного гражданина уронить свою честь» [9, с. 24].

Однако некоторые актеры пользовались огромной популярностью и наживали значительные состояния. Исключительным примером подобной практики может служить судьба популярного в свое время римского комедийного актера Цецилия Стация, который смог благодаря актерскому таланту и везению превратиться из раба в свободного гражданина Рима. В античных театральных представлениях огромное значение имела личность актера, являясь связующим звеном между автором и зрительской аудитории. Он своей профессиональной игрой мог влиять на успех или полный провал театральной постановки. Особенность актерской профессии в Древнем Риме заключалось в том, что в отличие от греческого варианта она была доступна только для представителей низших слоев римского общества. Из истории хорошо известно, что каждый свободнорожденный гражданин Древнего Рима расценивал любой оплачиваемый труд как недостойный его происхождения и статуса. Участие в организации театрально представления или выгодная в финансовом плане сдача раба в найм для театральной массовки в противоположность актерской игре, которая оплачивалась, было вполне почетным делом.

С развитием театральной культуры в Древнем Риме пересматривался и трансформировался статус актера как достойного члена общества. Со временем подневольный актер за свою профессиональную игру мог получить вольную, и как уже свободный гражданин римского государства получать неплохую финансовую плату за театральные номера, что положительно влияло на отношение общества к нему повышая тем самым его социальный статус. Актер античного театра обладая навыками ораторского искусства, поэтического сочинительства, пения и танца показывал неплохой уровень образования и благосклонно принимался как в домах римской элиты, так и во императорских дворцах.

Проанализированная нами динамика развития многочисленных форм культуры массовых зрелищ Древнего Рима показала два абсолютно противоположных исторических варианта влияния на культурную составляющую общества. С одной стороны, театральные постановки способствовали развитию таким видов искусства как литература, живопись, архитектура, но с другой стороны, устраиваемые за счет государства массовые зрелища, попав в культурную среду римской цивилизации, не обладали как в греческом варианте высокой нравственной составляющей направленной на «смягчение нравов» формированию правильной модели поведения в общества. Отношение общества к театру и актерству в целом также было противоречивым и обусловливалось театральным жанром или идеологией царившей в обществе в тот или иной исторический отрезок.

Список источников и литературы

1. Гаспаров М. Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Избранные труды М., 1997. Т. 1. О поэтах. 246 с.
2. Куманецкий К. И. История культуры Древней Греции и Рима. М., 1990. 301 с.
3. Моммзен Т. История Рима. СПб., 1993. 461 с.
4. Письма Марка Туллия Цицерона. М., 1994. Т. 1. 234 с.
5. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. 375 с.
6. Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. М.: Наука, 1964. 154 с.
7. Тацит Корнелий. Диалог об ораторах // Корнелий Тацит. Сочинения: в 2 т. М., 1993. Т. 1. Анналы. Малые произведения. 489 с.
8. Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 2002. Том 3. 453 с.
9. Словарь античности. М., 1989. 704 с.
10. Тертуллиан К. С. Ф. Избранные сочинения. М. 1994. 690 с.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ИДЕЙНАЯ ГРУППА»

Блохин Дмитрий Германович,
аспирант кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Формирование группы осуществляется, как правило, централизовано вокруг идеи или опосредовано. Например, централизовано группа формируется вокруг какой-либо идеи или группы идей и продолжает существование уже как идейная группа с определёнными способами и формами деятельности. Опосредовано уже существующая социальная группа воспринимает какую-либо идею и продолжает её разрабатывать как свою собственную, при этом полностью её разделяя. Например, молодёжная субкультура может формироваться вокруг какой-либо идеи или группы идей, при этом, социальная группа, состоящая в основном из молодых студентов, может и не иметь определённых идей для своей постоянной деятельности вне учебного заведения. Эти идеи им необходимо разработать или получить извне. Если уже распространённая и действующая субкультура имеет собственное мнение и традиции, относительно своей основной, централизованной идеи, то опосредованно сформированная социальная группа такой идеи не имеет, существует лишь повод для знакомства и для общения. В студенчестве это учебный процесс, на производстве это рабочий процесс и т. д. В опосредованной социальной группе это какой-либо процесс, протекающий вне идей каждого из участников этого процесса. В идейной группе это исключительно общая идея и идейность вообще, как способ идентификации, самоидентификации, мимикрии и, как следствие, любой деятельности, в соответствии с этой идеей или группой идей.

Опосредованную социальную группу может объединять совместное проживание, работа на одном производстве, обучение или любое вынужденное нахождение рядом при определённых обстоятельствах. Общей для всех идеи здесь нет. Может в этой социальной группе быть похожая цель – заработать денежные или любые другие материальные средства, получить образование, переместиться в какой-то один пункт назначения. Но идея у каждого индивида будет своя. Каждый человек в данном случае будет иметь свою собственную цель нахождения в группе, и эта цель не будет являться объединяющим фактором.

Централизованную идейную группу отличает общая идея, которая является главным фактором, объединяющим социальную группу вокруг себя. Этим она отличается от не идейной социальной группы. Идеи, не только объединяет людей вокруг себя, но и является движущей силой, приводящей в действие всю идейную группу. Любая другая социальная группа может стать идейной группой в тот момент, когда она обретает эту идею, которая становится смыслом объединения людей в группу или группы. Так создаются всевозможные студенческие отряды добровольцев, волонтёрские движения и многие другие современные творческие образования и объединения, движения. Подобным примером может послужить инициативная группа жильцов многоквартирного дома или дачного товарищества, где люди, не имеющие ранее общих идей, объединяются с какой-либо определённой идеей для достижения каких-либо определённых целей. Также и идейная группа может перестать быть таковой в тот момент, когда упраздняется общая идея, ранее поставленная цель достигнута или перестаёт быть важной для достижения.

Сформулируем понимание идеи, которое, соответствует тематике изучения идейных социальных групп. В отличие от платоновского понимания идеи как «непосредственно ощущаемая действительность» [2, с. 297], мы, скорее всего, обратимся к функциональному пониманию данного термина. Мы приходим к определению идеи как продукта нашего мыслительного процесса, продукта деятельности разума и восприятия этого продукта как наиболее подходящего для нас определения. Но мы, руководствуясь рассуждениями, приходим к тому, что в нашем случае, это более всего термин, обозначающий общую тему, производную от верования или убеждения в чём-либо. Идея в нашем понимании более склоняется к определению Х. Ортега-и-Гассета как верования, уверенности в чём-либо, которая «конституируют целое нашей жизни» [3, с. 404]. Истинность убеждений и принятие этих убеждений как данности и правды от начала своего существования, даёт возможность говорить о том, что идея в нашем понимании вполне может быть как социальным феноменом, так и результатом мыслительной деятельности одного отдельно взятого человека. Пониманием мыслящим субъектом правды-как-она-есть. Идея может послужить также средством, началом для других идей, продуцируемых от одной первоначальной идеи.

Собственно, в этом и заключается вкладываемый нами смысл в общий термин «идейная группа», содержащий не столько идейность как форму своего существования, сколько идею как верование и уверенность в общей цели собрания группы, в которой мыслится какая-либо идея.

В нашем понимании идейная группа включает в себя индивидов, собранных в единую социальную структуру, конструкцию, а также совокупность процессов, собранных в единый процесс, где существуют и способы завершения этого процесса. Также идейную группу можно рассматривать и как среду, определяющую и последовательно формирующую из настоящего в будущее те важные факторы, при которых и собирается воедино из разрозненных составляющих, системная, комплексная их корреляция. Таким образом, идейная группа – это любое объединение людей по интересам и по их идейным убеждениям, верованиям. При этом убеждения и доверия членов группы могут быть разными.

Идейные группы часто принимают своей доктриной сведения различной природы, в которых содержится предупреждение об опасности или, что чаще всего бывает, способы избежать этой опасности или какой либо проблемы. Существует информация, предупреждающая о какой-либо проблеме любой природы и из любого источника, далее разрабатывается способ или система способов, которые помогут избежать этой проблемы или сохранить свою жизнь и здоровье посредством выполнения определённых действий. Внутри группы разработаны или разрабатываются источники, где эти действия по избеганию существующей проблемы сформулированы и подробно описаны в качестве руководства к действию в виде групповой практики.

Необходимо учитывать, что людей может объединять не только общая система верований, но и стремление к избавлению от чего-либо, а также общие страхи, опасения, трудности и общие духовные, моральные и материальные ценности. Таким образом, все эти факторы, также объединяющие людей в сообщество, включаются тем или иным образом на теоретическом уровне в идею группы. Также сообщество может сформироваться вокруг какой-либо идеи или системы идей, главным компонентом которой является какая-то опасность или стремление избежать чего-либо, какой-либо проблемы или достижение какой-либо социальной, политической или экономической и другой цели. В процессе развития этого идейного сообщества, люди либо принимают на себя все его правила и установки, которые изначально совпадали с их личными убеждениями и мировоззренческими принципами, либо в ходе деятельности сообщества, некоторые его члены отпадают от него, отказавшись от следования той идее, которая его сформировала.

Приведём примеры формирования, возникновения и деятельности идейных групп и связанных с этим обстоятельств. Наиболее распространённым примером идейных групп выступают молодёжные субкультуры, идейные сообщества общественных движений, общины экологических поселений, отшельнические группировки на отдалённых от цивилизации территориях. Если молодёжные субкультуры присутствуют в городах и как бы «вшиты» в общую структуру социума, то отшельнические поселения или экологические сообщества стремятся к полной изоляции от общества и государственных структур. Самым распространённым примером такой идейной группы, которая стремилась отделить себя от общества, можно считать неформальное движение «Хиппи» [5], их самоназвание «дети цветов». Наиболее бурная деятельность этой группы, превратившейся в массовое движение, протекала в 60-е гг. XX-го в. Визитной карточкой данной идейной группы стал лозунг, определяющий ее основную идею: “Make love, not war!”, что означает: «Любите, а не воюйте!». В других переводах это звучит как «Занимайтесь любовью, а не войной», что полностью отражает социальное настроение этой идейной группы. Ещё одной идеей хиппи является изначальная свобода человека, каждый человек должен быть свободным. По их мнению, красота и свобода тождественны друг другу и эти два понятия являются сугубо духовными. Все те, кто разделяет их убеждения, так называемый «стиль жизни хиппи», могут быть приняты в общину, а община, в свою очередь, является идеальным способом совместного, общего проживания людей.

Следующий пример – это маргинальная молодёжная субкультура готов и эмо [1]. Она может послужить демаркационной линией, по нашему мнению, между списком относительно спокойных идейных групп, таких как хиппи с одной стороны, и экстремистскими идейными группами, такими, как скинхеды с другой. Идейные группы готов и эмо отличаются депрессивным характером. И это, скорее всего, подростковое увлечение или молодёжная мода для меланхоличных или впечатлительных молодых людей. Не смотря на то, что в современной России эти субкультуры быстро потеряли популярность, но идеи смерти и переживания инфернальных эмоций в моло-

дёжной среде остались, полностью они не были устранены из общества. Какие идеи могут послужить распространению данной идейной группы в обществе? Исключительно душевные переживания молодых людей относительно приближающейся смерти.

Ярким представителем идейной группы экологических поселений, с нашей точки зрения, является Герман Стерлигов. Идея данной группы основана на экологически чистом ведении домашнего хозяйства. Это приготовление продуктов по восстановленным старинным рецептам и отказ от благ цивилизации, максимальное погружение в быт древних крестьян. Но наряду с основными идеями ведения фермерского хозяйства, также в данной идейной группе практикуется духовное совершенствование и изучение истории России. Можно оставить без пристального внимания особенности ведения домашнего крестьянского хозяйства и некоторые причудливые формы ведения быта, но особый интерес представляет специальная историческая парадигма, согласно которой, человечество в скором времени должно исчезнуть. По нашему мнению, это убеждение о скорой кончине мира и о том, что история была переписана и искажена, является одной из основных идей данной идейной группы [4].

Руководствуясь всем выше сказанным, можно сделать вывод, что идейная группа – это социальная группа, состоящая из единомышленников, имеющая единую идею как верование или доверие чему-либо или кому-либо. Также можно констатировать, что формирование идейной группы происходит по нескольким причинам, таким, как, например, получение каких-то благ, избегание какой-то общей проблемы, достижение единой цели. Обязательным условием для деятельности идейной группы служит, во-первых, наличие одной общей идеи; во-вторых, совершение действий всеми членами группы, приближающих людей к достижению общих целей.

Список источников и литературы

1. Кравчек Д. И. Кто такие эмо и готы. Как родителям понять, куда «вляпался» их ребенок. URL: https://culture.wikireading.ru/62416 (Дата обращения: 19.01.2019)
2. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1993. 962 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
4. Стерлигов Г. Исповедание веры. URL: http://sterligoff.ru/, свободный (Дата обращения: 19.01.2019).
5. Хиппи. URL: https://papa-lesha.ru/, свободный (Дата обращения: 10. 12.2018).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО РИМА

Бондарева Екатерина Станиславовна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Античная литература представляет собой достоверное описание повседневной жизни римского общества. Сюжеты, связанные с повседневными событиями, нашли отражение фактически во всех жанрах литературной традиции античности**.**

Первые шаги римской художественной литературы связаны с распространением в Древнем Риме греческого образования, частью которого являлись греческие литературные произведения.

Ранние римские писатели подражали классическим образцам греческой литературы, хотя ими были использованы римские сюжеты и некоторые римские формы. Историки отмечают, что именно литература стала тем видом искусства, в рамках которого культура Древнего Рима наиболее ярко и самобытно выразили свою индивидуальность. Во времена развития гражданского общества литература стала одним из ведущих средств диалога с властью.

Репрезентация модели провинциальной культуры лучше всего прослеживается в таких литературных жанрах Древнего Рима как – сатира и римский роман.

Римская сатира – это весьма своеобразное явление в истории античной философии. Имея организующим началом автобиографический характер, по своему индивидуальному замыслу сатира была зеркалом образа жизни автора и стояла у истоков римской литературы личностного самовыражения. Проблема морали и человека в его соотнесенности с миром, самим собой, другими людьми и творящим началом всегда была господствующим ее предметом.

Специалисты в области античной литературной традиции придерживаются мнения, что сатира является практически единственный собственно древнеримский по своему происхождению и не заимствованный у греков жанром. Согласно «Словарю литературоведческих терминов», понятие «satura» («сатира») первоначально означало просто «смесь».

Такими и были первые литературные опыты в этом жанре – сатиры римского поэта Квинта Энния (239–169 гг. до н. э.). Энний, живший во II в. до н. э., издавая сборник своих разнообразных по содержанию и по размерам стихотворений, озаглавил их «Saturarumlibri», т. е. «поэтическою смесью», по аналогии с термином «satura», обозначающим блюдо, наполненное разными плодами первого сбора для принесения их в жертву богам.

Исследователь Б. А. Гиленсон обращает внимание на тот факт, что разнообразному содержания соответствовало и богатство форм: сатиры могли быть в виде диалога, послания, наставления, путевой зарисовки и т. д. Представляя собой необычный конгломерат разных размеров стихотворения, содержали смесь самых разнообразных тем – от философской аллегории (спор Жизни со Смертью), комических портретов и басен до описания пиров (эти мотивы сохранятся и у других авторов сатир). Гармоничное звучание выразительной беседе придавал голос автора, который говорил от своего лица и о себе, не прикрываясь условной маской эпического или трагического поэта [4, с. 22].

Как известно из исторических источников античности, творческому примеру Энния последовал и его племянник Пакувий, давший такое название сборнику своих мелких стихотворений разного содержания. Вполне подходящим заглавие «Satura» оказалось и для разнообразных по метру и по содержанию полемическо-дидактических стихотворений Луцилия, в которых богатый и независимый кампанский всадник и сторонник аристократических стремлений Сципионов подвергал беспощадной и ожесточенной критике несимпатичные ему явления политической и общественной жизни.

Отечественный исследователь Н. А. Чистякова в своем научном труде «История античной литературы» пишет, что Гай Луцилий – первый знатный римлянин, целиком посвятившего жизнь литературе, более того, одному жанру – сатире (он написал 30 книг стихотворных «Сатур»).

Термином «satura» пользовался Луцилий для своих полемических стихотворений и тогда, когда, отказавшись от других размеров, остановился на дактилическом гекзаметре. Таким образом, название «satura», позже «satire», получил созданный Луцилием род поэзии, принадлежащий всецело римлянам и игравший в Риме такую же обличительную роль, как в Афинах играла древнеаттическая комедия.

Яркий представитель сатиры – Марк Валерий Марциал, творчество которого представляет для исследователей огромный историко-бытовой интерес (многие аспекты римского быта восстановлены именно по свидетельствам Марциала), и художественный. Литературоведы отмечают характерные особенности сатирических произведений данного автора: поразительный реализм, мастерство в описании явления или события, однозначное осуждение человеческих пороков и т. д. [2, с. 49].

Содержание авторских эпиграмм, чрезвычайно разнообразно, описывая всевозможные обстоятельства, явления и случайности обыденной жизни и представляя собой, в общем, весьма яркую картину нравов и быта второй половины первого века Римской империи. Важно обратить внимание, что больше всего в эпиграмма Марциал осуждает два порока: склонность поэта к изображению половой распущенности, нагота которого доходит до бесстыдства, оставляющего за собой вольности всех других римских писателей, и не знающие границ лесть и пресмыкательство перед богатыми и сильными людьми с целью приобретения их расположения и подачек.

Известно, что в разные исторические периоды античной литературы на первый план выходят определенные литературные жанры: в архаическую эпоху главенствует сначала героический эпос, позднее получает развитие лирическая поэзия.

Классическая эпоха древнегреческой литературы отмечена взлетом драматургии, трагедии и комедии; позднее, в IV в. до н. э. в литературе Греции интенсивно развиваются прозаические жанры. Эллинизм характеризуется по преимуществу развитием малых жанровых форм.

Закат греческой литературы отмечен появлением первых образцов античного романа или «эпоса частной жизни», который, трансформируясь, обогащаясь и развиваясь, станет, наверно, излюбленнейшим жанром в литературе XIX–XX вв. Каким же был первый античный роман? На заре своего становления роман представлен особой разновидностью – романом любовно-приключенческим.

Древнеримский роман, представляет собой сложный культурно-исторический феномен, отражающий социальную ситуацию своей эпохи.

Римский роман развивается, как дополнительный и альтернативный по отношению к греческому роману о высокой любви. Римский роман, при всей своей зависимости от греческого, отличается от него и техникой и структурой, но, еще существеннее, своим бытописательным характером и реалистичным представлением повседневной жизни разных социальных слоев античного общества [1, с. 107].

Великий римский писатель Аппулей, в своем романе «Метаморфозы», дает интересную интерпретацию повседневной культуры римского государства. Так в данном романе автор гармонично соединяет, как и реалистическое изображение жизни, так и неистовый полет фантазии, насмешка над традиционными богами и мистицизм восточных культов, строгая мораль и описание людей, берущих все удовольствия от жизни.

Модель социальной структуры общества Древнего Рима также находит отражение в творчестве Аппулея, так автор через язык произведения показывает народную и элитарную культуру.

В романе наравне с народной латыни встречается и изысканная речь образованного римского оратора. Стоит отметить, что поэт при описании реальных сцен из повседневной жизни провинциальных героев из низов, таких как ремесленники, крестьяне, использует народную разговорную речь.

Литературоведы античности обращают внимание на то, что Аппулей не ставил перед собой цели написать реалистическое произведение, но все же отразил некоторые бытовые стороны современной ему жизни римской сельской бедноты, особо сделав акцент на ее нищету и бесправие.

Например, когда главный герой в облики осла по сюжету оказывается в руках бедного земледельца, Апулей с сочувствием изображает его тяжелую жизнь. Также в романе нашло отражение и бесправное положение, как мелких землевладельцев, так и ужасное положение рабов. Автор с заметным осуждением относится к складывающейся в его время новой мировой религиозной системы. Исследователи отмечают, что несмотря на обилие мистицизма, роман красочно изображает провинциальную жизнь Древнего Рима первых веков н. э. [1, с. 56].

Другой известный древнеримский роман Петрония «Сатирикон». Автор вводит в свое произведение персонажей, позволяющих читателю познакомиться с классическими представителями древнеримского общества той эпохи. В центре сюжетной линии романа описываются похождения молодого вольноотпущенника Энколпия, который совершив убийство, смог избежать наказания.

Товарищи Энклопия два молодых римлянина, но, несмотря на свой молодой возраст, они уже успели погрязнуть в сладострастии и лжи. Стоит обратить внимание на второстепенные, персонажи, которые играют важные роли в данном произведении, так автор вводит в сюжетную линию встречи с ритором Агамемнон, властной жрицей Квартилла, отличающаяся необузданным характером. Ее служанка Паннихис, по сути, еще девочка, а также разбогатевший вольноотпущенник по имени Трималхион.

Развитие и становление античного романа невозможно было без его воплощения не только в греческой, но и римской литературе. Римская литература, известно, более поздняя: возникает и расцветает она в тот период, который для Греции был уже временем упадка. Именно в римской литературе мы находим использование окружающего быта и драматизм ее произведений. Несмотря на разницу в возрасте в 400–500 лет, как и греческая, римская литература прошла те же периоды социального развития: доклассический, классический и послеклассический [4, с. 211].

Все три рассмотренных этапа римской литературы при всей разнице между ними, обусловленной быстрым темпом общественного развития Рима в III–II вв. до н. э., объединены одной общей проблемой, которая оставалась главной для всех писателей, – проблемой жанра. Рим вступает в этот период, располагая почти аморфным материалом устной парадной словесности, и выходит из него, владея всем жанровым репертуаром греческой литературы. Усилиями первых римских писателей римские жанры приобрели в эту пору тот твердый облик, который они сохранили почти до конца античности. Элементы, из которых складывался этот облик, были троякого происхождения: из греческой классики, из эллинистической современности и из римской фольклорной традиции. В разных жанрах это становление шло по-разному. Что касается жанра романа, он блестяще представлен у Апулея и Петрония. Роман, последний повествовательный жанр увядающей античности, как бы прелюдирует средневековому развитию, где авантюрный «ме-

щанский» роман также складывается, с одной стороны, как цепочка новелл, а с другой, как пародия на формы рыцарского повествования [3, с. 456].

Список источников и литературы

1. Альбрехт фон М. История римской литературы: в 3 т. / пер. с нем. А. И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шигалина, 2005. Т. 3. 381 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
3. Гаспаров М. Об античной поэзии. СПб.: Азбука, 2000. 478 с.
4. Гиленсон Б. А. Античная литература. Древнеримская литература. М.: Флинта, 2001. 381 с.

КОДЕКС ЧЕСТИ КАЗАКА КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВНУТРЕННЕГО БЫТИЯ КАЗАЧЕСТВА

Вдовина Елизавета Игоревна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Рослякова Ольга Борисовна,
доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Идея чести – весьма высокая идея. Не только по естественному человеческому рассуждению, но и по высшему нравственному сознанию – честь должна быть для человека дороже жизни. В военном сословии издавна было распространено и всегда имело особое значение понятие о чести. И не без основания. С развитием чувства чести в войсках, в них в то же время укреплялись самоотверженная преданность идеи государства и связь чести с патриотическим долгом.

Основой понятия о чести является идея нравственной личности и не разрывное с ней понятие личного достоинства. Поэтому честью принято называть то внутреннее чувство собственного человеческого достоинства, которое с одной стороны побуждает нас направлять свою жизнь и деятельность согласно с требованием разума, с внушениями совести, с предписаниями закона христианского и с установившимися в обществе правилами нравственности, а с другой – вызывает желание, чтобы и другие считали нас за людей достойных уважения. Существо чести, кроме внутреннего достоинства, требует и наружной оценки, почета со стороны других, как необходимое дополнение. Это притязание выражается внешним образом в стремлении требовать от других такого обращения, которое принято в отношениях к людям добропорядочным, т. е. чтобы другие не высказывали пренебрежения личному достоинству и воздерживались от всего того, что выражает мысль о том, что человек не достоин уважения и по своим качествам противоречит требованиям общественной нравственности. Таковы основные понятия чести.

При современных воззрениях, эта общечеловеческое чувство присуще всем людям, независимо от принадлежности к тому или иному общественному классу. В начале 90-х годов прошлого столетия в условиях разрушения культурно-исторических традиций русского народа, начинается возрождение российского казачества. Традиционные ценности, которые свойственны были этому сословию с глубины веков, привлекают к себе серьёзное внимание, особенно в регионах, которые связаны их с историческим расселением. Казачество – это союз людей, объединённых особым состоянием духа, нравственности и морали. Это народ, имеющий свою культуру, историю и память. Славное прошлое в Казачестве – общее всегда было выше личного. Казаки всегда служили родной земле – своему Народу и своему Государству [1].

Возрождение российского казачества на подсознательном уровне отвечало целям появления в нашем обществе институтов народной демократии. В условиях неразвитости демократических институтов в российском историческом прошлом, обращение к историческому прошлому этого сословия стало реальным доказательством того, что в России существовали народовластные традиции со своей российской спецификой. В ходе процесса возрождения открылась и другая сторона – огромный воспитательный потенциал казачьей культуры, основанный на демократических традициях с одной стороны, а с другой – на традициях государственности. Подобное единение уникально в российской истории. К числу прочих оно составляет социокультурную преемственность основы российского пути общественного развития на культурологическом подходе,

в основе которого лежат ценности, смыслы и идеалы казачьей культуры, традиционно ориентирующейся на идеи народовластия и свободного развития личности.

В разные исторические эпохи те или иные социальные группы в обществе вырабатывали свои писанные или неписанные законы, регламентированные правила поведения - кодексы рыцаря, джентльмена и т. д. В начале XX в. в России появляются «Дуэльный кодекс», «Кодекс чести русского офицера». У российского казачества в этот период не появилось унифицированного написанного кодекса чести, однако система ценностей и модель поведения, несомненно, сложилась. Определенное своеобразие этой системы объясняется местом и ролью казачества в структуре Российской империи. С одной стороны – казачество было военно-служилым сословием, а, с другой, все казачьи войска являются образцом этнокультурной группы. Пространственной средой для казачества были окраины Московского государства, а затем Российской империи. Но при этом можно утверждать, что его исторические корни уходят на Дон и в Запорожье. Именно здесь формировались традиции и нормы поведения, которые будут передаваться из поколения в поколение. «Воля» и «свобода» станут путеводной звездой и основополагающей духовно-нравственной ценностью многих поколений казаков бежавших на Дон и в Запорожскую Сечь от крепостного и национального гнета. Воля понималась казачеством как абсолютная свобода. Казаки так обосновывают один из главных своих идеалов бытия: «Волю имеем за дрожащую вещь, потому что видим, рыбам, птицам, а также и зверям, и всякому созданию есть она мила» [2]. Опираясь на волю и свободу как неоспоримую основу своей жизни, казачество не воспринимало идею анархии и вседозволенности, насилия ради примитивного грабежа. «Воля – это не узкосоциальная свобода Запада, а достоинство, независимость, и, самое главное, ответственность, не анархия, а железная дисциплина верности своего народа» [3]. Определенной преградой на пути формирования отрицательных поведенческих шаблонов в казачьей среде стал «идеал степного рыцарства, защитника православия от поругания, продолжение традиций русского богатырства, с которыми идентифицировали себя ранние казаки» [4]. В копилку будущего «Кодекса чести казака» вошли многие ценностные установки средневекового рыцарства, которые были привнесены запорожскими казаками более, чем другие, т. к. знакомы были с западной и особенно с польской воинской культурой. Располагаясь в пограничной зоне, на стыке интересов Московского царства, Речи Посполитой и Османской Порты, казачество, наследуя культуру европейского рыцарства, стояло на страже православной веры, став заслоном как экспансии католичества с запада, так и ислама с юга. Поэтому на первое место в ценностной иерархии казачьего мировоззрения ставилось беспрекословное следование православной христианской вере, ставя в прямую зависимость от воли Господа и казачью волю, и свою судьбу, и жизнь: «Пуще всех благ и самой жизни ставь казачью волю! Но помни – воля твоя в воле Божьей, а потому, свободно выбрав путь, иди, не страшась по нему» [5]. Некоторые исследователи предполагают, что в основе морально-нравственных устоев казачества лежат десять Христовых заповедей [6], в дальнейшем став структурным каркасом своеобразного кодекса казачьей чести. Это не удивительно, влияние религии на общественное самосознание было велико, являясь одним из социализирующих инструментов. С течением времени копилка нравственных ценностей российского казачества пополнялась новыми духовными традициями. В системе ценностей, содержащих в кодексе чести казачества видное место занимали воинское искусство, ратные подвиги боевая доблесть, а важнейшим побудительным мотивом в поведении казака выступала слава. Казаки считали своим долгом оставить детям и потомкам «честное и благородное имя», передавая его из поколения в поколение. Как когда-то прирожденная воля, так и унаследованная слава вела воина вперед и во многом определяла смысл существования. Воинская доблесть объединяла такие ценности как удаль, храбрость, сила, верность своим идеалам. Другой ценностной категорией казачьего мировоззрения является это единая общность, единая семья. В беде они активно выручали друг друга: «Положи жизнь за други своя, ибо нет уз святее товарищества», «Казак казаку – брат, а на войне – во сто крат» [6, с. 25]. Казачий круг, казачье братство, казачье общество в лице хуторян и станичников – все это было морально-нравственной ценностью для казака, которые нельзя было предать и за которые не задумываясь казак отдавал свою жизнь. В ходе эволюции в казачестве стали распространяться ценности необходимые в семейной жизни и воспитании. Перечень таких ценностей достаточно широк и именно они определяли моральные границы дозволенного или неприемлемого в поведении и поступках казака. Взаимоотношения в казачьем быту четко определялись уважением к старшим, на котором строилась внутрисемейная иерархия и нравственная атмосфера самой семьи. Казак, воспитанный и живущий по законам казачьей чести должен уважать и почитать стар-

шее поколение, внимать их мудрости, заботиться и обеспечивать им достойную старость. Без благословения родителей не начинали никакую работу, не принимали решения по наиболее важным делам. Отец являлся авторитетом в семье, он воплощал собой и долг, и честь, принимал решения, наказывал и миловал, учил порядку и делу. Одним из нравственных принципов казачьего общества было то, что отец должен быть примером для подражания.

В XIX в. усиливается роль женщины в жизни казачьего общества. Она заботилась о благополучии семьи, домашнего очага, работала в поле, поэтому кодекс чести казака не допускал неуважительного отношения к женщине-казачке. К мнению женщин станичники прислушивались, их уважали и берегли. На казачке держались мораль и старинные обычаи рода. Для сохранения собственной чести и достоинства каждому члену казачьей семьи следовало проявлять трудолюбие, не быть лжецом и твердо держать данное слово: «Хоть плетьми высеки, только чести не лишай» [6, с. 25]. Таким образом, можно говорить о том, что семейные традиции имели важное значение в формировании этических норм и стандартов поведения казачества в ходе его исторического пути. Неписанный кодекс чести казака заложил основы мировоззрения казачества – кодекс вольницы, основанный на трех столпах: воле, вере, казачьем товариществе. В «Кодекс чести казака» вошли такие нравственные ценности как забота о старших в роду, о детях, уважительное отношение к женщине. Но смыслом жизни и воспитания казака станет идея служения Отечеству, православной вере, государству.

Список источников и литературы

1. Заповеди казачества. URL: http://kazakdona.ru/index.php.nma=catalog&fla.
2. Супруненко В. П. Запорожская вольница. М., 2007. С. 10.
3. Улитин В. Г. Казачество в славном прошлом России. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/kazaki.htm.
4. Лукаш С. Н. Феномен казачества как культурно-воспитательный идеал. URL: http://www.slavakubani.ru.
5. Заповеди казачества. URL: http://kazakdona.ru/index.php.nma=catalog&fla.
6. Мурзина И. Я. Традиции казачьего воспитания: этический аспект // Человек в мире культуры. 2015. № 2. С. 24–25.
7. Ерохин И. Ю. Система ценностей казачества и ее значение для государства, культуры и общества // Достижения вузовской науки. 2013. № 4. С. 34.

БОРЬБА БУЛГАРСКОГО ЭЛЬТЕБЕРА АЛМУША ЗА ВЫХОД ИЗ ПРОТЕКТОРАТА ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Гагин Игорь Анатольевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет
им. академика И. П. Павлова»,
г. Рязань

Волжская Булгария – государство, возникшее в Волго-Камском междуречье приблизительно в середине VIII столетия. Первоначально развитие ее проходило под протекторатом Хазарского каганата; после победоносных походов Святослава в 965 г. на хазар и вплоть до завоевательных походов монгол, Волго-Камская Булгария – независимое государство с быстро развивающейся экономикой и культурой. Но попытки вырваться из-под хазарской зависимости прослеживаются много раньше. Уже в первой четверти X столетия булгарский эльтебер Алмуш, ставший первым эмиром мусульманской Булгарии, сделал тщетную, но довольно значимую попытку освободится от протектората Хазарии. Так, какие усилия были предприняты, и чем для развивающейся страны это закончилось, рассматривается в данной статье.

Каганат, несмотря на политическую дряхлость, вначале X в. был еще силен, имел непререкаемый авторитет на международной арене, с которым приходилось считаться булгарскому царю. Каган внимательно следил за действиями булгар, весьма заинтересованный в том, чтобы Булгария всегда оставалась в сфере его влияния. Заняв важнейшие торговые магистрали – Дон, Керченский пролив и Волгу, хазары «хищнически пользовались своим положением» [3, с. 133]. Производительные силы хазар находились на слишком низком уровне для того, чтобы обеспечить ее нормальное развитие. «Страна хазар не производит ничего, что бы вывозить на юг, кроме рыбьего клея, ибо мед, воск, меха, которые Персия получает из Хазарии, ввозятся ту из Руси, Булгар и Киева», - пользуясь данными мусульманских источников, сообщает А. Я. Гаркави [4, с. 133].

К началу X в. экономика Хазарии опиралась только на широкие международные торговые связи. Волжская Булгария на фоне Каганата экономически выглядела на много выгоднее. Здесь активно развивалось земледелие, скотоводство и ремесла. Ибн-Русте писал: «Болгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб» [9, с. 21]. Животноводство служило источником сырья для ремесленного, прежде всего, кожевенного и косторезного производства. Булгарские сапоги на Востоке пользовались огромной популярностью [1, с. 33]. Ремесленная продукция являлась важной статьей экспорта, поэтому можно констатировать, что булгарская экономика и торговля являлись взаимосвязанными элементами целого, обслуживая обширные международные связи.

Можно не сомневаться, что в политически, а, следовательно, и в экономически независимом государстве была заинтересована не только булгарская знать, в ней нуждалось купечество, потому что именно независимое сильное государство могло гарантировать безопасность торговых путей. Хазария, в данном случае, являлась естественным тормозом развития Волжской Булгарии. Алмуш был вынужден платить хазарам десятину от вырученных доходов, его сын в качестве заложника находился в ставке кагана, его дочь, наравне с дочерями вождей подвластных хазарам народов, была отдана кагану. Ибн-Фадлан рассказывает, что когда дочь эльтебера булгар, увезённая в ставку кагана, умерла, хазарский властитель потребовал себе другую и пригрозил расправой, если Алмуш ослушается [5, 738].

Женитьба на дочери вассального правителя для хазарского кагана – традиция, подтверждающая его сюзеренитет. «[Ещё] обычай царя хазар [тот], что у него двадцать пять жён, [причём] каждая из этих жён – дочь кого-либо из царей, соседящих с ним, которую он берет [себе] волей или неволей» [5, с. 744]. Алмуш поспешил выдать младшую дочь за хана одного из подвластных ему подразделений булгарских племен (берсула, эсегель?), что демонстрировало отказ от хазарского вассалитета. Булгарский царь навряд-ли решился бы на такой поступок, если бы не чья-то поддержка или ожидание ее. Он уже давно просчитал, кто мог в этой борьбе стать союзником, на поддержку кого можно было стопроцентно опереться и кто, в то же время, в силу своей отдалённости, не смог бы превратиться во второго кагана, перед которым придется гнуть выю. Ему была необходима такая поддержка, при помощи которой он сумел бы объединить разноязычные народы Средней Волги под единой властью, и опора, гарантированная непререкаемым авторитетом веры. Таким образом, просчитав все варианты, Алмуш отправляет своих послов в Багдад к халифу Джа'фару аль-Муктадиру-би-ллаху.

Следуя установкам, описанным Низам ал-Мульком, сперва надо было понять, что из себя представляет халиф как человек, какие у него предпочтения, интересы, привычки. Играя на этом, заинтересовать и заинтриговать в необходимости союза, убедить, что он, булгарский эльтебер, властелин мира северных народов, став клиентом повелителя правоверных, понесет светоч веры, став мечом ислама там, куда проникнуть мусульманские проповедники до этого не смогли и без его помощи, не смогут.

С этой ролью великолепно справился булгарский посол Абдаллах ибн-Башту, прибывший в Багдад с дипломатической миссией в мае 921 года. Получить аудиенцию у халифа аль-Муктадира было крайне сложно. Халиф проводил время в развлечениях, предпочитая общество женщин. Государством управлял вазирь и всесильная мама халифа, гречанка по национальности и в прошлом рабыня [7, с. 21]. Ближайшим советником халифа был начальник гарема, Назир аль-Харами. Именно ему адресовалось одно из писем, написанных Алмушем. Найти ключ к сердцу этого человека – значит найти ключ к сердцу халифа. Одной из слабостей халифа были женщины. Зная эту черту характера повелителя правоверных, булгарская дипломатия не могла не воспользоваться таким козырем, прислав в подарок красивых славянских рабынь. Вначале X в. булгары становятся основным центром ввоза белых рабов, основной процент среди которых составляли славянские девушки. Адам Мец сообщает, что красивая белая рабыня стоила тысячу динаров, а чернокожая, для сравнения, сто пятьдесят [7, с. 144]. Стоимость славянских рабов увеличилась вследствие поражения Халифата на западной границе. Византия перекрыла их поток, и главным центром поступления рабов и рабынь становится Булгар. Алмуш наверняка порадовал повелителя правоверных ценным подарком, тем более, что представлен он был халифу как «царь славян» – дипломатический ход булгарских послов, который убедил Назира аль Харами отрекомендовать их халифу [6, с. 190].

Джа'фар ал-Мукдадир-би-л-лахи выслушал своего начальника гарема и, по всей видимости, встретился с послами. О том, что правительство Халифата оценило важность булгарской миссии и придало этому большое значение, говорит величина ответного посольства. По данным Ибн Фалдана, оно насчитывало пять тысяч человек. Здесь были купцы, ремесленники, воины и духовенство, нечетное количество животных: три тысячи вьючных, не считая верховых [5, с. 726]. По тем временам это огромный караван. Как пишет А. Ю. Якубовский, «цифра эта не может быть обыкновенной, так же как караван нормальным» [10, с. 265]. Караван прошел сухопутный маршрут от Багдада через государства Средней Азии, плато Устюрт, земли кочевников-гузов в обход хазарских границ, начав движение в июне 921 г. и достигнув цели маршрута в мае 922-го. Были преодолены колоссальные препятствия, но караван все их преодолел, с незначительными потерями войдя в пределы Волжской Булгарии.

Дипломатический расчёт был сделан верно. Можно попытаться просчитать ход мыслей царя и его советников. Почему, например, булгарский эльтебер не обратился к своим ближайшим соседям гузам (торкам русских летописей), с которыми Булгария поддерживала тесные экономические и политические отношения? По данным Ибн Фадлана, женой Алмуша была дочь гузского военачальника Этрэка [5, с. 727]. А. П. Ковалевский пишет, что «по пути на юго-восток в Среднюю Азию это был если не ближайший, то наиболее сильный народ, враждебный хазарам» [6, с. 197]. По идее, лучшего союзника для борьбы с хазарами булгарам и не найти. Однако, булгаро-гузский союз был бы враждебно воспринят Хорезмом, постоянно враждовавшим с гузами, что непременно нанесло бы урон торговым отношениям между Булгарией и хорезмийцами. Кроме того, надо иметь в виду то, что именно через Хорезм булгары познакомились с исламом. По данным Ибн-Русте Алмуш становится мусульманином в начале X столетия, будучи еще молодым человеком, т. е. лет за двадцать до описываемых событий [9, с. 22]. Ибн-Фалдан сообщает о существовании в булгарской столице хорезмийской колонии [5, с. 736]. Все вышеизложенное дает понять, что часть булгарского общества восприняла бы действия своего царя отрицательно, пойди он на военный союз с гузами, который, несомненно, повлек бы за собой конфликт с Хорезмом.

Следовательно, должен возникнуть вопрос, почему эльтебер посылает послов в Багдад, а не в Ургенч? Ведь Алмуш мог обратиться к саманидскому эмиру и тот с радостью отправил бы в Булгарию своих мастеров для постройки мечети и минарета, а особенно эмир был бы счастлив отправить к булгарам имамов. Но, если бы Алмуш принял официально ислам из рук саманидского эмира, то автоматически стал бы его клиентом, т. е. клиентом клиента, и тогда Хорезм имел полное право диктовать свои условия Волжской Булгарии.

При условии исламизации булгар от имени багдадского халифа, их повелитель мог считать себя клиентом самого халифа и тогда становился вровень с хорасанским эмиром. Это прекрасно понимал Алмуш. Следует отметить еще один очень важный политический момент. Для Хорезма разгром Хазарии был крайне невыгоден экономически, т. к. он открывал свободный путь на Волгу для прикаспийских государств. Тогда сухопутный путь, связывающий страны Севера и Востока и проходивший через Хорезм, прекратил бы свое существование, как менее выгодный. Маршрут через плато Устюрт, через земли кочевников, опасных своим непостоянством, был затратным, а потому, откройся другие возможности, терял своё значение. Хорезмийцы не могли этого допустить и, естественно, как союзники в деле освобождения от Хазарского зависимости для булгар были не просто бесполезны, а крайне нежелательны.

Алмушу нужен был далекий сюзерен, находящийся не просто далеко, а очень далеко. Став наделённым неограниченными полномочиями, облаченным в савад[4] эмиром, он сможет от имени «повелителя правоверных» проводить политику объединения племён, что поддержит его централизаторские устремления и одновременно укрепит международный авторитет. Булгарскому царю представлялось весьма выгодным величаться клиентом повелителя правоверных, что несло особые привилегии.

Алмуш, после того как торжественно, при стечении подданных, был объявлен клиентом багдадского халифа, уже не эльтебер, а эмир Джа'фар ибн Абдаллах, становится вровень с повелителями Хорезма и Хорасана. Хазарский каган остерегается требовать его дочь, т. к. это приравнивается к официальному оскорблению халифа Аббасидов, что для Хазарии чревато серьезны-

[4] Название официальной черной одежды должностных лиц при дворе халифа.

ми политическими осложнениями. Алмуш начинает активную централизаторскую политику, проводимую от имени багдадского халифа. Ослушников угрожает покарать мечом, что, по всей видимости, и совершает. И хотя официального освобождения из-под опеки Хазарии в это время не произошло, Джагфару, благодари дипломатической мудрости, удается встать практически на один уровень с правителями мусульманских стран, что делает власть кагана над ним номинальной. Волжская Булгария на долгое время становится форпостом мусульманского мира на Севере. И хотя окончательной независимости волжские булгары добьются только через пол века, начало было положено именно благодаря первому булгарскому эмиру Джа'фару ибн Абдаллаху.

Список источников и литературы

1. Гагин И. А. Сапоги «булгари» как один их главных элементов костюма волжских булгар // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма) / Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара, 2000. С. 33–34.

2. Гагин И. А. Волжская Булгария; очерки истории средневековой дипломатии (X – первая треть XIII вв.) / под ред. Р. Х. Бариева. Рязань: РИРО, 2004. 236 с.

3. Гагин И. А. Волжская Булгария: от посольства багдадского халифа до походов князя Святослава (X в.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 131–142.

4. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. М. : Книга по Требованию, 2011. 321 с. URL: http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/878371.pdf.

5. Ибн Фадлан Ахмед. «Рисала» (Записка) / Ахмед ибн Фадлан: переизд. перевода И. П. Ковалевского [Ибн Фадлан. 1956, с. 121–156], пересмотренное и исправленное; редакционные примечания к тексту перевода; текст подгот. Н. Гараева // История татар с древнейших времен. Казань: РухИЛ, 2006. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. 959 с.

6. Ковалевский А. П. Посольство халифа к царю волжских булгар // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 189–214.

7. Мец, Адам. Мусульманский Ренессанс / пер. с нем., предисл., библ. и указатель Д. Е. Бертельса. 2-е изд., М.: Наука, 1973. 473 с.

8. Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька / пер., введ. в изучение памятника и примеч. Б. Н. Заходера; отв. ред. Е. Э. Бертельс. М.; Л.: АН СССР, 1949. 379 с.

9. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах и русах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн-Даста. СПб.: Импер. Акад. наук, 1869. 199 с.

10. Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX – X вв. // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 255–270.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД А. А. ДМИТРИЕВСКОГО И ИССЛЕДОВАНИЕ ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ ПАТРИСТИКИ

Глазков Александр Петрович,
доктор философских наук, заведующий кафедрой философии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Изучение патристики, философского наследия святых отцов христианской церкви, требует такого методологического подхода, который мог бы в оптимальной степени учитывать специфику предмета ее исследования. Патристика, если брать ее в широком понимании, как христианскую философскую систему содержит в себе и чисто философскую проблематику, и богословскую, соединяет в себе и теорию и практику. Практическая составляющая патристики включает в себя аскетику и богослужение. Во всех этих сферах проявилось творчество святых отцов. В этой связи представляет интерес рассмотреть особенность генетического метода известного русского ученого, историка церкви А. А. Дмитриевского, который называет его основным и наиболее эффективным для исследования истории литургики Русской православной церкви.

Литургика может рассматриваться как составная часть «большой» патристики, поэтому метод А. А. Дмитриевского относящийся к литургике, думается, может быть отнесен и к патристике в целом. Особенность патристики, а вместе с ней и всей православной философской мысли заключается в том, что ее исходным началом является событие Иисуса Христа. Как пишет С. С. Хоружий, «Событие Христа» является религиозным и, одновременно, и определяющим философским событием [3, с. 21]. Осмысление этого события, следование этому событию, его продолжение, проверка себя этим событием и составляет существо православной философской традиции. Цель этого события – практическая, она заключается в спасении человечества, поэтому любое иска-

жение, связанное с теорией или практической частью христианского учения является неприемлемым. Это фундаментальное положение задает рамки и цели, как философского творчества, которое происходит в определенной духовной настроенности сознания, так и научного исследования этого творчества, включая все его отрасли и направления. В основе все этого процесса лежит единые основания и принципы, которые необходимо учитывать исследователю.

Историк А. А. Дмитриевский исследует развитие богослужения, которое имеет практическое значение все время существования Церкви, к которой он принадлежит, и то, каким образом осуществлять его имеет принципиальное значение. Речь идет о надежном методе установлении научной истины, т. к. иначе произойдет искажение порядка богослужения и священнодействий, а это в свою очередь может нанести ущерб общему делу христианского спасения.

Таким методом, который А. А. Дмитриевский считает «весьма надежным», является генетический. Суть данного метода, который можно обозначить также и как сравнительно-генетический, заключается в интерпретации и понимании фактического материала, опираясь на знание, которое исходно и онтологически, и исторически. В основе генетического метода лежит идея, что изначально, с момента возникновения церковное творчество было «объединено единой общей мыслью, одним и тем же духом христианской веры и направлено к одной общей цели» [1, с. 140]. Историческое исследование, таким образом, движется в интерпретации и понимании фактического материала, опираясь на знание, которое исходно и онтологически, и исторически, отделяя необходимое от случайного, которое было привнесено в процессе исторического формирования богослужебных текстов. Как говорит он далее в своих лекциях по литургике: «Если же теперь, в наше время множество обрядов совершается по-видимому без всякого участия со стороны народа или присутствующих при совершении их, то это зависит вовсе не от обряда, а от того, что время, налагающее на все свой отпечаток, привнесло в них нечто такое, что затемнило их смысл, нарушило гармонию их, и привнесло в них элементы, чуждые этим обрядам» [1, с. 140–141]. Таким образом, генетический метод содержит в себе очень важную критическую составляющую. Генетический метод ориентирует на поиск и исследование источников, позволяющих выяснить историю образования богослужения, истинный его порядок, который формировался творчеством святых отцов. Как замечает А. А. Дмитриевский: «Потому что только таким путем и можно определить: что в наших современных богослужебных книгах, как главных источниках нашей науки, правильного, точного, ясного и определенного, и что неверного, неточного и лишнего» [1, с. 155]. Большая же часть источников находится на месте своего происхождения – в монастырях Афона и Синая и др. Этот «метод исследования генетический не лишен серьезных трудностей и требует усидчивого, кропотливого и весьма напряженного труда, т. к. он предполагает хорошее знакомство с первоисточниками нашего богослужения – рукописями греческими и юго-славянскими» [1, с. 155]. А. А. Дмитриевский выступал против замены этого метода методом сравнительным, «которым стали ныне пользоваться историки богослужения в нашей Церкви» [1, с. 155], т. к. сравнительный метод имеет смысл использовать, если только основательно изучены первоисточники православного богослужения [1, с. 155].

В значительной степени А. А. Дмитриевский следовал своему учителю Николаю Фомичу Красносельцеву [см. 4]. Вместе с тем он, если можно так выразиться, развивал дальше методологический подход своего учителя. В опубликованных С. Ю. Акишиным и А. В. Щепёткиным лекциях Н. Ф. Красносельцева, во второй лекции учитель А. А. Дмитриевского в разделе методы литургических исследований указывает на недостатки догматического и исторических исторический методов, указывая на преимущества сравнительно-исторического метода. Этот метод успешно применялся для исследования языческих обрядов у народов находящихся на разной степени своего развития. Вместе с тем Н. Ф. Красносельцев указывает и недостатки этого метода в отношении изучения богослужения христианской церкви. Он пишет: «Но может ли быть сравнительно-исторический метод приложим к изучению христианской религии, к изучению христианских богослужебных обрядов? Этот вопрос весьма важный. На Западе не сомневаются в приложении этого метода. Но мыслимо ли подобное отношение в православной науке? На Западе возможно это потому, что там всё сверхъестественное сводится на степень естественного: христианская религия, сверхъестественная, будто бы развилась из естественных религий и христианское мироощущение есть только высшая стадия дикой культуры, поэтому и обряды хр[истианские] будто бы выродились из обрядов других народов» [2, с. 223]. Этот метод не улавливает принципиального различия христианской религии от языческой. Христианская религия ставится на один уровень с языческими верованиями. Как замечает Н. Ф. Красносельцев: «Дей-

ствительно, при объяснении хр[истианских] религиозных обрядов такой взгляд не может быть допущен в право- || славной науке; но это, впрочем, не говорит еще о непригодности метода, если он научен. Притом же связь христианской религии с другими религиями, естественными, все-таки признает Прав[ославная] Церковь. Надо только знать: в какой мере этот метод может быть приложен?» [2, с. 223]. Однако есть, как в этой лекции указывает Н. Ф. Красносельцев «целая категория обрядов – чисто христианских, к которым метод сравн[ительно]-исторический совершенно не может быть приложен» [2, с. 223]. Общий вывод ученого Сравнительно-исторический метод может быть применен, но с большими ограничениями и только там, где есть «связь с обрядами других народов и, так сказать, общечеловеческих обрядов» [2, с. 223].

Получается, что генетический метод А. А. Дмитриевского восполняет складывающийся методологический подход научного изучения русского богослужения в отношении «чисто христианских» обрядов, делая методологию литургики целостной и способной теперь решать принципиально важные с точки зрения христианской науки установление научных истин исходя из фундаментальной идеи христианства. Эта система научных методов, в основе которой лежит «вполне научный» генетический метод, о которой говорил в своих лекциях 1882–1884 гг. о литургике А. А. Дмитриевский, как показывают его выдающиеся достижения, доказала свою эффективность. Поэтому мы можем сравнительно-генетический метод применять и при изучении патристики в целом, в том числе в отношении истории философии и теологии патристики. Речь идет о том, чтобы не выйти за пределы границ того философского феномена философского учения святых отцов Церкви, который мы называем патристикой.

Список источников и литературы

1. Дмитриевский А. А. Лекции по литургике. Ч. 1: Курсы лекций, прочитанные студентам Казанской духовной академии в 1882-1884 гг. / изд. подг. С. Ю. Акишин, диак. А. В. Щепёткин. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. 612 с.

2. Красносельцев Н. Ф. Лекции по литургике, читанные студентам Казанской духовной академии в 1880/1881 учебном году // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 2 (6). С. 210–278.

3. Хоружий С. С. Что такое православная мысль // О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. 477 с.

4. Щепёткин Антоний, диак. Лекции А. А. Дмитриевского по общей литургике (некоторые замечания к истории создания) // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург: Информ.-изд. отдел ЕДС, 2014. С. 270–275.

БУДУЩЕЕ РОССИИ В РАБОТАХ И МИРОВОЗЗРЕНИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО И В. С. СОЛОВЬЕВА

Годенов Владимир Кузьмич,
студент исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

…Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем.
Новый Завет, Евангелие от Матфея, глава 13, стих 57

Уверенность в завтрашнем дне, понимание своего места, предназначения в жизни, самоидентификация очень важны для каждого человека. Точно также и в масштабах страны. Каждое государство, уважающее себя должно знать свой «мессианский» путь в истории, свой «вклад» в общечеловеческие ценности. Только в этом случае консолидация гражданского общества для решения множества задач и адекватный ответ новым вызовам глобального мира будут понятны всем гражданам страны, а не только политикам и дипломатам. Последние несколько лет подводят «промежуточную» черту в итогах почти 30-летнего постепенного осваивания «европейских ценностей». Что мы делаем не так? Какие «домашние задания» мы не выполнили? Почему нас не понимают? И самое главное, что делать? Какое будущее ждет всех нас? Ответы на эти вопросы интересуют все российское общество.

Обратимся к истории, ведь новое это хорошо забытое старое. Данные вопросы не новы. В начале XIX в. (окончание Наполеоновских войн) многим гражданам России представилась возможность не только на основании литературы, но и воочию увидеть Европу. Военные, служащие, студенты, не все конечно, поэты, художники, медики, философы, издатели, писатели, купцы в полной мере вобрали в себя знаний, впечатлений, эмоций и фактов для последующих выводов. Вот только интерпретации были различны. В России сформировались два идейных лагеря: «западники» и «славянофилы». К западникам можно отнести таких мыслителей как П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, К. Д. Ка-

велин, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Н. П. Огарев, И. В. Станкевич и др. Основной лейтмотив идей «западников» – совершить прорыв к европейским либеральным ценностям, пройти по уже проложенной дороге путь политических новаций, усвоить значительный багаж наук и духовных богатств и как можно быстрее начать осваивать и делить в России экономические и социальные блага. «Философские письма» (1836 г.) и «Апология сумасшедшего» (1837 г.) П. Я. Чаадаева фактически дали старт многолетней дискуссии. «Нам незачем бежать за другими, нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед и пойдем скорее других, потому, что пришли позднее их, потому, что мы имеем весь их опыт и весь труд веков предшествовавшим нам» [10]. Еще одна характерная черта «западников» – спокойное отношение к религии, которая никогда не должна быть важной в принятии государственных решений.

К «славянофилам» можно отнести А. С. Хомяков, И. С. Аксакова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, В. И. Даля Основные идеи «славянофилов» – особый путь России в истории, необязательность учета достижений Запада для экономического и духовного развития страны, возможность больших изменений с использованием собственных сил, лозунг «Православие, самодержавие и народность». Победителей в споре «западников» и «славянофилов» нет. Ни династия Романовых вплоть до 1917 г., ни Советский Союз до 1991 г., ни Российская Федерация до настоящего времени не смогли найти ответы на эти вопросы. Среди многообразия взглядов мыслителей XIX в. на вопросы политического, религиозного, культурного будущего России отдельно, обособленно от «славянофилов» и «западников», стоят фундаментальные работы и мировоззрение таких выдающихся личностей, как Н. Я. Данилевский и В. С. Соловьев. Условное отнесение одного и другого ученого к одному из противоборствующих сторон целью данной статьи не является, и рассматриваться не будет. Личные знакомства и контакты, дружба и товарищеские отношения со многими представителями интеллектуальной элиты не помешали В. С. Соловьеву и Н. Я. Данилевскому сформулировать собственные оригинальные идеи. Прежде чем остановиться на рассмотрении идей В. С. Соловьева и Н. Я. Данилевского о будущем России, опишем ряд событий в биографии мыслителей, которые отразились на формировании их мировоззрения.

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885 гг.) – русский социолог, культуролог, публицист, естествоиспытатель, геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, родился в с. Оберец Ливенского уезда Орловской губернии. Отец его – Яков Иванович Данилевский (1789–1855 гг.) – военный генерал, участник войны 1812 г., мать – Дарья Ивановна (1801–1852 гг.) – из дворянского рода. В 1836 г. Николай Яковлевич поступает в Царскосельский лицей. В своем классе «был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников». [9] В 1843г. продолжает образование в Петербургском университете. В 1848 г. первые публикации в журнале «Отечественные записки». Знакомство с В. Г. Белинским, Ф. М. Достоевским и А. И. Плещеевым. В «кружке Петрашевского» читает лекции о системе Фурье. В 1849 г. арест по делу «петрашевцев», 100 дней в Петропавловской крепости, ссылка в Вологду, затем в Самару. В 1853 г. по запросу РГО был командирован в составе экспедиции на Волгу и Каспийское море помощником К. М. Бэра. До 1871 г. уже в роли руководителя провел ихтиологические экспедиции на Волгу, Урал, Кубань, Черное, Азовское и Белое моря, Чудское озеро и озера Архангельской и Псковской губерний. Н. Я. Данилевский – фактически автор законодательства по части рыболовства в России. В 1869 г. в журнале «Заря» частями печатается основной труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Книга «Россия и Европа» полностью была издана в1871 г. При жизни автора, кроме отдельных положительных отзывов Н. Н. Страхова, Ф. М. Достоевского (эта работа должна стать «…настольной книгой для каждого русского») К. Н. Бестужева-Рюмина, Ф. И. Тютчева, она не получила должного внимания и изучения. Последнее издание в XIX в. – 1895 г., а следующее только в 1991 г. В настоящее время опубликованы ряд работ, подробно анализирующих труд «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского в различных аспектах. Такие авторы, как С. И. Бажов, Б. П. Балуев, К. В. Султанов, А. А. Галактионов, В. М. Михеев, Н. Х. Нугманова, А. В. Буренков, С. А. Вайгачев убедительно показали, что теория культурно-исторических типов, законов их движения и развития Н. Я. Данилевского есть не только фундамент будущих «цивилизационных» теорий и работ О. Шпенглера, Дж. Тойнби, Ф. Броделя, С. Хантингтона, но и методологическая база для славянского культурно-исторического типа как «нового положительного деятеля истории, который может осуществить огромный шаг вперед, создав «четырехосновную цивилизацию». Она будет основана на четырех разрядах человеческой деятель-

ности: политической, религиозной, культурной и общественно-экономической. К сожалению, до сих пор нет обобщающих работ, которые бы сформулировали принципы или концепции политического, религиозного, культурного будущего России во взглядах Н. Я. Данилевского.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900 гг.) – русский философ и теософ, публицист. Родился в семье знаменитого историка С. М. Соловьева, автора «Истории России с древнейших времен». После окончания гимназии поступает на физико-математическое отделение Московского университета в 1869 г. Через два года переводится на историко-филологическое отделение. В 1873 г. по особому ходатайству был оставлен на кафедре философии для подготовки к защите профессорского звания. В 1873 году переселился в Сергиев Посад, и в течении года был слушателем в Духовной академии. В 1874 г. блестяще защитил магистерскую работу «Кризис западной философии». Один семестр преподавал в университете. В 1875 г. уезжает за границу, изучает индийскую, средневековую философию Каббалу. В 1877 г. переезжает в Санкт-Петербург. Как пишет В. Л. Величко. «Три умнейших человека в Москве – Катков, Аксаков и Леонтьев относились к Соловьеву почти с обожанием…» [2]. Читает в это время общественные лекции «О Богочеловечестве» и «Три силы». В 1880 г. защитил докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». В 1881 г. закончилась преподавательская деятельность В. С. Соловьева после прочтения в университете лекции, где он призывает помиловать убийц Александра II, искренне считая это наивысшим духовным актом христианского всепрощения. Министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов написал докладную Александру III, где указывал на нецелесообразность наказания В. С. Соловьева ввиду его глубокой религиозности и, учитывая, что он сын крупнейшего русского историка С. М. Соловьева. До 1888г. В. С. Соловьев печатается в основном в «Русском Вестнике», «Руси», «Православном обозрении», с 1888 г. переходит в «Вестник Европы». В Париже в мае 1888 г. на французском была прочитана лекция «Русская идея». Всем известен полемический спор В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова (издатель работ Н. Я. Данилевского) вокруг работы «Россия и Европа». Из письма В. С. Соловьева редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Приятель мой Страхов готовит 4-е издание «России и Европы» Данилевского. Мой взгляд на это сочинение диаметрально противоположен взглядам Страхова, и я готовлю обстоятельный разбор «России и Европы». Я хотел бы назвать свою статью «Философия пустых претензий», но из уважения к памяти Данилевского, который в других отношениях был почтенный и разумный человек, переменю заглавие» [7]. Затем выходит статья В. С. Соловьева «Россия и Европа». Н. Н. Страхов ответил статьей «Наша культура и всемирное единство». Обмен яростной полемикой через публикации затянулся с перерывами на шесть лет. Свое мнение за это время высказали такие мыслители, как В. В. Розанов, Н. И. Кареев, К. Н. Леонтьев, Н. К. Михайловский, П. И. Милюков. Даже Л. Н. Толстой призывал Н. Н. Страхова остановить этот спор. В споре истина не родилась, но новая волна интереса к работам Н. Я. Данилевского и В. С. Соловьева была обеспечена. Наследие В. С. Соловьева в достаточной степени изучено. Работы таких авторов, как А. Ф. Лосев, В. Н. Акулинин, В. Ф. Асмус, Е. Б. Рашковский, Г. Ф. Гараева, В. В. Сербиненко, Л. И. Новикова, К. В. Мочульский, О. Ю. Ролдугина, Б. В. Межуев, Б. Н. Бессонов и др. дают всестороннее понимание не только этапам формирования мировоззрения В. С. Соловьева, но и различный анализ его основных идей: Богочеловечество, Вселенская церковь, концепция конца всемирной истории, мистическое учение о Софии-Душе Мира, предназначение государства, место и смысл любви и добра. Вместе с этим практически нет изложения системы взглядов В. С. Соловьева на проблемы политического, религиозного и культурного будущего России. Обратимся к первоисточникам, Н. Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» делает вывод, что Россия, если не мыслить категориями географическими, а цивилизационными не есть Европа, поэтому быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Восток – не российское дело. Подробно описывая различные политические конфликты, Данилевский приходит к выводу о существующих двойных стандартах в отношении похожих событий при участии и без участия России. Описывая принятую в США доктрину Монро: «Америка принадлежит американцам, всякое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление»[1], добавляет, что подобное учение должно быть и славянским лозунгом. Рассматривая славянский культурно-исторический тип как самостоятельно развивающийся в славянскую цивилизацию, Н. Я. Данилевский выдвигает идею Всеславянского союза со столицей в Константинополе. Очень многими неправильно интерпретирована эта идея. Вот как об этом союзе в самой работе:

«Всеславянский союз должен бы состоять из следующих государств: Русской империи, Королевства Чехо-Мораво-Словакского, Королевства Сербо-Хорвато-Словенского, Королевства Булгарского, Королевства Румынского, Королевства Эллинского, Королевства Мадьярского и Царьградского округа»[1]. Константинополь при этом не должен быть столицей России или являться ее частью.

Анализируя различные вероисповедования христианской религи: православие, католичество и протестантизм Н. Я. Данилевский отмечает, что читая один из символов веры одинаково: «верую во единую, святую, соборную и апостольскую церковь» понимают это абсолютно по-разному. Популярный европейский лозунг «свободная церковь в свободном государстве» по Данилевскому это то, что может привести к исчезновению христианского в понятии супружеский союз, к его видоизменению, превращению в обычный контракт, легкости в заключении и расторжении, фактическом одобрении многоженства. Не приветствуя идей об единении христианских течений, Н. Я. Данилевский считает, что у русских, как и у большинства славян, вместе с греками выпал исторический жребий быть хранителями «живого предания религиозной истины – православия и, таким образом, быть народами богоизбранными»[1]. Характер у русских, и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, что наиболее соответствует христианским идеалам.

Н. Я. Данилевский откровенно признает, что совершенное «до сих пор русским и другими славянскими народами в науках и искусствах весьма незначительно в сравнении с тем, что сделано двумя великими культурными типами: греческим и европейским» [1]. Вместе с этим он сразу задает вопрос: неспособность ли это славян к культурной деятельности или сравнительная молодость, недавнее вступление славянского типа на поприще исторической деятельности? Он делает вывод, что культурная деятельность следует за политической. Напряженная государственная деятельность закрепощает народные силы, народное образование не успело еще проникнуть в народные массы, приоритет государственной службы породил у родителей «известный идеал для будущей карьеры их детей», научная и художественная деятельность может быть только плодом «досуга, избытка, излишка сил, остающихся свободными от насущного исторического труда». Вот только некоторые причины «незначительности» вклада славянского типа в общекультурные ценности. Автор отмечает все же явные задатки самобытного культурного развития на примере Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Коперника, Пирогова, Мицкевича, Иванова, Глинки.

У В. С. Соловьева нет одной большой работы, с одной стороны, которая могла бы охарактеризовать взгляды мыслителя на будущее России. С другой стороны, целый ряд разноплановых лекций, выступлений и статей требуют тщательного анализа, прочтения и обобщения в единую систему политических, религиозных, социальных взглядов на будущее России. Практически все работы В. С. Соловьева эсхатологичны. Именно В. С. Соловьеву принадлежит заслуга в самой формулировке проблемы «русская идея» (лекция в Париже в 1888 г.). Смысл существования России философ видит в том, что «Христианская Россия … должна подчинить власть государства…авторитету Вселенской церкви и отвести подобающее место общественной свободе» [5]. По В. С. Соловьеву вся мощь империи должна быть направлена на осуществление социальной троицы: церковь, государство, общество. Три лица социальной троицы должны быть «безусловно солидарны между собой», поскольку выполняют разные функции единого общественного организма. В. С. Соловьев считал, что политическая деятельность должна быть высоконравственна, иначе сама нравственность будет разрушена.

«Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божие внутри отдельного человека; так христианская политика должна подготовлять пришествие царства Божие для всего человечества, как целого» [4]. По Соловьеву мировое зло стремится к объединению, поэтому противостоять этой опасности может только единая, Вселенская церковь. Теократия (боговластие) должна объединить все христианские народы в единство духовное. Православие должно совершить великий жертвенный шаг – пойти на подчинение и уступить первенство духовное Папе Римскому для блага всего человечества. В этом случае политическое руководство останется за Российской Империей. Еще одни представители духовной власти, считает Соловьев, пророки – интеллектуальные и высоконравственные люди, пользующиеся авторитетом и уважением. Образ Софии у В. С. Соловьева – это своеобразный идеальный мир, Душа мира, воплощение любви и христианской церкви. Весь мир живет не в хаосе, а подчиняется определенным закономерностям, которые не сводятся к законам механики и естествознания. Весь мир живет, как и отдельно взятый человек, как живое существо, и душа его и есть София. Развитие

культуры основано на христианской нравственности. И если путь христианства по В. С. Соловьеву – это «осуществление вселенского единства человеческого рода», то и развитие культуры должно идти в России по пути взаимодействия и взаимообогащения с лучшими образцами западных «культурных ценностях». В одной из ранних работ «Три силы» Соловьев высказывает мнение, что мусульманский Восток, западная цивилизация и славянство действуют совместно, как три культуры или как три исторических мира, однако на разных стадиях имеет место преобладание одной из этих сил. Доминирование только «духовного начала» или личностного «частного интереса» ведут к эгоизму, «духовной смерти» и концу истории. Славянство должно стать «свободным, сознательным орудием» Высшего замысла.

В заключение несколько выводов. Во-первых, В. С. Соловьев и Н. Я. Данилевский были современниками и, несмотря на значительную разницу в возрасте, прекрасно знали о работах друг друга, общались долгое время в одной духовной и интеллектуальной среде. Во-вторых, несмотря на различия некоторых взглядов и подходов, оба мыслителя были абсолютно едины в понимании «особой» исторической роли России и славянской цивилизации, значения религиозного начала, духовных традиций и возможности развития собственных культурных ценностей. В-третьих, многочисленные аспекты творческого наследия Н. Я. Данилевского и В. С. Соловьева изучены недостаточно глубоко и требуют дополнительных работ и многообразия мнений в свете их современной актуальности. В-четвертых, необходимо дать более подробный анализ концепции политического, культурного и религиозного будущего России во взглядах В. С. Соловьева и Н. Я. Данилевского.

Список источников и литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. М., 1991.
2. Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902.
3. Соловьев В. С. Три силы // Сочинения: в 2 т. М., 1989.
4. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России // Сочинения: в 2 т. М., 1989.
5. Соловьев В. С. Русская идея / сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М., 1992.
6. Соловьев В. С. Россия и вселенская Церковь / пер. с франц. Г. А. Рачинского. М., 1911.
7. Соловьев В. С. Письма / под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. 283 с.
8. Соловьев В. С. Чтение о богочеловечестве // Статьи; Стихотворения и поэма / сост. и примеч. А. Б. Муратова. СПб., 1994.
9. Семенов Тян-Шанский П. П. Мемуары: в 4 т. Петроград, 1915–1917.
10. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. М., 1989.

БОГОСЛОВИЕ В КРАСКАХ КАК ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Гусев Сергей Иванович,
педагог вероучительных предметов,
ЧОУ «Дивеевская монастырская православная средняя общеобразовательная школа»,
с. Дивеево, Нижегородская область

Храм, сияющий своим убранством, величественный иконостас, прихожане трепетно и нежно прикладываются и целуют иконы, кто-то задерживается перед ликом Пресвятой Богородицы, кладет поклон и плачет. Благочестивые бабушки поправляют свечи, возглас священника, все замирает, и начинается воскресная служба. Все благоговейно, торжественно и незыблемо. А вот другая картина из прошлого: «нет! нет! не делай этого! Но он не внял их просьбам, поставил лестницу и, поднявшись по ней, трижды ударил топором в лицо Спасителя. Видя это и не имея сил перенести такого нечестия, женщины отодвинули лестницу и бичами засекли его до смерти. А ты, ревнитель зла, послал туда драбантов и не знаю уже, сколько убил там женщин…» [1, с. 464].

Здесь все ужасно и зыбко. Храм становится местом убийства, икона объектом осквернения и святотатства. Можно привести много контрастных примеров, путешествуя по эпохам безбожной тирании и церковного благоденствия, но неизменно период мракобесия заканчивался Торжеством Православия.

Эдикт императора Льва Исаврянина в 730 г. положил начало глубокому кризису, известному нам как период иконоборчества. Этот кризис длился долго, до марта 843 г., и принес много бед как для православных христиан, так и для церковного искусства в целом. Не ставя задачу описания исторических событий этого периода, поднимем вопрос об актуальности знания догматической основы почитания икон сегодня. Достаточно ли церковного предания и глубоких благочести-

вых традиций русского народа, чтобы поклонение и почитание святых икон не ставило современного человека перед соблазном усомниться в правильности его вероисповедания. А причины для беспокойства есть. Информационная доступность к литературному, историческому, научному, искусствоведческому и богословскому пласту знаний и опыту, перед человеком ищущим ставит свои вопросы. Источники современной информации позволяют быстро соотносить, моделировать, подвергать анализу и подчас делать поспешные выводы о предмете суждения. Касается это и икон. Пойдем в ракурсе церковного предания:

Апостолы Петр и Иоанн, придя в Самарию, проповедовали там евангелие и соорудили в городе Лидде храм во имя Пречистой Девы [2, с. 16]; затем, «вернувшись в Иерусалим, умоляли Богоматерь освятить этот храм Своим присутствием, чтобы молитвы, приносимые там Богу, были для Него приятнее». Пресвятая Дева сказала апостолам на их просьбу: «Идите и радуйтесь: Я буду там с вами». Придя в Лидду, они нашли в ново созданном храме, на одном из внутренних столпов его, неизвестно кем изображенный образ Богородицы. На этом образе лик её и подробности одежды были сделаны чрезвычайно живо, с величайшим искусством. Затем прибыла в Лидду и Пресвятая Дева; увидев образ свой, окруженный молящимся народом, она возрадовалась духом и дала этой иконе свою благодатную силу

Предание говорит о существовании еще и другого Лиддского нерукотворного образа Божией Матери. Он находился в храме, созданном в Лидде Энеем, исцеленным апостолом Петром. Когда этот храм хотели отнять у христиан иудеи и язычники, то по распоряжению правителя храм был заперт на три дня, чтобы явилось знамение для решения спора. Когда через три дня храм открыли, то увидели в нем нерукотворное изображение Матери Божией [3, с. 76].

В Лидде! В городе Лод, калена Данова [4, с. 61], там, где будет сосредоточена вся «богословская», богоборческая мысль и жить элита не принявших и распявших Христа. В цитадели раввинистической и каббалистической мудрости, месте, где с I по IV в. н. э. писались целые трактаты Палестинского Талмуда, и где после разрушения Иерусалимского храма (70 г. н. э.) располагался высший судебный орган – Синедрион. Явным становится Божественный промысел, не истраченная надежда призыва «малого стада», в среде богоизбранного народа.

А вот одна из попыток иудействующих объяснить произошедшее: ... корни легенды об Энее находятся в римской мифологии. Здесь общеизвестен был миф, согласно которому Венера (мистически – Матерь Мира, она же матерь Божья, проявившаяся нерукотворным ликом в христианской легенде) была прародительницей части римлян через своего сына – троянца Энея. Поэтому хорошо было известно, что Венера – «рода Энеева мать» [5, с. 135].

Какое словоблудие! И зачем тогда прокуратору, реализующему политику императора Юлиана Отступника (361–363 гг.), радеющего за возрождение пантеона римских богов, посылать каменотесов для уничтожения чудотворного изображения. «…всеми усилиями и разными орудиями каменосечцы старались стесать священное изображение – оно не сглаживалось, а еще более углублялось внутрь столба со всеми красками и очертаниями, явив этим образом новое чудо. Слава о благодатном образе распространилась тогда по всему миру» [6, с. 640].

Здесь мы видим, как предание побуждает к оправданию и к логическому объяснению христианского чуда через призму мифа, и тут же приводит аргументы из сказаний о жизни Фла́вия Кла́вдия Юлиа́на (Юлиан II), которые создают почву для новых вопросов. И вот они эти простые вопросы:

- Написал ли Святой Евангелист Лука иконы Божией Матери?
- Существовал ли в городе Лидде в первом веке храм с нерукотворным образом Пречистой?

и главный многовековой вопрос:

- Правильно ли им поклоняться и их почитать.

Давно замечено, что многие евангельские рассказы, а также сообщения Книги Деяний больше похожи на иконы, чем на фотографии или зарисовки реалистической живописи. Икона, отбрасывая все случайное и несущественное, являет зрителю суть изображаемого. При этом иконописец использует некоторые известные каноны и символы. Также и многие рассказы об Иисусе Христе и Его первых учениках, отбрасывая случайные элементы и развлекательную орнамен-

тальность, изображают для читателя самую суть сообщаемого. И здесь евангелисты тоже используют определенные сложившиеся каноны с их легко узнаваемой символикой.

Евангелист Лука, автор Евангелия и Книги Деяний, преследует цель показать миссионерскую деятельность святых Апостолов как продолжение служения Господа Иисуса Христа. История Церкви Христовой в изображении Евангелиста – история действия Святого Духа, посланного вознесшимся Господом и наделившего Апостолов Своими благодатными дарами, в т. ч. «знамениями, чудесами и силами» (2 Кор 12,12). Чтобы подчеркнуть преемственную связь деятельности Апостолов с деяниями Иисуса Христа, Лука в качестве образцового канона своих повествований берет Евангельское изложение событий: «Вот перед нами расслабленный Эней из города Лидда, расположенного недалеко от побережья Средиземного моря, куда с гористой местности спустился Апостол Петр. Апостол исцеляет расслабленного и приказывает ему: «Встань и убери свою постель» (Деян. 9,34). Не напоминает ли нам это одно из первых чудес, совершенных Иисусом Христом, когда Он приказал исцеленному Им расслабленному: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой» (Мк. 2, 11). Вот Петр спешно приходит в прибрежную Иоппию, которая недалеко от Лидды. Там он возвращает к жизни недавно умершую добрую женщину Тавифу, которая названа ученицей, т. е. христианкой. Отдельные черты рассказа об этом чуде напоминают нам евангельскую историю об исцелении Иисусом Христом дочери Иаира, начальника синагоги. Громкий плач скорбящих по усопшей, приказ Иисуса Христа всем выйти вон, сам процесс воскрешения – все это повторено в рассказе о воскрешении Апостолом Петром Тавифы. Знаменательно, что переданные по-арамейски слова Господа «Талифа куми», что значит «Девица, встань!» (Мк. 5, 40–41) очень похожи на слова Петра «Тавифа, встань!». Различие всего лишь в одной букве. Разумеется, логично было бы предположить, что сам Апостол впоследствии рассказывал, каким образом он воскрешал Тавифу, и что он при этом произносил. (Ведь свидетелей события он выслал вон.) Но разумнее предположить другое: Евангелист, наподобие иконописца, ставил перед собой не цель подробного бытописания, но богословскую цель наглядно, насколько это было возможно, показать, что Апостол продолжает деятельность Иисуса Христа, ибо он – уполномоченный посланник Господа и член Церкви как Тела Христова.

Важен еще один богословский акцент рассказов Евангелиста Луки. Апостол Петр в его изображении не только берет за образец действия Иисуса Христа, но и совершает чудеса силою Иисуса Христа. Он не говорит Энею: «Я исцеляю тебя!». Но говорит: «Исцеляет тебя Иисус Христос!». А перед воскрешением Тавифы он, «преклонив колени, помолился» (Деян. 9,40). Не сила Апостола, но сила Победителя смерти могла исцелить расслабленного Энея и вернуть к жизни умершую Тавифу. Коленопреклоненная молитва Петра тоже происходила без свидетелей. Поэтому здесь мы снова можем предполагать «богословско-иконописное» творчество Евангелиста. Так было, ибо так должно было быть! [7]

Именно руке Евангелиста Луки и суждено было написать «богословско-иконописный» образ Богородицы. Из библейского рассказа мы не узнаем ничего ни об обстоятельствах Ее Рождества, ни о Введении во храм, ни о жизни Богородицы после Пятидесятницы. Такие подробности жития Богородицы доносит до нас Церковное Предание: древние сказания, церковно-исторические сочинения, гомилетическо-библейских сведений о житии Богоматери явились раннехристианские апокрифы: «История Иакова о рождении Марии» (иначе – «Протоевангелие Иакова»; 2-я пол. – конец II в., Египет), «Евангелие детства» (иначе – «Евангелие от Фомы»; II в.), «Книга Иосифа Плотника» (ок. 400 г., Египет), «Святого Иоанна Богослова сказание об Успении Святой Богородицы» (IV–V вв.).

Не признавая апокрифы как источник вероучения, Церковь вместе с тем заимствовала из них целый ряд сюжетов, связанных с земной жизнью Богородицы. При этом сами апокрифические рассказы в новой отредактированной версии оказались очищены от гностического элемента и согласованы с каноническим рассказом о Богородице, содержащимся в Четвероевангелии [8, с. 486–487].

Сведения о житии Богородицы, содержащиеся в Священном Писании Нового Завета, не являются достаточно подробными. Здесь присутствуют лишь несколько эпизодов, связанных с именем и личностью Богородицы (Мф. 1:16, 18–25; 2. 11, 13–15, 19–23; 12. 46–50; 13. 55; Мк. 3:31–35; Лк 1. 26–56; 2. 4–7, 16–52; 8. 19–21; Ин. 2:1–12; 19. 25–27; Деян. 1:14.). И все же именно труд Евангелиста Луки, как наиболее полный и является тем объектом согласования Предания и

Писания для формирования образа Богородицы. Слово «образ» на греческом μια εικόνα mia eikóna звучит – икона! Эта позиция красиво и многогранно раскрыта в трудах Игумена Филиппа (Перцев) «Альбом Лик Пречистой. Воплощение и жизнь в веках Богородичных образов. Записки иконописца» (в 2 т.). В большом предисловии полезны к прочтению главы: «кисть живописца» и слово апостола Луки, Реконструкция Предания по духу и мифологические наслоения, Зерна и плевелы в истории отдельных икон.

Указания на древнее предание о том, что св. евангелист Лука написал икону Божией Матери, окончательно утверждается лишь в IX в. [9, с. 153]. На Руси еще позже, в летописях есть Повесть о Темир-Аксаке, которая за период с 1477 по 1576 г., претерпела разные изменения. В первых своих редакциях – Епифаниевской редакции о Темир-Аксаке, в Мазуринской редакции мы находим повествование о чудесном заступничестве Божией Матери при молитвенном обращении к ней через образ, известный нам в дальнейшем как Владимирский. В них нет посыла к истории написания этого образа. Преобразование жанра, в более позднем сочинении Пахомия, оказывается посвященным «славному граду Москве» и прославлению Владимирской иконы Богоматери в качестве новой патрональной святыни, «заступающей и сохраняющей град сей», являющей «Покров граду нашему». Абсолютной новостью (зафиксированной пока еще только в заглавии) оказался тезис о признании Владимирской иконы Богородицы творением евангелиста Луки. Вторая Похомиевская летопись усиливает этот тезис, а Никоновская летопись его закрепляет. И наконец, Сказание о Владимирской иконе Богоматери – компилятивное произведение энциклопедического характера, вобравшее в себя все известные рассказы о чудесах от Владимирской иконы и различные редакции Повести о Темир-Аксаке для составления Степной книги, завершает агиографию этого образа [10, с. 360–362, 379].

Все эти источники умело, переработаны в единой стилистической манере, свойственной автору – составителю Степенной книги. Основная идея произведения является развитием главной тенденции предшествующих памятников: Москва стала в ряд мировых религиозных центров, превратилась в столицу Православия, хранительницу святынь вселенского масштаба. Тезис о написании образа Владимирской Богоматери евангелистом Лукой сопровождается специальной статьей об истории создания иконы, «ю же при животе Ея написал богогласный евангелию Христову списатель премудрый апостол Лука». Дальнейшим повествованием всячески подчеркивается мысль, что «неизреченная милость Богоматери и до нашего Рускаго рода достиже». Автор привлекает также Сказание о Тихвинской иконе, чтобы сообщить о «приходе» на Русь другой византийской святыни – Лиддской иконы Богоматери. Таким образом, Русская земля прославлена не только сонмом своих «великих чудотворцев», но и как хранительница мировых святынь [11, с. 61–63]. Особняком в церковном Предании разместилась история нерукотворного образа Лиддской – Римской – Тихвинской. Нерукотворность Лиддского образа, особая Слава хождения «по воздусе», списков с него Римской, а затем и Тихвинской икон, недавняя история возвращения последней в Тихвин из Америки [12, с. 464] и неисчислимый поток чудесных событий, показывает, как Предание становится сегодняшней реальностью. В которой Пресвятая Матерь Божия, которой усыновлен в лице апостола Иоанна Богослова весь человеческий род, не оставляет мира и в Своем Успении, и пребывая в небесах, Она вместе с тем живет и жизнью нашего мира, болеет его болезнями и плачет его слезами, предстательствует о нем Своими молитвами. Потому она являет Себя миру и в чудотворных Своих иконах, которые сохраняют Ее ощутительный след на земле.

Нет ничего об образе Лиддской в послании трех Патриархов, в период иконоборчества. Нет в материалах седьмого Вселенского собора 787 г., где собиралось по крупицам все известное об иконах, необходимое для создания ороса, и любой иконописец вам скажет, что первые иконы, появились не ранее четвертого века, а привычный для нашего взора стиль формировался на рубеже первого тысячелетия. Однако Предание бережно хранит в себе все это. Если Писание и все то, что может быть сказано написанными или произнесенными словами, литургическими изображениями, или же иными символами, если все это – различные способы выражать Истину, то Священное Предание – единственный способ воспринимать Истину. Оно не навязывает человеческой совести формальных гарантий истин веры, но раскрывает их внутреннюю достоверность. Оно – не содержание Откровения, но свет, его пронизывающий; оно – не слово, но живое дуно-

вение, оно не есть Истина, но сообщение Духа Истины, вне Которого нельзя познать Истину [13]. «Никто не может назвать Иисуса Господом, только как Духом Святым» (1 Кор. 12,3).

Сам Бог – Первый сделал изображение, Он и показал изображения. Ибо первого человека Он сотворил по образу Божию (Быт. I, 26, 30; II, 7–9). И Авраам, и Моисей, и Исаия, и все пророки увидели образы Бога, но не самое существо Божие (Исх. XXXIII, 13–23). Купина была образом Богоматери, и Моисею, намеревавшемуся к ней подойти, Бог сказал: иззуй сапоги от ног твоих: место бо, на немже ты стоиши, земля свята есть (Исх. III, 577). И так, если земля, на которой явился Моисею образ Богородицы, есть земля святая, то во сколько раз больше – этот образ?

Ибо, после того как Бог, по неизреченной Своей благости, воплотился и явился на земле во плоти, и обращался между людьми (Вар 3:38), и воспринял природу [нашу], и величину, и образ, и цвет плоти, мы, делая Его изображение, не погрешаем. Ибо сильно желаем увидеть Его образ; потому что, как говорит божественный Апостол, теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор 13:12). Изображение же и есть тусклое стекло и гадание, соразмерное с величиной нашего тела. Ибо, говорит божественный Григорий, ум и после многих напряжений не в состоянии выйти из пределов телесного. Если же кто-либо осмелиться сделать изображение Божества – невещественного и бестелесного, и невидимого, и не имеющего формы и цвета, то мы отвергаем от себя, как ложное.

Учение о воплощении – это основа возможности существования иконы, запечатлевающей Божественный образ. Отрицая иконопочитание, иконоборчество тем самым отрицало видимое свидетельство вочеловечения Бога как фундамент человеческого спасения, т. е. самую основу христианской веры. Несмотря на довольно длительное свое существование, иконоборчество было обречено на провал, что и произошло в 843 г., в царствование благочестивой императрицы Феодоры, когда на церковном соборе иконоборчество было окончательно осуждено, и навсегда установилось поклонение иконам. Восстановление иконопочитания воспринималось как торжество Православия, и с тех пор Церковь каждый год отмечает праздник с таким наименованием [14].

Список источников и литературы

1. Первое послание Святого отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину «О святых иконах» (приводится по: сост. А. Н. Стрижев. Богословие Образа. Икона и иконописцы. Антология. М.: Паломникъ, 2002. 464 с.).

2. Поселянин Е. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. М.: Православный журнал «Отдых христианина», 2002. 16 с.

3. Поселянин Е. Богоматерь на Земле. М., СПб., 2000. 76 с.

4. История древнего Израиля / пер. с англ. С. Гинзбурга. М., 1998. 61 с.

5. Лосев А. Ф. Афродита / МНМ // Т. 1. 135 с.

6. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон / сост. С. Снессорева. М.: Храм Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках, 2006. 640 с.

7. Архимандрит Иоанн уарий (Ивлиев) Проповедь 4-я Неделя по Пасхе, 18 мая 2008 г. URL: https://azbyka.ru/ivliev/.

8. Малков П. Ю. Статья из V т. «Православной энциклопедии». М., 2002. С. 486–487.

9. Иконография Богоматери. М., 1998. Т. 2. 153 с.

10. Жучкова И. Л. Сказание о иконе Богоматери Владимирской Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 360–362.

11. Гребенюк В. П. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М., 1997. 79 с.

12. Клосс Б. М. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. С. 61–63.

13. Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гаркавса). СПб.: Алаборг; Тихвин: Издательская служба Тихвинского монастыря, 2009. 464 с.

14. Лосский В. Н. Предание и предания. URL: http://www.odinblago.ru/predanie_i_predaniya.

15. Эпоха иконоборчества 730-843 гг. Византийские иконы VI–XV веков. URL: http://nesusvet.narod.ru/ico/books/popova/popova2.htm.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1917–1940 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА)

Жукова Анна Васильевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Придя к власти в 1917 г., большевики начали проводить свою религиозную политику. С первых дней существования советской власти правительство занялось разработкой законодательства об отделении церкви от государства. Декрет «О свободе совести» вызвал волну возмущения у духовенства и верующих. Патриарх охарактеризовал переживаемую страной эпоху как «годину гнева Божия» и призвал в более поздних посланиях (от 10.01.1918 г.) чад церкви встать на её защиту и пострадать за дело Христово.

Революционные потрясения 1917 г. незамедлительно сказались на церковной жизни Нижнего Поволжья. В конце 1917 г. была закрыта Астраханская духовная семинария, в декабре вышел последний выпуск «Астраханских епархиальных ведомостей». В 1918 г. прекратили существование Астраханская консистория и Епархиальное женское училище, дом соборного духовенства в кремле был занят Реввоенсоветом, был закрыт Успенский кафедральный собор. Архиерейский дом стал резиденцией коменданта кремля, помещения семинарии и Троицкого монастыря были заняты курсами красных командиров. Храмы кремля стали использоваться как хозяйственные помещения для армейских нужд.

В сентябре 1918 г. в Астрахани возник Епархиальный союз церквей во главе с епископом Царёвским Леонтием (фон Вимпфен), союз провозгласил своей задачей демократизацию церкви и ограничение власти архиереев. Владыка Леонтий предлагал идти на сотрудничество с новой властью, но архиепископ Митрофан (Краснопольский) не поддерживал его ни в том, ни в другом вопросе и прекратил общение со своим викарием.

В 1919 г. началась кампания по очистке края от контрреволюционных сил, в ходе которой были расстреляны духовенство и члены церковного совета церкви с. Карантинного (11 человек), староста астраханской Владимирской церкви. 23 июня были расстреляны астраханские архиереи архиепископ Митрофан и епископ Леонтий, обвинявшиеся в организации контрреволюционной группы «Цианистый калий», которая якобы имела цель отравить военное руководство и часть личного состава воинских частей.

До назначения правящего архиерея Патриарх Тихон возложил временно управление Астраханской епархией на викарного епископа Енотаевского Анатолия (Соколова), проповеди которого и акции гражданского неповиновения среди верующих повлекли волну массовых арестов священнослужителей в 1920 г. В конце 1921 г. на Астраханскую кафедру был назначен архиепископ Фаддей (Успенский), до апреля 1922 г. остававшийся в Москве под арестом.

Разразившийся голод 1921–1922 гг. был использован руководством страны для уничтожения Церкви как национального института. С этой целью была проведена всероссийская кампания по изъятию церковных ценностей, организованы показательные (с вынесением смертных приговоров) судебные процессы над духовенством и верующими, был арестован Патриарх Тихон. Одновременно был использован церковный раскол (обновленчество) для разрушения Церкви изнутри.

С марта 1922 г. начались мероприятия по изъятию церковных ценностей. Изъятия проходили спокойно, но во многих храмах были обнаружены нарушения, случаи сокрытия церковных ценностей, в связи с этим были заведены уголовные дела. Местные власти решили устроить показательный суд над «церковниками» объединив в одно дело по сопротивлению изъятия церковных ценностей дело епископа Анатолия, дело причта и церковного совета Успенского собора и дело причта и церковного совета с. Сокрутовка и ст. Сероглазинской. На скамье подсудимых оказалось 15 человек. Судебный процесс напоминал хорошо организованный фарс [7, с. 409]. Всем обвиняемым вынесли приговор: один год условно.

Очевидно, епископ Анатолий очень сильно испугался, смалодушничал и, после судебного процесса, уклонился в обновленчество и создал раскольнический «епархиальный совет». Обновленцы при поддержке властей заняли часть храмов епархии. В июне 1923 г. общегородское собрание духовенства и мирян постановило считать епископа Анатолия отпавшим от правосла-

вия и прервать с ним общение, в ответ епископ запретил большинству астраханского духовенства служить. Осенью 1923 г. церковноприходской совет, в составе которого были представители всех православных общин Астрахани, направил прошение Патриарху Тихону о назначении другого архиерея.

В конце 1923 г. назначенный архиепископ Фаддей (Успенский), вернувшись из заключения, приехал в Астрахань. К 1924 г. в его подчинении находилось всего 10 храмов, остальные были в руках обновленцев. Самоотверженное служение на Астраханской кафедре владыки Фаддея имело огромное влияние на верующих, сплотив их в верности канонической Церкви. Тем временем местные органы власти стали закрывать храмы - вначале пустующие обновленческие, а затем и действующие. С 1927 г. началось новое наступление на религию. Духовенство снова оказалось под пристальным вниманием ОГПУ.

В 1928 г. на кафедру был назначен вернувшийся из обновленчества Смоленский епископ Филипп (Ставицкий), в следующем году возведенный в сан архиепископа. В феврале 1929 г. в местные органы власти поступило циркулярное письмо под грифом «секретно» «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (Утверждено ЦК ВКП (б) 24 января 1929 г.), подписанное Секретарём ЦК ВКП(б) Л. Кагановичем, в котором духовенство объявлялось политическим противником ВКП(б).

13 сентября 1929 г. владыка Филипп и 5 астраханских священнослужителей были арестованы по обвинению в контрреволюционном заговоре и в марте 1930 г. сосланы. Астраханская кафедра осталась без архиерея.

В 1930-х гг. в Астрахани многие церкви были снесены, другие конфискованы и переделаны. В Астрахани были снесены: старый собор Рождества Богородицы, церкви Воздвиженская, Смоленская, Троицкая, в честь сошествия Святого Духа, во имя св. Афанасия Афонского, единоверческая Вознесенская, Никольская, церковь в Спасо-Преображенском монастыре, колокольня в Благовещенском монастыре. Снесено несколько глав и колокольня Казанской церкви, Знаменская церковь переделана под хлебозавод, церковь во имя св. Николая Гостинского – под архив, в церкви Павла Исповедника разместился народный суд, архиерейский дом в кремле с 30-х гг. XX в. использовался как Дом офицеров, с колокольни кремля в 1934 г. был снят крест.

В период с 1932 по 1936 г. массовых гонений на православное духовенство не было, хотя это время нельзя назвать спокойным. 8 авгууста 1933 г. органами ОГПУ было сфабриковано «церковно-певческое» дело. К делу были привлечены: Олимпий Кириллович Зверев – псаломщик Спасо-Преображенского храма п. Трусово (бывший регент архиерейского дома), Максим Ефимович Лысов – бывший регент, Дмитрий Евтропьевич Кочергин – библиотекарь Астраханского педагогического техникума (бывший преподаватель Астраханской духовной семинарии), Пётр Алексеевич Малов – преподаватель музыкального техникума, Василий Фёдорович Степанов – ссыльный, о. Василий Алайцев и о. Григорий Шторе – бывшие священнослужители (из-за непосильных налогов оставившие службу в церкви и перешедшие работать в госучреждения) [1, л. 2; 6, с. 195]. Они как «городская церковная контрреволюция» обвинялись в том, что «будучи чуждыми советской власти и непримиримыми врагами трудящихся, организовались в контрреволюционную группировку, систематически устраивали сборища на квартирах Алайцева, Кочергина, Зверева и в церковной сторожке церкви п. Трусова, на которых фабриковались различные контрреволюционные слухи, велись антисоветские разговоры, намечались планы проведения таковой агитации в массах и давались задания отдельным членам контрреволюционной группы, что последние и проделывали: вращаясь в широкой массе трудящихся и учащейся молодёжи, вели систематическую контрреволюционную агитацию, согласно полученным во время сборищ заданиям» [6, с. 195]. В ходе следствия на большинство подозреваемых не удалось найти компрометирующего материала. Священники Василий Алайцев, Григорий Шторе и Максим Ефимович Лысов 14 ноября 1933 г. приговорены к трём годам лагерей [1, л. 1].

В 1933 г. было заведено дело на священника Князь-Владимирского храма Алексея Арнольдова. В марте 1933 г. в ОГПУ на него появляется донос: «среди верующих ведёт агитацию, что советская власть – грабители, грабит весь народ, в органах ОГПУ работает одна отъявленная сволочь»[2, л. 3]. В апреле 1933 г. Алексей Арнольдов был арестован и по приговору Особого совещания при коллегии ОГПУ был выслан на 3 года. Подобным образом были осуждены в 1932–1933 гг. священник Евгений Дубровский и псаломщик Евгений Хатунцев.

1937 г. – новая волна репрессий против духовенства. Первыми жертвами стали священники из ссыльной ленинградской группы духовенства (пострадавшие от «чисток» после убийства С. М. Кирова). Высланных из Ленинграда священников Алексея Грацианова, Петра Тегулевского, Василия Павлова, дьякона Николая Чижова осудили на 10 лет лагерей. Стали появляться и первые «расстрельные дела». 14 декабря 1937 г. был расстрелян ссыльный ленинградский священник Николай Коханович. Его вина состояла в том, что он был по происхождению дворянином, родился в Польше, «имел за границей в Польше и во Франции близких знакомых белоэмигрантов». Кроме того Коханович, «в Братском саду, среди группы высланных из Ленинграда рассказывал контрреволюционный анекдот, в котором высказывал контрреволюционную клевету на С.М. Кирова и товарища Сталина» [4, л. 24].

1938 г. можно назвать годом расстрелов в Астрахани. Не было не одного «мягкого» приговора, все дела заканчивались присуждением к высшей мере наказания. Дела велись по установленному правилу: два-три протокола допроса свидетелей, один протокол допроса обвиняемого и приговор. Обвинения переходили из дела в дело: контрреволюционная агитация, клевета на вождей ВКП(б), сталинскую конституцию, советскую власть, одобрение планов Германии и Японии нападения на СССР. Оставшиеся в живых свидетели спустя годы рассказывали, что им давали подписывать уже заполненные листы, и они от страха подписывали всё, даже не читая.

К началу 1940 г. в единственно действующем Покровском храме оставались служить только один священник Фёдор Баранов, а протодьякон Антоний Поздняков (25 марта был арестован, осуждён на 10 лет, из мест заключения не вернулся).

Ещё более массовыми, чем в городе, были репрессии в сёлах, что было связано с началом колхозного строительства. Самым громким было дело «сестринского (сестрического) братства», где было привлечено 32 человека. По делу «сестринского братства» проходили насельницы бывшего Воскресенско-Мироносицкого монастыря, проживавшие в с. Старица вместе со своей игуменьей Валентиной (Ульяновой). Духовником у них был последний настоятель Чуркинского монастыря (с. Большой Магой) архимандрит Досифей (Кузьмин).

Архимандрит Досифей и игуменья Валентина обвинялись в создании и распространении контрреволюционных воззваний, где говорилось о скором падении Советской власти, которую, как власть антихриста скоро уничтожат папа Римский и христианские европейские державы. «Сестринскому братству» инкриминировалась связь с христианами многих сёл Астраханской области, Астрахани, Сталинграда, Саратова, Горького, с насельницами Дивеевского монастыря, через Дивеевский монастырь связь с английским посольством в Москве, с Пантелеймоновым подворьем в Одессе, через него с Грецией, Палестиной и Иерусалимом [3].

Руководители братства, архимандрит Досифей и игуменья Валентина по крайнему преклонному возрасту не были привлечены к ответственности, но были привлечены другие священнослужители, «помогавшие им вести контрреволюционную агитацию». Священник Александр Руденко как организатор «братства» получил 8 лет лагерей, а остальные, проходившие по делу, по 5 лет.

За 1937–1939 гг. на сельское духовенство Астраханской епархии заведено 24 дела. Четырнадцать священников приговорены к высшей мере наказания, шестеро – к 10 годам заключения.

Репрессии сопровождались закрытием действующих сельских храмов, большинство из которых тут же и уничтожалось [6, с. 203].

Проводимая церковная политика государства привела к разграблению храмов, уничтожению уникальных произведений искусства, духовенство подвергалось репрессиям, физически уничтожалось. Пытаясь уничтожить церковь изнутри путём раскола, власти оказывали поддержку обновленческому движению. Храмы захватывались обновленцами, потом закрывались и уничтожались. Церковь перешла на нелегальное положение, но уничтожить его помешала война.

Список источников и литературы

1. Архив УФСБ РФ по Астраханской области (АО). Д. 1618.
2. Архив УФСБ РФ по АО. Д. 2114.
3. Архив УФСБ РФ по АО. Д. 4307-с. Т. 2а.
4. Архив УФСБ РФ по АО. Д. 4850-с.
5. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с. (История сталинизма).

6. Очерки истории Астраханской епархии за 400 лет её существования: в 2 т. / под общ. ред. Ионы (Карпухина) Архиепископа Астраханского и Енотаевского. Ростов н/Д: Фолиант, 2002. Т. 2: Очерки истории Астраханской епархии с 1902 по 2002 г. 578 с.
7. Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты / сост. и авт. комм. М. Е. Губонин. СПб.: САТИСЪ, 1994. Кн. 1. 448 с.
8. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, Лепта, 2010. 480 с.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Измайлова Гульбану Набиевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

История Букеевской орды привлекала внимание многих дореволюционных исследователей. Среди крупных работ в этой области можно назвать труды Я. В. Ханыкова, Ф. И. Лобысевича, А. Евреинова, Л. Мейера и др. Во всех этих работах имеются анализ и обобщения фактов, ценнейшие указания и выводы, которые могут быть использованы нами при разработке проблемы, составляющей предмет настоящего исследования.

Один из известных дореволюционных исследователей истории колониальной политики России в Средней Азии Ф. И. Лобысевич, обрисовывая создавшееся в 70-90-х гг. XVIII в. положение в Младшем жузе, писал: «Беспорядки и насилия в Малой орде с каждым годом все усиливались. В продолжение тридцати лет мы не добились ни малейшего результата в отношении упрочения нашей власти в киргизских степях, а расходовали немало денег на ограждение себя от «заграничных» подданных укрепленными линиями, на подарки и жалованья ханам и его родственникам... Отряды войск посылались в степь для наказания разбойничьих шаек, но удары их сыпались большею частью на невинных и тем только увеличивали беспорядки» [5, с. 51, 55].

Переменчивый экономический потенциал казахского общества, связанный с кочевым экстенсивным скотоводством, был в сильнейшей степени расстроен и истощен в годы народной войны действиями царских и ханских карательных отрядов. Стихийные бедствия – джуты, постигшие Младший жуз в 1795–1796, 1800–1801 гг., еще больше надломили обнищание трудового населения. Крайнее бедствование вынуждала казахов продавать своих детей линейным жителям и хивинцам. Как указывает А. И. Левшин в 1815 г. в районе г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около 200 казахских детей [4, с. 88–89].

Подполковник Генерального штаба Л. Мейер писал, что хивинский хан и туркменские владельцы, воспользовавшись внутренними неурядицами, усилили против Младшего жуза свои наступательные операции. Так, в начале 20-х гг. XIX и. хивинский хан с 10000 войском неожиданно напал на казахские аулы, кочевавшие в долине Сырдарьи. Убито было около 350 казахов, взято в плен 1035 женщин, угнано 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота, 45645 баранов. Кроме того, насильно было собрано в 100 аулах 17573 барана, 2364 верблюда [7, с. 37].

До начала XIX в. царизм прежде всего и больше всего заботился об укреплении своих политических позиций в Казахстане. Не подчинив себе край, нельзя было рассчитывать на него как на источник сырья для русской промышленности, и тем более нельзя было обеспечить безопасность прохождения торговых караванов и военных отрядов, направлявшихся в Среднеазиатские ханства. Для осуществления намеченных целей царское правительство избрало путь нарастающего давления и союза с крупными местными феодалами во главе с ханами.

Указом 1756 г. почти все правобережье Урала было объявлено землями Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 1870–1880-х гг. лучшие пастбищные пространства между устьями рек Волги и Урала, протянувшиеся на 350 верст, были пожалованы русским помещикам.

Пограничная линия все более отодвигалась вглубь казахской степи. От возведения на ней военных крепостей, редутов, пикетов и форпостов правительство все больше переходило к созданию более подвижной военной линии, вдоль которой сосредоточивались крупные контингенты войск и откуда совершались вылазки военных отрядов для усмирения "неподатливых» казахских родов и аулов.

Курс, направленный на ослабление власти ханов и превращение их в послушную исполнительную силу, целеустремленно проводившийся царским правительством в течение десятилетия, завершился их упразднением в Среднем жузе в 1822 г., в Младшем жузе – в 1824 г., Букеевское ханство, выделившееся из Младшего жуза как «преданное престолу» продержалось еще 20 лет. После смерти хана Джангира в 1845 г. Управление ордой было передано Временному совету вначале во главе с одним из родственников Джангир-хана, а затем во главе с русским чиновником, назначенным царским правительством.

В начале XIX в. значительные группы казахского населения Младшего жуза перешли во внутренние пределы Российской империи и образовали между низовьями рек Урала и Волги новую орду, получившую название Внутренней (по географическому расположению), или Букеевской (по имени первого хана Букея).

Большинство дореволюционных авторов, описывая отдельные стороны жизни казахов Внутренней орды, связывали ее возникновение с личностью султана Букея. Так, по мнению Л. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского правительства» [2, с. 51]. Т. Медведский, наоборот, делает акцент на корыстолюбии Букея, его жажде власти и богатства: «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», – отмечает он [6, с. 285]. «Букей стремился, как и брат его султан Каратай, к достижению тем или иным путем ханского звания»,– указывает известный исследователь Л. Добросмыслов [1, с. 39]. Л. Мейер возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде [7, с. 39]. М. И. Иванин еще более определенно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды: «Во второй половине прошлого столетия (XVIII в.) возникли между племенами киргизов междоусобия и взаимные грабежи, почему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей перешел в 1801 г. к нам на правую сторону реки Урала» [3, с. 45]. Автор старается показать Букея с подвластными ему казахами как нечто единое, в экономическом и социальном отношении целое, противостоящее демократической партии зауральских киргизов.

П. И. Небольсин видит другую картину, он ее описывает так, «образование Букеевского ханства происходило следующим образом. Командир Астраханского казачьего полка полковник Попов, «имея доверие хана, батырей» Младшего жуза, в 1799 г, «начал предлагать киргиз-кайсацкому хану, брату хана Букею Нуралиеву, чтобы он с его подведомственными перешел на сторону Урала для кочевания», т. е. в зону двуречья между Волгой и Уралом, которая к этому периоду не была занята и считалась казенной территорией. Полковнику Попову, действовавшему с согласия Астраханского военного губернатора Кнорринга, без особого труда удалось склонить султана Букея» [8, с. 225]. Султан Букей, в свою очередь, стремился к власти и, не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, решил воспользоваться представившимся случаем и с помощью правительства обосновать на правом берегу Урала свое отдельное ханство. Как трезвый и расчетливый деятель он понимал, что его шаг найдет поддержку и среди части казахского населения, ищущего выход из создавшегося критического положения в Младшем жузе.

В дореволюционной литературе получил распространение взгляд, по которому образование Букеевского ханства рассматривалось как продолжение и определенный итог сезонного кочевания казахских аулов на внутренней стороне, имевшего место еще в середине XVIII в. Сторонники этого взгляда считали, что интересы сугубо хозяйственного освоения новой территории – этот традиционный мотив – был главным при переходе казахского населения на правый берег Урала.

Историк М. И. Иванин отмечает, что с конца XVIII в. характер, масштаб и мотивы перехода казахов на правый берег Урала, на внутреннюю сторону, изменились. Процесс стал трудно регулируемым, во многом стихийным и массовым. Изнуренные невзгодами люди, несмотря на препятствия, осваивали новый район. Так постепенно встал вопрос о постоянном заселении этого района. Это движение народных масс было столь значительно, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи [3, с. 9].

В работе Я. А. Ханыкова, где говорится, что Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» желаниям казахского населения. Этим оно рассчитывало войти в доверие к народу, что было важно для успешного проведения колониальной политики. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность социальной

борьбы в Младшем жузе, принимавшую антиколониальный характер. Автор также отмечает, что царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение прошло организованно, во главе с вожаком, который был бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском совете. По характеристике начальника Оренбургского края он был предан «престолу высокомонаршему» [10, с. 45].

Неправомерно утверждение некоторых дореволюционных авторов, что переселенцы во внутреннюю сторону России составляли проханскую группу, противостоящую «демократической партии» зауральских киргизов. И. Троицкий видел следующий повод для откочевки: «Причиной отделения этой части (т. е. образования Внутренней орды) были возникшие в конце прошлого столетия в Малой киргизской орде смуты, распри и междоусобия, вследствие чего приверженные к ханам и преданные к русскому правительству киргизы, подвергались нападениям и грабежам мятежников» [9, с. 98]. Надо заметить, что такое мнение даже среди царских чиновников, непосредственно наблюдавших переход казахских аулов в район междуречья, встречается очень редко. Попытка представить переселенцев как «приверженцев ханов и преданных русскому правительству» в основе своей имела стремление выдать желаемое за действительное и представить в розовом свете политику русского государства на восточных окраинах.

Факты же говорили о другом. Исследователь М. И. Иванин писал, что откочевщики в основном были непосредственными участниками движения Сырыма. Род байбакты, бывший ядром народного восстания в Младшем жузе, возглавил переселенческое движение и составил одну из самых многочисленных групп. На внутреннюю сторону к 1814 г, из рода байбакты перешла 641 кибитка, а к середине XIX в. они составили около 3 тыс. семей [3, с. 11]. Сам батыр Сырым, завоевавший большое уважение народа и признанный как организатор и руководитель борьбы с ханской властью, и многие его ближайшие сподвижники были активными агитаторами за переход населения в пределы России. Как писал современник тех событий Л. Евреинов, султан Букей в первую очередь заручился поддержкой батыра Сырыма и «вместе с ним стал склонять народ к согласию на перекочевку» [2, с. 52].

Среди причин, повлиявших на массовый переход казахского населения на правобережье Урала, указываются и взаимная борьба, неспокойствие, которые царили в конце XVIII и начале XIX в. В Младшем жузе. Так, Л. Мейер, положительно отзываясь о личности султана Букея, в то же время возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде [7, с. 24]. Более ясно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды М. Иванин [3, с. 15].

А. Евреинов, хорошо знавший жизнь орды, по его словам, достоверно узнал от султана Чуки Нуралинова, являвшегося приближенным лицом и переводчиком султана Букея в момент его перехода во внутреннюю сторону, что, «убедив советами и доводами султана Шигая и Срымабатыра, – сильных влиянием на киргизов, – Букей вместе с ними стал склонять народ к согласию на перекочевку» [2, с. 52]. Этот наблюдательный, добросовестный в передаче сведений исследователь считал, что влияние батыра Сырыма имело решающее значение в переходе части населении Младшего жуза на правобережье Урала. Говоря о снятии с обжитых, привычных мест тысячи семей, он писал: «Такое событие для человека, знающего родовую привязанность киргиза к раздолью и безграничной степи, где он всегда имел возможность уйти за сотни верст от постылого места, кажется с первого взгляда странным. Как бы ни была смутна, тревожна жизнь киргизов за Уралом, для них еще открывалось обширное пространство, на котором могли они беззаботно кочевать, что и сделали многие, тогда как здесь, ясно видели они, приходилось отказаться от дикой свободы. Понять истинную пользу дела ордынцы не могли, а между тем добровольно оставляли свои родные степи и родственников, которые не пожелали участвовать в переходе. Это объясняется только влиянием на народ немногих чтимых им лиц» [2, с. 52–53]. Историк также считал, что одного влияния султана Букея для перехода было мало «Потребовались резкий пример, сильная воля. То и другое представлял в себе Сырым-батыр – лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерными физическими силами, обширным умом, сильной волею, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, народным кумиром. Ордынцы видели в нем свою славу, потому что самим простым своим происхождением Сырым принадлежал им». Он, «одобряя мысль султана Букея... стал содействовать ему в склонении киргизов к перекочевке. Его желание и речи имели сильнейший успех» [2, с. 54].

По мнению А. Евреинова в переходе казахов во внутренние пределы империи важную роль играл земельный вопрос. Скотоводы надеялись получить пастбища, поправить свое хозяйство. Однако не это было главным-поводом к перекочевке массы казахских аулов. Правобережье Урала было хорошо известно казахам, и иллюзии они себе не строили. Известно, что земельные отношения во Внутренней орде оставались не менее сложными, чем в Младшем жузе. По почвенным, климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Внутренней орды была не лучше, если не хуже территории, занимаемой переселенцами до откочевки. При всем своем определяющем значении в жизненном цикле скотовода вопрос о пастбище в конкретных условиях переселения не выдвигался на первый план.

Список источников и литературы

1. Добросмыслов А. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. 1901. Вып. 16.
2. Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда // Современник. 1851. Т. 29. Отд. 2.
3. Иванин М. И. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда // Эпоха. 1864. № 12.
4. Левшин А. И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3.
5. Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношениях. СПб., 1900.
6. Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства государственных имуществ. 1862. № 8.
7. Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
8. Небольсин П. И. Очерки волжского низовья. СПб., 1852.
9. Троицкий И. Взгляд на Внутреннюю киргизскую Орду // Отечественные записки. 1848. Т. 8. № 6.
10. Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки Императорского Русского географического общества. 1847. Кн. 5.

ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

Искалиев Арман Канатпаевич,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Ирландский вопрос во второй половине XIX в. был связан с развернувшимся национально−освободительным движением в Ирландии, с борьбой ирландцев за независимость. С момента провозглашения Акта об унии 1801 г. Ирландия подвергалась эксплуатации со стороны Британии. В политическом отношении Ирландия стала бесправной провинцией, а в экономическом − главным поставщиком дешевой рабочей силы, сырья и рынком сбыта для английских и шотландских предпринимателей. Ирландская промышленность была не в силах конкурировать с английской, более того, многие традиционные отрасли промышленности приходили в упадок. К примеру, к 40-м гг. XIX в. постепенно вырождалась текстильная промышленность. Единственным источником доходов населения была обработка земли. Однако земли в Ирландии принадлежали английским лендлордам, которые устанавливали непосильные арендные платы [1, с. 186–187]. Из-за отсутствия средств к существованию сотни ирландцев устремились в Новый свет. Все это породило национально-освободительное движение в Ирландии, которое во второй половине XIX в. приобрело революционную радикальность. В этот период в США, а затем и в самой Ирландии развернулось движение фениев. Общество фениев было создано в Килкении в 1857 г. Оно вдохновлялось идеями революционных эмигрантов из Парижа. Фении были политической организацией, которая основывалась на недовольстве аграрной политикой Великобритании [7, с. 381–382].

Ирландский вопрос нашел отражение в публикациях российского либерального журнала «Вестник Европы». Как утверждал корреспондент «Фениянизм, в смысле подпольной и частью открытой борьбы с общественным порядком в Великобритании, нисколько не разрешает ирландского вопроса…» [6, 870–901]. По мнению автора, единственной целью движения фениев является отделение Ирландии от Великобритании и создания независимого государства с республиканской формой правления. Однако убийства невинных людей, уничтожение частной собственности – по утверждению автора – не может способствовать благой цели, но лишь наводит страх на всю общественность.

Автор, на основе историко-ретроспективного анализа, выделял причины возникновения ирландского вопроса, который вверг в смятение жителей «зеленого Эрина». К ним можно отнести:

Религиозный раздор. «Протестантская колонизация» привела к тому, что в руки англичан, которые были в религиозном и социальном плане ненавистным ирландцам «меньшинством» попали все нити управления. «…Местное население обложено было десятиной в пользу чуждого и враждебного ему духовенства, да и сверх того должно было содержать на свой счет духовенство свое, католическое…» [2, с. 426]. После подписания унии Великобритании и Ирландии 1 января 1801 г., в Ирландии все больше стали выступать за уравнения католиков и протестантов. Подобная агитация привела к положительному результату: католики были допущены в парламент и к занятию общественных должностей, огромную роль сыграли реформы Роберта Пиля. Несмотря на это, религиозный вопрос всегда оставался актуальным для Ирландии.

Земельный вопрос. Местное население, потерявшее свою землю, было лишено возможности скупать её в частную собственность. Владельцы земли имели права сгонять их со своего участка. Поэтому в Ирландии, с одной стороны, возникла потребность в фермерском хозяйстве, а с другой, происходило стеснение развития фермерского хозяйства. Результатом такого положения аграрного сектора привел к неурожаю картофеля 1846–1847 гг., и гибели населения. Автор считал, что английское законодательство, систематически заковывая в цепи ирландскую промышленость, что заставляло население ограничиться только земледелием. А отсутствие фермерского хозяйства привело к «бесплодию земли». В Ирландии из 20 млн акров возделывалось лишь 15 млн., при этом количество арендаторов насчитывалось 600 т, а землевладельцев – 8. Аренда земли в Ирландии происходила 3 способами: контрактами, обычаем и волею помещиков. Как утверждает другой журналист, первый способ аренды был самым непопулярным, т. к. зажиточные ирландские помещики не желали заключать сделок с арендаторами. Данным видом аренды пользовались только те арендаторы, которые использовали наемный труд. Вторым способом пользовались только 30 % арендаторов. Самым известным был Ольстерский (Ulster) обычай, установившийся еще во времена Якова I, когда произошло заселение этой провинции шотландцами. Согласно этому обычаю, фермеры не заключали с владельцем земли никаких письменных актов, т. к. они не могли быть изгнаны с земли, до тех пор, пока они платят ренту. В случае переезда фермера, въезжающий фермер выплачивает ему определенное вознаграждение за средства, которые он вложил. Передача земли происходила только с согласия землевладельца. Однако, как пишет автор, в случае нарушения своих прав, фермеры не могли обращаться в местные суда, и вследствие этого, «…фермеры стараются сохранить свои обычные права путем насилия над «дурными» помещиками или их управляющими…». Аренда земли по воле помещиков считалась самым не популярным среди ирландских арендаторов. При данном способе, арендатор не был защищен ни письменным договором, ни обычаем, и в любом подходящий для владельца земли момент, мог быть изгнан с земли. Владельцы земли систематически поднимали арендную плату за землю. В результате этого, земля в Ирландии постоянно страдает от бесплодия, ведь, «… вместо того, чтобы употребить свои сбережения на обработку земли, ирландские фермеры предпочитают нести их в местные банки даже за самый ничтожный процент…» [2, с. 425–427].

Торговые и промышленные преграды. В Ирландии, начиная со времен Елизаветы Тюдор, происходило систематическое закабаление всех отраслей производительности и запрещение ей ввоза продуктов в Англию. При этом, как пишет автор, английский парламент своими запретительными мерами жертвовал даже интересами ирландских протестантов в пользу промышленников Великобритании.

Отсутствие политической автономии. С 1 января 1801 г. все вопросы в Ирландии решались общим государственным парламентом в Лондоне. Поэтому с тех пор «отмена соединения» (repeal of the union) стал главным лозунгом ирландской национальной партии.

Тем не менее, представители английской политической элиты понимали проблемы, связанные с Ирландией. Глава либерально крыла английского парламента У. Гладстон, на банкете перед парламентским заседанием, утверждал, что целью властей должно быть внесение единства в Англии. «…Мы хотим сделать этот союз таким, чтобы никто из граждан не вспомнил, что он шотландец, англичанин или ирландец, когда дело коснется общего интереса отечества…». Британский министр понимал необходимость проведения реформ, для преобразования экономических и политических отношений в Ирландии [3, с. 453–454]. Уже в апреле 1869 г. У. Гладстон внес

предложения по уничтожению государственной церкви в Ирландии. По мнению корреспондентов журнала, данный билль направлен не только на «умиротворение» Ирландии, но и решает другой важный вопрос – ликвидацию слияния церкви и государства [4, с. 955]. В январе 1870 г. британский министр разработал законопроект по земельному вопросу. Согласно ему, зажиточные фермеры получали полное право заключать договоры с землевладельцами, а «Ольстерский» обычай превращался в закон. Размеры арендной платы должны были определять местные суды, тем самым министр хотел обезопасить фермеров от произвола землевладельцев. Однако новый проект не решал проблемы наемных рабочих, они также должны были выкупать коттедж и огород у землевладельца. Средства на выкуп им предоставляло государство в виде кредита. По мнению журналиста, данный проект является важным шагом на пути решения вопроса ирландского аграрного сектора [5, с. 431–432].

Таким образом, ирландский вопрос стал одной из важнейших проблем, стоящих перед британской политической элиты. Эта проблема была обусловлена рядом причин, важнейшей из которых являлся земельный вопрос. Редакция российского либерального журнала не осталась в стороне от обсуждения ирландского вопроса, заняв весьма категоричную отрицательную позицию по отношению к радикальному крылу ирландского национально−освободительного движения. Такое отношение, на наш взгляд, было обусловлена тем, что редакция негативно относилась к любым проявлениям революционной стихии. Однако, несмотря на это, первые попытки реформирования отношений между Англией и Ирландией вызвали положительную реакцию журналистов. Особенно это касалось деятельности «вигского» министерства У. Гладстона.

Список источников и литературы

1. История Ирландии / под ред. Л. И. Гольман [и др.]. М.: Мысль, 1980. С. 186–187.
2. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. № 3. С. 425–427.
3. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. № 3. С. 453–454.
4. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 955.
5. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. № 4. С. 431–432.
6. Ирландия перед судом общественного мнения в Англии // Вестник Европы. 1868. № 4. С. 870–901.
7. Мортон А. Л. История Англии. М.: Иностранная литература, 1950. С. 381–382.

РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1921–1922 гг. И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Мазнова Светлана Владимировна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Реформирование советской промышленности после провозглашения на X съезде РКП(б) новой экономической политики в марте 1921 г. осуществлялось по следующим направлениям. Во-первых, крупные государственные предприятия переводились на самоокупаемость и хозрасчет. Таким образом, планировалось добиться эффективности в их работе. Во-вторых, все прочие предприятия, национализированные в годы военного коммунизма, передавались в аренду другим государственным организациям, кооперативам и частным лицам (зачастую прежним их хозяевам) [5, с. 146–147].

Ко времени начала нэповских реформ российская промышленность переживала очень трудные времена. Предыдущий период революций и гражданской войны привел к разрушению многих предприятий, промышленных коммуникаций, размыванию квалифицированных кадров. Если сравнивать с довоенным периодом (т. е. до начала Первой мировой войны) доснижение в основных отраслях российской экономики составляло [15, с. 330–334].

Таблица

Показатели основных отраслей российской экономики в сравнении с довоенным периодом

Годы	Нефть, тыс. т	Уголь, тыс. т	Чугун, тыс. т	Легкая промышленность, млн м
1913	9543	28870	4207	1625
1917	8711	31145	3023	1265
1920	3837	8483	115	126
1922–1923	5297	11467	300	667

Практической реализации промышленных реформ предшествовала напряженная законодательная работа. В июле 1921 г. были опубликованы «Тезисы ВСНХ об основах нэпа в промышленности», которые послужили основой для нэповского промышленного законодательства и прежде всего таких документов как: «Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. [1, с. 254–259] и Постановления Совета Труда и Обороны «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» от 12 августа 1921 г. [11, с. 259–261].

Согласно этим документам, часть крупных предприятий, оставшаяся в ведении государства, переводилась на самоокупаемость. Базисной единицей хозяйственной деятельности становился трест(объединения предприятий), функционирующий на основе хозрасчета [11, с. 254-259]. Они становились юридическими лицами и получали право распоряжаться основными и оборотными фондами своих предприятий. Тресты взаимодействовали с государством на основе договорных отношений. Основным критерием их деятельности становилась экономическая эффективность [6, с. 11]. Это означало, что тресты снабжались государством ресурсами по договорным ценам (как правило, ниже рыночных), был обязан продавать свою продукцию государству также ниже рыночных цен. В случае осуществления государственного заказа, тресты могли, в счет дополнительной прибыли, могли работать на других заказчиков (другие государственные организации, кооперативы и частные лица). В «Основных положениях» СТО специально проговаривалась очередность выполнения заказов: государство (учредитель) – кооперативы – частные заказчики. В этом документе также подчеркивалось, что тресты и госпредприятия, получавшие ресурсы под государственный заказ должны были продавать изготовленные товары по государственным ценам. По рыночным ценам тресты могли продавать свою продукцию при выполнении дополнительных заказов и в случае срыва государственного снабжения и покупки, в таком случае, сырья на рынке [11, с. 259–261].

Тресты проводили коммерческие операции за счет прибыли, получаемой от сверхплановых операций, из собственных средств, а также с помощью кредитных средств. Таким образом, во второй половине 1921 г. начинала реанимироваться кредитная система, оживать банковская деятельность, что было значительным отступлением от политики «военного коммунизма». Также необходимо отметить, что «Основным положением…» разрешили госпредприятиям и трестам занимать средства не только в советских кредитных учреждениях, но и за границей, по особому разрешению ВСНХ.

Но, несмотря на усилия Правительственных органов (СНК, СТО и ВСНХ), законодательство не успевало за быстрыми изменениями в практике реформирования [10, с. 348–350]. В частности впервые годы нэпа было слабо проработано законодательство, регламентирующее деятельность трестов. Это позволяло последним заполнять законодательный вакуум собственными отраслевыми положениями, носившими временный характер. Но, как известно, нет ничего более постоянного как то, что носит временный характер. Подобное местечковое законотворчество вело к непониманию между государственными предприятиями и организационному хаосу.

Окончательно трестовский регламент сформировался к середине 1923 г. Он носил название: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О государственных промышленных предприятиях, действующих на основах хозяйственного расчета (трестах)» [1]. Хозяйственная самостоятельность, по концепции авторов декрета, простиралась исключительно на тресты. До отдельных предприятий, она не доходила. У каждого функционировавшего треста были свои задачи и цели, но единым было требование самоокупаемости. Причем следует отметить, на тот момент (1923 г.) законодатели считали несвоевременным требование прибыльности в условиях еще не восстановленной от разрухи промышленности.

Большие перемены претерпела системы оплата труда. Наряду с политикой «военного коммунизма» в прошлом остались такие его «достижения» как «принудиловка» к работе и «уравниловка» в ее оплате. Заработная плата стала более ориентированной на трудовой вклад рабочего, а также на его квалификацию. Специальный Декрет СНК «Основные положения по тарифному вопросу», вышедший в сентябре 1921 г. естественным образом связал размер оплаты за труд с увеличением его производительности. Благодаря этому документу в советской промышленности стали быстро распространяться сдельная система оплаты труда и стимулирующие премиальные выплаты за хорошие трудовые показатели [16].

Для стимулирования процесса сокращения раздутых со времен политики «военного коммунизма» управленческих штатов и увеличения производительности труда на части предприятий было введено так называемое «коллективное снабжение» [8, с. 99–100]. Оно предусматривало выделение оплаты за производство определенного количества товара на то количество рабочих, которое требовалось на его производство по нормам довоенного 1913 г. [4, с. 31].

В формате новой экономической политики, на рубеже 1921–1922 гг., промышленность столкнулась с первым кризисом, получившим название «кризис трестирования». Основной причиной кризиса стали серьезные ошибки, допущенные ВСНХ при объединении предприятий в тресты, в ходе практической реализации августовского 1921 г. «Положения СТО». Трестирование приспособившихся к военно-коммунистической системе предприятий осуществлялось методом «кавалеристской атаки». Как результат, появилось большое количество небольших трестов, с разрушенной производственной базой, но с раздутым управленческим штатом, неспособным к работе при хозрасчете. Кризис усиливали разразившийся в Поволжье голод и дефицит топлива. В первые месяцы 1922 г. продовольственные цены стали расти быстрыми темпами, а промышленные цены такими же темпами падать. Для выживания тресты стали реализовывать свои товары ниже себестоимости, т. е. стали «проедать» все накопленные запасы. «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный. Лопнуть можем, – констатировал В. И. Ленин еще в сентябре 1921 г. в телеграмме Л. Д. Троцкому, – везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу возможное и невозможное. Как и что еще сделать я не знаю. Может быть, побываете в комиссии Преображенского или поговорите с ним?» [13, с. 234]. (Имелась в виду Финансовая комиссия ЦК и Совнаркома, созданная после X съезда РКП(б) в связи с переходом к нэпу) [14, с. 426]. При таком негативном развороте событий созданные относительно недавно тресты не смогли бы выжить без государственной поддержки и льготных банковских кредитов. Конкуренция между трестами усугубляла ситуацию. Что бы предупредить возможную чреду трестовских банкротств, ВСНХ в апреле 1922 г. санкционировал повышение цен на продукцию трестов, находящихся в его ведении [12, с 43].

Пытаясь выправить ситуацию с ценовой диспропорцией Правительственные органы после запуска денежной реформы в октябре 1922 г. и начала параллельного обращения двух валют: прежнего, постоянно обесценивающего советского знака и нового червонца, обеспеченного на 25 % золотом и иностранной валютой, стали кредитовать тресты этими «полнокровными червонцами, а крестьянам за их продукцию платить совзнаками [9, с. 292–294]. Номинально все было справедливо. Вот только рыночная разница этих двух валют значительно разнилась в пользу червонца. В результате применения этой схемы ситуация с ценовой диспропорцией к концу 1922 г. выправилась, а цены на промышленную продукцию стали расти [2, с. 37–38]. В следующем году это привело к другому кризису, знаменитым «ножницам» цен 1923 г., серьезно потрясшему советскую экономику. Но это уже совсем другая история.

Помимо монетарных инструментов, советским правительством был задействован целый ряд организационных мер по росту эффективности советской промышленности:

1. Была создана Комиссия по внутренней торговле при СТО, в обязанность которой входило отслеживание рыночной конъюнктуры, а также открытие и организация работы ярмарок, бирж, и других рыночных учреждений [7, с. 140–143].

2. Все государственные организации, выходящие со своей продукцией на рынок, приказом Президиума ВСНХ обязывались сбывать свой товар через возрожденные товарные биржи, которые теперь контролировало государство. Биржи, в свою очередь, обязаны были давать информацию участникам торгов о рыночной ситуации и напрямую связывать государственные и кооперативные организации, исключая, таким образом, частных посредников. Но, по отзывам информированных современников (Валентинов и др.), советские биржи были очень бюрократизированы и не могли стать эффективным инструментом в борьбе с частным спекулянтом [3, с. 29].

3. Создание синдикатов, которые стали объединением трестов со снабженческо-бытовыми полномочиями –также работавшими на основе самоокупаемости и хозяйственного расчета. Синдикаты также стали ответом на «кризис трестирования» 1921–1922 гг., т. к. в кризис тресты проваливали именно сбыт своей продукции. Чтобы выправить положение, на уровне ВСНХ решили

внедрить в практику работы советской промышленности специальные организации, создаваемые по отраслевому принципу в сфере оптовой торговли, которые на профессиональной основе занялись бы продажей трестовской продукции.

Построение еще одного уровня в организации промышленности первоначально привела к многочисленным конфликтам между трестами и синдикатами, границы ответственности которых были сильно размыты и пересекались друг с другом. Но к середине 1920-х гг. ВСНХ смог разрешить большинство конфликтов и регламентировать деятельность синдикатов и трестов, сужая конфликтное поле.

Подводя итоги нэповской промышленной реформы, можно говорить об ее относительном успехе. Промышленная разруха довольно быстро стала сходить на нет, предприятия возобновляли работу, налаживалась работа транспорта, восстанавливались утраченные хозяйственные связи, успешно начала осуществляться денежная реформа, страна вышла из гиперинфляции.

1921–1923 гг. стали самым рыночным периодом нэповской промышленной реформе. Средние и мелкие промышленные предприятия массово сдавались в аренду частным лицам и кооперативным организациям. Под «государственным крылом» оставались только самые мощные заводы и фабрики, которые объединялись в тресты, работавшие на основе самоокупаемости и хозрасчета. Часть трестов вобрали в себя не только государственные, но частные и кооперативные предприятия. Возникавшие макроэкономические проблемы правительственные органы старались решать с помощью рыночных методов. Экономика возвращалась к естественному многоукладному состоянию, что придавало ей устойчивость и ускоряло восстановление, объединяло экономические интересы большинства населения страны.

Список источников и литературы

1. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1600.htm.
2. Архипов В. А. Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 1920-е – начало 30-х гг. М., 1978.
3. Благих И. А. Биржевая работа в новых условиях. М., 1928.
4. Бухарин Н. И. Новый курс экономической политики // Избранные произведения. М.,1988.
5. Виноградов С. В. О некоторых особенностях реализации новой экономической политики в Поволжье // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 12 (25). С. 144–149.
6. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг. М., 1992.
7. Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Кулакова Н. И. Частное предпринимательство в период нэпа (на материалах Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 139–150.
8. Виноградов С. В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа. 1921–1927 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1992.
9. Волосухина Н. И. Налоговая система советского государства в первой половине 1920-х гг. и ее влияние на проведение денежной реформы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 3 (28). – С. 292–295.
10. Волосухина Н. И. Становление и трансформация регионального финансового аппарата в первые годы советской власти (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2 (31). С. 348–352.
11. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1.
12. Канторович В. Я. Советские синдикаты. М. – Л., 1925.
13. Ленин В. И. Письмо № 378 «Л. Д. Троцкому» от сентября 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 53.
14. Ленин В. И. Примечания к письмам. // Полн. собр. соч. Т. 53.
15. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. 1.
16. СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст. 513.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ

Надинов Ризабек Еркинович,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Глобализация как процесс всемирной интеграции охватывает все сферы жизни общества, в т. ч. и сферу образования. При взаимодействии студентов России и Китая формируется большой опыт, помогающий решить многие проблемы при осуществлении международного студенческого обмена. Одна из проблем, с которыми чаще всего сталкиваются студенты из Китая в повседневной жизни – это проблемы бытового характера. Таким образом, социально-бытовые проблемы становятся все более актуальной темой для научного исследования в виду интенсификации межгосударственных образовательных связей.

Цель статьи – выявление основных социально-бытовых проблем, возникающих при обучении в вузах России. Задачи исследования – установление и анализ основных социально-бытовых сложностей, формулирование рекомендаций для их решения. В настоящее время в зарубежных образовательных учреждениях обучается около 250 тыс. студентов из Китая, из них около 22 тыс. в РФ, причем данная цифра была гораздо меньше в 1990-е гг. К примеру, в 1994 г. число китайских студентов в РФ составляло около 2 тыс. человек.

Почему же они едут за высшим образованием в нашу страну? Во-первых, это традиционно большой научно-образовательный потенциал и достаточно высокий уровень некоторых технологий, которые Китай хотел бы перенять. Во-вторых, это финансовая составляющая – ведь обучение в России сегодня обходится дешевле, чем на Западе. В-третьих, это и просто интерес к самой России – стране с яркой самобытной культурой, чья историческая судьба тесно переплетена с судьбой самого Китая.

В процессе обучения в вузе возникает ряд социально-бытовых проблем, которые являются основным элементом приспособления к новым окружающим условиям. Они напрямую связаны с вопросами питания, жилья, расчетами в незнакомой валюте, работы общественного транспорта и медицинским обслуживанием. Китайские абитуриенты, приехавшие на обучение в высшие учебные заведения, оказываются в непростой ситуации.

Наша студенческая культура становится для них серьезным испытанием. Они должны не только познавать новый вид деятельности – учебу в вузе, но и адаптироваться к незнакомому социокультурному пространству и решить основные бытовые сложности. Бытовыми проблемами, с которыми они сталкиваются в первое время в нашей стране, могут быть:

- Поиск комфортного жилья. Приехав в Россию многие иностранные студенты, в т. ч. студенты из Китая, живут либо в общежитиях которые предоставляет сам университет, либо в съемных квартирах. В обоих случаях они, чаще всего, не отвечают условиям комфорта. Среди причин, вызывающих неудовлетворенность, называются «недостаточная обустроенность жилья», «низкий уровень санитарно-гигиенических условий», «плохая работа систем отопления и кондиционирования».
- Питание. Национальная кухня китайских абитуриентов отличается от российской. Однако большое разнообразие продуктов в продовольственных магазинах дает возможность решить эту проблему и придерживаться того же питания что и на родине.
- Расчеты в незнакомой валюте. Незнание курса необходимой валюты может привести к излишней трате на необходимые товары и услуги.
- Работа общественного транспорта. В этом случае главными проблемами является незнание графика работы и направление движения общественного транспорта.
- Медицинское обслуживание. Необходимость оплаты медицинской страховки, а также незнание расположения и графика работы медицинских учреждений тоже вызывает определенные трудности у китайских абитуриентов.

Решение социально-бытовых проблем возникающих у китайских абитуриентов требуют принятие ряда мер. Работа по их реализации должна быть возложена на администрацию принимающего университета и на орган государственной власти, работающий в сфере образования.

Необходимым элементом для решения возникающих проблем является работа по информированию, приехавших на обучение, абитуриентов Китая. Она должна включать в себя необходимые экскурсии по основным подразделениям университета (корпусам, научным лабораториям, медицинским и спортивным сооружениям); составления информационных бюллетеней, куда будет входить основная информация о самом вузе; курсы валют и адреса банковских организаций; план работы общественного транспорта с указанием времени работы и направления движения в зависимости от места жительства самого студента; близлежащие медицинские учреждения с указанием перечня необходимых документов. Так же необходимо дать информацию о других объектах инфраструктуры (к примеру: вокзалы, торговые центры, интернет-кафе и почта).

Оказывать помощь китайским абитуриентам в бытовой адаптации может и специально созданная хозяйственная служба. В ее задачи будут входить вопросы, связанные с предоставлением информации и решения возникающих бытовых проблем. Туда могут быть привлечены студенты-волонтеры, которые хотят помочь иностранным студентам на начальном этапе адаптации. Именно необустроенность жилищных условий и быта, отсутствие привычного комфорта создают новые трудности и мешают студентам сосредоточиться на учебе.

В связи с этим можем предложить несколько рекомендаций, на основе проведенного научного исследования:

1. Отделам по работе с иностранными гражданами наладить выпуск информационных бюллетеней, где будет указана вся необходимая справочная информация на китайском языке.

2. Организовать ряд адаптационных мероприятий (к примеру: проведение семинаров и тренингов, помогающих в решении возникших вопросов в плане быта).

3. Создать специальную хозяйственную службу, основной целью которой будет создание и поддерживание комфортной социобытовой среды и решения возникших бытовых проблем.

4. Наладить работу столовых в университетах с учетом национальной специфики кухонь и персональных пожеланий.

5. В период каникул и отдыха активно привлекать китайских студентов в работу по благоустройству общежитий.

6. Поскольку китайские студенты испытывают серьезные проблемы в общении с российскими студентами, плохо входят в социум и интегрируются в студенческое сообщество, необходимо обучать их невербальным средствам общения, особенностям русской культуры и нашим традициям.

Совершенствование организация процесса социально бытовой адаптации китайских студентов к учебной деятельности в новой социокультурной среде должны стать частью политики в области образования. Эффективное решение обозначенных проблем адаптации к образовательному процессу будет, в конечном счете, способствовать формированию положительного имиджа страны в мировом интеллектуальном и политическом сообществе.

Таким образом, можно сказать, что решение социально-бытовых проблем играют большую роль в адаптационном процессе, поскольку комфортные условия проживания сильно влияют на учебный процесс и успеваемость. Соответственно, основная цель принимающего вуза в этом направлении состоит в поддержке и повышении уровня жизни китайских студентов в период их обучения в России.

Список источников и литературы

1. Моднов С. И., Ухова Л. В. Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2.

2. Степанова Б. Б. Социальная адаптация иностранных студентов на примере республики Бурятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15.

3. Рыкова С. А., Киришева И. Е. Социально-культурные и личностные особенности социализации иностранных студентов (на примере китайских студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1.

РАЦИОН ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пилипцов Иван Николаевич,
соискатель,
г. Астрахань

В годы Первой мировой войны количество потребляемого населением продовольствия неуклонно сокращалось, что было связано как с товарным кризисом, так и с транспортным. Вместе с тем происходило не только количественное изменение потребляемого населением продовольствия, но и качественное. Ряд продуктов, например, сахар, мясо, хлеб и некоторые другие в течение войны стали дефицитными, доля других в продовольственной корзине горожан напротив увеличилась. Постоянное превышение спроса над предложением ещё более осложняло получение продовольствия населением.

Среди исследователей нет единого мнения относительно кардинальности изменения рациона питания горожан в годы Первой мировой войны. По мнению Я. А. Голубинова в годы войны до 1917 г. горожане испытывали недостаток в продуктах, вносящих разнообразие в рацион, но не в жизненно важных [12, с. 163].

Инфляция и дефицит привели к созданию населением запасов продовольственных товаров. Точное количество данных запасов подсчитать не представляется возможным, однако очевидно, что они распределялись крайне неравномерно, и если беднейшая часть населения запасов практически не имела, то наиболее состоятельные горожане имели значительные запасы самых разнообразных, в т. ч., дефицитных товаров. Таким образом, рацион питания части горожан в годы Первой мировой войны не претерпел значительных изменений [10, л. 6].

Перечень товаров, потребляемых горожанами в пищу в значительной степени зависел от продовольственных операций городских самоуправлений. В частности, Астраханским городским самоуправлением с июля 1915 по декабрь 1916 г. были приобретены зерно, мука, сахар, крупы, мясо, рыба, овощи и другие продовольственные товары. Фактически городские самоуправления Нижнего Поволжья стремились приобретать максимально возможный перечень продовольственных товаров. С усилением продовольственного кризиса власти старались доставлять в города наиболее дефицитные и жизненно важные товары [5, л. 2–5].

В соответствии с этим население с течением войны также всё сильнее сокращало свой рацион, переходя исключительно на жизненно важные товары. Например, хлеб стал пользоваться намного большой популярностью относительно муки, которую брали только для создания запасов, т. к. большинство хлебобулочных изделий фактически исчезли с рынка [4, с. 3]. В целом, для населения дореволюционной России было характерно большое количество хлеба в рационе, это был продукт ежедневного потребления в результате чего, его дефицит особенно сильно влиял на рацион питания. В годы войны рацион питания горожан смещался в сторону уменьшения калорийности, особенно сильно сокращалось потребление белковой пищи – мяса, рыбы, молочных продуктов и яиц [13, с. 57–58].

Важное значение для формирования рациона горожан во второй половине войны имели городские лавки, т. к. именно через них городские власти стремились реализовывать большую часть закупаемого ими продовольствия. Однако из-за того, что через данные лавки стремились продавать только наиболее дефицитные товары: сахар, хлеб, мясо, горожане недополучали значительного количества продуктов необходимых в рационе, которые распространялись через частных торговцев [1, с. 100].

В большинстве случаев жители городов решали проблему нехватки товаров через замену более дефицитных товаров менее дефицитными. В частности, после ограничения торговли мясом летом 1916 г., значительное место в рационе горожан заняли овощи, которые с этой целью специально выращивались на создаваемых городскими властями огородах [8, л. 6–7; 11, л. 12]. Другим товаром, заменявшим мясо, было подсолнечное масло, однако оно пользовалось меньшей популярностью в связи с высокой ценой [15, с. 25]. При этом, само по себе наличие товаров в свободной продаже не гарантировало ещё их приобретение и включение в рацион горожан из-за сильной инфляции. Так, в Камышине в октябре 1917 г. картофель был «предметом яростной человеческой злобы, люди плакали, но не покупали» [14, с. 4]. В Царицыне летом 1916 г. из-за высокой цены на свежую рыбу население вынуждено было приобретать селёдку [19, с. 270].

Иначе обстояло дело с сахаром заменить который было намного сложнее, так, как и сам сахар, и продукты в состав которых он входил в годы войны стали крайне дефицитными. Единственными его заменителями являлись разного рода «конфетки», которые, очевидно, не могли удовлетворить потребность населения в сладком, которая сформировалась ещё до войны из-за традиции пить чай с сахаром. Дефицит сахара являлся одной из причин несбалансированного питания, следствием которого были народные протесты [2, с. 3; 3, с. 4].

Экономический кризис, в лице инфляции, также оказал значительное влияние на формирование рациона горожанина. Как отмечает Е. Ю. Семёнова, повсеместной практикой стала экономия на еде, что выражалось в покупке более дешёвых продуктов и использовании меньшего количества ингредиентов для приготовления блюд [18, с. 69]. Дефицит и инфляция привели к необходимости создания общедоступных столовых, которые открывались как городскими властями, так и различными общественными организациями. Значительную часть столовых в начале войны представляли столовые-чайные, в которых до четверти всех расходов приходилось на чай и сахар. В так называемых городских дешёвых столовых, помимо чая основными блюдами были щи с мясом и щи постные [7, л. 1, 52–53]. На примере Астрахани можно говорить о широком ассортименте в городских столовых, который постепенно сокращался. Так, в 1914 г. в городских столовых подавались блюда с использованием различных сортов хлеба, мяса, а также множество овощей и каш [6, л. 2–9].

Столовые также организовывались для организации питания беженцев. В конце 1915 г. беженцы, находящиеся под покровительством Польского общества, получали щи, каши, хлеб, чай и сахар. Летом 1916 г. городским комитетом предоставлялось беженцам к чаю только одна ложка сахара, щи с капустой и картофелем, т. е. без мяса – постные [1, с. 223, 225].

С ходом войны городское население было вынуждено всё в большей степени заниматься самообеспечением продовольствием. Часть населения улучшала свой рацион питания благодаря поиску продовольствия в районах его нахождения, часто это были территории других уездов или, даже, губерний [9, л. 1]. Другая часть, стремилась обойтись наличными средствами. При этом в лучшем положении оказывались жители уездных городов, т. к. они мели больше возможностей как для занятий приусадебным хозяйством, к чему активно призывали власти, так и для использования природных ресурсов посредством рыболовства, охоты, сбора грибов и так далее [1, с. 115, 128; 17, с. 174]. В Нижнем Поволжье по причине доступности наибольшей популярностью пользовалась рыбная ловля. Е. Ю. Семёнова отмечает, что жители г. Красный Яр в годы Первой мировой войны осуществляли лов рыбы на ямах, т. е. в запрещённых местах [16, с. 169].

Таким образом, в годы Первой мировой войны рацион питания большинства горожан претерпел кардинальные изменения, что выразилось, прежде всего, в несбалансированном питании.

Список источников и литературы

1. Астрахань в событиях Великой войны: 1914–1918 годы. Астрахань, 2014.
2. Астраханский листок. 1916. № 73 от 5 апреля 1916. С. 3.
3. Астраханский листок. 1916. № 179 от 20 августа. С. 3.
4. Астраханский листок. 1917. № 25 от 31 января. С. 3.
5. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 94. Оп. 1. Д. 30869. Л. 2–5.
6. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 35533. Л. 2–9.
7. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Т. 8. Д. 35616. Л. 1, 52–53.
8. ГААО. Ф. 900. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–7.
9. ГААО. Р-1373. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 4725 Л. 6.
11. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4488. Л. 12.
12. Голубинов Я. А. От дефицита к голоду: питание населения в годы Первой мировой войны // Человек в условиях мировых природных и социальных катаклизмов. СПб., 2010. С. 159–164.
13. Куда идёт Россия. Белая книга реформ. М., 2008.
14. Саратовский листок № 218. 6 октября 1917 С. 4.
15. Сельскохозяйственный вестник юго-востока. 1916. № 18 от 15 сентября.
16. Семёнова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. 888 с.
17. Семёнова Е. Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 169–174.

18. Семёнова Е. Ю. Социальные и индивидуальные поведенческие практики горожан в годы Первой мировой войны в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 68–79.
19. Царицын в мировую войну, 1914–1917. Волгоград, 2016. 358 с.

СТАРЫЕ ДЕВЫ В ДОНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СЕМЬЕ И ОБЩИНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.[5]

Рыблова Марина Александровна,
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН,
ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Волгоградский филиал РАНХиГС»,
г. Волгоград,
Когитина Александра Владимировна,
специалист Волгоградского областного центра казачьей культуры,
г. Волгоград

Опыт изучения традиционной русской общины показал, что в рамках этого отлаженного и очень гибкого социального института уделялось пристальное внимание всего сообщества разным половозрастным группам, а также так называемым «анормальным». К числу последних, по определению Т. А. Бернштам, относились те, у кого произошел некий сбой в реализации жизненного сценария: незаконнорожденные, не создавшие семью, калеки и пр. Положение этих категорий общинников на примере русского крестьянского социума уже привлекало отечественных исследователей [1; 7], в то время как анормальные в донской казачьей общине практически не исследовались.

В дореволюционное время в казачьей традиции, как и в общерусской, прочно утвердились представления о том, что в течение жизни человек должен пройти через ряд обязательных этапов, одним из которых был брак [9, с. 435]. Безбрачие, будучи соотнесенным с таким понятием, как непарность, считалось неким отклонением от общественной нормы. Семья и община прилагали массу усилий к подготовке девушек к предстоящему браку. В народной традиции существовало ни мало примет, которые строго выполнялись девочками и девушками во избежание участи старых дев. Например, молодые девушки и парни избегали Таинства елеосвящения, считая, что после его совершения нельзя уже будет вступать в брак [4, с. 855].

В некоторых казачьих поселениях совершались обряды публичного позорящего наказания тех, кто не создал вовремя семью, т. к., по народным представлениям, эти люди могли неблагоприятно влиять на состояние и социума, и природы. Например, в ст-це Старочеркасской на Масленицу специально избранный *масленичный атаман* мог приговорить казаков и казачек брачного возраста, которые не создали семей в минувшем году, а также их родителей к наказанию: им навязывали на ноги колодки. Впрочем, от этого можно было откупиться, предложив денег или меду [10, л. 6].

Как и в крестьянских общинах, на Дону считалось анормальным и вызывало обеспокоенность сообщества, в первую очередь, безбрачное состояние девушек. Здесь для определения старых дев использовались многочисленные термины: *девка от голодного года, девка Петра Первого, вековая девка, Миколаевская девка, заброшенка, высадка, сиделка* [13, с. 125–125], *пересиделая, пожилая девушка, старая девка* [2, с. 362, 389, 509].

Пояснения, даваемые информантами записывавшим эти термины этнолингвистам и этнографам, дают возможность вывести такой важнейший признак этой группы (помимо очевидной непарности), как их промежуточное, переходное состояние. Но нередко это состояние не между браком и безбрачием, а между «достойным состоянием» и тем, что одна из информантов определила, как относящееся к разврату: «Заброшенка – эта дефка ат галоднава года асталась, атносица к разврату» [2, с. 164]. В то же время, в пояснениях к термину «достойная девушка» читаем: «Девушка со фсеми дастойнастями, девушка Питра Первава» [2, с. 132], а к термину «девушка Петра Первого» пояснение, что это – старая дева. В то же время в термине *девушка Петра Первого* фиксируется такой признак, как старость: «Девка Питра Первава, ишо не вышла замуж, а умирать пара», «Мы та дефки ишо те, Питра Первава, шыдисят стукнула» [2, с. 132].

[5]Публикация подготовлена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2018 г, № гос. рег. 01201354248.

В термине «девка от голодного года» звучит мотив недостаточности. Так, об очень худом человеке говорили «остался от голодного года». (Вместе с тем так же, но с иронией могли отозваться о полной женщине: «Хто полная, так на смих падымають: дефка ад галоднава года» [2, с. 111].) «Николаевской девкой» старых дев называли и в общерусской традиции по сходству с долгим прохождением военной службы мужчинами [5, с. 96].

И значительное количество терминов, служащих для обозначения группы безбрачных девушек, и двойственность оценок их положения свидетельствуют и о внимательном отношении к ним со стороны семьи и общины, и о перспективах их дальнейшей судьбы: пополнить ряды тех, кого сочтут *достойными девушками* или тех, кого назовут *заброшенками* или *гулящими.* (Показательно, что на Дону одним и тем же термином – *вековуха* – называли и старых дев, и женщин легкого поведения [2, с. 70].

В рамках первого пути, был несколько вариантов, связанных с выполнением важных общественных функций. Старые девы (а также вдовы), огли быть избраны общиной на станичном или хуторском сборе в просвирни. Просвирне полагалось за работу денежное вознаграждение, при этом особо оговаривалось: будет они топить печи при выпечке просфор на свои дрова или полученные от общины. В некоторых станицах просвирня сама обходила дворы и собирала муку. В других это делали специально назначенные на сборе люди. Просвиры выпекались один раз в неделю, перед воскресной службой. Остаток просвир просвирня могла забирать себе [14, с. 282]. Избрание старых дев на должность просвирен было связано с их статусом девственниц: не исполненная детородная функция находила замену в общественной функции, требующей ритуальной чистоты[6].

Еще один вариант был сопряжен с гораздо большими трудностями и усилиями со стороны девушки и в то же время давал резкое повышение ее статуса. Речь идет о тех, кто становился так наз. *келейницами.* Такие девушки (а также оставшиеся без мужей старухи) селились обычно отдельно от семьи (в каморке или хатке), и становились «ревнительницами старого благочестия» и религиозности. Много келейниц было среди казаков-старообрядцев, отличавшихся особой религиозностью. В старообрядческих общинах они назывались также *уставщицами* и *начетчицами.* Некоторые бытописатели казачества считали, что во второй половине XIX в. раскольничество в казачьих поселениях держалось преимущественно усилиями таких женщин, из чего становится понятным их высокий статус в казачьих общинах и семьях: относились к ним очень уважительно, их приглашали для отпевания умерших и чтения псалмов в дни религиозных праздников; к ним отдавали на обучение старому уставу девочек [8]. Келейниц, живущих в семье, но в отдельном помещении, не привлекали к домашней работе, сами они в мирские дела семьи также не вмешивались. Некоторые из келейниц добровольно возлагали на себя, помимо молений, и другие общественно значимые функции, например, ухаживали за заброшенными могилами на станичных и хуторских кладбищах.

Нередко келейницы выделялись и особым внешним видом, и крайне аскетической организацией своего быта. Внешний вид и образ жизни одной из таких подвижниц – девицы Анны Петровны Клеменовой из ст-цы Траилинской-Богоявленской – были описаны в газетной заметке в 1884 г.: «Имевши отца, мать, сестер и братьев, будучи 30 лет от роду, оставила их; пошла скитаться из дома в дом, дабы удобнее было научиться жизни безродной, подражая святым, всегда переходившим из одного места в другое… она имела полный разум, но приняла образ смирения для спасения души своей. Одежда ее была самая беднейшая, шубенка старенькая, много излатанная, чекмень такой же, имеющий латку на латке и нарочито на черном сукне шито белыми нитками; голова всегда накрыта так называемой покрывкою из белого плотного полотна и всячески замаранного, долгие волосы, весьма редко чесанные, всегда перепутанные над глазами, мешали ей видеть ясно; на ногах же обувь нарочито подбираемая: один ходак – род черевика, а другой – поршень из сырой скотской неделанной кожи, или на одной ноге валенок из шерсти, а на другой сапог худой» [3].

Далее автор заметки свидетельствует, что Анна Петровна не только никогда не просила милостыни, но и подаваемого ей за молитвы или отчитки не принимала. Через несколько лет ее скитаний станичники построили ей вскладчину маленький домик, в котором она затворничала, выходя только для посещения церковных служб. Она занималась также религиозным просвети-

[6]Впрочем, в некоторых же обрядовых ситуациях «чистота» старых дев могла оказывать неблагоприятное и даже пагубное воздействие. Это относится, например, к родам. Чтобы избежать трудностей и осложнений при родах, девушек и особенно старых дев заставляли расплетать косы, а нередко и совсем удаляли из того дома, где находилась роженица.

тельством, пересказывая одностаничникам содержание прочитанных ею религиозных книг, а также «слезно увещевая тех, кто вел жизнь распутную». Умершую в 1833 г. Анну Петровну хоронили всем миром при стечении множества народа [3].

Одна из келейниц-старообрядок Дуся Рогачева – жительница хутора Морского Чернышковского р-на Волгоградской области – стала известна в конце XX в. далеко за пределами своего поселения, как радетельница не только за чистоту веру, но и за общественное благополучие. Она, помимо выполнения собственно религиозных функций, ухаживала за брошенными могилами, радела за экологию хутора, ведя при этом крайне аскетичный образ жизни. Ее убогое жилище (приспособленный под жилье не отапливаемый вагончик, подаренный одним из хуторян) находилось на краю поселения; от обжитой людьми территории его ограждала череда реальных и символических преград. Будучи старой девой, Дуся не разрешала называть себя полным именем, предпочитая уменьшительно-ласкательное – Дусечка [10].

Именно положение «за чертой» или «у черты» (реальное и символическое) было одним из признаков таких людей, что, собственно и позволяет относить их к группе анормальных. Их особый статус в рамках общины был обусловлен крайней близостью к сакральным сферам, это был статус все того же «переходного» состояния между тем светом и этим. И обращались к таким людям за помощью также в состояниях неопределенности, переходных, кризисных: в случая болезни, смерти близких и пр. К ним приходили для чтения так наз. «сугубой молитвы». Наши информанты рассказывали: «Жили в балке люди, это еще при нашей памяти. Мы ходили детьми за дровами туда, и там было 2 колодца. Там жили богуверующие, называли келейные. Как они замуж не выходили, и там жили… Богу молились и все» [6, с. 3].

Положение келейниц-казачек было почти аналогичным положению так наз. *черничек* и тех же *келейниц* из крестьянских общин [12]. Там они также обычно селились отдельно, объединяясь в группы по несколько человек, и занимались религиозно-обрядовой деятельностью. Т. А. Бернштам отмечала, что в крестьянских поселениях к ним также относились двойственно, при этом приписывали им особые магические способности, как с положительной, так и отрицательной коннотацией. Они, например, по народным представлениям могли помочь особой молитвой, но могли наслать засуху или пожар, им также приписывали способности предсказывать судьбу [1, с. 75].

Таким образом, анализ положения старых дев в донской казачьей общине показал, что, по всей видимости, сущностным признаком этой группы был факт изменения их жизни (судьбы) под влиянием внешних обстоятельств (сил), в результате чего они остались непарными. Однако дальнейшее положение таких девушек определялось уже их собственным выбором и усилиями: остаться в «переходном» (а значит, маргинальном, положении) или обрести высокий статус путем перехода в другую категорию: «сакральных непарных», что влекло за собой обретение ряда почетных обязанностей и уважения со стороны членов их семьи и общины.

Список источников и литературы

1. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 276 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества. М. : Русские словари: Астрель: АСТ, 2003 – 608 с.
3. Из Донской старины // Казачий вестник. 1884. № 19.
4. Крылов А. Летопись Калитвенской церкви // Донские епархиальные ведомости. 1884. № 23.
5. Мадлевская Е. Девичья красота // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. СПб.: Искусство-СПБ, 2005. С. 96–97.
6. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ. 2001. Т. 1. С. 3. Инф. Большепаева Г. С., хут. Солонецкий Обливского р-на Ростовской обл., 1929 г. р.
7. Мухина З. З. Старые девы в русской крестьянской среде (вт. пол. XIX – нач. XX в.) // Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 50–57.
8. О браках между раскольниками // Донские областные ведомости. 1872. № 40.
9. Рудиченко Т. С., Рыблова М. А. Традиционная культура донского казачества в XIX – начале XX в. // Очерки истории и культуры казачества Юга России / под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2014. С. 424–471.
10. Родословная фамилия Мартыновых. Описание старинных увеселений в Области Войска Донского. Ф. 697. Оп. 2. Д. 70. Л. 6.
11. Рыблова М. А. «Люди за чертой» в традиционной казачьей общине // Дикаревские чтения (6). Краснодар: Центр народных культур Кубани, 2000. С. 83–88.
12. Свет О. О черничках // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 1. С. 92–101.
13. Словарь русских донских говоров. Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1975. Т. 1. 171 с.
14. Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. М.: Тип. М. П. Щепкина, 1885. 388 с.

СВОЙ – ЧУЖОЙ: ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ В КИТАЕ[7]

Топчиев Михаил Сергеевич,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник
лаборатории по исследованию динамики социально-политических
и культурных проблем региона Нижнего Поволжья и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Понятие конфессионального (религиозного) ландшафта уже более тридцати лет используется в научном дискурсе. Под конфессиональным (религиозным) ландшафтом понимается «религиозная ситуация, складывающаяся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и созданием соответствующих институтов» [1, с. 29]. Мы рассматриваем конфессиональный (религиозный) ландшафт не только как феномен, но и как процесс, в рамках которого происходит формирование религиозного, а возможно, и иного вида самосознания. Конфессиональный ландшафт той или иной страны представляет собой пространственно-временную характеристику существования, распространения и влияния, либо совокупности конфессий на описываемой территории, либо какой-то отдельной конфессии.

На территории Китая православие не является доминирующей религией даже среди христианских конфессий. В системе Свой – Чужой оно является Чужим не только по отношению к Восточным религиям, но и по отношению к католицизму и протестантским деноминациям. Две национальные религиозные системы – конфуцианство и даосизм – параллельно с активно распространявшимся буддизмом представляют основной ландшафт Китая. Однако православие, не смотря на изначальную чужеродность является частью общеконфессионального китайского ландшафта уже достаточно давно. Православный ландшафт формируется на территории Китая двумя путями: через переселение/эмиграцию русского населения в Китай, и через обращение китайского населения в православие.

Пространственно в диахронном аспекте можно выделить несколько основных мест локализации, которые обозначались как скоплением определенного количества православных на данной территории, так и наличием молитвенных комплексов: храмов, часовен, арендуемых под совершение ритуалов помещений. Причем архитектурная составляющая ландшафта может быть как действующей - реально работающие храмы, так и «мертвой», представляющей собой «места памяти» – развалины, перепрофилированные здания и т. д.

Первым в диахронном аспекте пространством православного ландшафта является территория Пекина, где исторически была создана, а потом построена первая православная церковь в Китае в связи с появлением русских пленников из разрушенного китайскими войсками острога Албазин, на острове на р. Аргунь в 1685 г. Потомки албазинцев будут проживать в последствии и на территории Трехречья [8, с. 77]. Император Кан Си сформировал из них особую императорскую роту, выделил землю и отдал им и сопровождавшему их священнику Максиму Леонтьеву для молений ламаистский храм. В дальнейшем религиозный и культурный синкретизм будет характерен для некоторых элементов православного ландшафта Китая, как в прочем и для ландшафта других христианских конфессий. Потомки албазинцев проживают в Китае до сих пор, и их основной визитной карточкой является не язык, который утрачен, а именно православие. Российская духовная миссия в Китае учреждена Петром I в 1712 г. [9, с. 165] на территории Пекина, и упразднена в 1954 г. Несмотря на то, что православная локация Пекина никогда не были доминирующей в православном ландшафте Китая, системно она всегда была определяющей за счет существования там миссии. В настоящее время здесь на территории бывшей миссии находится посольство РФ. Эта локация в общем конфессиональном ландшафте Китая всегда была чужой.

[7] Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Второй диахронно и наиболее значимой в первой половине XX в. точкой распространения православия является г. Харбин (Манчжурия, в настоящее время провинции Хэйлунцзян). Харбин был основан русскими как железнодорожная станция в 1998 г., и сформировался как русский город на территории Манчжурии в связи со строительством КВЖД. В первой половине XX в. официальным языком общения здесь был русский, на территории Харбина было более 20 действующих православных храмов [10, с. 234]. Эмигрантская культура русского Харбина представляла собой уникальное явление, отличное от эмигрантских общин не только в Европе и в США, но в том же Китае, поскольку воспроизводила и пространственно, и интеллектуально территорию уже не существующей страны [3]. Харбин был богат православными храмами. «Православный храм, построенный для русских на китайской земле, в образно-содержательном смысле стал культурным символом Харбина – «восточной Москвы», как его называли, и больше – символом самой России» [6, с. 118].

В Харбине, который изначально строился как модель русского города с европейским шармом, конфессионально-культурный синкретизм выражался в принятии китайским населением русских памятников. Стоявший на вокзале памятник св. Николаю почитался как русскими, так и Китайцами. «Перед ним при отъезде ставили свечи не только русские, но и китайцы, называвшие его «старика вокзала» [5, с. 26]. Когда в 1924 г. КВЖД была поделена между Советами и Китаем именно представители китайского населения обратились к советским властям с просьбой оставить памятник, и сумели сохранить его. Осложнилась ситуация для православных после нападения Японии на Манчжурию и создания марионеточного государства Манчжоу Го. Русские стали эмигрировать в Шанхай или за пределы Китая. Культурная революция завершила эти процессы. Ныне в Харбине из 120 православных прихожан осталось только 7 русских [4, с. 129], остальные православные-китайцы. Тем не менее, русский православный Харбин продолжает оставаться частью культурного наследия города и туристических маршрутов. Сохранившиеся православные соборы перепрофилированы либо под католический костел (Свято-Алексеевская церковь), либо в музей (Софийский собор), либо используются только по большим праздникам из-за отсутствия священнослужителей (Покровская церковь) и т. д. В начале века православная атрибутика в данной локализации была ближе к категории Свой, в начале XXI в. она становится Чужой, не теряя символизма памятных мест.

Третьей локацией православного ландшафта Китая стали Синьцзян и Внутренняя Монголия. Если на территории Харбина первоначально большинство русских были работниками КВЖД, а затем именно туда стекались основные массы белоэмигрантских войск, что придавало городу определенный культурный шарм, то в районах Синьцзян и Внутренней Монголии основная масса русских православных были представителями крестьянства, купечества и казачьего сословия. Здесь так же формировался русский культурный ландшафт – появились консульство, архитектура в русском стиле, бытовые элементы. В Синьцзяне православные обосновались в городах Урумчи, Кульдже, Чугунчаке, Суйдуне [7]. По распоряжению Николая I в 1851 г. в Кульдже и Чугунчаке были открыты русские консульства с храмами. Первая церковь размещалась в здании китайской архитектуры. Первый православный храм был построен в 1877 г. Первоначально его прихожанами были исключительно этнические русские. Консульство было и в Урумчи. Основной контингент православных был немногочисленным вплоть до 20-х гг. XX в. И даже несмотря на то, что штаб белого атамана А. И. Дутова находился в Суйгуне, численность православных уменьшается. Однако в начале 1930-х гг. за счет притока недовольных коллективизацией, она резко прирастает беженцами из Туркестана и Казахстана. В Кульдже строится храм св. Николая, разрушенный в конце 1960-х гг.

Несмотря на то, что происходит активная метисация, потомки русских и уйгур, китайцев-ханьцев в большинстве своем продолжают оставаться православными. Центром проживания таких метисов, как их называют в Китае «элосыцзу», становится Трехречье. Трехречьем издавна называется территория между тремя реками – Хаул, Дербул и Ган, по правому притоку реки Аргуни во Внутренней Монголии, где традиционно жили и живут русские. В настоящий момент территория имеет статус Эньхэ-Русской национальной волости. Население Трехречья – преимущественно потомки переселившихся на эту территорию забайкальских казаков и китайцев. Они пытались сохранить веру и язык, а так же элементы традиционной культуры. Когда-то в Трехречье было более 20 православных церквей, построенных русскими эмигрантами в период 1921–1949 гг. [11, с. 84]. Во время культурной революции они были разрушены, а многие из потомков русских опасались

официально признавать свою национальность. Возрождение православия и русской культуры началось в конце XX в. Но проблема с самоидентификацией, прежде всего этнической, остается, что объясняется «забыванием русского языка, запретом в недавнем прошлом на его использование даже в кругу семьи, отсутствием русских имён у части молодого поколения» [2, с. 196]. Идет процесс возрождения и, одновременно симулякризации русской православной культуры. С одной стороны, с 1992 по 2000 г. шло строительство храма в честь святителя Иннокентия Иркутского в г. Аргуни, который освятили только в 2009 г. С другой стороны, храм и в настоящее время не является действующим из-за отсутствия священника [12, с. 144]. Этнический антураж поселка Караванное (Эньхэ) весьма не аутентичен. И только личные вещи и передаваемые из уст в уста традиции сохранились в большей или меньшей степени.

Еще одним центром притяжения православных в первой половине XX в. был Шанхай. Русская диаспора появляется там немногим ранее в связи с торговлей чаем, в 1916 г. появляется Русское консульство. До послереволюционного притока эмигрантов это была маленькая колония. К середине 1930-х гг. русские уже были самой большой диаспорой иностранцев и начинают занимать видное место в культурной жизни Шанхая. Идет строительство храмов, некоторые из них, в т. ч., церковь иконы божьей матери «Споручница грешных», основанный Иоанном Шанхайским, сохранилась до сих пор. Да и сам Иоанн Шанхайский являлся ярким светилом, не только в Шанхайском или Китайском православном ландшафте, но и в общемировом. В настоящий момент в Шанхае, как впрочем, и в самом Китае нет постоянно действующего православного храма, поскольку во всем Китае насчитывается около 15 тыс. верующих, дисперсно рассредоточенных преимущественно в точках основой исторической локализации. Особым случаем являются приходы в Гонконге, Макао и Тайване.

Таким образом, динамику православного ландшафта Китая можно представить следующим образом. Начало положено в XVII в. албазинцами. С XVII в. по конец XIX в ландшафт был можно сказать контурным. Формируется православная миссия в Пекине. Появляются русские консульства в Синьцзяне и соответственно русские приходы. Эти процессы сопровождаются появлением элементов русской культуры. Возникает русский город Харбин в связи со строительством КВЖД. Первый кризис православного ландшафта – «восстание боксеров» в Пекине в 1898–1901 гг. Была уничтожена часть русского населения и часть православных китайцев в Пекине, сожжена миссия.

Следующий этап – укоренение православия на китайской территории, связан с увеличением количества православных за счет притока эмигрантов белогвардейцев и бежавших от советской власти приграничных крестьян. Неоспоримым центром становится Харбин, а позднее формируется крупная община в Шанхае. С 1956 г. православная китайская церковь становится автономной. Третий кризисный этап связан с культурной революцией в Китае (1966–1976 гг.), когда неокрепшая православная китайская церковь приходит в упадок, храмы разрушаются или используются не по назначению. Возрождаться церковь начинает с 80-х гг. XX в. Таким образом, в первой половине XX в. православная церковь стремится к активному упрочению в конфессиональном ландшафте Китая. В конце века, когда русское население в Китае становится минимальным, даже обращение части китайцев в православие не делает церковь своей в религиозном ландшафте.

В настоящий момент приходов русской православной церкви в Китае нет, кроме Гонконга. Православие представлено китайской православной церковью. Регулярно действующих храмов тоже практически нет, отдельные храмы открываются ситуативно, другие перепрофилированы, или стоят пустыми. Однако в последнее время Русская православная церковь предпринимает ряд шагов по укреплению православного ландшафта Китая.

Список источников и литературы

1. Glavatskaya E. M. Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction problems, research methods // The peoples of the Urals: historical experience, traditions and problems of the present. 2008. № 4. P. 23–34.

2. Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В. Чжан Жуян. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 185–198.

3. Забияко А. А., Забияко А. П., Левошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.

4. Ставров И. В. Элосыцзу – осколок русского мира в Китае (о положении русского этнического меньшинства в КНР) // Россия и АТР. 2016. № 4. С. 116–133.
5. Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 26.
6. Левошко С. С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003.
7. Монгуш М. В. Русское культурное наследие в Синьцзяне // Журнал Института Наследия. 2016. № 2 (5). URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/76.html.
8. Павлов Г. Казаки-албазинцы в Китае // Разведчик. СПб., 1901. № 550. 112 с.
9. Священник Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997). М.: Свято-Владимирское Братство, 1998. С. 165.
10. Чжан Фань Православие в провинции Хэйлунцзян КНР // Известия Иркутского государственного университета. 2015. Т. 11. С. 231–237.
11. Чжэ Л. Православие в Китае // Миссия Конфессий. М.: Этносоциум, 2015. № 5. С. 80–86.
12. Чжэ Л. Православие китайских русских в Трёхречье (КНР): некоторые итоги исследований китайских этнологов // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 143–148.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ПРОРЕЛИГИОЗНОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)[8]

Топчиев Михаил Сергеевич,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Дрягалов Вячеслав Сергеевич,
научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Черничкин Дмитрий Алексеевич,
младший научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Рогов Александр Владимирович,
ассистент кафедры социологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В нынешнем десятилетии российское общество переживает глубокие социально-экономические и политические преобразования, которые, в свою очередь, сказываются на молодом поколении. С точки зрения социального аспекта процессы, происходящие в молодежной среде, противоречивы и неоднозначны. Ценностные ориентации российской молодежи обычно носят амбивалентный характер: с одной стороны, она обязана принимать существующие условия социально-экономической жизни страны, а с другой – существующий ряд социальных реформ провоцируют изменения некоторых субъективных целей и установок в сознании молодежи. Трансформация же ценностей в результате этих реформ это не только социальный процесс, но и важная социальная проблема, т. к. зачастую молодежь не способна «адекватно отвечать» на вызовы повседневной жизни, а в некоторых случаях не желает отвечать.

В частности, формированием ценностей активно занимаются, как и мировые религии, так и малые религиозные деноминации, которые на протяжение довольно длительного исторического периода оказывали влияние практически на все сферы жизни людей. В связи с переходом в виртуальное пространство объектом особого влияния стала именно молодежь, которая в свою оче-

[8] Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №18-78-10064 «Трансформация механизмов формирования пострансгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

редь, является основным «потребителем» виртуального продукта. Следовательно, анализ состояния и развития базовых ценностных ориентаций российской прорелигиозной молодежи является одной из актуальных проблем в период протекающих преобразований в нашей стране.

Исследование уровня религиозности всегда осложнено тем, что сам феномен имеет множество аспектов и может пониматься в различной степени, в зависимости от уровня самой религиозности, так и представителями различных религиозных систем [1, с. 87]. На сегодняшний день молодежь вкладывают несколько другой смысл в понимание традиций, религии, веры, духовности нежели представители более взрослого поколения. Подобный разрыв в представлениях можно объяснить наибольшей информированностью и свободой действий молодежи, смотрящая на различные религиозные принципы и догматы, которые на протяжении практически всего периода истории российского государства зачастую определяли мораль, идеологию и нравственность, более демократично.

Как считает М. Л. Ивлева «религиозность как неотъемлемая черта русского мировоззрения даже в советский атеистический период доминировала в сознании, т. к. общество сохраняло многие традиционные черты. И только в последние десятилетия периода демократизации произошло ментальное «раскрепощение» в понимании и следовании культурным и религиозным традициям» [5, с. 484].

За последние 15 лет было проведено множество исследований, связанных с отношением молодежи к религиозным ценностям как в России так и за рубежом. Это и масштабные исследования ВЦИОМ посвященные взаимоотношениям религии и государства, а также отношению молодежи к церкви [2]. Подобные исследования проводили сотрудники Левада-центра, в которых исследовалось отношение граждан к Русской православной церкви, к патриарху и восприятие взаимосвязей церкви и молодежи [6]. Интересное, на наш взгляд исследование было проведено под руководством профессора Ж. Т. Тощенко с 1980 по 2015 г., посвященное общественной жизни россиян. Данные на 2015 год показывают, что 25,8 % россиян называют себя верующими, 4,1 % – атеистами, а 47,4 % респондентов считают себя верующими, но не воцерковленными (не следуют канонам и заповедям своей религии) [4, с. 362]. Исследователь В. И. Гараджа объясняет подобное явление тем, что «Религиозность тех, кто считает себя верующим, часто носит ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью» [3, с. 328].

Отметим исследование Г. С. Широкаловой, А. В. Аникиной и О. К. Шиманской, которое проводилось в 2015 г. в Нижегородской области, посвященное гендерным особенностям религиозности у студенческой молодежи. Данные их исследования позволяют сделать вывод о том, что отношение молодежи к религиозным традициям, ценностям и обрядам скорее прагматическое, нежели альтруистическое. По мнению социологов, для молодежи приоритетным является «терапевтическая функция веры», благодаря сформированному представлению о религиозных системах как об одной из разновидностей психотерапии, а не системе ценностей, которая влияет на сознание и формирование религиозной идентичности [7, с. 82].

Что касается исследования формирования религиозных ценностей европейской молодежи, то в качестве примера можно привести работу английского социолога С. Коллинз-Майо «Молодежь и религия: международные перспективы», где в рамках проведенных в течение длительного времени различного рода исследований, он приходит к следующим выводам:

- Сегодня затруднена передача религиозных ценностей и традиций от старшего поколения к младшему в связи с демократизацией культуры и общества.
- Концепты веры и религиозных практик никак не связаны в сознании молодежи.
- Религиозные ценности формируются и «работают» только в группах, в то время как на личностном уровне они утрачивают силу.
- Религиозность практически не играет никакой роли в жизни молодежи, поэтому «подавляющая часть молодых людей не ходит в церковь» [1, с. 90].

Во второй половине 2018 г. нами был проведен первый этап социологического исследования в рамках гранта Российского научного фонда «Трансформация механизмов формирования постсгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве», касаемо ценностных ориентаций студенческой молодежи Астраханского государственного университета. В ходе данного исследования было опрошено студенты Астраханского государственного университета очной, очно-заочной и заочных форм бакалавриата. Объем выборочной совокупности составил 350 человек, из них 39,1 % – юноши, 60,9 % – девушки. Выборка:

целенаправленная методом типичных представителей. Метод получения первичной социологической информации: раздаточное анкетирование. Погрешность выборки – 3 %. Матрица исследования разработана авторами. Обработка и анализ данных проведены с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 21. Анализ данных включал анализ линейных распределений ответов респондентов на вопросы анкеты, осмысление параметров таблиц сопряженности.

Основная часть опрошенных (40,3 %) относит себя к людям, исповедующим Христианство (в наибольшей степени православие). Второй по численности группе опрошенных (23,4 %) являются респонденты, исповедующие Ислам. Остальные респонденты, относительно своей конфессиональной принадлежности, распределились следующим образом: атеисты (14,3 %), иудаисты (0,9 %), буддисты (0,2 %), исповедующие какие-либо другие религии (5,1 %), затруднились ответить на вопрос об исповедование религии – 14,0 %.

По мнению участников исследования, помимо Бога и церкви, основными ценностями, которые соответствуют религиям, являются следующие:

- для христиан: 1) семья (81,9 %), 2) любовь (73,4 %), 3) традиции (61,6 %);
- для мусульман: 1) семья (80,4 %), 2) традиции (73,1 %), 3) честно прожитая жизнь (60,8 %);
- для буддистов: 1) здоровье (66,6 %), 2) общение с природой (61,1 %), 3) здоровый образ жизни (54,4 %);
- для иудаистов: 1) традиции (45,7 %), 2) семья (40,6 %), 3) деньги, материальные блага (36,2 %).

Как видно из вышеперечисленных обобщенных результатов опроса, стоит отметить, что для христиан, мусульман и иудаистов первоочередными ценностями являются семья и почитание традиций, чего нельзя сказать о буддистах. По мнению опрошенных представителей прорелигиозного студенчества, для буддистов наиболее характерны такие ценности как: здоровье и в следствии чего и ведение здорового образа жизни, а также общение с природой. Можно предположить, что подобный выбор ценностей религиозными студентами связан, по большей части, с ценностными ориентациями самих конфессий.

В процессе анализа данных таблиц сопряженности между показателями «Придерживаемая религия (мировоззрение)» и «Ценности, соответствующие религиям» было выявлено, что представители христианства для религии, в которую исповедуют сами относят следующие основополагающие ценности: семья (94,2 %), любовь (86,3 %), честно прожитая жизнь (71,2 %). Представители Ислама для Христианства определяют следующие основные ценности: любовь (70,6 %), Общение с друзьями (56,0 %), Родина и отечество (55,9 %). Атеисты, считают, что для христианства наиболее характерны такие ценности, как: семья (85,4 %), честно прожитая жизнь (62,5 %), родина и отечество (58,3 %). Затрудняющиеся с определением своего мировоззрения и отношения к какой-либо религии также близки с вышеизложенными данными и указывают, что христианству соответствуют следующие ценности: семья (80,5 %), честно прожитая жизнь (61,0 %), любовь (56,1 %).

Представители христианства, атеизма, затрудняющиеся с определением своего мировоззрения и непосредственно Ислама близки в своих ответах и определяют для ислама следующие первоочередные ценности: семья, традиции, честно прожитая жизнь.

В виду того, что группы респондентов, исповедующих иудаизм и буддизм, крайне малочисленны в анализе данных таблиц сопряженности ответы от данных респондентов не учитывались. В процессе анализа данных таблиц сопряженности нами был сделан вывод, что для большинства респондентов, исповедующих какую либо религию, основным источником формирования именно религиозных ценностей, поведения и установок является семья, где и происходит передача религиозных традиций от старшего поколения к младшему.

В заключении хотелось бы отметить, что, по мнению всей выборочной совокупности данного исследования, в наибольшей степени соответствуют ритму современного мира мировоззрение и ценности христианства (30,5 %), далее ислама (15,1 %). В меньшей степени соответствуют ритму современного мира ценности и мировоззрение буддизма (8,6 %) и иудаизма (5,8 %). Затруднились ответить на данный вопрос 34 % респондентов, что подтверждает теорию о том, что в современном мире становиться всё меньше места и времени для религии, в частности классической религии и всё чаще имеет место трансгрессия религиозной идентичности.

Список источников и литературы
1. Collins-Mayo S. Youth and religion. An international perspective // Theo-Web. Zeitschrift für Religionspädagogik. 2012. № 11. С. 80–94.
2. ВЦИОМ: отношение россиян к церкви (25.06.2015). URL: https://mresearcher.com/2015/06/vciom-otnoshenie-rossiyan-k-cerkvi.html.
3. Гараджа В. И. Социология религии. М., 2007. С. 328.
4. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2016. С. 362.
5. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3. С. 481–493
6. Церковь и государство. URL: http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2.
7. Широкалова Г. С., Шиманская О. К., Аникина А. В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 77–83.

ЛАКУНА СРЕДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В РЕГИОНЕ ОТ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ ДО ЮЖНОЙ СИБИРИ

Тюрин Анатолий Матвеевич,
кандидат геолого-минералогических наук,
заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз»,
г. Оренбург

В начале XX в. В. А. Городцов установил на юге России известную триаду бронзового века: ямная, катакомбная и срубная археологические культуры, соответственно ранний, средний и поздний бронзовый век. К началу 60-х годов хронологические рубежи этих культур канонизированы. Позднее завершилось становление радиоуглеродного датирования. Хронологические рубежи культур уточнены. Выделены их региональные варианты.

Каргалинское месторождение меди находится в Оренбургской области в верховьях Каргалки и ее междуречье с Янгизом (правые притоки Сакмары). Достоверно известно, что добыча руды на нем велась с середины XVIII в. до 1913 г. По гипотезе археологов на базе этого месторождения в древности существовал Каргалинский горно-металлургический центр. Добыча руды и выплавка из нее меди начаты в конце IV или на рубеже VI–III тыс. до н. э. (ямная культура). Осуществлялись до второй половины или последней четверти II тыс. до н. э. (срубная культура). При изучении химического состава древнего металла Е. Н. Черных [10] оперирует географическим термином «Северо-восточная зона Циркумпонтийской металлургической провинции». Она охватывает Южное Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье, Подонье (без его северной части), Северное Причерноморье до Нижнего Поднепровья включительно и Северный Кавказ. Распределение в зоне образцов металла ямной культуры (по Е. Н. Черныху – ямно-полтавкинской), по которым выполнен анализ его химического состава, показано на рисунке 1.

Образцы рафинированной и черновой меди ямной культуры, относимой к Каргалинскому горно-металлургическому центру, сосредоточены, в основном, в районе Каргалов и в Среднем Поволжье (территории Самарской и Саратовской областей). Но у археологов не имеется результатов анализа образцов металла, характеризующих катакомбную культуру этого региона (рис. 1). Зато в регионе много изделий из металла срубной культуры [10, рис. 6.1]. Более того, у археологов не имеется радиоуглеродных дат археологических памятников, отнесенных к среднему бронзовому веку Волжско-Уральского междуречья (рис. 2).

Е. Н. Черных эту ситуацию прокомментировал так: «первая – или ямно-полтавскинская – фаза активности [на Каргалах] оказалась отделенной от второй – или же срубной – фазы фактически шестисотлетним отрезком времени» [10, с. 89]. Хронологический интервал лакуны – 2450–1880 гг. до н. э., длительность 570 лет. Здесь и далее мы указываем хронологические границы культур и лакуны, определенные по массивам радиоуглеродных дат для 68,2 % вероятности. Отметим, что оренбургские археологи полтавкинскую культуру считают поздним этапом ямной [7].

Археологическое изучение древних Каргалинских рудников проведено в 1990–1999 и 2002 гг. Культурный слой селища Горное охарактеризован 16 радиоуглеродными датами. По ним определен хронологический интервал его существования – 1690–1390 гг. до н. э. [9], т. е. на Каргалах лакуна между ямной культурой и началом добычи руды в срубное время составляет 760 лет.

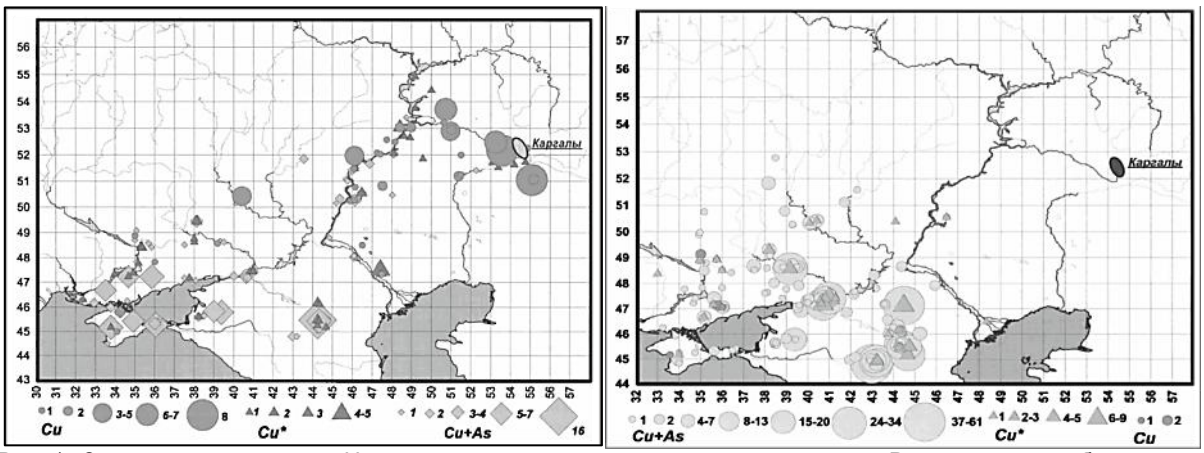

Рис. 1. Северо-восточная зона Циркумпонтийской металлургической провинции. Распределение образцов основных групп меди и мышьяковых бронз раннего (верхний сегмент) и среднего (нижний сегмент) бронзового века [10, рис. 4. 9 и 4. 10]. Cu и Cu* примерно соответствуют рафинированной и черновой меди, Cu+As – мышьяковые бронзы

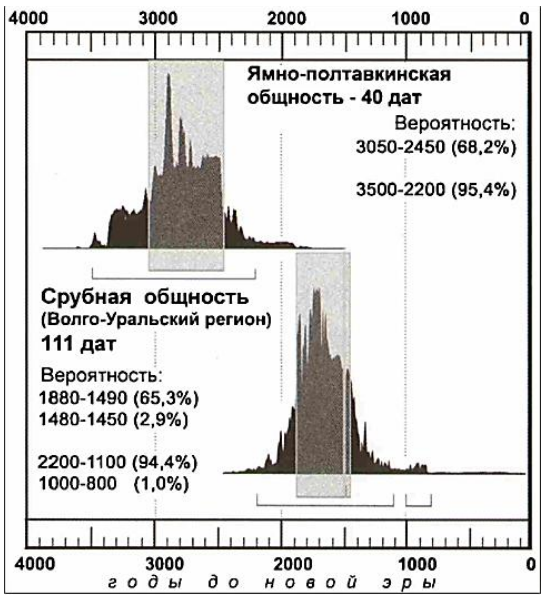

Рис. 2. Волжско-Уральское междуречье. Сопоставление сумм вероятностей радиоуглеродных дат ямно-полтавкинской и срубной культур [10, рис. 6.2]

Е. Н. Черных свел серьезнейшую проблему российской археологии к проблеме функционирования Каргалинского горно-металлургического центра. Реально же на огромной территории степного Приуралья археологи не нашли селища и погребения, радиоуглеродные даты которых попали бы в средний бронзовый век. Естественно у них нет и отнесенного к нему металла и, соответственно, результатов анализа его химического состава, т. е. примерно шесть веков степи Приуралья были необитаемыми. Этому периоду предшествовала высокая активность людей в регионе в ямное время. Автор монографии [1, с. 349] эту ситуацию прокомментировал так. Ямная культура в степном Приуралье «резко пресеклась около середины III тыс. до н. э.». Курганная культура среднего бронзового века представлена «единичными комплексами позднекатакомбного времени типа захоронений из Медведки и Ефимовки IV» и «не обнаруживает непосредственной стратиграфической и материальной преемственности с ямными памятниками». Кроме единичных комплексов позднекатакомбного времени, отмеченных автором монографии, в регионе имеются еще пять впускных погребений, отнесенных к вольско-лбищенской культуре (курган 4 могильника Тамар-Уткуль VII) [1, 8]. Ее памятники находятся в Нижнем Поволжье, Северном Прикаспии и Западном Казахстане. Хронологические рубежи культуры дал автор статьи [5, с. 278]. Она синхронизирована с «блоком посткатакомбных культурных образований». Верхний рубеж культуры соответствует финалу средней бронзы (как это принято в Среднем и Нижнем Повол-

жье). При этом по результатам радиоуглеродного датирования хронологические рубежи посткатакомбных образований XXII–XVIII вв. до н. э.

«Рассматривая проблему происхождения срубной культуры в Предуралье, необходимо отметить, что для участвовавшего в их формировании посткатакомбного элемента указанная территория не являлась исконной для проживания. По крайней мере, на сегодняшний день здесь достоверно известны немногочисленные посткатакомбные захоронения» [2, с. 17]. Таким образом, хронологические рубежи лакуны в степном Приуралье четко определены. Ее нижний рубеж соответствует верхней границе ямной культуры, а верхний – нижней границе срубной. По массивам радиоуглеродных дат в публикациях [3; 6; 7] длительность лакуны в степном Приуралье между ямной и срубной культурами, по нашей оценке, составляет примерно 550 лет.

Авторы публикации [4] выполнили обобщение радиоуглеродных дат, характеризующих археологические культуры бронзового века Урала, юга Западной Сибири и Южной Сибири. Определены их хронологические рубежи. На рисунке 3 приведена радиоуглеродная хронология культур Южного Приуралья. Выделенные культуры не совпадают пространственно. Хронологические границы лакуны между ямной и абашевской культурами – 2450–2200 гг. до н. э., длительность 250 лет. Каргалинское рудное поле находится на южной границе зоны абашевской культуры [10, рис. 5.6]. «Горняки абашевской или – что точнее – абашево-синташтинской общности не разрабатывали каргалинские залежи медной руды, и это не может не удивлять». Много удивительного в гипотезе археологов, но для нас важно, что для степного Приуралья отмеченная Е. Н. Черныхом лакуна (между ямной и срубной культурами) проявилась и по результатам обобщения радиоуглеродных дат, выполненного авторами публикации [4]. Ее хронологические рубежи – 2450–1940 гг. до н. э., длительность 510 лет. Здесь дадим пояснение. Южное Приуралье включает зону бытования и абашевской культуры. Она, в целом, занимает его лесостепную часть. А лакуна между ямной и срубной культурами приурочена к степной части этого региона.

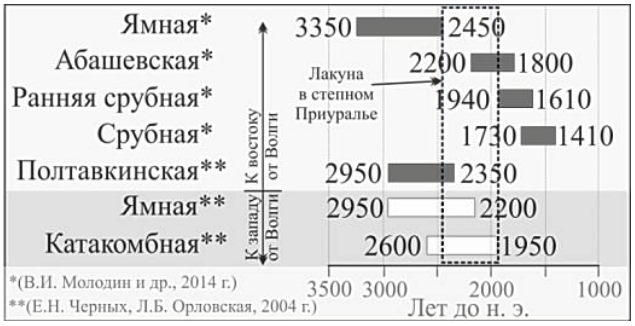

Рис. 3. Радиоуглеродная хронология археологических культур бронзового века степной и лесостепной зон европейской части России и Украины [4, рис. 2; 11, рис. 2]

В лесо-лесостепном Зауралье лакуне соответствует культура ранней бронзы (2470–2200 гг. до н. э.) [4]. Бронзовый век в лесостепном и степном Зауралье начинается с синташтинской культуры (2010–1770 гг. до н. э.), т. е. здесь верхний хронологический рубеж лакуны 2010 г. до н. э., ее нижний рубеж не выявлен. Получается, что степи Зауралья освоены людьми только в начале синташтинского времени. В Барабинской лесостепи лакуны не имеется. В Минусинской котловине она проявилась между афанасьевской и окуневской культурами – 2500–2250 гг. до н. э. Этот же хронологический интервал лакуны в монгольском Алтае. В российском Алтае и Верхнем Приобье она локализована в интервале 2600–2200 гг. до н. э.

На левобережье Нижней Волги имеются образцы металла раннего бронзового века, по которым выполнен анализ его химического состава (рис. 1). Но таких образцов нет для среднего бронзового века. Для позднего бронзового века у археологов в этом регионе практически нет изделий из металла [10, рис. 6.1], т. е. в Северо-Восточном Прикаспии рассматриваемая лакуна соответствует хронологическому интервалу среднего и позднего бронзовых веков.

Таким образом, лакуна среднего бронзового века проявилась в Северо-Восточном Прикаспии, на Южном Урале (включая Приуралье и Зауралье) и в Южной Сибири.

Регион, в котором уверенно выделены памятники катакомбной культуры, охватывает Северное Причерноморье до Дуная, бассейн Дона без его верховий, Среднюю Волгу, часть Северного Кавказа и Северо-Западный Прикаспий. На Средней Волге выделяется ее вариант – волго-донская культура, южнее низовий Дона – манычская. Последняя делится на западноманычскую и восточноманычскую (северо-западный Прикаспий, ограниченный с востока Волгой). Авторы публикации [11] выполнили обобщение радиоуглеродных дат для трех зон этого региона: Днепровской (Северное Причерноморье), Доно-Донецкой и Калмыцкой (манычская культура). В отмеченных зонах хронологический интервал ямной культуры 2950–2200 гг. до н. э., катакомбной – 2600–1950 гг. до н. э. (рис. 3). Эти две культуры датируются уверенно: по первой – 191 дата, по второй – их 196. Катакомбная культура хронологически смыкается со срубной культурой степного Приуралья. Рассмотрены и даты полтавкинской культуры Самарского Заволжья. Она почти синхронна ямной культуре Южного Приуралья и трех отмеченных зон. Можно согласиться с автором монографии [7, с. 217]: «“полтавкинская” культура раннего этапа – это, по сути, ямная культура, вступившая в заключительный, поздний этап своего развития, за которым можно сохранить наименование “полтавкинский этап”». Но так только для региона восточнее Волги. Для региона западнее реки полтавкинская культура является ранним этапом ямной (рис. 3).

Авторы публикации [12] по радиоуглеродным датам определили рубежи восточноманычской катакомбной культуры – 2500–2000 гг. да н. э. Сделали это с учетом резервуарного эффекта. Для всей манычской культуры (Калмыкия) – 2600–2000/1850 гг. до н. э. [11]. По этим данным однозначно решается один из вопросов, связанный с рассматриваемой лакуной. В степной зоне к востоку от Волги до Пириуралья включительно не имеется хронологических аналогов манычской катакомбной культуры.

Список источников и литературы

1. Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. 283 с.
2. Купцова Л. В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников). Оренбург, 2016. 21 с.
3. Купцова Л. В., Моргунова Н. Л., Салугина Н. П., Хохлова О. С. Периодизация срубной культуры западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 1. С. 100–107.
4. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 136–167.
5. Мимоход Р. А. О верхней дате вольско-лбищенской культуры // Археологические памятники Восточной Европы. 2009. Вып. 13. С. 276–278.
6. Моргунова Н. Л. Радиокарбонная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 230. С. 5–23.
7. Моргунова Н. Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
8. Ткачев В. В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
9. Черных Е. Н. Абсолютная хронология позднебронзовых слоев Горного Каргалы. 2002. Т. 2. С. 125–127.
10. Черных Е. Н. Каргалы. 2007. Т. 5. 199 с.
11. Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // Российская археология. 2004. № 2. С. 15–29.
12. Shishlina N. I., Plicht J. van der, Hedges R. E. M., Zazovskaya E. P., Sevastyanov, Chichagova O. A. The catacomb cultures of the north-west Caspian steppe: 14C chronology, reservoir effect, and paleodiet // RADIOCARBON. 2007. Vol. 49, № 2. P. 713–726.

РОГАТЫЕ БУЛАВКИ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ВЯЗАНИЯ ШНУРА

Тюрин Анатолий Матвеевич
кандидат геолого-минералогических наук,
заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз»,
г. Оренбург

Рогатые (рогатковидные, Y-образные) булавки (булавки-рогатки) из кости рассматривались В. Я. Кияшко (1976 и 1989 гг.). А. Н. Гей привел в своей публикации 22 случая их находок [3]. Все из подкурганных погребений Приуралья, Поволжья, Предкавказья, Нижнего Дона, Приазовья и левобережья нижнего Днепра. Выборка рогатых булавок показана на рисунке 1. По комплексу инвентаря и результатам радиоуглеродного датирования погребения с булавками отнесены к раннему (репинскому) этапу ямной культуры [1; 5; 8]. В Волго-Уральском регионе он датирован 4000–3300 гг. до н. э. [5]. Представления большинства археологов о назначении рогатых булавок обобщил автор публикации [7]. Это атрибуты некого культа, т. е. ритуальные артефакты. Но автор монографии [2] считает их застежками.

При изучении публикаций по культурам бронзового века юга России у нас возникло предположение: рогатые булавки имели сугубо практическое применение. Но какое? Для поиска ответа на этот вопрос на форуме AfterShock (https://aftershock.news/) организован «Мозговой штурм». По его результатам во внимание приняты самые разные версии практического назначения этих артефактов, в т. ч. и «застежки». Но прорывной явилась только одна. Рогатые булавки – это вилки (рогули) для вязания шнура (О. А. Крыжановская и Ю. В. Киличенко). Указаны и их археологические аналоги – люцеты (lucet) эпох викингов и англосаксов (А. В. Дьяченко). Выражаем благодарность всем участникам «Мозгового штурма», особо отмечаем трех из них, обеспечивших интеллектуальный прорыв. Современные вилки-люцеты из дерева показаны на рисунке 2. Шнур, связанный этим способом имеет два положительных качества: если его перерезать или разорвать, то он не распускается; в него можно вплетать украшения, имеющие отверстия.

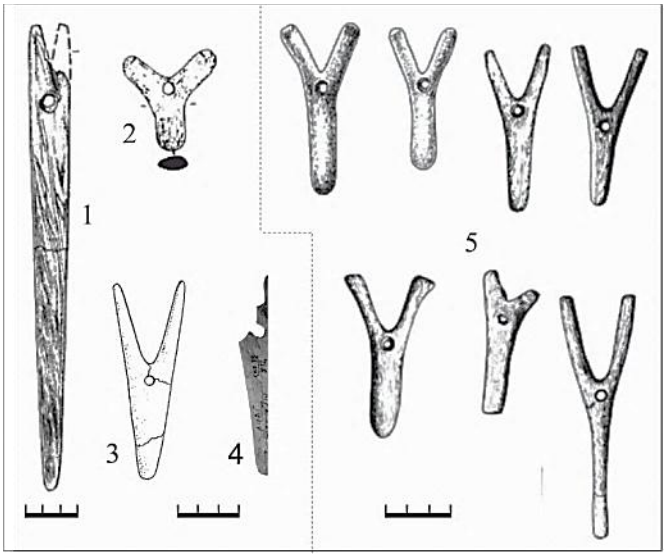

Рис. 1. Рогатые булавки: 1 – Саратовское Поволжье, Паницкое 6Б, погр. 6 [8, рис. 2]; 2 – Восточный Крым, Желябовка-86, погр. 11 [6, рис. 9]; 3 – одно из погребений междуречья Дона, Маныча и Еи [1, рис. 1]; 4 – Восточный Крым, курган 1 у с. Уварово, погр. 5 [4, рис. 1]; 5 – Южное Приуралье, Герасимовка II 4/2 [5, рис. 2]

Считается, что самый древний люцет найден на острове Готланд при раскопках погребения женщины XI в. (K. Pettersson, 1968 г.). Там же обнаружен фрагмент шнура. Экспериментально показано, что он связан с помощью найденного артефакта [9]. Позднее в Британии найдены люцеты англо-саксонского периода. В справочниках сообщается, что шнуры, сплетенные с помощью люцета, применялись как функциональные элементы одежды, а также для ее украшения. В Европе этот инструмент был распространен с XVII по XIX в.

Рис. 2. Современные деревянные вилки-люцеты для вязания шнура

Нашу гипотезу можно верифицировать по ассоциации рогатых булавок с другими артефактами, из погребений ямной культуры. По шести погребениям из 22 имеется только информации, что в них найдены булавки [3]. В девяти погребениях булавки находились в ассоциации с характерными артефактами:

- медные пронизи рядом с булавкой и медная окись в ее отверстии (Алитуб 17/6, Нижний Дон);
- бронзовые пронизь и спираль, подвески из зубов оленя (Архангельская слобода, 4/9, Нижнее Поднепровье);
- бронзовая бусина или пронизь возле отверстия булавки (Батуринский II3/4, Прикубанье);
- низка из бронзовых пронизей-обоймиц у верхней части булавки (Мингрельский I 1/2, Закубанье);
- медная трубка, вставленная в отверстие булавки (Покровский могильник 17/1, Среднее Поволжье);
- подвески из зубов (Уварово 1/5, Крым);
- бронзовые пронизи и цилиндрический костяной бисер (Холодный IV, Нижний Дон);
- костяные бусы и пронизи (Чапаевка 2/2, Саратовская область);
- подвески из зубов собаки (Черная долина 2а/1, Каховская оросительная система).

Данные по погребению у с. Уварово 1/5 привела и автор публикации [4]. Вместе с булавкой в нем найдены фрагменты мелких медных или бронзовых пронизей. В семи погребениях не имелись пронизи и подвески из зубов [3]. В это число попало и погребение могильника Герасимовка II 4/2 (Приуралье). Однако, в нем вместе с булавками найдены четыре медные обоймы, подвеска из резца быка, две пронизи из раковин моллюсков и полая трубочка из кости дрофы [2]. Рогатая булавка найдена и в погребении 11 могильника Желябовка-86 (Крым) [6, рис. 9]. Вместе с ней в нем находились пять медных бляшек (в поперечнике около 2 см) с дырочками и полая отполированная кость. Ее длина примерно 2 см, диаметр – 0,6 см. Это костяная трубка.

Таким образом, имеется информация по 17 погребениям раннего этапа ямной культуры. В 11 (65 %) из них рогатые булавки ассоциируются с артефактами, которые могут являться функциональными приспособлениями для вязания шнура (медная трубка, вставленная в отверстие одной булавки и следы такой трубки у другой) или его украшениями (металлические пронизи и обоймы, костяные трубки, бусы и бисер, зубы животных и раковины моллюсков с отверстиями). Аналоги таких шнуров приведены на двух фрагментах рисунка 2. Скорее всего, перечисленные выше артефакты – это остатки украшенных ими шнуров, т. е. в погребении были шнуры, возможно, являющиеся элементами одежды. Но сохранилась только их фурнитура. Возможно и то, что в погребения положены инструменты для вязания шнура и фурнитура для его украшения. Второе свидетельство в пользу нашей гипотезы – наличие в погребениях сломанных рогаток (рис. 1).

Люди, перешедшие в другой мир, могут использовать по функциональному назначению и то, что для оставшихся их соплеменников никакой ценности не представляет.

Рогатые булавки (вилки для плетения шнура) найдены и при раскопках археологических памятников среднего бронзового века [7]. Примерно через 2500 лет в Скандинавии и Британии появились люцеты. Причем, это были примитивные изделия [9]. Однако, изобретение этого инструмента является элементом технологического развития цивилизации. Такие инновации, как правило, не «забываются», т. е. наша гипотеза о функциональном назначении рогатых булавок бронзового века порождает одну из двух проблем – цивилизационную (технология вязания шнура с помощью вилки изобретена в ямное время, позднее она была утеряна, но повторно создана в Средневековье) или хронологическую (погребения с вилками, относимые к бронзовому веку, следует датировать периодом не ранее XI в. н. э.). Таких проблем не имеется у гипотезы археологов: рогатые булавки – это атрибуты некого культа. Но если это так, то в самом начале бронзового века (6000–5500 лет назад) в степной зоне от Крыма до Приуралья уже сложился единый культ с унифицированными ритуальными артефактами. Возможно ли такое?

Список источников и литературы

1. Белов М. А., Яценко В. С. Ранние погребения ямной культурно-исторической общности междуречья Дона, Маныча и Еи // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. Т. 8, № 2. С. 69–74.

2. Богданов С. В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. 283 с.

3. Гей А. Н. Булавки-рогатки и антропоморфные шпатели «en forme de Tour Eiffel» // Проблемы археологии Евразии. 2002. С. 127–139.

4. Мелихова М. А. Погребение с костяной рогатковидной булавкой из Восточного Крыма // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 4 (38). С. 59–60.

5. Моргунова Н. Л. Радиокарбонная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 230. С. 5–23.

6. Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ, 2007. 304 с.

7. Файзуллин А. А. Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 3 (2). С. 592–596.

8. Шишлина Н. И., Ван Д. П. Й., Зазовская Э. П. Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2013. № 4. С. 35–44.

9. Magnusson H. Lucets and lucetting. 2012. URL: https://halldorviking.wordpress.com/2012/11/04/lucets-and-lucetting/.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Холова Любовь Александровна,
аспирант кафедры культурологии,
младший научный сотрудник,
Институт исследования проблем Юга России и Прикаспия,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Распад СССР в конце XX в. и образование на его базе постсоветского пространства несколько десятилетий является объектом исследования российских и зарубежных культурологов, политологов и социологов. Нарастание миграционных, интеграционных и дезинтеграционных процессов в России и странах СНГ требует подробного изучения феномена постсоветского пространства и так называемого «постсоветского человека».

События 1991 г. повлекли за собой стремление каждого образованного суверенного государства к обретению новой национальной идентичности. После распада СССР в постсоветских странах начали формироваться новые исторические приоритеты, происходило повторное моделирование исторического прошлого и настоящего стран. Новая национальная идентичность должна была быть сформирована на основе новых национальных государственных символов, понимании истории, появлении новых национальных героев и врагов. Реинтеграция постсоветского пространства, основанная на общем историческом прошлом перестает быть первоочередным пунктом для граждан образованных независимых государств. Масштабный процесс конструирования государственной идеологии требует функционирования множества механизмов: от создания новых юридических и законодательных актов до переоценки исторических событий, целенаправленные усилия по легитимации нового независимого существования и консолидации общества [1, с. 144].

Этническая идентичность – это ядро этнического самосознания. Виктором Александровичем Шнирельманом в работе «Ценности прошлого: этноцентрические мифы, идентичность и политика» выделена классификация механизмов конструирования. В первую очередь государственная политика и идеология обращается к утверждению о необычайной древности этнической культуры и языка, формируется миф об автотохтонности. Поддержание мифа о прародине производится для проецирования современных этнополитических границ государства глубже в историческое прошлое народа. Большинство вышедших из состава Советского союза республик стали активно идентифицировать свою этническую группу с определенным языком, присущим им изначально. Русский язык ушел на второстепенный план, уступив первое место родному для этноса языку. Шнирельман обозначает данный процесс как формирование и поддержание мифа о лингвистической преемственности [4]. К примеру, с появлением Украинской государственности постепенно ушла «советская» идентификация, взамен ей сформировалась «украинская» идентичность. Процессы формирования национальной идентичности начались с создания национальной истории как основы самосознания нации.

В Украине миф о лингвистической преемственности и этнической семье, в рамках которого, активно пропагандируется убеждение о том, территория своего этноса была областью формирования не только его самого, но и родственных этнических групп. Этнос становится для соседствующих рядом этносов «большим братом», где главной становится претензия на исторический приоритет некоторых культурных и/или политических достижений своих предков с предками соседствующих народов. Этнос выступает в роли культуртрегера.

Следует отметить, что постсоветское политическое развитие Украины во многом определяется противоречивостью ее геополитической ориентации. Украина пока не имеет собственной четкой геостратегии, являясь субъектом геополитики крупных держав. Политическая жизнь в Украине протекает на фоне широкого национального движения, в рамках которого украинский народ продолжает свою новую культурную и политическую идентичность, выстраивает внешнюю политику. Этничность превращается в инструмент политической борьбы и средство формирования внутриполитического и внешнеполитического диалога. В данном случае публичная политика является политикой идентичности, т. к. она воздействует на сознание и мировоззрение граждан. История украинской государственности интегрируется в европейскую историю, а взятый курс на европейскую интеграцию и формирование европейской идентичности представляется общественности как закономерный исторический процесс. В Украине нарастает социальная и этническая поляризация, ведущая к кризису и потенциальному коллапсу украинской государственности.

Распад Советского Союза вскрыл острые межнациональные конфликты и расширил категориальную цепочку «свой – другой – чужой – враг – монстр» с упора на категорию «другой» на категорию «враг». Борьба с иноземным врагом, советским прошлым, цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации [4, с. 8].

Слишком актуализированная этническая или гражданская принадлежность свидетельствует о том, что процессы становления идентичности складываются в русле гиперэтничности, ведущей к этноцентризму. Неопределенная этническая идентичность, напротив, – показатель размытого чувства «мы» и тенденций этнонигилистического характера [2, с. 106–107].

Советский период, как новый тип цивилизации, с радикально новой идеологией (и, фактически, религией), имел в этом смысле гораздо большую силу. И поэтому многие советские черты будут сохраняться на территории бывшего СССР в течение многих поколений, несмотря на активные противоположные процессы. Процессы формирования нации и национальной идентичности на постсоветском пространстве еще не завершены.

Несмотря на тесную связь между бывшими странами-участницами наблюдается феномен фрагментарного общества, состоящего в значительной степени из обособленных его сегментов. Фрагментарное общество находится в состоянии разобщенности и дисбаланса. Стремление к интеграции сдерживается дисбалансом ценностей и убеждений, сформированных в советский период, и зарождающихся в период перестройки и формирования независимости. Рассматривая постсоветское пространство в качестве фрагментарного общества, следует отметить, что фрагментарность наблюдается как во внешней, так и во внутренней составляющих стран [3]. Экономическая кооперация стран существует на резком контрасте с культурным разобщением и отказом от советских ценностей и идеологии.

Российская Федерация будучи одним из основных фрагментов постсоветского пространства поддерживает его на стадии внешней интеграции. Идентичность на постсоветском пространстве становится политическим и социальным конструктом, формируемым государством. Жители постсоветского пространства обладают многогранной социальной идентичностью, в связи с приверженностью к различным политическим партиям, религиозным организациям и диаспорам. Постсоветское общество, будучи фрагментарным в целом влияет на фрагментарность общества внутри каждой страны бывшего СССР. Череда «цветных революций» на постсоветском пространстве, реализация проектов ориентированных на европейских партнеров подтверждают рост значимости в мире постсоветского пространства, где значение и фон взаимодействия с Россией становится напряженным.

Список источников и литературы

1. Летняков, Д. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Mirros. 2016. Vol. 25. P. 144–167.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.,1998. С. 386.
3. Солодова В. А. Идентичность постсоветского пространства как основа для формирования фрагментарного общества // Аналитика культурологии. 2013. № 27.
4. Шнирельман В. А. Ценности прошлого: этноцентрические мифы, идентичность и политика // Реальность этнических мифов / под ред. А. В. Малашенко. М., 2002.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА О ПОДГОТОВКЕ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АСТРАХАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Чуканов Сергей Николаевич,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Рослякова Ольга Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Любая война с момента изобретения печатного станка это еще и война информационная. В начале XX в. редакции общественно-политических газет в российских регионах внимательно следили за событиями, происходящими в Европе. В мире ощущалось напряжение.

Еще задолго до начала войны русское правительство через свою печать развернула усиленную пропаганду на необходимость готовиться к войне как к неизбежности. Столичные газеты публиковали подборки и целые полосы под общим заглавием «Накануне войны», «Война или мир?», «Накануне европейской войны», «Война неизбежна» и т. д. Неудивительно, что именно пресса являвшаяся проводником взглядов правительства, политических партий, активно принимало участие в формировании общественного мнения, зная заведомо, что русское общество всегда активно реагировало на события, происходившие как за рубежом, так и действия своего правительства в области внешней политики.

Провинциальные газеты тоже не уступали столичным газетам в усилении пропаганды. Целью ее было убедить население в наличии твердого и постоянного единства русского народа и его силе, принизить силу враждебных стран и внушить народу представление о вероломстве и жестокости противников. Эта пропаганда распространялась на все категории русских людей, дифференцировались применительно к различным слоям народа.

Находясь далеко от столичных городов, астраханские корреспонденты черпали информацию из центральных газет. Первые корреспонденции, касающиеся подготовки к войне представляли собой перепечатки из центральных газет. В «Астраханском листке» исследуемого периода отражается напряженная обстановка того времени. Большое количество информации, посвящены военной тематике. Сообщается, что германская армия находиться в боевой готовности, а потенциальные противники, против которых эта армия может быть применена, – Англия и Франция [1, с. 4]. В другом номере газеты упоминается конфликт Германии и Франции из-за Марокко, что вызвало новую волну предположений о приближающейся войне [2, с. 2]. Но даже в такой атмосфере сохранялась надежда на мирное решение возникших противоречий. Поэтому не удиви-

тельно, что сообщение французской прессы, о том, что Вильгельм хочет восстановить союз трех императоров прусско-франко-русский, и что теперь для этого удобный случай, воспринято была обществом как шаг к примирению. Информация о возможности все решить мирным путем, всколыхнуло все общество, и была перепечатана даже во всех провинциальных газетах [3, с. 2].

Вскоре появляется слух о заключении военной конвенции между Англией и Францией – это было одним из первых сообщений, в котором можно усмотреть реальное положение вещей в будущем конфликте. По данным прессы конвенция, заключенная между государствами, также распространялась и на Россию с Японией и направлена была против Германии. Что отражала, по мнению корреспондентов, складывающуюся международную обстановку [4, с. 4]. Журналисты позволяли анализировать сообщения и делать свои предположения. После того, как появляется информация об англо-французской военной конвенции, точнее, говорится о том, что «на бумаге она возможно и не существует, но в случае нападения Германии на Францию Англия не останется в стороне. Такое конкретное упоминание возможного агрессора наводит на мысль против кого была направлена эта конвенция» [5, с. 4].

Первые корреспонденции, касающиеся подготовки к войне представляли собой перепечатки из центральных газет. Но вскоре на страницах «Астраханского листка» стали появляться и собственные комментарии к событиях, происходившим за рубежом.

Корреспонденты газеты, внимательно следили за тем, что происходило в стране, и старались как можно быстрее помещать известия о важнейших событиях в политической жизни и международных отношениях России. Так, появляется слух из печати о приближении большой европейской войны, которая решит судьбу Турции [6, с. 4]. Позднее сообщают, что серьезный войны не будет, только некоторые стычки [7, с. 2]. Подобная противоречивая информация подчеркивает тот факт, что война лишь одно из предположений о завершении конфликта. Все события такого характера печатались на первой полосе. Что свидетельствовало о важности данных сведений. Печать стремилась сохранять в обществе напряженность и готовность его на любые лишения связанные с военными действиями.

Очередное обострение отношений между Австрией и Сербией приводит к новому накалу ситуации, что отражается и в печати. Поступает информация о подготовке России к войне с Австрией [8, с. 4], а немного позже о мобилизации Австрии, Германии и Сербии [9, с. 4]. В Австрии считают, что столкновение неизбежно. Постепенно конфликт пошел на спад, но ситуация, продолжала оставаться напряженной, о чем свидетельствует информация из печати, что конфликт почти улажен, но Австрия не намерена разоружать войска [10, с. 4].

Провинциальная пресса старалась поспеть за столичной в освещении событий, касающихся подготовки России и других государств к военным действиям. В 1910 г. в «Астраханском листке» появляется сообщение, что германская пресса пишет о заключении русско-японского соглашения и оно заключено при участии Англии, которая добилась особых привилегий в Манчжурии [11, с. 4]. Корреспонденты газеты отмечают, что Германии явно не нравиться такой союз, отмечается, что германские газеты указывают, на цель этого соглашения – создание четверного союза Англия-Россия-Япония-Франция для изоляции Германии [12, с. 4]. Эта информация дает возможность понять, как формируется и консолидируется одна из сторон конфликта против конкретного соперника.

Очень часто журналисты «Астраханского листка» публиковали на страницах газеты комментарии зарубежных газет на те или иные события, которые стремись нагнетать обстановку. Так в итальянской прессе писали об указанном союзе, что он укрепит позиции России на Дальнем Востоке и у нее будут развязаны руки в Европе [13, с. 4]. Безусловно, такая перспектива все больше сталкивала Россию с Германией и приближала взрывоопасную ситуацию в Европе.

Судя по публикациям «Астраханского листка» к 1911 г. ситуация в печати все больше накаляется. Сообщения из столичной печати свидетельствуют о подготовке Германии к войне. Публикуется информация, что к границам Франции стянуты войска и ведется разработка стратегического плана боевых действий номер [14, с. 4]. Пресса информирует о подготовке ряда стран к боевым действиям. Бельгии и Голландии к возможной войне с Германией [15, с. 4]. Дания также ведет военные приготовления из-за нарушения ее прав Германией [16, с. 4]. Так же Франция ведет военные приготовления [17, с. 4]. Всплывает информация о подготовки Австро-Венгрии к войне. Она перевооружает армию и строит линию крепостей против России [18, с. 4]. Все эти

публикации носят тревожный характер. К 1912 г. появляется статья с говорящим названием «Будет ли война», посвященная предстоящей войне [19, с. 5].

Интересно, что в газете печатались информации разного толка. Так, в статье «Немцы и Россия» говориться о настрое немцев на войну, об изменении плана России на войну с оборонительного на активный характер, о военной мощи России, артиллерия которой не уступает немецкой. Также ставиться вопрос: к чему приведет такое вооружение всех европейских стран? А главное – статья поднимает вопрос и сразу же отвечает на него: удастся ли избежать самой ужасной и кровопролитной войны за всю историю? Предсказать это невозможно [20, с. 4].

В другой статье с таким же названием говориться о достаточно плотном торговом взаимоотношении немцев и России и об уступках, на которые идут немцы при торговле с Россией [21, с. 4]. Статья явно намекает на мирное сотрудничество двух стран, на отсутствие непреодолимых противоречий, и тем самым поселяет надежду на мирное разрешения конфликта.

После убийства эрцгерцога Фердинанда была пройдена точка невозврата на пути к вооруженному конфликту небывалого масштаба. Появлялась информация о повышения боеготовности армий, в частности Австрия и Германия договорились об увеличении численности своих войск на восточной границе [22, с. 4].

Касаемо ультиматума, который собиралась выдвинуть Австрия Сербии, сообщалось, что Германия даже под угрозой войны с Россией поддержит ультиматум Австрии к Сербии [23, с. 4]. Война в такой ситуации была почти неизбежна, решался вопрос лишь о ее масштабе, т. к. Россия не могла не заступиться за братский народ.

Появляется статья, в которой характеризуется готовность Франции к войне. Сообщается, что Франция, имея мощную промышленность, не организовала достойную оборону государства. Такая, пессимистическая для Антанты информация констатирует тот факт, что Франция непременно будет участвовать в войне [24, с. 4].

По информации Астраханского листка в Германии издается брошюра «Роковой час для Германской империи», где говориться о будущей войне против Англии, флот которой конкурирует с германским. Россия выступит против Германии, т. к. та является союзником Австрии, а Австрия главный противник России для реализации общеславянских интересов на Балканах.

В другой статье «Виды на войну и мир» анализируются возможные итоги войны. В частности, крах Австрийской империи, кроме того сообщается, что столкновение не ограничиться только Австрией, Россией и Сербией [25, с. 4]. В статье от 13 июля 1914 г. сообщается, что Австро-Сербский конфликт косвенно поразит и Россию, а значит и двойственный союз, а позже и Англия вспомнит о своих союзнических обязательствах, в том случае если конфликт перестанет быть только Австро-Сербским [26, с. 4]. Эта статья подводит своего рода итог всем ожиданиям и предположениям, она информирует общество, как конкретно будут вовлекаться в конфликт государства, предполагается её масштаб и уже не оставляет шансов на мирное разрешение.

Таким образом, можно сделать вывод, что, безусловно, печать готовила общество к приближающейся взрывоопасной ситуации. Предполагалось ли прессой, что будет война? Однозначно да. Слишком много противоречий, накопившихся во внешней политике, во многом из-за несовершенства Венской системы международных отношений. В газетах эта ситуация находила свое отражение в аналитическо-прогностических статьях, старавшихся убедить читателя, в неотвратимости конфликта.

Осознавала ли печать масштаб предстоящего конфликта? Основные участники конфликта были известны, довольно давно, и пресса старалась формировать образы союзников и противников, еще задолго до мировой войны. Но можно ли было представить реальный масштаб предстоящего события? Несколько статей, аналитического характера повествовали о крупной войне, которая не обойдется столкновением двух или нескольких стран, и даже одним континентом. Но реальный размах никто не предвидел, и скорее всего не потому, что не верили в то, что война наберет такие обороты, а просто не могли представить, что такое возможно. Человечество знало крупные войны и раньше, например Тридцатилетняя война, но с такой колоссальной и кровопролитной войной человечество еще не сталкивалось.

Список источников и литературы

1. Астраханский листок. 1906. № 39.
2. Астраханский листок. 1906. № 44.

3. Астраханский листок. 1906. № 132.
4. Астраханский листок. 1906. № 153.
5. Астраханский листок. 1906. № 188.
6. Астраханский листок. 1906. № 216.
7. Астраханский листок. 1906. № 224.
8. Астраханский листок. 1908. № 36.
9. Астраханский листок. 1908. № 235.
10. Астраханский листок. 1908. № 259.
11. Астраханский листок. 1909. № 47.
12. Астраханский листок. 1909. № 52.
13. Астраханский листок. 1910. № 139.
14. Астраханский листок. 1910. № 144.
15. Астраханский листок. 1910. № 150.
16. Астраханский листок. 1910. № 187.
17. Астраханский листок. 1910. № 191.
18. Астраханский листок. 1911. № 17.
19. Астраханский листок. 1911. № 182.
20. Астраханский листок. 1911. № 184.
21. Астраханский листок. 1912. № 31.
22. Астраханский листок. 1912. № 188.
23. Астраханский листок. 1914. № 15.
24. Астраханский листок. 1914. № 29.
25. Астраханский листок. 1914. № 53.
26. Богомолов, И. К. Русская печать о причинах и истоках Первой мировой войны (август 1914 г.) // Россия и современный мир. 2014. № 3 (84). С. 133–142.

СЕМАНТИКА «ТРЕХРОГОЙ» КОРОНЫ

Шельдешова Юлия Владимировна,
учитель истории и обществознания,
МБОУ «Лицей № 2 им. В. В. Разуваева»,
г. Астрахань

Гравированные изображения представлены на дисковидных предметах раннего железного века и Средневековья. Появление гравировок относят ко времени около II в. до н. э. Эти изделия, являвшиеся предметом импорта, функционировали в среде таежного населения, которое не использовало их по основному назначению. На поверхность зеркал наносились гравированные изображения мифоритуального характера, и они функционировали в качестве предметов культовой практики. Они происходят из так называемых «кладов», известных на территории таежной зоны Западной Сибири. Подобные «клады» характерны не только для периода раннего железного века, но и для Средневековья. Многие исследователи считают, что «клады» в действительности являлись культовыми или жертвенными местами [10, с. 112].

Серебряный ковш, найденный в 1866 г., в Коцком городке в низовьях Оби, сочетает византийскую форму с мотивами древнетюркского степного искусства в декоре (рис. 1). На нем выгравированы воины с клинковым оружием в обеих руках, ступни их ног развернуты во внешнюю сторону, головы увенчаны короной с тремя островерхими зубцами. А. А. Спицын дает им следующую характеристику: «Воинственные фигуры. Наиболее частые изображения. Фигуры эти обнажены, исключительно мужские, снабжены поясами и саблями в виде ножей, всегда в позе воинственного танца, живо напоминающего шаманские движения. Главная их особенность – голова о три высокия темени, вероятно, для обозначения особенного дарования или силы» [8, с. 31]. Представляет интерес наблюдение А. А. Спицына относительно изображений на серебряном блюде из с. Слудка (рис. 2). Он разделяет изображения воинов на две серии. К первой он относит пять воинственных фигур обычного типа (ступни в стороны, сабли в обеих руках, три островерхих зубца над головой), ко второй – три изображения, у которых ступни развернуты внутрь носками, руки сложены на животе или расставлены, в руках нет сабель, нет трех островерхих выступов над головой, темя у всех заменено острыми лепестками орнамента блюда [8, с. 44].

На сасанидском серебряном блюде из собрания Национальной библиотеки в Париже сходные гравировки нанесены на обе стороны блюда (рис. 2). На одной стороне изображены три воинственных фигуры и семь «мирных» того же типа, только на этот раз у «мирных» фигур голова имеет заостренную форму. На обратной стороне этого блюда изображены две крупные фигуры – воинственная и «мирная». Воинственная с саблями в каждой руке, ступни ног развернуты во внешнюю сторону, три островерхих выступа над головой. Вторая фигура – без оружия, с повернутыми внутрь ступнями, без трех зубцов над головой [8, с. 46].

Более близко по форме к «трёхрогому» головному убору изображение головного убора правителя, выбитого на лицевой стороне монеты, найденной на городище Ханабад, исследуемой в городе Ташкенте. Монета датируется VIII в. и относится к редкой разновидности тюрко-согдийских монет с парным изображением правителя и правительницы. Голову правителя венчает «трёхрогий» шлем, причём средний рог выше крайних, а все рога наклонены в одну сторону, хорошо заметен нащёчник; на голове правительницы простая прямоугольная корона. На реверсе монеты выбита тамга, свидетельствующая о принадлежности подобных монет тюркским правителям Шаша. Вокруг тамги согдийская надпись (рис. 4).

Рис. 1. Изображение на серебряном блюде. Ханты. Западная Сибирь, р. Обь. Клад XX в.

Рис. 2. Серебряное блюдо с гравировками из с. Слудка [Спицын, 1906, рис. 7], Верхнее Прикамье, VIII–XI вв.

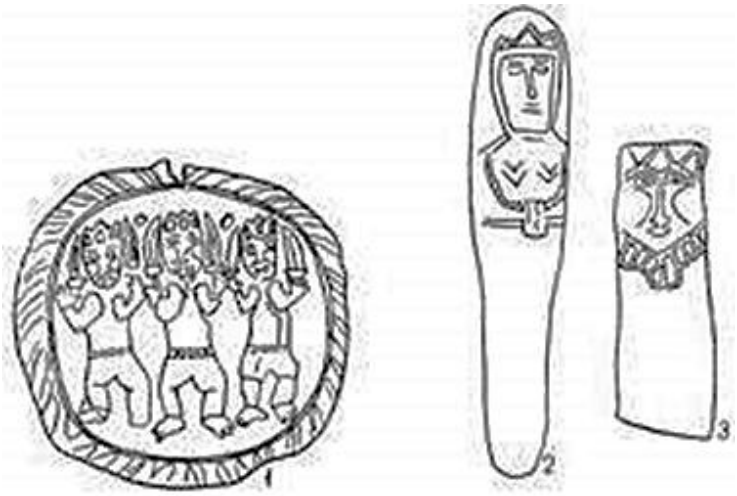

Рис. 3. Изображение людей в «трёхрогих» коронах: 1 – бронзовая бляха из Приобья; 2 – миниатюрное изображение женщины из Тюменского музея; 3 – каменное изваяние с оз. Сон-Куль

Рис. 4. Монеты с изображением правителя и правительницы в трехрогом головном уборе. Фото Г. Бабаярова

Шлем правителя по форме и своим особенностям близок головным уборам рыцарей, сражающихся между собой, изображенных на блюде, которое считается согдийским по происхождению [7]. На концах длинных треугольных выступов боевых шлемов рыцарей имеются навершия, лица их защищаются нащёчниками. Перед нами явно защитный головной убор воинов и отождествлять его с женскими «трёхрогими» шапками на изваяниях Семиречья нельзя.

Современный исследователь этих рисунков В. Ю. Лещенко, подробно изучив их семантику, разделил рисунки на типы по иконографии и разбил на хронологические группы. Центральное место на выгравированных рисунках занимают, по его мнению, человеческие фигурки в «трёхрогих» головных уборах. Они показаны в фас, ноги слегка согнуты в коленях или прямые с расставленными в стороны ступнями, руки согнуты в локтях и подняты вверх на уровне плеч, в руках сабли. Второй тип изображает людей в рогатых головных уборах, но без оружия, руки спрятаны в «муфту» или опущены вниз. Вооруженные фигуры в рогатых головных уборах показаны с подчёркнутым признаком мужского пола. По изображениям сабель В. Ю. Лещенко датирует их IX–X вв. [5, с. 176–177].

По иконографии к врезным фигурам весьма близки три фигуры, рельефно выдавленные на бронзовой дисковидной бляхе, найденной в Приобье, хранящейся в Тобольском музее [8, с. 102]. Они также стоят в воинственной позе, в руках сабли в виде широких ножей с короткими эфесами.

На них нанесены пояса в виде цепочки прямоугольников, на головах «трёхрогие» короны, прочерченные двойным контуром.

Самой существенной деталью всех описанных изображений являются головные уборы с тремя, реже – с одним и еще реже – с четырьмя и более выступами.

Все приведённые изображения обнаруживают связь с этнографическими данными. Зародившись на ранней стадии человеческого развития, в бронзовом веке, а возможно и раньше, культовые «трёхрогие» головные уборы бытовали среди народов Сибири длительное время. «Рогатая» шаманская шапка являлась необходимым атрибутом шаманского костюма почти всех народов Сибири. Об этом говорят этнографические материалы хантов, манси, эвенков, якутов, удэгейцев, кумандинцев, шорцев, тувинцев, бурят и т. д. Треугольные отростки на головах шаманских личин изображали не только настоящие рога, но и мягкую шапку, украшенную перьями птиц, орла, филина или совы [9, с. 95]. Такие шаманские шапки были присущи казахским «баксы» и тувинским шаманам.

Если суммировать основные точки зрения на интерпретацию персонажей в трехрогих головных уборах в граффити и монументальных памятниках древних тюрок, можно указать следующее:

1. Персонажи с короной или тиарой являются изображением божества Умай [3;4] или даже Богоматери. К такому выводу исследователи пришли на основе анализа древнетюркских граффити и прежде всего сцены на кудыргинском валуне.

2. Персонажи в трехрогом головном уборе представляют собой изображение либо шаманок и воплощение культа предка по женской линии [1, с. 65–79], либо шаманов.

3. Социальная и политическая интерпретация сцене с изображениями женщин в трехрогом головном уборе у древних тюрок заключается в признании высокого социального статуса его владелицы и возможное отражении политической истории (подчинение одного племени другому и т. п.) [2, с. 242–246].

4. Трехрогий женский головной убор получил широкое распространение у древних тюрок и других тюркоязычных кочевников и не подразумевал высокого социального статуса его владелицы [9, с. 99–100].

Список источников и литературы

1. Ахинжанов С. М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978. С. 65–79.

2. Кубарев Г. В. Жанровая сцена из Бичикту-Бома // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. Кн. 2. С. 242–246.

3. Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.

4. Кызласов Л. Р. К истории шаманских верований на Алтае // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 48–54.

5. Лещенко В. Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. Прил. 2, с. 176–177, рис. 19–23, 25–29, 31.

6. Плотников Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–135.

7. Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909. Табл. 50.

8. Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1. С. 29–145.

9. Худяков Ю. С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства номадов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2010. № 3 (15). С. 92–102.

Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Томский ун-т, 1984. 256 с.

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

Шлянцева Ольга Сергеевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Обращение к историческому опыту событий в послевоенной Восточной Европе второй половины 1940-х гг. имеет исключительное значение для понимания процесса формирования институтов государственной власти в странах данного региона. Существует актуальная проблема по-новому переосмыслить историю взаимоотношений СССР и Восточной Европы. Особый вопрос в истории Восточной Европы для понимания причин и истоков утверждения советской модели социалистического государства – это воздействия советского фактора на зарождения этой системы.

К разработке планов послевоенного устройства советское руководство приступило еще на начальном этапе войны. Во время визита в СССР в декабре 1941 г. английский министр иностранных дел А. Иден был поражен глубиной и масштабностью разработки этих вопросов в Москве [2, с. 10].

По мнению Н. И. Егоровой Сталин в вопросах международных отношений мыслил категориями «старомодной концепции «географической безопасности», предпочитал развитие послевоенных международных отношений в русле традиционной системы «баланса сил» и раздела мира на «сферы влияния». В сферу особых интересов СССР входила Восточная Европа. Советское руководство этот регион рассматривался в первую очередь как пояс безопасности советского государства по периметру советских границ [5, с. 60].

В октябре 1944 г. Черчилль и Сталин достигли соглашения о разделе сфер влияния в Восточной и Южной Европе. Великобритания признала советские интересы в Румынии, Венгрии, Болгарии. В ответ советское руководство признало британские интересы в Греции. В отношении Югославии договорились о соотношении 50 : 50.

После окончания Второй мировой войны советское присутствие в странах Восточной Европы было санкционировано Большой тройкой держав-победителей и отражало реальное соотношение сил в послевоенный период. Позиция СССР была закреплена в Декларации об Освобождении Европы, подписанной в ходе Крымской конференции в феврале 1945 г., а также двусторонними договорами СССР с Чехословакией, Польшей, Югославией, и договорами о перемирии с Болгарией, Венгрией и Румынией. Согласно указанным соглашениям на территории стран Восточной Европы размещались советские войска, военные комендатуры, дипломатические представительства, различные группы, военных, экономических и политических советников, оперативные группы НКВД с большими возможностями влияния на политическую обстановку в этих странах.

Тем не менее, на ранней послевоенной стадии советское руководство больше внимания уделяло реализации концепции выбора «национального пути» к социализму, под которой первоначально понимался переход к социализму в условиях народной демократии, минуя диктатуру пролетариата. Поэтому на этом этапе основная задача сводилась к поддержке дружественных СССР режимов. Исходя из этой установки, советское руководство поддерживало контакты не только с коммунистами, но и с другими демократическими политическими силами в странах Восточной Европы.

В 1944–1945 гг. советские руководители использовали в достижении своей стратегии методы поиска компромисса с целью организации власти на широкой демократической основе с привлечением различных политических сил и силовое давление на политических противников. К примеру, осенью 1944 г. отряды НКВД нанесли удар по силам польской Армии Крайовой.

Советская сторона активно участвовала в формировании коалиционных кабинетов. Так, весной 1945 г. прямое политическое и военное давление советских представителей привело к власти кабинет П. Грозы в Румынии, в который вошли коммунисты. На достижение этой цели был направлен визит заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского в Бухарест.

Дефашизация государственного аппарата в странах Восточной Европы использовалась советским руководством для устранения политических противников в этих странах. Так, в инструкциях, которые руководители компартий получали из Отдела международной информации ЦК ВКП(б). содержались советы использовать силовые методы и приемы не только против «противников режима» и прежде всего тех, кто запятнал себя сотрудничеством с нацистами, но и против

оппозиционно на строенных лиц и тех, кто не давал достаточного подтверждения своей лояльности новому режиму [6, с. 14–16].

Советское руководство до 1947 г. занимало осторожную политику в отношении Запада, стараясь не обострять международную обстановку и придерживалось концепции «мирного, национального пути к социализму» стран Восточной Европы и строго контролировали радикальные устремления некоторых коммунистических партий. Так, И. В. Сталин напрямую критиковал болгарских коммунистов за слишком радикальную политику и отказ от создания демократических блоков. После победы крестьянской партии на выборах в местные органы власти в Будапеште посол Пушкин критиковал венгерских коммунистов за отказ от участия в демократическом блоке.

На рубеже 1946–1947 гг. в настроениях общественности европейских стран появились новые тенденции. В государствах Восточной Европы они выразились в усилении позиций левых сил, в первую очередь во властных политических структурах [2, с. 15].

Курс советского руководства на ускорение политических преобразований в странах Восточной Европы усиливается по мере наступления холодной войны. Реализация плана Маршала и отказ под советским нажимом стран Восточной Европы от участия в нем стали решающим фактором раскола Европы.

Линия на военно-политическую конфронтацию между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стала отчетливо проявляться в 1947 г. и это сразу же отразилось на усилении нажима советского руководства в пользу ускорения социалистических преобразований в Восточной Европе.

Создание 27 сентября 1947 г. Информационного комитета коммунистических и рабочих партий (Коминформа) явилось поворотным пунктом перехода народно-демократических стран к сталинской модели социализма. На совещании в Шклярску Порембу в докладе Маленкова «О деятельности ВКП(б)» указывались основные направления, по которым должно вестись строительство социализма в других странах, – это индустриализация, коллективизация, борьба против контрреволюционных троцкистско-зиновьевско-бухаринских группировок в каждой стране, ликвидация идеологического плюрализма, создание социалистической культуры и борьба с буржуазией [3, с. 136].

Через год руководство новой организации обсудило и утвердило устав Коминформа. В третьем пункте устава было зафиксировано: «Партии, входящие в Информбюро, считают своим долгом и обязанностью: а) руководствоваться во всей своей деятельности учением марксизма-ленинизма, быть верными принципам пролетарского интернационализма, неустанно бороться за дело рабочего класса и победу социализма».

Уже 14 октября 1947 г. Болгарская компартия на своем XIII Пленуме взяла курс на интенсификацию революционного процесса и построение социализма [7, с. 51].

В течение 1947 г. были вскрыты так называемые «заговоры» в правительствах стран Восточной Европы, за которыми последовала большевизация политических режимов в этих странах. В Польше власти на основании выдвигавшихся ими обвинений в связях Польское стронництво людове (ПСЛ) с вооруженным антиправительственным подпольем развернули кампанию роспуска ее местных организаций, ареста ее функционеров, закрытия печатных органов. В условиях нарастания полицейского и пропагандистского давления в ПСЛ возник кризис, Миколайчик и некоторые другие ее лидеры, опасаясь ареста, бежали в октябре 1947 г. на Запад, партия распалась. Тем самым произошло устранение легальной оппозиции. В Болгарии на основе обвинений в «антигосударственном заговоре», оппозиционный лидер Н. Петков в июне 1947 г. был арестован, а значительная часть парламентской фракции его партии была лишена депутатских мандатов. В августе Петкова приговорили к смертной казни, а его партию запретили. В Румынии в июле 1947 г. также на основе обвинений в заговоре арестовали ведущих деятелей национал-царанистской партии во главе с ее лидером Ю. Маниу, ее парламентская фракция была ликвидирована, партия запрещена. Позже, на судебном процессе в октябре – ноябре, Маниу и его коллег приговорили к длительным срокам заключения. В условиях развязанного террора была вынуждена прекратить свою деятельность и оппозиционная национал-либеральная партия. В 1947 г. в Чехословакии компартия, опираясь на поддержку социально слабых слоев, стала систематически нарушать условия функционирования парламентской демократии. Вкупе с ответными действиями партнеров по коалиции это привело к блокированию деятельности Национального фронта, а в феврале 1948 г. к установлению властной монополии компартии в стране [1, с. 273–274].

В 1948 г. Советский Союз заключил договоры о дружбе и взаимопомощи с Румынией, Венгрией, Болгарией, что еще больше укрепило позиции СССР в этих странах.

1948 г. завершил переходный этап в развитии стран народной демократии. Советское руководство устанавливает жесткий политический, идеологический, экономический и военный контроль над сателлитами в Восточной Европе. Хотя в регионе еще не было сформировано всех основных сущностных черт сталинской модели социализма, но тенденции их формирования были очевидными. В странах Восточной Европы сохранялись многоукладная экономика и разнообразные формы собственности. Далеко было и до монополии марксизма-ленинизма в сфере идеологии. Прочными оставались позиции церкви особенно в Польше и Венгрии. При этом все силовые структуры: армия, милиция, внутренние войска и служба безопасности – создавались при помощи советских советников и постоянно и тесно взаимодействовали с НКВД [4, с. 172].

В военной сфере обозначается наращивание советского участия и руководства в организации вооруженных сил восточноевропейских стран, в т. ч. более четкое структурирование и расширение деятельности советских военных советников. Так, например, в Польшу последовала новая волна командирований советских офицеров на командные должности, включая назначение министром обороны советского маршала Рокоссовского.

1948–1949 гг. стали переломными: они завершили особый, отчетливо выраженный этап послевоенного развития Восточной Европы, когда в обществе стран этого региона шла острая политическая борьба между сторонниками различных концепций и альтернатив. Эта борьба определяла переходное, вариативное состояние общества, пытавшегося определить принципы своего дальнейшего демократического развития. Фактически период 1944-1948 гг., именуемый народной демократией, оказался промежуточным этапом между тоталитарными режимами правого и левого толка.

Это дополнилось образованием в январе 1949 г. СЭВ как экономической блоковой структуры. Решение советского руководства о его создании и созыве с этой целью учредительного совещания из представителей СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии было оформлено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1948 г. В постановлении и в приложенном к нему проекте документа «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии», в качестве основных задач создаваемого органа фигурировали разработка планов экономических связей между странами-участницами, согласование их хозяйственных и импортно-экспортных планов. Принимая во внимание реальную иерархию отношений между СССР и восточноевропейскими режимами, речь тем самым шла об образовании управляемого Москвой механизма координации и контроля в отношении основных параметров как внутриэкономического развития этих режимов, так и их внешнеэкономических связей внутри и вне «лагеря». Все указанные параметры вошли как базовые в решение учредительного совещания СЭВ, состоявшегося в Москве 5–8 января 1949 г. Они были дополнены в этом решении и некоторыми другими задачами нового органа, более нужными с точки зрения практических хозяйственных интересов «народных демократий» и потому внесенными как раз представителями последних: согласование планов развития транспорта и транзитных перевозок, разработка вопросов многостороннего клиринга и валютных курсов, мероприятий по научно-техническому сотрудничеству, мер помощи в случае стихийных бедствий или дискриминации со стороны капиталистических стран. Таким образом, возникла замкнутая экономическая структура, подчиненная политическим блоковым целям [8, с. 94].

Победа сталинизма в Восточной Европе была обусловлена как объективным состоянием послевоенного восточноевропейского общества (обнищание, люмпенизация всех социальных слоев, социально-политическая демагогия коммунистов) и международной ситуацией (превращение СССР в мировую сверхдержаву, мифологизация советской действительности), так и силовыми методами вмешательства СССР во внутриполитические процессы

Результатом советского влияния на преобразования в восточноевропейских государствах стало создание государств, основанных на диктатуре коммунистической партии, на репрессиях как инструмента борьбы оппозицией, на политическом контроле средств массовой информации, монополии марксистско-ленинского учения в сфере идеологии.

Список источников и литературы

1. Волокитина Т. В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновський збірник. 2011. Т. 4. С. 270–276.

2. Волокитина Т. В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромисса к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной воны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 10–22.

3. Гибанский Л. Я. Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 135–142.

4. Гусейнова Л. Д. Установление сталинского тоталитаризма советского образца в странах Центрально-Восточной Европы // Грані. 2015. № 4 (120). С. 169–173.

5. Егорова Н. И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной воны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 56–78.

6. Михайленко В. И. Советская внешняя политика в Восточной Европе в 1918–1991 гг. Екатеринбург, 2000.

7. Мокшин В. К. Взаимодействие СССР н общественные изменения в странах Восточной Европы в 1940-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 4. С. 49–58.

8. Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945–1853 годы. М., 2002.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕУРОЧНОЙ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Кочукова Дарья Игоревна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В соответствии с нормативными документами, внеурочная деятельность рассматривается в качестве неотъемлемой части современной образовательной системы нашей страны (письма Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2011 г. № 03-296 «Об организации внеурочной деятельности при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования» и от 14.12.2015 г. № 09-3564 «О внеурочной деятельности и реализации дополнительных общеобразовательных программ») [1; 2].

В соответствии с вышеприведенными документами во ФГОС общего образования второго поколения предложена новая структура учебного плана, в состав которого в качестве одного из главных компонентов включена внеурочная деятельность, являющейся неразрывной частью образовательного процесса. Отмечается, что внеурочная деятельность направлена на становление личностных характеристик учащихся, достижение личностных и метапредметных результатов освоения обучающимися основной программы основного общего образования [3].

Целью настоящей статьи является определение роли и значения внеурочной деятельности в процессе современного школьного исторического образования.

Отметим, что воспитательная составляющая деятельности школы позволяет привлекать школьников к исследовательским проектам, творческим занятиям, в ходе которых они учатся изобретать, понимать и осваивать новое, учатся выражать собственные мысли, а также принимать решения и помогать друг другу, формировать интересы и осознавать свои возможности. В рамках внеурочной работы создаются дополнительные возможности для самореализации и творческого развития школьников – у обучающихся появляется стимул совершенствования своих знаний.

В настоящее время внеурочная деятельность понимается как «деятельность, организуемая во внеурочное время для удовлетворения потребностей учащихся в содержательном досуге, их участия в самоуправлении и общественно полезной деятельности» [3].

По своей сути, внеурочная работа по истории преследует те же задачи, что и учебный курс, приобщая учащихся к пониманию истории, обогащая их знания, расширяя исторический кругозор, содействуя росту их интереса к истории. Цель внеурочной работы по истории – углубление знаний, полученных школьниками на уроках истории, организация процесса познания как интересного и увлекательного в условиях свободы в выборе содержания этой деятельности. Процесс воспитания историей во внеклассной работе предполагает выработку у школьников осознанного восприятия исторических знаний о нравственных традициях российского народа, его героической борьбе, подвигах, талантах, нравственных качеств наших предков.

В последние годы в организации внеурочной работы по истории наблюдается интеграция традиционных форм и видов работы и инновационных подходов, и содержания. Например, как и ранее, популярностью пользуется исторический кружок, который относится к систематичным формам внеклассной работы и рассчитан на углубленную работу в течение длительного времени с постоянным составом учащихся, однако значительно расширены направления его деятельности.

В последние годы появились кружки инновационной направленности. Так, И. А. Ульянов, И. В. Чернакова, представляя программу кружка для старших школьников «Музыкальная летопись» сформулировали задачи кружковой деятельности следующим образом: развитие умения работать с таким видом исторического источника как произведения российской классической музыки, анализировать его, сопоставлять полученную на его основе информацию с информацией

других источников, оценивать её; формирование умения формулировать, аргументировать и отстаивать свое мнение [6, с. 61–62].

Особо следует охарактеризовать инновационные подходы к организации внеурочной работы по истории в современных условиях. Анализ содержания журнала «Преподавание истории в школе» за последние пять лет показал, что публикации, посвященные инновационным аспектам планирования и проведения внеурочной работы по истории единичны. Так, в статье О. В. Ильиной, И. А. Ульянова «Внеурочная работа «Хрущевская «оттепель» в мультипликации» раскрываются возможности мультипликации во внеурочной работе как вида киноискусства, произведения которого создаются методом покадровой съемки последовательных фаз движения рисованных (графическая или рисованная мультипликация) или объемных (объемная или кукольная мультипликация) объектов. Рекомендуется в рамках вводных занятий обратиться к истории мультипликационного искусства, как зарубежного, так и отечественного.

В качестве примера авторы приводят методику работы с мультфильмом «Заокеанский репортер» (1961 г.), в котором режиссер попытался пролить свет на работу западных журналистов. В фильме описывается схема работы американского репортера, задачей которого является поездка в Москву с целью написания скандальных статей про жизнь советских людей. Крупное американское издание тщательным образом отбирает нового сотрудника для ответственного задания. Принципом отбора является уровень совести журналиста (вернее, ее отсутствие). Кандидат найден, ему поручают ответственное задание и отправляют в Москву, чтобы он нашел материал для сенсационных статей, очерняющих условия жизни москвичей, которые затем представят американскому народу. Показывая безуспешные попытки репортера оклеветать СССР, авторы мультфильма в то же самое время пропагандируют успехи в следующих сферах:

1) жилищное строительство. Вместо старого деревянного дома, на который хочет сослаться репортер, чтобы показать типичную московскую застройку, бабушке дают благоустроенную квартиру;

2) освоение целины;

3) успешное строительство ГЭС;

4) высокий моральный уровень советских людей, которые честно оплачивают проезд в автобусах, работающих без кондуктора

5) высокий уровень культурного просвещения;

6) наличие ядерного оружия, которое в случае угрозы СССР может применить [4, с. 38–40].

В последние годы во внеучрочной работе приобрели популярность исторические квесты, появление которых связывается с компьютерными играми [5].

Следует также охарактеризовать и проектную деятельность, которая стала неотъемлемой частью внеурочной деятельности в современной российской школе. Так, в 5 классе при изучении истории Древнего мира, параллельно с общей программой, возможно проведение внеклассного прикладного проекта «По следам древних людей» с целью сформировать у учащихся знание открытий древнего человека, а также отдельные умения, которые нужны были древнему человеку. В ходе занятий можно привлечь детей к изготовлению глиняных горшков, украшению их первобытным орнаментом и, таким образом, как бы самостоятельно «открыть» керамику. В мастерской «первобытного художника» можно показать на гипсовых заливках, каким образом выцарапывались наскальные рисунки. Учащиеся с увлечением вовлекаются в такую работу, о чем свидетельствует опыт преподавателей истории. Ученики могут также самостоятельно создать модель доисторического жилища из «костей» и «шкур» мамонта, нарисовать иероглифы (во время изучения истории Древнего Египта), или попробовать писать «клинописью».

Являясь самостоятельной частью учебно-воспитательного процесса, внеурочная работа может интегрироваться с уроком, быть его продолжением, что обеспечивает реализацию воспитательных и развивающих функций в полной мере. При этом условии внеурочные занятия по истории позволяют школьникам углубить и расширить знания, полученные на уроках, сформировать общеучебные умения и навыки, развить познавательные, коммуникативные и творческие способности, обогатить жизненный опыт и ценностное отношение к историческому прошлому.

Список источников и литературы

1. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2011 г. № 03-296 «Об организации внеурочной деятельности при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования» / Мин-во образования и науки РФ. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071318.

2. Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.12.2015 г. № 09-3564 «О внеурочной деятельности и реализации дополнительных общеобразовательных программ» / Мин-во образования и науки РФ. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71187190.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Стандарты второго поколения / Мин-во образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2011. 33 с.
4. Ильина О. В., Ульянов И. А. Внеурочная работа «Хрущевская «оттепель» в мультипликации // Преподавание истории в школе. 2014. № 8. С. 36–43.
5. Образовательный квест – современная интерактивная технология / С. А. Осяк, С. С. Султанбекова, Т. В. Захарова, Е. Н. Яковлева, О. Б. Лобанова, Е. М. Плеханова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/125-20247 (Дата обращения: 08.10.2018)..
6. Ульянов И. А., Чернакова И. В. Программа дополнительного образования школьников «Музыкальная летопись» // Преподавание истории в школе. 2015. № 4. С. 60–65.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПРИМЕНЕНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Крестобинцева Татьяна Александровна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
Кучерук Ирина Владимировна,
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Цель деятельности учителя состоит в том, чтобы организовать ученическую деятельность, которая была бы сориентирована на решение оперативных, тактических (конкретные цели учащихся) и стратегических (макроцель учителя и учащегося) задач, и постоянно руководить этой деятельностью [3, с. 22]. Реализации настоящей цели осуществляется с помощью различных средств, среди которых особую группу составляет условно-графическая наглядность и в первую очередь, историческая карта. Историческая карта служит наглядным источником исторических знаний и представляет собой условно-графическое изображение расположенных в пространстве исторических объектов на основе данных исторической географии.

Методическим аспектам организации активной познавательной деятельности учащихся отечественные методисты-историки уделяли значительное внимание. Так, А. И. Стражев подчеркивал, что «чем полнее и глубже учитель будет знать и понимать историческую карту, тем интереснее и продуктивнее будут проходить занятия с картой». Использование исторических карт в процессе обучения зависит от типа карты. Например, настенные карты, как правило, уместны в ходе фронтальной работы со всем классом, а исторические атласы могут активно применяться для индивидуальной или групповой деятельности. Появившаяся в последнее время интерактивная карта применяется на уроках повторения, поскольку она систематизирует и обобщает знания учащихся, содержит элементы компьютерной игры, всплывающие подсказки, что позволяет вовлечь в процесс повторения основную часть класса.

Начальным этапом активной познавательно деятельности учащихся с исторической картой является ознакомление учащихся с элементами карты. На этом этапе учащиеся не только знакомятся с легендой карты, но и работают с различными (сопоставим Вводить в процесс обучения историческую карту возможно двумя различными способами – аналитическим и синтетическим. Если избран аналитический (дедуктивный, отталкивающийся от «целостности») путь, то учителю следует ограничиться объяснением способов работы с картой и дать задание учащимся самим выявить информацию, заключенную в данной карте. «Целостный» характер описанного способа приобщения детей к исторической карте проявляется в том, что различные элементы карты рассматриваются не только в совокупности, но и в смысловой взаимосвязи. Такая методика помогает учащимся быстро научиться определять расположение объектов на исторической карте.

В ходе дальнейшего изучения карты целостная картина может распадаться на отдельные элементы, что и характеризует «синтетический» (индуктивным) способ изучения карты. Этот способ в определенной степени адекватен процессу создания исторической карты. Данный формат может выглядеть следующим образом: учащимся демонстрируется контурная карта (первый

слайд), затем на нее накладывается второй слайд, изображающий географический фон, при этом следует ограничиться цветовым воспроизведением рельефа местности. Третий слайд содержит, например, линии, изображающие политические границы. Для визуального различения территорий государств и владений можно использовать цветовые пятна, нанесенные на следующем слайде. Теперь историческая карта обрела собственное лицо, не сходное с обликом физической карты. Слайд с надписями завершает составление карты.

Особое внимание при изучении картографического материала принадлежит самостоятельной работе учащихся с картографическими заданиями. «Формирование соответствующих умений при работе с исторической картой может формироваться при выполнении типовых познавательных заданий: определить образование новых государств в изучаемый период и показать их на карте; определить по исторической карте наиболее значимые события того периода времени, который рассматривается на карте; определить по карте, где состоялись главные сражения; сравнивая две исторические карты, определить какие изменения произошли в этот период в экономической, общественной и политической жизни данной страны или мира в целом» [4, с. 41].

Когда учащиеся научились извлекать информацию из картографических источников, следующим этапом является применение заданий, направленных на определение с помощью карты причинно-следственные связи, давать оценку событиям и явлениям. Этому способствует умение выполнять таких задания как установление связи между географическим положением страны, ее природными условиями и занятиями жителей; определение того, как подействовало данное событие на соседние страны; используя картографические данные, определить причины побед или неудач в войне.

Применение исторических карт на уроке помогает углубить теоретические познания учащихся, выделить причинно-следственные связи, проследить развитие событий. Учащиеся учатся анализировать социально-экономическое, политическое развитие государств, сопоставлять исторические карты разных периодов, классифицировать данные нескольких карт, сопоставлять разномасштабные карты. Именно системность в обучении истории, в т. ч. и при формировании картографических умений на уроках истории, создаст прочную систему исторических знаний и умений у учащихся.

Список источников и литературы

1. Бабанский Ю. К. Методы обучения в современной общеобразовательной школе. М.: Просвещение 1985.
2. Виноградова М. В. Интерактивная доска при работе с электронными образовательными ресурсами // Преподавание истории в школе. 2016. № 1.
3. Шевченко С. Д. Школьный урок: как научить каждого. М.: Просвещение, 1991.
4. Ковешникова О. Т., Ермакова Е. А. Методические пути формирования картографических умений на уроках истории России в VII классе // Преподавание истории в школе. 2015. № 9. С. 40–45.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Мирзоев Рустам Юнусович,
студент исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

История российского мореплавания уходит вглубь веков. Английский историк Ф. Джейн в книге «Российский имперский флот: прошлое, настоящее и будущее» (1899 г.) справедливо отметил: «Существует распространенное мнение, что русский флот основан сравнительно недавно Петром Великим. Однако в действительности он по праву считается более древним, чем британский флот. За сто лет до того, как Альфред построил первые английские корабли, русские уже бились в отчаянных морских битвах, и тысячу лет назад лучшими моряками своего времени были русские!» [1, с. 9].

С древних времен история России связана с развитием судоходства на водных путях, освоением морских побережий, строительством гаваней, открытием новых территорий и защитой

морских рубежей от иноземных захватчиков. Эволюция военно-морского дела в нашей стране представляла процесс последовательного усложнения боевых и технических средств флота, а также изменение способов и форм ведения боевых действий на море.

Обращение к историческим урокам развития русского флота, как к его победам, так и к поражениям, может оказать неоценимую помощь в воспитание чувства патриотизма, гражданственности учащихся. О морском прошлом России, её морском величии и славе юный гражданин должен узнавать именно на уроках истории, в процессе обучения отечественной истории. Целью настоящей статьи является выявление того, как была показана история российского военно-морского флота на страницах советских школьных учебников истории и в учебниках истории 90-х гг. XX в.

В период 1970–1980 гг. в школьных учебниках истории осуществлялось разъяснение важности исторического пути построения социалистического общества. Догматизм в идейной сфере, наложивший отпечаток и на содержание исторических учебников, сказался и на изучении исторического материала – происходила абсолютизация одних положений и замалчивание других. В учебниках история формирования и развития флота была показана в ракурсе классовой борьбы.

Нами был проанализирован в контексте проблематики настоящей статьи учебник авторов М. В. Нечкиной и П. С. Лейбенгруба «История СССР» для 7 класса (М.: Просвещение, 1981) [5]. Исторические сведения о российском флоте содержатся в двух базовых параграфах. Так, «Россия на рубеже XVII и XVIII веков», в котором авторы, отмечая «отставание феодально-крепостнической России от передовых европейских стран», писали: «У России не было в то время ни удобных морских гаваней, ни развитой промышленности, ни хорошо обученной армии, ни флота». Создание флота рассматривалось авторами как необходимость защиты против «возросшей мощи более развитых стран Запада» [5, с. 200–201].

Материал о создании Петром I флота занимает один абзац в параграфе «Государственные реформы при Петре I», в котором авторы подчеркивают, что флот Петром I начал строиться еще до Северной войны, во время его планов похода на Азов. Подчеркивается, что «во время Северной войны был создан новый, балтийский флот. Первая русская балтийская эскадра, весьма малочисленная, была спущена на воду в 1703 году». И наконец, ученики узнают статистические данные о созданном флоте, в которых представлены классы военных кораблей: «Всего для балтийского флота при Петре I было построено 439 гребных и 207 парусных судов, в т. ч. 88 линейных кораблей и фрегатов. Во флоте служило 28 тысяч моряков» [5, с. 214–215].

Далее в постраничном словаре ученики знакомятся с новыми для них военно-морскими терминами – «линейный корабль» и «фрегат». Этот материал в нарушении логики представлен после параграфа «Полтавская битва. Победы русского флота», в соответствующей его части приводится рассказ о битве при мысе Гангут в 1714 г. и при острове Гренгам в 1720 г. и делается вывод о том, что «блестящие победы флота приблизили окончание войны» [5, с. 209].

Следующий параграф, в содержании которого уделяется внимание развитию военно-морского флота Российской империи,– параграф «Внешняя политика России во второй половине XVIII в. Русско-турецкие войны». В нем отмечается, что в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. военные действия шли не только на суше, но и на море. Далее приводится рассказ о действии эскадры под командованием адмирала (термин используется впервые) Г. А. Спиридова в Чесменской бухте. В содержании текста о Чесменском сражении вводится еще один военно-морской термин «брандер», который объясняется в самом тексте [5, с. 245]. К сожалению, при рассмотрении русско-турецкой войны 1787–1791 гг. действиям русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в Черном море отводится неоправданно мало внимания – всего одно предложение: «Крупные победы на Черном море одержал русский флот под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова». Сведения как об адмирале Г. А. Спиридове, так и о Ф. Ф. Ушакове не приводятся.

В учебниках для старшей школы акцентировалось внимание на том, что первоначально флот был орудием правящего класса для угнетения и подавления эксплуатируемых народных масс, а затем, став народным, Рабоче-Крестьянским Красным флотом он стал рассматриваться как сила, защищавшая достижения строившегося социалистического общества.

С 1991 г. начался период разгосударствления исторического образования в России, одним из последствий которого стало разнообразие школьных учебников. Вместе с тем, обилие учебных изданий по истории не способствовало их качеству в интересующем нас аспекте, в частности, объём материала, посвященного истории флота, уменьшился.

В конце 1990-х гг. появились тенденции, связанные со стремлением государства вновь поставить историческое образование под государственный контроль. Известно широкое обсуждение под критическим углом зрения учебников А. А. Кредера, И. Н. Ионова, И. И. Долуцкого. Первого осуждали за выводы о том, что СССР в значительной мере виновен в развязывании Второй мировой войны. Второго, рассматривавшего историю России через призму цивилизационной парадигмы, реализацию прав человека, критиковали за то, что его книга не формирует у учащихся чувство национальной гордости [2–4].

В интересующем нас контексте мы анализировали учебник Л. Н. Жаровой и И. А. Мишиной «История Отечества» для 10 класса (М., Просвещение, 1992) [6]. Из содержания главы I ученики узнавали, авторами, что в Российской Империи было Морское министерство [6, с. 24]. При изучении русско-японской войны с помощью конспективного повествования излагался материал о крейсере «Варяг» и канонерке «Кореец», при этом героизм команд не отмечался совсем. Однако впервые в рубрике «Личность» представлена характеристика С. О. Макарова как ученого и флотоводца [6, с. 52]. В параграфе «Развитие революции весной и летом 1905 года» половина страницы уделялась восстанию на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», использовались термины «матросы», «судовой комитет», «моряки». Кроме того, рассказывалось о восстании на Черноморском флоте, которое трактовалось авторами как «крупное военное восстание», здесь же в рубрике «Личность» внимание уделяется П. П. Шмидту, при этом акцентировалось то, что он принимал участие в создании одной из первых профсоюзных организаций на транспорте. Авторы приводили слова П. П. Шмидта перед казнью, и тот факт, что его останки после февральской революции были с почестями перезахоронены [6, с. 71].

В параграфе, посвященном Гражданской войне, в рубрике «Личность» была представлена характеристика А. В. Колчака, и сообщалось, что в 1916–1917 гг. он командовал Черноморским флотом [6, с. 214].

Далее авторы обращались к истории флота при рассмотрении Кронштадтского мятежа и учащиеся из текста узнавали, что моряков Кронштадта с октября 1917 г. называли гордостью революции. Приводилась Резолюция Временного революционного комитета кронштадтцев и в конспективном повествовании о подавлении восстания приводились статистические данные о том, что в восстании моряков участвовало 30 % кронштадтских коммунистов, 40 % объявили себя нейтральными. Авторы предлагали ученикам ответить на вопрос: «Почему Ленин оценил восстание кронштадтских моряков как куда более опасное, «чем Деникин, Юденичи Колчак, сложенные вместе»? Больше никакой информации о развитии рабоче-крестьянского красного флота в учебнике не содержится.

Таким образом, можно зафиксировать следующие тенденции раскрытия страниц военно-морской истории: если в советских учебниках особое внимание уделялось военно-морской терминологии и методический аппарат учебника содержал вопросы на ее воспроизведения школьниками, то в первых учебниках новой России основной акцент был сделан на изучение личностей флотоводцев, включая и тех, кто оказался по ту сторону баррикад гражданской войны и представлял Белое движение, а также на выявление причинно-следственных связей при изучении отдельных событий истории флота.

Список источников и литературы

1. Геманов В. С. История Российского флота. Изд. 2-е, доп., испр. М., 2011. 230 с.
2. Долуцкий И. И. Отечественная история, XX век: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений: в 2 ч. М., 2002. Ч. 2. 193 с.
3. Ионов И. Н. Истоки кризиса российской цивилизации. М., 1998; Российская цивилизация, IX – начало XX в.: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. 319 с.
4. Кредер А. А. Новейшая история XX век. М., 1995.
5. Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР: учеб. для 7 класса. М.: Просвещение, 1981.
6. Жарова Л. Н., Мишина И. А. История Отечества: учеб. для 10 класса. М.: Просвещение, 1992.

МЕТОДИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Никитина Анна Викторовна,
магистрант исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В историко-методической науке сложились различные подходы к презентации историко-культурного материала, однако в практике обучения он продолжает оставаться дополнением к общей картине исторического развития. Между тем глубокое самоценное изучение культурно-исторических традиций помогает осмыслить на более высоком уровне процессы общественного и политического развития, проследить экономические и социальные изменения и одновременно, создать предпосылки для расширения культурного кругозора учащихся.

Практически во всех современных школьных учебниках истории преобладает традиционный персоналистский подход к изучению культуры: параграфы насыщены именами известных деятелей культуры и их достижениями, изучение которых требует в основном, активной работы памяти. Мы полагаем, что персоналии необходимо выбирать по проблемному принципу, показывая тесную связь деятелей культуры с экономикой и политическими процессами в обществе [2, с. 3].

Еще одним подходом к изучению культуры является ценностный подход, основанный на постижении в доступном для учащихся виде философской основы культурно-исторического содержания. В данном случае главной составляющей выступает не деятельность человека, а те материальные и духовные ценности, ставшие ее итогом. Этот подход является наиболее перспективным для современного образовательного процесса.

Искусствоведческий подход основан на сущностном анализе произведений искусства или иных текстов культуры, однако он может быть применим и в других случаях, особенно при изучении мировой художественной культуры. В рамках данного подхода стили и направления культуры изучаются в историческом контексте.

Следующий подход к изучению культуры – эстетический – прочно зарекомендовал себя в современной школе. Данный способ базируется на формировании у школьников совокупности взглядов и чувств, предполагающих оперирование категориями «прекрасное» и «безобразное», «возвышенное» и «низменное», «трагическое» и «комическое». Культурно-исторический материал содержит богатые возможности для развития фантазии, способности воспринимать красоту, преодоления дурного вкуса.

Созвучным современным педагогическим идеям способом изучения вопросов культуры является диалогический подход, основанный на идеях М. М. Бахтина. «При создании произведений культуры творец вступает в диалог с Богом, мирозданием, другими людьми, обществом, традициями. Диалог для ученика становится основным способом познания культуры и организующим ядром содержания изучаемого материала» [3, с. 23]. Такой способ позволяет формировать у детей диалогическое сознание, свободное от монокультурного восприятия действительности, а также разнообразные коммуникативные умения.

Под продуктивным способом изучения культуры в школьных курсах истории понимается личностно-ориентированный подход. Данный подход основан на индивидуальной траектории усвоения учеником явлений культуры и включает личное творчество ученика, личный опыт и эмоционально-ценностное отношение школьника к произведениям культуры.

В последние годы наиболее популярным становится проектный подход, применение которого имеет особое значение в изучении культурно-исторического материала. «Учебный проект для ученика – способ создать нечто интересное самостоятельно, попробовать свои силы, проявить знания и умения, и показать публично достигнутый результат» [5, с. 36]. Данный способ применим и к изучению повседневной культуры общества, поскольку позволяет реконструировать на исторической основе проявления бытовой и ментально-нравственной сфер общества.

Наиболее значимым, по нашему мнению, подходом к изучению вопросов культуры в школьном преподавании истории является интегрированный подход. Он базируется на «синтетическом рассмотрении всех сфер функционирования жизни общества и преодолении изолированного рассмотрения культурно-исторического материала» [1, с. 5].

Необходимо отметить такие подходы к изучению вопросов культуры в школьном курсе истории, как герменевтический и деятельностный. Герменевтический подход основан на самостоятельном творческом истолковании исторического источника учеником, включении его в исторический контекст, проникновении школьника во внутренний мир автора текста и воспроизведении его мыслей и идей в новом продукте – театрализованном действии или мизансцене. В этом подходе главным представляется «рефлексия школьника с долей самостоятельности и творчества как результат изучения художественных и исторических текстов по культурной проблематике» [2, с. 7].

В процессе применения деятельностного подхода к изучению культуры внимание акцентируется на деятельности индивида, направленной на создание материальных и духовных ценностей. В данном подходе существует два формата понимания культуры: как процесса творческой деятельности (поскольку не каждый вид человеческой деятельности может быть отнесен к культуре) и как специфического способа человеческой деятельности.

Практика показывает, что учитель испытывает трудности в отборе культурно-исторического материала и его изучения на уроках истории, поскольку школьники получают первоначальные знания о культуре на таких уроках как ОРКСЭ, музыка, изобразительное искусство, литература. Однако в основном эти знания учеников фрагментарны и поверхностны. Следовательно, необходима системность изучения вопросов культуры, целостность ее восприятия. Мы полагаем, что данную проблему можно решить путем использования на уроках истории разнообразных методик, позволяющих задействовать различные способы получения информации учащимися (визуальный, аудиальный, кинестетический), развивать их творческие способности:

- Создание «проблемных ситуаций» в процессе изложения учебного материала.
- Применение таких форм обучения, как лекция, учебная игра, кино-урок; диспут, семинар, виртуальная экскурсия, включая экспозиции, представленные на сайтах музеев мира.
- Использование эффективных методических приемов работы с учебниками, художественной литературой, интернет-ресурсами, анализ исторических документов, учебная исследовательская работа, сочинения, доклады, рефераты, разработка учебных проектов, выполнение работ в программах: MS Word, MS Power Point.
- Применение специфических приемов, например, приема «волшебная палочка», предполагающего «оживление» статуи или превращение в видеоролик статичной картины с последующим описанием полученного результата.

При изучении отдельных тем по культуре используются учебные игры (ролевая, театрализованная, деловая и ретроспективная), которые способствуют развитию познавательного интереса, формированию прочных и глубоких знаний, развивают интеллектуальную и эмоциональную сферу учащихся. Для результативности игры важным является создание учителем своеобразной установки на игру, побуждающей принять в ней активное участие. Игровое состояние складывается из таких факторов, как увлекательность игры, интерес к ее содержанию, целенаправленность совершенных игровых действий, подведение итогов, оценка [4, с. 92].

На уроке истории целесообразно использовать такие способы и формы изложения материала по культуре, которые дают исходные данные, необходимые для «оживления» наглядного материала и усвоения его в виде динамичных картин общественной жизни; ученики с помощью воображения мысленно «оживляют» статичные образы и словестно воспроизводят посредством адекватных приемов изложения.

В старших классах от учителя требуется особый подход к учащимся, позволяющий предоставить возможность охарактеризовать позиции, высказать и аргументировать свою точку зрения по изучаемому материалу. Активный учебный диалог дает возможность получить интересную информацию о проблемах, волнующих школьников, об уровне их знаний по актуальному культурно-историческому вопросу.

При изучении материальной культуры применяются учебные исследования, которые проводятся на материалах музеев, но могут осуществляться и на основе анализа рисунков, картин, фотографий, учебных таблиц и других средств изобразительной наглядности. Также используют-

ся такие виды деятельности, как подготовка учениками докладов и рефератов, написание сочинений, разработка учебно-исследовательских проектов, презентаций.

Компьютерная презентация позволяет учителю истории иллюстрировать изложение учебного материала в ходе урока, предоставляя возможность использовать на уроке изображения памятников культуры, портреты деятелей культуры, видеофрагменты учебных и игровых фильмов по соответствующей тематике. Презентация может выступать, как и продукт индивидуального творчества ученика, который провел научно-исследовательскую работу. В процессе демонстрации презентации ученики приобретают опыт публичных выступлений, который пригодится в дальнейшей жизни.

Таким образом, для продуктивного изучения исторического материала целесообразно применять интегрированный подход, предполагающий включение культурно-исторических сюжетов в общий контекст (социально-политический и экономический) изучения предмета. Современным требованиям отвечают также диалогический, личностно-ориентированный, проектный, эстетический, герменевтический, и деятельностный подходы к изучению истории культуры, которые предоставляют учителю истории возможность сделать урок живым, ярким и интересным.

Разнообразные методические приемы, используемые при изучении вопросов культуры на уроке истории, развивают творческие способности школьников, предоставляют широкие возможности для воспитания личности, стремящейся к самоактуализации и умеющей ценить духовные, материальные богатства общества.

Список источников и литературы

1. Карпов Г. М. Некоторые вопросы культуры и школьный курс истории СССР // Преподавание истории в школе. 1991. № 3. С. 3–17.
2. Короткова М. В. Проблемы изучения культуры в школьном курсе истории: взгляд методиста // Преподавание истории в школе. 2010. № 5. С. 3–7.
3. Косова Г. Р. Изучение вопросов культуры в школьном курсе истории СССР: 7–10 классы. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
4. Кучерук И. В. Учебные игры на уроках истории // Преподавание истории в школе. 1989. № 4. С. 91–99.
5. Рябцев Ю. С. Освещение вопросов русской культуры в школьных учебниках истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2000. № 4. С. 34–38.

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА)

Плотникова Марина Николаевна,
студентка исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

История является главным предметом в формировании мировоззрения учащихся и одним из ведущих в плане эстетического образования и воспитания. Эстетическое воспитание означает не столько расширение художественного кругозора, списка прочитанных книг, просмотренных кинофильмов, услышанных музыкальных произведений, сколько организацию человеческих чувств, духовного роста личности. Как отмечает Г. М. Коджаспирова, эстетическое воспитание рассматривается как выработка и совершенствование в человеке способности к восприятию, правильному пониманию, оценке и созданию прекрасного в жизни и искусстве, активному участию в творчестве, созиданию по законам красоты [1, с. 368].

Однако в школе утвердился иллюстративный подход к изучению произведений изобразительного искусства, которые обычно рассматриваются в отрыве от художественной формы. При таком подходе из поля зрения учащихся исчезает главное, что придает произведению искусства эстетическую ценность – его художественные характеристики. Между тем в произведении искусства идея воплощена специфически художественными средствами, в неразрывном единстве содержания и формы. Важно отметить, что любое выражаемое художником содержание «объективируется теми

или иными материальными средствами и изначально предназначено для передачи «адресату», субъекту восприятия. Этот процесс можно назвать художественной коммуникацией» [2, с. 9].

Формирование эстетической культуры, на наш взгляд, особенно актуально, поскольку здесь заложен важный компонент гармонического развития личности. Человек не только познает действительность в процессах восприятия, памяти, воображения и мышления, но вместе с тем и относится так или иначе к тем или иным фактам жизни, испытывает те или иные чувства по отношению к ним. Такое внутреннее личное отношение имеет своим источником деятельность и общение, в которых оно возникает, изменяется, укрепляется или угасает.

Эстетическая культура школьников включает в себя определенную степень эстетического развития чувств, сознания, поведения и деятельности, а именно:

• эмоционально-чувственную отзывчивость на прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, героическое и пошлое, комическое и трагическое в искусстве, в жизни, в природе и т. д., а также способность управлять своими чувствами;

• знание и понимание сущности эстетического в искусстве и окружающей действительности, художественную грамотность, правильные представления, суждения и убеждения, связанные с эстетическим восприятием;

• овладение культурным наследием прошлого, отношение к современному искусству и чуткость к прогрессивным тенденциям в развитии чувства;

• степень развития творческих способностей, интерес и стремления к эстетическому освоению мира;

• мера причастности к художественному творчеству, практическое участие в создании прекрасного в жизни [3, с. 14–15].

Важность искусства в эстетическом воспитании не вызывает сомнения, т. к. оно является собственно его сутью. Анализ учебной и методической литературы позволил нам выявить следующие объекты художественного воспитания учащихся при изучении истории Древнего мира:

1. Пещерная живопись и ее назначение, мифологическое сознание и представление об окружающем мире древнейших людей.

2. Каменные гробницы, пирамиды древних египтян, особенности их внешнего вида, интерьера и назначения.

3. Письменность и древнеегипетская школа, египетские папирусы, специфика настенной росписи и скульптура.

4. Сказания и мифы Древнего Двуречья, важнейшие клинописные источники (Законы Хаммурапи), таблички.

5. Библейские сказания как исторический источник знаний о жизни сирийских племен.

6. Настенные росписи древних ассирийских божеств, изображение Вавилона.

7. Древнеиндийские сказания «Рамаяна» и «Махабхарата», легенда о Будде, внешний вид индийских храмов.

8. Китайские бамбуковые дощечки с записями преданий, гаданий, изречений, песен и трудов великих китайских ученых.

9. Великая Китайская стена, архитектурные сооружения Древнего Китая.

10. Греческие мифы, поэмы Гомера «Илиада и Одиссея», басни Гесиода, фрагменты законов Солона, предание Геродота, рассказы Плутарха. Рисунки на древнегреческих статуях древнегреческая скульптура как проявление красоты человеческого тела, греческий театр.

11. Легенда о возникновении Рима, почитание богов, легенда о подвиге Муция.

12. Римский скульптурный портрет, изображения Помпея, Цезаря, статуи Октавиана Августа и императора Нерона, Сенека.

13. Древнеримская мозаика, рисунки, игры, гадания.

Далее, на основе структурно-функционального анализа мы выделили главные факты и основные понятия, характеризующие художественную сферу стран античного мира, а также определили их образовательно-воспитательные и развивающие возможности в целях эстетического воспитания пятиклассников. Затем мы подобрали, частично сконструировали серию разноуровневых учебных заданий, сориентированных на закрепление и диагностику основного фактического и теоретического материала.

Среди учебных заданий присутствовали как традиционные – «словарные» и задания на сравнение реальных событий с их изображениями в мифических произведениях, так и задания нетрадиционного типа. Их выполнение заставляет учащихся «вглядываться» в изображения или архитектурные сооружения. Например: «В пещере “Трех братьев” есть странное изображение на скале. На стене в танцевальном движении сидит непонятное существо: полуолень, получеловек на голове рога, на подбородке борода, тут же изображены другие животные со следами ран. Объясните, о чем свидетельствует рисунок художника. Может ли первобытное искусство служить источником наших знаний о жизни первобытных людей? Докажите свое мнение» или же «Рассмотреть в учебнике изображение на древней плитке [5, с. 47]. О чем оно рассказывает? Из чего можно заключить, что на плитке изображен фараон? Что стремился изобразить художник?».

Выделенные нами задания, направленные на воспитание художественных чувств и, следовательно, эстетическое воспитание, могут быть объединены в рамках специализированных уроков, например, повторительно-обобщающих или контрольном.

Эмоционально насыщенный художественный материал уроков истории древнего мира с использованием разноуровневых заданий оставляет глубокий отпечаток в душе ребенка, который в будущем станет основой становления эстетического вкуса, идеала, отношения, переживания, а со временем эстетическое чувство к искусству отложит свой отпечаток и на отношение к жизни.

Список источников и литературы

1. Коджаспирова Г. М. Словарь по педагогике (междисциплинарный). М.: Март, 2015. 448 с.
2. Басин Е. Я., Крутоус В. П. Философская эстетика и психология искусства. М.: Гардарики, 2007. 287 с.
3. Ильина Е. Воспитание искусством // Искусство в школе. 2009. № 1. С. 13–15.
4. Вигасин А. А., Годер Г. И., Свенцицкая И. С. История Древнего мира. 5 класс. 7-е изд. М., 2017. 303 с.

ЦЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

***Сагитова Надия Нурулловна**,*
учитель МКОУ «СОШ с. Солянка»,
с. Солянка, Астраханская обл.,
***Кучерук Ирина Владимировна**,*
доктор культурологии, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

В современном школьном образовании социально-гуманитарная функция является одной из важнейших, что особо подчеркивается в материалах ФГОС второго поколения. Она имеет главную цель: сформировать российскую гражданскую идентичность школьников, их ценностные ориентиры. Становление и развитие исторического сознания неразрывно связано с этим процессом. Поэтому возрастает роль истории, благодаря которой обучающиеся получают возможность осознать историю своей страны, города, поселка. Однако в настоящее время в преподавании современной истории внимание уделяется не только глобальным вопросам – социальным, политическим, экономическим – обращение идет к самой жизни человека, его образу жизни, нравственным и духовным ценностям. В связи с этим в современных школьных учебниках появляются параграфы, посвященные истории повседневности.

История повседневности является относительно новой отраслью исторического познания. Помимо основных сфер общественной жизни, важной задачей исторической науки становится и изучение самого человека, образа жизни и причин его изменения. Начиная со второй половины XX в., данная тема привлекает внимание западных ученых, отечественных же ученых – с середины 80-х гг. XX в., когда в альманахе «Одиссей» были напечатаны работы Г. С. Кнабе, А. Я. Гуревича, Г. И. Зверевой, ставшие первой попыткой теоретического осмысления категории «повседневность».

Отечественными исследователями история повседневности понимается как «отрасль исторического знания, предмет изучения которой – сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах». В истории повседневности на первый план выходит реальность, которая «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [5]. Именно исходя из вышеизложенного, история повседневности определяется и как «система практических знаний,

включающая в себя знание норм поведения и общепринятого в данной социокультуре порядка действий в той или иной ситуации, для достижения той или иной цели» [1].

Предметом изучения истории повседневности является человеческая обыденность в различных контекстах: политико-событийном, этническом, конфессиональном, историко-культурном и т. д. В центре изучения истории повседневности находятся жизненные явления, образы жизни различных слоев населения. Однако ключевым фактом в определении «повседневности» является регулярно повторяемое, в т. ч. ритуалы, традиции, поведенческие практики.

Н. В. Пушкарева и С. В. Любичанковский в качестве содержательных линий повседневности выделяют следующие аспекты:

- мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира, т. е. событийная область публичной повседневности;
- разнообразные ситуации домашней жизни (частной, личной), «человеческий быт» в широком смысле данного словосочетания;
- эмоциональная сторона явлений и событий, переживание отдельными людьми и группами людей обыденных фактов и бытовых обстоятельств;
- праздники, т. е. небудничность в обыденной жизни людей, при условии, что они не превращены в рутину;
- жизнь людей, их образ жизни, которые являются необычными для их периода жизни;
- различные способы и формы отдыха, которые являются оппозицией обыденному труду, работе [6, с. 9].

Однако, как показывает анализ современных школьных учебников, изучению истории повседневности уделяется незначительное внимание [7, с. 103]. Между тем, изучение истории повседневной жизни людей позволяет установить взаимосвязь между сферами жизни общества, отразить традиции, обычаи различных слоев населения. Обучающиеся получают возможность ознакомиться с историческим процессом, сформировать умения работы с такими историческими источниками как мемуары, дневники, письма, воспоминания. При изучении истории повседневности школьники могут реализовывать взаимосвязанные исследовательские проекты,нацеленные на решение общей научной проблемы. Для этого необходимо включать в работу на уроках истории различного вида игры, работу с документами, чтобы школьники могли погрузиться в определенный исторический период. Благодаря этому обучающиеся получают возможность оценить собственную обыденную жизнь, понять ее важность и неповторимость.

Список источников и литературы

1. Гатаева Б. Т. Концепции повседневности в зарубежной культурологии // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии / науч. ред. А. С. Колесников. 2004. URL: http://anthropology.ru/ru/text/gataeva-bt/koncepcii-povsednevnosti-v-zarubezhnoy-kulturologii.
2. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
3. Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблема саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996.
4. Кнабе Г. С. Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1993.
5. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности. URL: http://www.tambovdem.ru/thesises.php?id=gender1.pushkareva#fn1.
6. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1, Т. 4. С. 6–14.
7. Сагитова Н. Н. История повседневности в современных школьных учебниках // Инновации и перспективы современной науки. Исторические, социогуманитарные и философские науки / сост.: А. О. Тюрин, Д. А. Черничкин. Астрахань: Астраханский ун-т, 2018. С. 102.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам Астраханских Петровских чтений 3

Тимофеева Е. Г.
Основание первого университета в Астрахани: страницы истории (1918–1922 гг.) 4

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ СТРАН ПРИКАСПИЯ

Альмухамедова Д. С.
Система управления среднеазиатских окраин Российской империи в начале XX в. 13
Антипова А. В.
Этнос Астраханского края 16
Батыров В. В.
Хозяйственные обряды у калмыков, направленные на увеличение скота,
в контексте традиционной борьбы в XIX в. 18
Бегжанова С. Л.
Астраханская школа в первые годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) 23
Безбородова Ю. Н., Рослякова О. Б.
Влияние «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь горожан в 1917 г.
(на материалах г. Астрахани) 25
Великая С. А.
Перспективы развития трансграничья в Астраханской области:
теоретический аспект проблемы 27
Волкова Е. В., Кучерук И. В.
Специфика региональной политики в отношении РПЦ в 1920–1930-е гг.
(на материалах Астраханского региона) 29
Воронова А. А.
Условия быта рабочих судостроительной и судоремонтной промышленности
в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. 32
Гиматдинова А. Р.
Становление и развитие производственной ловецкой кооперации
в Астраханском крае в 1923–1929 гг. 35
Девяткина О. А.
Рыбная отрасль Астраханской губернии в период военного коммунизма 39
Канатьева Н. С.
Кавказские / кубанские и астраханские молокане: общее и частное 41
Коляганов В. А.
О становлении высшей школы в Астраханском крае: астраханские вузы в 1930-е гг. 44
Кудряшова Е. В., Дрягалов В. С., Черничкин Д. А., Рогов А. В.
Социокультурный анализ виртуальной религиозной активности студентов
Астраханского государственного университета 48
Кудряшова Ю. А.
Особенности школьного и высшего образования в Казахстане в конце XX – начале XXI в. 51
Кузьмина И. В.
Подготовка кадров для строительной отрасли
в Астраханском инженерно-строительном институте (1990-е – начало 2000-х гг.) 55
Курапов А. А.
Петровское общество исследователей Астраханского края –
региональный научный центр XIX – начала XX в. 57
Марисова Н. Д.
«Распятие» В. Хлебникова в иллюстративно-графическом прочтении
художника Калмыкии С. Ботиева (мировидение художников края реки и степи) 59
Марыксин Д. В.
Пригородный мусульманский некрополь городища Жалпактал 63
Меретина Д. В., Кучерук И. В.
Этнокультурные стереотипы, герои, исторические смыслы
и стилистика астраханских мифов и легенд 72

Михнова Т. В.
«Об укреплении связи высшей школы с жизнью»:
астраханские вузы в период хрущевской «оттепели» 75
Мухина И. И.
Духовные особенности жизнедеятельности индийской колонии в Астрахани в XVII–XVIII вв. 78
Рослякова О. Б.
Астраханские полицейские структуры в первые годы XX в. 81
Пирова Р. Н.
Вопрос о персидском кладбище в Астрахани в начале XIX в. 84
Романова А. П., Топчиев М. С.
Трансформация религиозной идентичности на постсоветском пространстве Прикаспия 86
Сиражетдинов Ш. К.
История татарского села Новые Булгары 89
Солельщикова С. Н.
Традиционный русский свадебный обряд жителей Нижнего Поволжья 91
Сызранов А. В.
Этноконфессиональные и этнокультурные традиции астраханских азербайджанцев 92
Суханова Р. Б.
Социальное положение провинциальной интеллигенции
в годы НЭПа (на материалах Астраханской губернии) 96
Тюрин А. О., Лебедев С. В.
Ликвидация неграмотности в городах Нижневолжского региона в конце 1920-х – 1930-е гг. 100
Федина К. С.
К вопросу о радиофикации Нижнего Поволжья в период 1945–1953 гг. 103
Хайрлапова М. М.
Отмена акциза на соль в контексте социально-экономического развития
Астраханской губернии во второй половине XIX в. 107
Чемоданова Т. В., Корниенко Е. Г.
От садовой школы до колледжа Астраханского государственного университета 110
Черник М. В.
Особенности подготовки российским правительством проектов
судебного устройства Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. 112
Шустовская А. В.
Санитарно-гигиеническое состояние Астрахани в годы гражданской войны 118

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПРИКАСПИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Акмаева Р. И., Маркелов К. А.
О прогнозировании рынка труда специалистов в инновационной экономике 122
Викторов А. Г.
Инвестиционная привлекательность Астраханской области на современном этапе 126
Григорян Л. Н., Батаева Ю. В., Андреева Е. Д., Закарьяева Д. Х., Тураева З. О. кизи
Изучение компонентного состава метаболитов бактерии
Nocardiopsis sp. – перспективных элементов агробиотехнологии 128
Кондратьев В. В.
Международный транспортный коридор «Север – Юг»: история и перспективы 131
Кондратенко Е. И., Яковенкова Л. А.
Анализ фактического питания студентов различных социальных групп 135
Кондратенко Е. И., Настинова Г. Э., Андреева А. Б., Коваленко Н. В., Тиемова Ж. А.
Здоровьесберегающий потенциал традиционной культуры питания
народов Северного Прикаспия 140
Мамедова А. С.
Системный и многофункциональный характер сотрудничества между Баку и Астраханью 144
Мамедова А. С.
Формирование уникальной интеллектуальной площадки
для любителей русского языка фондом «Русский мир» в Азербайджане 146

Минева О. К., Каширская Л. В., Минев В. С.
Изменение индекса человеческого потенциала населения
стран Прикаспия в последнее десятилетие 148
Сапрыко Д. У.
Основные геоэкологические проблемы Прикаспия 150
Смирнова Д. Ш.
Менеджмент качества жизни населения прикаспийских государств:
подходы к оценке проблемы и перспективы 153
Усачева Л. В.
Анализ динамики основных показателей, характеризующих состояние
профессионального образования некоторых стран Прикаспия 156
Ушивцева Л. Ф., Шарова О. А.
Экологические проблемы нефтегазовой отрасли астраханского Прикаспия 159

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Антропов О. К., Грязев А. Е.
Сменовеховский проект как альтернатива коммунистической
и либеральной модели развития России – СССР в 1920–1930-е гг. 163
Антропов О. К., Грязев А. Е.
Геополитическая концепция Н. В. Устрялова 167
Антропов О. К., Грязев А. Е.
Н. В. Устрялов о судьбе социализма в РОССИИ – СССР
и будущем правящей коммунистической партии 171
Арстанова Р. Ш.
Театр и статус актера в древнеримском обществе 173
Блохин Д. Г.
К вопросу о концептуализации понятия «идейная группа» 176
Бондарева Е. С.
Художественная литература как источник повседневной культуры Древнего Рима 178
Вдовина Е. И., Рослякова О. Б.
Кодекс чести казака как элемент регламентации внутреннего бытия казачества 181
Гагин И. А.
Борьба булгарского Эльтебера Алмуша за выход из протектората Хазарского каганата 183
Глазков А. П.
Генетический метод А. А. Дмитриевского и исследование философии
и теологии патристики 186
Годенов В. К.
Будущее России в работах и мировоззрении Н. Я. Данилевского и В. С. Соловьева 188
Гусев С. И.
Богословие в красках как торжество православия 192
Жукова А. В.
Взаимоотношения советского государства и русской православной церкви
в 1917–1940 гг. (на материалах Астраханского региона) 197
Измайлова Г. Н.
Изучение процесса образования Букеевской орды
в дореволюционной востоковедческой историографии 200
Искалиев А. К.
Ирландский вопрос на страницах журнала «Вестник Европы» 203
Мазнова С. В.
Реформы государственной промышленности в 1921–1922 гг. и их результаты 205
Надинов Р. Е.
Социально-бытовые проблемы студентов из Китая,
обучающихся в высших учебных заведениях России 209
Пилипцов И. Н.
Рацион городского населения Нижнего Поволжья в годы Первой мировой войны 211

Рыблова М. А., Когитина А. В.
Старые девы в донской казачьей семье и общине в XIX – начале XX в. 213
Топчиев М. С.
Свой – Чужой: православный ландшафт в Китае....216
Топчиев М. С., Дрягалов В. С., Черничкин Д. А., Рогов А. В.
Исследование ценностных установок прорелигиозного студенчества
(по результатам социологического опроса)....219
Тюрин А. М.
Лакуна среднего бронзового века в регионе
от Северо-Восточного Прикаспия до Южной Сибири....222
Тюрин А. М.
Рогатые булавки раннего бронзового века как инструменты для вязания шнура 226
Холова Л. А.
Трансформация этнической идентичности на постсоветском пространстве 228
Чуканов С. Н., Рослякова О. Б.
Провинциальная пресса о подготовке к Первой мировой войне
(по материалам астраханской прессы)....230
Шельдешова Ю. В.
Семантика «трехрогой» короны 233
Шлянцева О. С.
Советская внешняя политика в Восточной Европе во второй половине 1940-х гг. 238

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

Кочукова Д. И., Кучерук И. В.
Особенности организации внеурочной работы по истории в современной школе....241
Крестобинцева Т. А., Кучерук И. В.
Методические условия эффективного применения
картографического материала на уроках истории в современной школе 243
Мирзоев Р. Ю., Кучерук И. В.
Репрезентация истории российского Военно-морского флота
на страницах школьных учебников 244
Никитина А. В., Кучерук И. В.
Методические стратегии изучения вопросов культуры в современной российской школе....247
Плотникова М. Н., Кучерук И. В.
Особенности эстетического воспитания на уроках истории
в современной школе (на материале истории Древнего мира)....249
Сагитова Н. Н., Кучерук И. В.
Цели изучения истории повседневности в школьном образовании....251

АСТРАХАНСКИЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
«Устойчивое развитие Каспийского региона:
экологические, экономические, социальные аспекты
(к 100-летию образования
первого университета в Астрахани)»

13–14 декабря 2018 г.

Публикуются в авторской редакции

Компьютерная правка, вёрстка
С. Н. Лычагиной, Н. П. Туркиной

Заказ № 3967. Тираж 30 экз.
Уч.-изд. л. 26,8. Усл. печ. л. 37,5.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
тел. (8512) 24-64-95 (отдел планирования и реализации), 24-68-37
E-mail: asupress@yandex.ru